

ГАВРИЛО ПРИНЦИП

Евгений
Матюнин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Пожалуй, ни одно политическое убийство не имело такого исторического резонанса, как выстрелы, прозвучавшие 28 июня 1914 года в Сараеве. Уже более века ведутся споры вокруг произведшего их гимназиста Гаврилы Принципа. Одни считают его героем, идейным борцом за освобождение южных славян от иноземного гнета; другие — человеком-детонатором, приведшим к катастрофе Первой мировой войны; третьи — банальной убийцей, страдавшим комплексом неполноценности, недалеким недоучкой, которого использовали могущественные силы. Какое отношение к покушению на наследника австрийского престола имели власти Сербии и русские эсеры? Имелся ли в сараевском убийстве масонский след? Почему имя Принципа прозвучало в 1937 году на сталинском политическом процессе против троцкистов? Как мемориальная доска с места покушения оказалась у Гитлера?

Ответы на эти вопросы дает Евгений Матонин в первой полной биографии Гаврилы Принципа на русском языке, написанной на основе документальных материалов и приоткрывающей завесу «тайны века».

[Адаптировано для AIReader]

-
- [Евгений Матонин](#)

-
-
- [Предисловие](#)
- [БОСНИЙСКИЕ ПРИНЦИПЫ](#)
- [ПРЕДЧУВСТВИЯ](#)
- [ГАВРО — ГАВРОШ](#)
- [«МОЛОДАЯ БОСНИЯ»](#)
- [ВЫБОР ЦЕЛИ](#)
- [«ПОРА ЕХАТЬ В САРАЕВО»](#)
- [«Я ДАМ ТЕБЕ РЕВОЛЬВЕР»](#)
- [ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ В САРАЕВЕ](#)
- [«ЗА СПИНОЙ ПРИНЦИПА»](#)
- [СЛЕДСТВИЕ И СУД](#)
- [«ЖИВУ И НИКАК НЕ МОГУ УМЕРЕТЬ»](#)
- [ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

-
-
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)

- [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1826

(1626)

Евгений Матонин

**ГАВРИЛО ПРИНЦИП:
ЧЕЛОВЕК-ДЕТОНАТОР**

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Матонин Е. В., 2017

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2017

*Вы, русские, о нас знаете мало.
Гораздо меньше, чем мы о вас.*

*Владимир Гачинович, один из
основателей организации
«Молодая Босния»*

Предисловие **«МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ»**

Действительно, место их встречи уже не изменишь. Она состоялась 28 июня 1914 года примерно в 10 часов 50 минут утра в Сараеве, главном городе Боснии и Герцеговины, тогдашней провинции Австро-Венгерской империи, на углу набережной Аппеля^[1] и улицы Франца Иосифа.

Вероятность того, что наследник престола Австро-Венгерской империи Франц Фердинанд Карл Людвиг Иосиф фон Габсбург эрцгерцог д'Эсте когда-нибудь повстречается с родившимся в глухом боснийском селе крестьянским сыном Гаврилой Принципом, фактически равнялась нулю. Однако история может выкидывать и не такие штуки. Она и свела их на злополучном сараевском углу.

Есть, впрочем, в этом роковом свидании некая мистика. Наследник императорского престола и крестьянский сын, эрцгерцог и гимназист-недоучка были чем-то похожи друг на друга.

Оба отличались трудным характером. Оба не любили шумного общества, слыли нелюдимыми и скрытными. Оба были настоящими фанатами своих любимых занятий: Франц Фердинанд до безумия обожал сады, корабли и охоту, а Принцип сходил с ума по книгам и литературе. У обоих были слабые легкие, отмечался туберкулезный процесс, и это время от времени наводило их на мрачные размышления о своем будущем. У обоих имелись планы «перестройки» того государства, в котором они жили. Наконец, оба ушли из жизни явно преждевременно.

И всё-таки в этой истории Франц Фердинанд был жертвой, а Принцип — убийцей.

...Как ни странно, но если бы не события в Сараеве, будущее Франца Фердинанда было бы куда более предсказуемо, чем будущее Принципа. Он наверняка стал бы императором Австро-Венгрии, хорошим или плохим. Что принесло бы его правление многонациональной империи — другой вопрос, но престол он занял бы наверняка.

А вот судьба, ожидавшая Принципа, не сделай он роковых выстрелов, представляется загадкой. Что получилось бы из него, если бы он не стал «человеком-детонатором», вызвавшим «дух мировой войны»? Знали бы мы о нем в этом случае? И каким бы мы его знали?

Это, конечно, риторические вопросы. Множество исторических событий, обстоятельств, совпадений и просто невероятных случайностей привели к тому, чего не должно было быть никогда, — к их встрече в Сараеве.

Сто лет спустя, в 2014 году, когда в Сараеве готовились отмечать печальный юбилей тех событий, на угловом доме, у которого всё и произошло, повесили огромный баннер с портретом Принципа и надписью: «Улица, на которой начался XX век».

Множество людей в истории осмеливались поднять руку на коронованных и государственных особ. Они были разные — убежденные революционеры, наивные идеалисты, обиженные неудачники, странные и не совсем нормальные типы, просто психи и даже полицейские провокаторы. Кто-то совершал покушение по собственной воле, кто-то — от имени организации. Кто-то потом раскаивался, а кто-то умирал на эшафоте с гордым молчанием или возгласом «Да здравствует революция!».

Но Принцип занимает среди них особое место. Это и понятно: за его выстрелами последовала одна из самых кровавых и разрушительных войн в истории человечества. Ему суждено навсегда остаться в истории зловещим символом начала Первой мировой войны, ее детонатором. Что уж говорить, незавидная роль. Попробуй тут что-то объяснить или тем более оправдаться. Неудивительно, что и сегодня — через сотню с лишним лет после сараевского покушения — к нему относятся по-разному.

Двадцать восьмого июня 2014 года в Белграде, рядом со зданием правительства Сербии, ему открыли памятник. Присутствовавший на церемонии президент страны Томислав Николич категорично заявил: «Гаврило Принцип был героем, он был символом идеи освобождения. Другие могут думать, что хотят».

Примерно в те же дни в Вене в разговоре с автором этой книги внук Франца Фердинанда герцог Георг фон Гогенберг заметил не менее категорично: «Для меня Принцип просто банальный убийца. Убийца, и точка. А другие могут думать, что хотят».

Автор попытался не столько оценивать поступки героя — на это у каждого есть право и свои основания, — сколько объяснить мотивацию его действий. Ведь чем дальше от нас события 1914 года, тем больше распространяется мнение о несчастном «маленьком гимназисте», бедном, хилом, больном, обиженном на весь мир и страдавшем комплексом неполноценности из-за небольшого роста, — словом, о недалеком недоучке, которого использовали некие могущественные силы. Одна из многочисленных современных публикаций утверждает: «Гаврило Принцип умер, не оставив после себя никаких свидетельств, записок, воспоминаний. Да и не верится, что был он в состоянии осознать то, что натворил, или понять, чью злую волю выполнял, не подозревая того,

что его поступки были кем-то и продуманы заранее, и просчитаны, и запрограммированы. О чем говорить — мальчику только-только исполнилось 17 лет (на самом деле в момент покушения ему было почти двадцать. — *Е. М.)*».

Конечно, он не мог предполагать, что его выстрелы приведут к мировой войне, но прекрасно понимал, что делал и на что шел. Покушение на наследника престола, эрцгерцога Франца Фердинанда, соответствовало — такой вот каламбур — принципам Принципа.

Эти самые принципы и привели его на двадцатом году жизни на угол набережной Аппеля и улицы Франца Иосифа и навсегда превратили в «человека-детонатора».

БОСНИЙСКИЕ ПРИНЦИПЫ

«*Il Principe Bosniaco*»

Село Обляй, в котором родился Гаврило Принцип, находится на северо-западе Боснии и Герцеговины. Обычное по местным меркам, маленькое, но очень живописное сербское село. Если вы окажетесь в Обляе, вам обязательно покажут дом, в котором появился на свет главный герой этой книги (хотя, конечно, он уже не раз перестраивался и от настоящего дома Принципа в нем остался разве что фундамент), а еще подлинную историческую реликвию — камень во дворе.

Если внимательно присмотреться, то можно увидеть на нем буквы «Г» и «П» и дату — «1909». Считается, что их нацарапал сам Принцип, когда в означенном году приезжал к родителям на каникулы. Раньше их подкрашивали, чтобы лучше было видно, но теперь остались одни царапины.

Но как же здесь появились люди с такой необычной для здешних мест фамилией — Принцип?

Земли, входящие в состав Боснии и Герцеговины, большую часть своей истории находились в зависимости от могущественных соседей — Сербского царства (кстати, в XIV веке оно было самым сильным государством Балканского полуострова), Византии, Венгерского королевства. Лишь в октябре 1377 года боснийский бан (правитель) Твртко Котроманич провозгласил себя королем Боснии Стефаном Твртко I и объявил ее независимость от Венгрии. Позже он принял также титул короля Хорватии и Далмации и претендовал на звание короля всех сербов. При нем

Босния превратилась в мощное государство, но совсем ненадолго. С Востока уже подходили грозные завоеватели — турки-османы. 15 июня 1389 года по юлианскому календарю^[2] их войска под командованием султана Мурада I разбили армию балканских союзников во главе с сербами в знаменитой битве на Косовом поле, в которой против турок сражался и большой отряд боснийцев, отправленных Твртко.

Король Боснии умер в мае 1391 года в возрасте пятидесяти трех лет, и после его смерти страна стала стремительно разваливаться. Члены королевской семьи вели междоусобные войны, чем существенно облегчили туркам завоевание страны. В 1463 году под власть османов попала Босния, а в 1482-м — и Герцеговина^[3].

Турки установили на этих территориях жесткую, фактически военную систему управления. Но в ней существовала одна важная особенность: завоеватели не отделяли себя от покоренных славян по национальному признаку — главным было вероисповедание. До завоевания большинство здешних жителей были христианами — православными, католиками или приверженцами богомилства — религиозного течения, которое и в православии, и в католичестве считалось ересью. Теперь же славянин, принявший ислам, получал почти те же права и привилегии, которыми обладали сами османы, например освобождение от налогов или право на государственную службу. Большая часть боснийской знати стала мусульманами добровольно. Переходили в ислам и городское население, и крестьяне. Далек не всегда этот процесс проходил мирно, но турки довольно умело использовали принцип кнута и пряника.

Постепенно в югославянских землях, а особенно в Боснии и Герцеговине, сложился весьма необычный этнос — славяне-мусульмане, говорившие на

сербскохорватском языке, в который всё больше «вживались» турецкие слова. Им давали мусульманские имена — Али, Мехмет, Мурад, Харис, Эмир, а в фамилиях и сегодня чувствуются как «восточные», так и славянские корни — Ибрагимович, Селимович, Силайджич, Хаджич и т. д.

Нередко представители славян-мусульман (их еще называли «потурченцы») делали успешную карьеру в Османской империи и занимали высокие посты в системе государственного управления. Уже в XVI веке девять выходцев из Боснии дослужились до должности великого визиря — главного султанского министра. Кстати, среди великих визирей были и сербы, и хорваты, и греки, и албанцы, и армяне, и грузины. Прославился, например, серб из герцеговинского села Соколовичи Байица-Байо Ненадич, оставшийся в истории под именем Мехмет-паши Соколовича (Соколлу). Он, в частности, приказал построить мост через реку Дрину в городе Вышеград, считающийся сегодня памятником архитектуры всемирного значения. Он описан в романе югославского писателя Иво Андрича^[4] «Мост на Дрине».

...Турки требовали от завоеванных ими славян покорности, лояльности, своевременной уплаты налогов и выполнения других повинностей, но почти не вмешивались в их повседневную жизнь. Так что многие из них смогли сохранить и свою веру, и свои обычаи. За 400 лет турецкого владычества православные сербы и католики-хорваты в Боснии, в общем-то, приспособились к установленным османами порядкам, хотя, безусловно, чувствовали себя гражданами второго сорта.

Не раз в Боснии и Герцеговине вспыхивали восстания против турок. Последнее началось летом 1875 года. Его участников поддержали оружием и

добровольцами Сербия и Черногория. Восстание привело к объявлению Сербией и Черногорией войны Турции. Затем началось и восстание в Болгарии. Все эти события и зверства турецких войск на Балканах серьезно обеспокоили европейские державы. Они пытались убедить турок улучшить положение христианского населения, но из этого ничего не вышло. Тогда в апреле 1877 года Россия объявила Турции войну.

Эта война закончилась полным поражением Турции. На Берлинском конгрессе в июне — июле 1878 года Сербия и Черногория получили независимость (раньше они считались автономными княжествами в составе Османской империи), Болгария — статус автономного княжества, а Австро-Венгрия^[5] добилась права на оккупацию Боснии и Герцеговины.

Интересно, что операцией по оккупации Боснии (в ней участвовали более 150 тысяч солдат и офицеров) руководили австро-венгерские генералы-хорваты — Йозеф Филиппович фон Филиппсберг и Стефан Йованович. Им пришлось столкнуться с серьезным сопротивлением боснийских турок и славян-мусульман. Австро-венгерские войска взяли Сараево только после ожесточенного штурма в августе 1878 года, а партизанская война в Боснии продолжалась еще несколько месяцев. Де-факто Босния и Герцеговина оказалась под властью Австро-Венгрии, хотя де-юре она еще почти 30 лет считалась частью Османской империи.

Все эти события самым непосредственным образом повлияли на жизнь предков Гаврилы Принципа.

До сих пор нет точного ответа на вопрос, откуда у них эта странная фамилия — Принцип. Похожих слов нет ни в сербскохорватском, ни в турецком языке. Известно, что предки Гаврилы вели свое

происхождение из местечка Грахово в Черногории и носили фамилию Йовичевичи. Оттуда в начале XVIII века они переселились в село Полача в Далмации, в семи километрах от города Книн.

Вскоре Йовичевичи начали называть себя Чека. Дело в том, что они поступили на турецкую службу (как видим, на нее брали и христиан) по патрулированию пограничных с Австрией районов. В их обязанности входила и борьба с разного рода контрабандистами, разбойниками и прочими криминальными элементами, которые вели незаконный бизнес в приграничных районах.

Пограничники устраивали засады на горных и лесных тропах, по которым перевозился контрабандный товар. Ждать эти караваны часто приходилось долго, иногда по несколько дней. «Ждать» — по-сербски «чекати». Так что и фамилия Чека, скорее всего, произошла от их профессиональных обязанностей.

В начале XIX века они перебрались в село Обляй. Интересно, что в 2014 году, когда автор этой книги побывал в нем, там жили люди как с фамилией Принцип, так и с фамилией Чека. Принципы тогда общаться отказались, а вот с одной семьей Чека удалось встретиться.

Мелкий предприниматель Драган Чека рассказал, что он с женой и детьми вернулся в Обляй совсем недавно. В 1995 году, во время гражданской войны в бывшей Югославии, они, как и большинство сербов, бежали из села от наступавшей хорватской армии. После возвращения они постепенно обустроивались.

Дом Драгана — на той же улице, буквально в нескольких десятках метров от места, где когда-то родился Гаврило Принцип. «Вообще-то, — говорил Драган, — мы все здесь в каком-то смысле родственники, хотя и дальние. А Гаврило — самый знаменитый из нашего рода. Я и сейчас считаю, что он

настоящий герой, гордость всех сербов. Если бы это зависело от меня, я бы ему памятник в селе поставил».

Считается, что фамилия Принцип впервые появилась именно в Обляе. Вроде бы первым так начали называть Тодора Чеку. Это был высокий и могучий человек, которого ценили и уважали турецкая знать и турецкие чиновники за то, что он не раз отличался на службе по охране границы. А когда обстановка на границе была спокойной, он занимался торговлей. На своем белом коне Тодор скакал в Далмацию, гонял туда своих овец и волов, а домой привозил красное вино. Вино он очень любил, но когда выпивал, приходил в такую ярость, что был готов избить каждого, кто подвернулся бы под руку.

Почему же он получил прозвище Принцип? Якобы в Далмации, куда ездил Тодор и где многие говорили по-итальянски, его за рост, гордую осанку и силу называли «первым человеком в Боснии» — «Il Principe Bosniaco». Еще один вариант перевода — «князь (принц) из Боснии». По другой версии, хитрый Тодор сам называл себя князем, а далматинцы ему верили. Так или иначе, легенда гласит, что тогда-то и появились в Боснии Принципы.

В 1877 году, во время антитурецкого восстания в Боснии и Герцеговине, в отрядах повстанцев побывал корреспондент британской газеты «Манчестер гардиан» Артур Эванс — будущий знаменитый археолог, организовавший раскопки на Крите и обнаруживший, что у древних жителей этого острова существовала иероглифическая письменность. А тогда Эванс описывал боснийских повстанцев, которые жили, по его словам, в условиях «племенного коммунизма».

«Я был очень удивлен настоящим парламентским искусством, которое проявляли эти обычные, увешанные оружием крестьяне, когда они собирались для обсуждения своих проблем... — писал он. — Я не

верю, что группа английских крестьян могла бы так же обсуждать свои насущные вопросы. Правда, эти люди не умеют читать и писать, но в своем роде они весьма образованны, и у них существует своя собственная цивилизация... Здесь каждый мужчина может построить себе дом, хотя и, по правде говоря, без особых архитектурных изысков, а каждая женщина может сшить себе одежду».

Повстанцы принимали англичан с почестями, преподнесли им дорогие подарки, угощали жареной ягнатиной и густым далматинским вином и пели для них народные песни под гусли. Потом они сыграли с гостями в... футбол. «Мячом служила шапка одного из партизан, — писал Эванс, — в игре не было четких правил, но всё-таки это был футбол».

Эванс побывал также по другую сторону границы — на австрийской территории, где находились лагеря для беженцев из Боснии. По некоторым данным, в них насчитывалось не менее двенадцати тысяч человек, в основном женщины и дети, которые спасались от мести турок. Бежали тогда в Австрию и женщины с детьми из семьи Принципа, а мужчины в это время сражались в рядах повстанцев. Возможно, во время поездок по Боснии Эванс встречался с предками Гаврилы Принципа — во всяком случае, бывал в тех отрядах, в которых они воевали.

В восстании участвовали, например, дед Принципа Йово со своим братом Тодо. Тодо даже попал в плен к туркам — его заковали в цепи, но по какой-то причине не казнили, как многих других «бунтовщиков». Может быть, за прежние заслуги перед Османской империей? (Принципы считались одними из лучших пограничников в округе.) Воевал в одном из отрядов повстанцев и отец Гаврилы Принципа Петар. После поражения восстания Йово и Петар тоже бежали в Австрию, но когда Босния и

Герцеговина была оккупирована австрийскими войсками, вернулись в свое село.

В Обляе они построили новый дом — старый сгорел во время восстания. Это был типичный дом бедных боснийских крестьян. Его основание выложили из камня, а верхнюю часть стен и крышу возвели из дерева. Окна вместо стекол закрыли бумагой. Дверные проемы в таких домах обычно делали такими низкими, что входящему волей-неволей приходилось кланяться хозяевам. Внутри всегда было холодно, сумрачно и дымно. Полom служила хорошо утоптанная земля, а дым от очага уходил через отверстие в крыше.

Тодо Принцип, освобожденный из плена, снова стал пограничником — только уже на австро-венгерской службе. Илия, дядя будущего убийцы эрцгерцога, служил жандармом. Кстати, до самых выстрелов в Сараеве в семье Принцип существовала традиция — один из мужчин обязательно должен идти в жандармы.

Дед Йово таинственно погиб зимой 1881 года во время охоты на гусей и уток. Поговаривали, что его нарочно застрелил австриец, начальник местной управы, но это были только слухи. Причины и обстоятельства смерти Йово так и остались невыясненными. После его гибели главным в семье стал Петар, или Пепо, как его называли в селе.

В отличие от могучего Йово тридцатилетний Петар, по описаниям современников, был невысоким, худым, добродушным и тихим. Он не пил и не ругался, а в свободное от работы время сажал деревья вдоль дороги из Обляя в столицу местной общины Босанско-Грахово и отличался такой набожностью, что односельчане над ним посмеивались, а иногда и отпускали в его адрес крепкие и не очень приличные крестьянские шутки.

По местным меркам Петар женился очень поздно — в 31 год. Его жена Мария, на 14 лет моложе, была родом

из соседнего села Малый Обляй, из богатой семьи Мичич. Все почему-то называли ее Нана. Крупная, энергичная, сильная, уверенная в себе, с громким голосом, она казалась полной противоположностью мужу. К тому же она пела, «как соловей», и была довольно равнодушна к религии.

Семья Принцип занималась земледелием, но оно почти не приносило дохода. Они арендовали землю у крупного землевладельца-мусульманина бега^[6] Сиерчича — и по закону должны были отдавать ему за это «хак»: треть урожая и половину укоса (а еще они платили десятипроцентный подоходный налог государству). Но Сиерчич, живший на другом конце Боснии, требовал, чтобы «хак» ему выплачивали деньгами. Поэтому Принципам приходилось еще ломать головы над тем, как реализовать свой урожай кукурузы или овса, чтобы получить деньги, которые нужно было отсылать бегу. Всё это, конечно, осложняло их и без того нелегкую жизнь.

Принципы были вынуждены искать другие источники доходов. Петар подрабатывал почтальоном и помогал местным торговцам перевозить различные товары. Почтальоном он был хорошим. Рассказывали, что зимой, когда повозка с почтой не могла проехать по глубокому снегу, он взваливал мешки с письмами весом по 30 килограммов на спину и разносил их пешком.

25 (13) июля 1894 года у Петара и Марии родился мальчик, которому и суждено было стать тем самым, известным всему миру Гаврилой Принципом.

«Я всегда был тихим и сентиментальным ребенком...»

В тот день Петар ушел из дома по делам очень рано, а Мария занималась хозяйством — собирала сено, доила

корову, стирала белье, таскала мешки, а заодно и сына родила. Когда Петар вернулся домой, он с удивлением увидел толпу радостных родственников, которые пили ракию — самогонку из винограда, слив или абрикосов — за здоровье новорожденного. Они тут же налили отцу и поздравили его с рождением сына. Петар хотя и не пил, на этот раз не смог отказаться.

Еще одна интересная подробность. В селах старались как можно быстрее окрестить новорожденных. Ведь тогда младенцы часто умирали, прожив всего лишь несколько дней или даже часов. Эти смерти никого не удивляли — они были почти обычным явлением. И Принципы знали об этом не понаслышке. Это был уже четвертый ребенок в их семье, но из троих старших выжил только один. Всего у Петара и Марии родилось девять детей — пять сыновей и четыре дочери, но шестеро умерли. В живых остались только старший сын Йово, младший Никола и средний, о котором и идет наш рассказ. Пока многочисленные родственники праздновали рождение маленького Принципа, один из них уже спешил в соседнее село за священником. Вдруг младенец умрет? Ведь если он уйдет из жизни некрещеным, его не смогут похоронить на сельском православном кладбище и его душа никогда не окажется в раю.

Срочно вызванный священник Илия Билбия окрестил родившегося сына Принципов и дал ему имя Гаврило — в честь архангела Гавриила. Вообще-то Мария хотела назвать его Шпиро в честь своего брата, но слово священника тогда было законом. К тому же Илия пользовался в округе большим авторитетом — во время восстания он командовал одним из отрядов боснийских повстанцев. Встречавшийся с ним тогда Артур Эванс описывал его как огромного человека, «весом больше ста сорока килограммов», и с голосом, «как труба архангела Михаила».

Билбия выписал семье бумагу о рождении и крещении, в которой значится дата — 13 июля (по использовавшемуся тогда Сербской православной церковью юлианскому календарю) 1894 года. С бумагами, впрочем, вышла путаница. Когда маленького Гаврилу записывали в окружную книгу новорожденных, то по ошибке поставили другую дату рождения — 13 июня. Через 20 лет, когда Принципа судили, между адвокатами и обвинением из-за этой описки развернулась настоящая битва, от результата которой зависела его жизнь.

О детстве Гаврилы Принципа до нас дошло не слишком много сведений. Когда он немного подрос, оказалось, что внешне он похож на отца — худой, щуплый, небольшого роста, но характером больше походил на мать. Его близкий друг Драгослав Любибратич^[7], правда, познакомившийся с ним позже, утверждает в мемуарах, что окружающие уже в раннем детстве замечали в нем смелость и решительность. Гаврило, по словам Любибратича, без колебаний ввязывался в драку даже с более сильными сверстниками, если те вдруг не так говорили о нем. Было ли это на самом деле или в воспоминаниях жизнь Принципа несколько приукрашивалась, мы теперь уже вряд ли узнаем.

Рассказывали, что когда Гаврило в семь лет пас скот, то представлял себя учеником, идущим в школу. Он брал с собой сумку, наполненную книгами и какими-то старыми письмами родителей. Правда, книг в семье было не так уж и много. Сам Гаврило уже в тюрьме рассказывал о себе навещавшему его психиатру Мартину Паппенгейму: «Я всегда был тихим и сентиментальным ребенком, всегда серьезным, с книгами и картинами».

В 1903 году, когда Принципу исполнилось девять лет, сбылась его мечта — он пошел в школу. Отец, желавший «сделать из него человека», не очень-то стремился отправить сына на учение — он хотел, чтобы Гаврило поскорее начал работать, тем более что ему был нужен пастух. Но мать настояла, чтобы Гаврило начал посещать школу.

Ближайшая начальная школа находилась в Босанско-Грахове. На несколько лет учение стало главным занятием Гаврилы. Он возвращался домой — в школу и обратно ходил пешком — наскоро ел и садился за учебники. Учился он хорошо, и учителя его хвалили. Правда, в последнем, четвертом классе он провел два года. Этому нет однозначного объяснения — по одним данным, Принцип тогда заболел, пропустил много занятий, поэтому и был вынужден остаться в том же классе еще на год, по другим — ему так нравилось учиться, что он никак не хотел расстаться со школой. Во всяком случае, в 1907 году он успешно окончил школу и учитель подарил ему сборник героических народных песен, который стал любимой книгой юного Принципа.

Перед его родителями встал вопрос, что делать с ним дальше.

Петар Принцип всеми силами старался вывести сыновей в люди. Он не хотел, чтобы они, как он сам, всю жизнь прожили в селе и гнули спины в полях. И постепенно отец воплощал в жизнь свою мечту. Старший сын Йово (он был старше Гаврилы на семь лет) уже уехал из Обляя. Он работал писарем, кельнером, помощником торговца, а потом купил в Хаджичах, пригороде Сараева, лесопилку, нескольких лошадей, участок земли и начал собственное дело. Он посылал деньги домой и интересовался жизнью младших братьев. К нему-то Петар и надумал отвезти среднего сына^[8] Гаврилу, а там уж решить, куда его пристроить.

В августе 1907 года они отправились в путь. Сначала на лошадях до Грахова, а от Грахова — до городка Бугойно, где тогда была ближайшая железнодорожная станция. В Хаджичах их встретил Йово.

Приехали они поздно вечером и решили переночевать в местной механе. Что такое механа? Это кафе, закусочная и гостиница «в одном флаконе». Считается, что подобные заведения появились на Балканах с приходом турок. Первое из них вроде бы открылось в Белграде в 1522 году, а второе — в Сараеве в 1592-м. Назывались они потом по-разному — кафана, корчма, караван-сарай, хан и т. д., но их суть оставалась долгое время прежней: путники могли перекусить, выпить кофе и отдохнуть. Это потом уже кафаны и механы превратились в места, куда люди стали ходить, чтобы посидеть, поесть, выпить и пообщаться со знакомыми. Там часто обсуждались важные политические проблемы и плелись заговоры, что мы еще увидим.

Так вот, Принципы зашли в механу и решили в ней переночевать. Ее владельцем был то ли турок, то ли, скорее всего, местный босниец-мусульманин. Он вышел встречать гостей, но Гаврило, увидев его одежду, закричал: «Я не хочу здесь оставаться! Это турки!» — и выбежал на улицу. В итоге они остановились на ночлег в другой механе, хозяином которой был серб.

Так ли всё было на самом деле или нет, неизвестно. Рассказ похож на миф, но это важный миф в биографии Гаврилы Принципа. Он должен был продемонстрировать, что тринадцатилетний Принцип уже обладал национальным самосознанием, уже начал переживать трансформацию в борца за свободу югославян и, пусть примитивно, понимал, что турки отняли свободу у сербов и забыть это невозможно.

Впрочем, некоторые историки считают описанный эпизод вполне правдивым, но трактуют его совсем по-другому — как доказательство того, что в семье Принцип существовали сильные национальные предрассудки. В самом деле, ну какой «угнетатель» из хозяина механы, такого же боснийца, только мусульманина? И ведь что характерно: Принцип убежал из его заведения даже не потому, что посчитал его владельца «буржуем» и «эксплуататором», — нет, ему не понравилась одежда, которая выдавала в хозяине «турка».

В семье тогда никто не интересовался политикой. Ни Петар, ни его старший сын Йово открыто не выступали против австрийской оккупации Боснии. Вероятно, им казалось, что при австрийцах им живется лучше, чем при турках. Действительно, Йово Принцип превратился в солидного человека, и Петар рассчитывал, что хорошую карьеру сделают и два других его сына. Зачем же бунтовать, если есть более спокойные возможности сделать свою жизнь лучше?

Более того, Петар хотел, чтобы Гаврило стал военным. Может быть, даже генералом. Естественно, австро-венгерской армии. Он сначала хотел отдать его в кадетскую школу. Йово как-то прочитал в газете объявление о наборе в эту школу, где говорилось, что кадеты будут учиться и жить в ней совершенно бесплатно. Кроме того, их обеспечивали красивой формой и красными фесками со свисающими с них черными кисточками. Йово написал отцу, что такую возможность упустить никак нельзя. Петар загорелся идеей отдать сына в военную школу.

Но буквально в самый последний момент судьбу Гаврилы Принципа, а заодно судьбы Боснии, Австро-Венгрии, Европы и всего мира изменила случайная встреча. Точнее сказать, изменил их самый

обыкновенный человек, чье имя сейчас знают только историки, да и то не все.

Звали его Йово Пешут, и был он торговцем галантереей из Сараева. Пешут хорошо знал семью Принцип. Поэтому не случайно они зашли именно к нему — хотели купить для будущего кадета кое-что из белья. Естественно, рассказали ему и о планах отдать Гаврилу в военную школу. Услышав это, Пешут возмутился: для настоящего серба учиться на австрийского офицера — это позор. «Неужели ты хочешь, чтобы твой ребенок стал врагом своего народа?!» — восклицал он, бегая по своей лавке.

Он так негодовал, что тезка быстро согласился с ним. Туг же Пешут предложил другой вариант — отдать Гаврилу в торговое училище. Там тоже неплохо учат, знание коммерции пригодится молодому человеку в жизни, да и деньги можно будет заработать хорошие. К тому же Пешут обещал и свою «профессиональную» помощь. Это, конечно, было не совсем то, чего хотел Гаврило, — его больше тянуло к литературе и книгам, но кто его тогда спрашивал?

Согласившись отдать младшего брата в торговое училище, Йово начал искать для него жилье. И вскоре нашел комнату у тихой почтенной вдовы Стойи Илич, которая содержала небольшой пансион. Ее сын Данило был учителем.

Итак, Принцип поступил в торговое училище. Именно там его застали события, которые в 1908-1909 годах чуть было не привели к большой европейской войне, и тоже из-за Боснии. Удивительно, что их сценарий был весьма похож на тот, по которому развивался кризис спустя пять лет. Вот только сам Принцип пока что ни в кого не стрелял. Он был еще молод, и в его голове только-только начинали появляться первые смутные и опасные мысли.

И это происходило не только с ним. В среде боснийской молодежи (особенно среди сербов) уже начинала бурлить тайная и незаметная со стороны жизнь, которая во многом и привела к тому, что произошло в Сараеве 28 июня 1914 года.

Но прежде чем рассказать о том, как в Боснии появлялись подпольные молодежные организации и как получилось, что Принцип оказался в числе подпольщиков, оставим на время нашего героя. Чтобы лучше понять, что происходило с ним в это время, нужно сначала увидеть, что тогда творилось в том городе, в той стране, где он жил, да и в других странах тоже.

ПРЕДЧУВСТВИЯ

«Двуединая монархия» и сербские короли

В 1914 году Австро-Венгерская империя была самым большим государством Европы, не считая России. В ней проживало 52 миллиона человек. Ее престол занимал австрийский император, носивший также титул венгерского короля. 49 лет, с марта 1867-го до смерти в ноябре 1916 года, им был Франц Иосиф I Габсбург. Если же учесть, что Франц Иосиф занял австрийский трон еще в 1848 году, то его общий «стаж» пребывания на троне составил 68 лет. В истории найдется мало государей, которые столько времени носили корону.

«Двуединая монархия» в административном отношении делилась на две части — Австрийскую империю и Венгерское королевство. В земли австрийской короны входили собственно Австрия, а также Богемия, Далмация, Галиция, Буковина, Каринтия, Крайна, Штирия, Моравия, так называемое Австрийское Поморье: Триест, Истрия, Горица и Градишка и другие земли. К Венгерскому королевству относились сама Венгрия, Хорватия, Трансильвания, Банат и город Фиуме (нынешняя хорватская Риека).

Особый статус с 1878 по 1908 год был у Боснии и Герцеговины. Как уже говорилось, ее оккупировали австро-венгерские войска, но де-юре она считалась частью Османской империи. Всё изменилось в октябре 1908 года. Тогда именно из-за Боснии вся Европа оказалась на грани большой войны.

Важной проблемой для Австро-Венгрии всегда были отношения с соседней Сербией. Во-первых, в самой империи жило много сербов, во-вторых — за Сербией

потенциально стояла Россия (хотя в конце XIX столетия она больше поддерживала Болгарию), интересы которой на Балканах совсем не совпадали с интересами Австро-Венгрии. Австрийцы умело использовали внутривосточные противоречия в Сербии, в том числе и борьбу между двумя княжескими, а потом и королевскими сербскими династиями — Карагеоргиевичами и Обреновичами.

С начала XIX века представители этих династий сменяли друг друга на княжеском престоле Сербии и, мягко говоря, не любили друг друга. Взаимная вражда началась еще между Георгием Карагеоргиевичем и Милошем Обреновичем — руководителями Первого сербского восстания против турок (1804–1813) и основателями двух династий. В июле 1817 года люди Обреновича коварно убили вернувшегося в Сербию из-за границы Георгия, а его голову отослали туркам.

В 1815 году, когда Турция под давлением России согласилась признать автономию Сербии, именно Милош Обренович стал первым сербским князем с правом передачи правления по наследству. Впрочем, формально Сербия оставалась вассалом Османской империи до 13 июля 1878 года, когда после Русско-турецкой войны по условиям Берлинского мира получила независимость, а в 1882 году княжество Сербия было провозглашено королевством^[9].

Первым сербским королем стал Милан Обренович (1882–1889), до этого (1868–1882) носивший титул князя. Наверное, нет в истории этой страны монарха, к которому сербы относились бы так плохо. Хотя начинал Милан достойно — в 1875 году впервые в истории Сербии созвал парламент — Народную скупщину, а в июле 1876-го объявил войну Османской империи, поддержав таким образом восстание в Боснии и Герцеговине. Но дальнейшее его правление

перечеркнуло в глазах многих сербов эти заслуги. Особенно не нравилось им резкое сближение с Австро-Венгрией, которую сербы считали безусловно враждебным государством. А в Вене, наоборот, не скрывали удовлетворения.

Поскольку завоевать Сербию Вена позволить себе тогда не могла, она всячески старалась сделать славянских соседей экономически зависимыми от себя. Внезапное расположение короля Милана к австрийцам было очень кстати. В 1881 году король Милан подписал торговый договор, по которому вся экономическая жизнь Сербии фактически оказалась под контролем империи.

Дело в том, что Сербия основной доход получала за счет экспорта продуктов сельского хозяйства — хлеба, овощей и фруктов, скота (главным образом свиней) — в страны Европы и почти 90 процентов этого экспорта шло через Австро-Венгрию. Разумеется, при таком положении дел «кнопка» контроля над политикой сербского правительства находилась в Вене. Достаточно было под любым предлогом (эпидемии и пр.) закрыть свою границу для товаров из Сербии, и ее экономический крах стал бы лишь делом времени.

В октябре 1885 года Милан начал совершенно бессмысленную войну с Болгарией, которую сербы фактически проиграли. Ни сама война, ни ее результаты не добавили ему популярности.

В 1889 году король неожиданно отрекся от престола в пользу своего сына Александра и уехал за границу, при этом выбив себе пенсию в 300 тысяч франков в год и пригрозив вернуться в страну, если эта сумма не будет выплачиваться. Деньги ему исправно переводили, бывший король путешествовал по Европе, поигрывал в казино, дружил с императором Австро-Венгрии Францем Иосифом. В 1892 году он отрекся и от

сербского подданства, за что получил еще миллион франков.

Об отношении сербов к Милану свидетельствуют записки русского литератора и критика Александра Амфитеатрова, оказавшегося в Белграде в феврале — марте 1901 года — как раз тогда бывший король умер в Австро-Венгрии от воспаления легких и был похоронен в Вене.

«Не было серба, который явно или тайно не радовался бы его смерти, — отмечал Амфитеатров в книге «В моих скитаниях. Балканские впечатления». — В разговорах с великими и малыми я одинаково слышал откровенные фразы:

- Бог сжалился над Сербией и взял к себе Милана.
- Как вовремя умер Милан!

И даже в высшем, министерском кругу раздавались политические остроты, что, мол, Сербия, измученная, потерявшая все средства и голову, совсем было ринулась в пасть Австрии: глотай! твое счастье! Но тут король Милан нашел, что пора и ему совершить для Сербии хоть какой-нибудь патриотический поступок: он взял и умер. Да еще как ловко умер-то: в Австрии...»

Почему сербы так живо реагировали на смерть пусть нелюбимого, но уже бывшего короля? Но в том-то и дело, что Милана можно было назвать бывшим лишь формально.

До конца жизни он активно вмешивался в сербские дела, возвращался в страну, несмотря на отказ от подданства и субсидии из казны, и даже умудрился перед смертью разругаться со своим сыном, королем Александром.

Александр Обренович на портретах выглядит человеком вполне интеллигентного вида, в пенсне, хотя с несколько капризным выражением лица. Амфитеатров, которого сербский король принял в

Белграде в 1901 году (аудиенция продолжалась 43 минуты), описывал его хотя и с чувством симпатии, но не без некоторого удивления: «Король Александр, вследствие небольшого роста и... субтильного телосложения, кажется еще моложе своих двадцати шести-двадцати семи лет. Мое первое впечатление было: «какой черненький мальчик!»^[10].

На Александра сначала возлагали некоторые надежды, но его правление (1889–1903) во многом оказалось продолжением политики его отца. Король был взбалмошным, неуравновешенным и непредсказуемым, и эти черты его характера отражались на положении в стране. За 12 лет пребывания на престоле он отменил три конституции и сменил 21 правительство.

Сюрреализм сербской ситуации усиливался еще и тем, что бывший король Милан всё же вернулся в страну в 1894 году и фактически стал главным советником сына. А через четыре года Александр назначил его главнокомандующим сербской армией. В июле 1899-го в Белграде на жизнь Милана было совершено покушение. Бывший король не пострадал, зато лидеры сербской оппозиции — именно их обвинили в подготовке покушения — оказались в тюрьме.

Однако вскоре Милан снова покинул Сербию. Он был возмущен поведением сына. И, надо сказать, в этом случае многие сербы были с ним солидарны.

Настоящий скандал в стране вызвала история с женитьбой Александра на своей любовнице Драге Машин (урожденной Луневице), бывшей придворной даме своей матери, королевы Натальи. Она была значительно старше короля — то ли на 9, то ли на 12, то ли даже на 15 лет. Драга пользовалась очень дурной репутацией и в придворной среде, и в народе. Рассказывали, что когда король объявил о помолвке,

министр внутренних дел Гечич буквально умолял его: «Ваше величество, не смейте на ней жениться! Она была любовницей каждого из нас, и моей в том числе!» — за что якобы получил от Александра пощечину.

Сейчас уже сложно сказать, были ли эти слухи о Драге правдивы. Но тогда многие им верили. Отец Александра^[11] и белградский митрополит сначала отказались благословить этот брак. В ответ безумно влюбленный Александр проявил недюжинное упорство: возмущенно заявил, что никто не имеет права вмешиваться в его личную жизнь, и пригрозил уехать вместе с Драгой за границу, оставив страну без короля. Ему удалось переломить ситуацию в свою пользу.

Свадьба состоялась 5 августа (23 июля) 1900 года. Народ кричал: «Да здравствует король! Да здравствует королева!» Новобрачных во время торжественного проезда по улицам Белграда сопровождал почетный караул из молодых офицеров. Среди них был и 24-летний поручик Драгутин Димитриевич.

Драга начала активно вмешиваться в управление страной. С ее одобрения король назначал людей на государственные и военные посты. Сербские офицеры считали это оскорбительным для чести армии.

Больше всего Александр жаждал появления наследника, чтобы обеспечить будущее династии. И вот настал день, когда Драга сказала ему, что беременна. На радостях король распорядился сделать официальное сообщение, известил о скором появлении наследника других европейских монархов (в том числе российского императора Николая II) и даже объявил амнистию своим политическим противникам — их выпустили из тюрьмы. Был устроен торжественный прием на 800 персон. Русский царь прислал в подарок золотую колыбель для младенца.

Однако время шло, а признаки беременности у королевы и не думали усиливаться. Встревоженный супруг попросил помощи у иностранных специалистов. Из России пригласили выдающихся русских гинекологов Владимира Снегирева и Александра Губарева. В мае 1901 года они осмотрели королеву и сообщили, что она не беременна, более того, и никогда не была беременна.

Александр не мог в это поверить. Рассвирепев, король потребовал у адъютанта револьвер, чтобы застрелить докторов (он подозревал, что это именно они прервали беременность Драги). Но всё обошлось.

Подробности скандала вскоре стали широко известны — их обсуждали как в кафанах Белграда, так и в европейских газетах. «Противно было читать, как газетная «злоба дня», в особенности устами австрийской печати, трепала имя и репутацию женщины, врываясь в интимнейшую сторону ее жизни, смакуя и расписывая чуть [ли] не альковные тайны, — отмечал Александр Амфитеатров. — Последняя работница-поденщица в сербском государстве имеет естественное, человеческое право на уважение и скромность в отношении к ее женской физической жизни, но королеве сербской в этом было отказано: она почему-то оказалась вне всеобщего закона. Над нею и несчастьем ее злорадно острили, издевались, сплетничали и намекали мерзости. <...> Так и слышится: — Хи-хи-хи! А еще королева! Хи-хи-хи... Вот тебе и королева! Подленькое, злобенькое, беспросветно буржуазное, захолустное подхихикиванье».

В чем-то, конечно, Амфитеатров был прав, но далеко не только австрийская пресса сплетничала об истории с беременностью королевы. Ей с удовольствием и «подхихикиванием» перемывали кости и в белградских кафанах. По одной из версий, королева так хотела

ребенка, что убедила себя, что «обнаружила» признаки беременности. Надежной экспресс-диагностики тогда не было, так что медикам потребовалось время, чтобы понять, что к чему. По другой же версии, королева решила сознательно обмануть супруга и народ, и ее мнимая беременность была частью политической интриги. По Белграду ходили слухи: теперь, когда выяснилось, что у венценосной четы не будет детей, наследником престола назначат брата королевы Никодия Луневицу.

Знал ли король о настроениях в стране? Не мог не знать, если о них было известно и в Петербурге, и в Вене, и в Париже. Но он, как заколдованный, шел навстречу своему краху и концу всей династии Обреновичей.

Пятого апреля (23 марта) 1903 года на улицах Белграда была расстреляна демонстрация рабочих и студентов, выступавших против абсолютистских замашек короля. Погибло шесть человек. А спустя два дня Александр в очередной раз отменил конституцию, принятую в 1901 году^[12], распустил Народную скупщину, назначил послушных себе людей в сенат. В тот же день он вдруг снова ввел в действие отмененную было конституцию и назначил выборы в парламент на 31 (18) мая. Естественно, сторонники короля выборы выиграли. Но это была его последняя победа. Вскоре Александра и всю династию Обреновичей свергнут поистине ужасным способом.

Наивно, конечно, было бы считать, что к последующим событиям в Белграде привели только обстоятельства, связанные с интригами в королевском дворце и вокруг него, хотя они, конечно, тоже сыграли свою роль. Но были и более глубокие причины.

В Сербии рос и укреплялся новый класс — буржуазия. Ей было тесно в рамках австро-венгерского экономического диктата, требовались новые рынки и новые доходы, а следовательно, новая экономическая политика и новые люди у власти, которые смогли бы ее проводить.

Но экономикой дело не ограничивалось. Не меньшее, а может быть, даже большее значение имел национальный вопрос.

По данным на 1900 год, более двух миллионов подданных Австро-Венгрии составляли сербы. И это не считая Боснии и Герцеговины, в которой православных сербов насчитывалось около восьмисот тысяч (из примерно двух миллионов жителей). О том, как чувствовали себя сербы и вообще славяне в империи Габсбургов, мы поговорим позже. Сейчас важно, что многие в Сербии были убеждены, что их страна должна стать центром объединения разделенных южных славян. Известный сербский географ, этнограф и историк Йован Цвиич говорил о значении боснийских земель: «Для Сербии они также важны, как окрестности Москвы для России».

Оккупация Боснии австро-венгерскими войсками в 1878 году нанесла сильный удар по этой надежде, но не убила ее окончательно. Цель оккупации, безусловно, состояла прежде всего в том, чтобы не допустить объединения Сербии и Боснии. Но де-юре Босния всё еще не являлась частью Австро-Венгрии, а это давало сербским националистам некоторый шанс на пересмотр ее статуса — если не дипломатическим путем, то военным давлением (конечно же, с помощью «братьев-русских») на соседнюю империю.

Однако династия Обреновичей категорически не одобряла подобные идеи. Король Милан не раз давал Вене тайные обещания отказаться от поддержки своих соплеменников в Боснии и не вести среди них

панславянскую пропаганду. Хотя после смерти Милана Обреновича отношения между Белградом и Веной стали более прохладными — император Франц Иосиф, сославшись на последнюю волю бывшего короля, даже отказался выдать сербам его останки для погребения на родине, — политика Сербии оставалась вполне проавстрийской до самого конца правления династии Обреновичей, то есть до кровавых событий в Белграде 29 мая (11 июня) 1903 года.

«Позор цареубийства...»

Казалось бы, какое отношение всё это имеет к Принципу, который весной 1903 года еще даже в школу не ходил, а пас овец в своем Обляе? Самое прямое.

Как уже говорилось, к сараевским выстрелам привела длинная цепь определенным образом сложившихся событий и обстоятельств. В этом нет ничего невероятного — то же можно сказать о любом историческом событии. Можно, конечно, спорить, были ли все эти обстоятельства всего лишь случайностями или в них просматривается некая закономерность. Но сейчас речь о другом: очевидно, что без нескольких крупных звеньев в этой цепи покушение на Франца Фердинанца вряд ли состоялось бы. Майский переворот 1903 года в Белграде — одно из важнейших таких звеньев.

Именно после переворота Сербия резко изменила курс, что в итоге привело к ее конфронтации с Австро-Венгрией. Организаторами убийства королевской четы были люди, которые впоследствии имели по крайней мере косвенное отношение к событиям в Сараеве. (Это очень осторожное определение, поскольку написаны горы книг и статей, в которых доказывается, что они-то

и являлись главными вдохновителями покушения на эрцгерцога.)

Можно упомянуть еще об одной любопытной детали: боснийские заговорщики, готовившие теракт против Франца Фердинанда, говорили между собой о перевороте в Белграде как примере «тираноубийства»: вот, мол, в Сербии разобрались со *своим* тираном, почему же мы не можем расправиться с *чужим*?

Другими словами, от переворота, произошедшего в мае 1903 года в Белграде, веяло предчувствием июня 1914-го в Сараеве. И, присмотревшись, можно увидеть тонкую, но прочную ниточку, связывающую два эти события.

12—13 июня (30–31 мая) 1903 года русские газеты выходили с сенсационными заголовками на первых полосах: «Убийство сербской королевской семьи», «Убийство сербского короля и революция в Сербии», «Белградская трагедия» и т. д. Они не скрывали своего отношения к тому, что произошло накануне в Белграде, — оно было резко отрицательным. Вот лишь несколько цитат.

«Новое время»: «Ужасные вести получены из Белграда. Вчера ночью партия революционеров явилась во дворец и потребовала от короля, чтобы он отрекся от престола в пользу Петра Карагеоргиевича. После отказа короля, застрелившего полковника Наумовича, предлагавшего подписать грамоту об отречении, революционеры зверски умертвили короля Александра, королеву Драгу, ее брата Никодима Луньевица и двух ее сестер...»

«Московский листок»: «В Москве вчера только и разговоров было об ужасной трагедии, заключившей печальную историю династии Обреновичей, — об этом возмутительном преступлении, жертвами которого пали последний из Обреновичей и его супруга. Убийство

всегда возмущает каждого чуткого человека, убийство же на политической почве кажется еще безобразнее, еще возмутительнее... Страшная весть об этом цареубийстве поразила всех, поразила своими леденящими душу подробностями, обилием так зверски, так безжалостно пролитой крови. Особенно угнетало известие, что это ужасное, гнусное убийство совершено офицерами, руководителями армии, которая призвана служить опорой престолу».

Заговор против Обреновичей вызревал уже давно. Его «мотором» стали молодые офицеры сербской армии. Позже историки подсчитали, что «в деле» так или иначе приняло участие около шестисот офицеров и 30 генералов.

(Картина, знакомая для России с ее традицией гвардейских переворотов XVIII века, удушением шарфом императора Павла, декабристами с их планами изменить страну и дать ей конституцию.)

Самое время здесь вспомнить о Драгутине Димитриевиче — том самом, который во время коронации Александра скакал среди других офицеров его конвоя. Именно он и стал одним из организаторов заговора.

Димитриевич родился 17 (5) августа 1876 года в Белграде. Окончил военную академию и был произведен в подпоручики. Затем служил в пехотном полку, снова поступил в военную академию — на этот раз на курсы, готовившие офицеров Генерального штаба. В августе 1899 года стал поручиком. За проявленные способности и хорошую успеваемость был принят на службу в Генштаб. В конце 1902 года получил капитанские погоны.

В истории поручик Димитриевич больше известен под прозвищем Апис. Почему именно Апис? Самое распространенное объяснение: в древнеегипетской мифологии так называли священного быка, почитаемого

как животное богов Птаха или Осириса или как отдельное божество.

Димитриевич чем-то действительно напоминал быка: рост под два метра, мощная фигура, огромная голова, горячий и буйный нрав.

Что же двигало Аписом? На этот счет существуют различные точки зрения. Одни историки считают его авантюристом, человеком с бонапартистскими амбициями, патриотическим фразером, который ради своих интересов эксплуатировал идею освобождения и объединения южных славян. Другие называют горячим патриотом и борцом за освобождение славянства. Одно очевидно: он играл важнейшую роль в сербской политике в 1903–1914 годах, очень много знал, за что, вероятно, и поплатился впоследствии жизнью.

«Убийство короля нанесет большой ущерб нашему авторитету и поставит под угрозу мир в стране и за границей, — говорил Апис соратникам еще в 1903 году, — но время покажет, что мы это сделали не из низких намерений и не из ненависти, а в интересах государства». А 12 лет спустя на судебном процессе, на котором он был приговорен к смертной казни, Димитриевич объяснял мотивацию действий заговорщиков следующим образом: «Сербская мысль и сербские заветы были к тому времени преданы совершенному забвению. Несчастливая тайная конвенция с Австрией была самым постыдным предательством сербской заветной мысли. Считая, что путем изменения режима и возвращения на престол патриотической династии Карагеоргиевичей решен внутренний вопрос, я считал, что Сербия должна в полной мере взять на себя роль Пьемонта^[13], причем не только [для] сербства, но и всего южного славянства».

В 1902 году Апис написал текст клятвы и потребовал, чтобы ее подписали все вовлеченные в

заговор. Клятва гласила: «Видя неизбежную гибель Отечества в случае непринятия в ближайшее время необходимых мер и считая самыми главными виновниками всех бед короля Александра и его любовницу Драгу Машин, клянемся и своими подписями подтверждаем, что убьем их». Вторым пунктом клятвы было обязательство возвести на престол князя Петра (по-сербски Петара) Карагеоргиевича.

57-летний Петр тогда жил в эмиграции во Франции. Он был весьма популярен в народе. Рассказывали, что это скромный, весьма демократичный человек, враг Австрии и друг России. В качестве добровольца он сражался в рядах боснийских повстанцев во время антитурецкого восстания 1875–1877 годов. Воевал он в Боснии под псевдонимом Петр Мркониц — никто и не догадывался, что это князь из знаменитого рода Карагеоргиевичей.

Заговорщики по крайней мере дважды намеревались убить короля. Сначала покушение должно было состояться в белградском ресторане «Коларац», где 24 (11) сентября 1901 года отмечали день рождения Драги. Но Александр в ресторан почему-то не пришел. Следующую попытку планировали предпринять во время военных маневров, но и она не удалась. В третий раз Апис и его соратники решили попросту напасть на королевский дворец, а приближенных к королю министров убить на их квартирах.

Около двух часов ночи 11 июня (29 мая) 1903 года русский военный атташе в Белграде полковник Иван Сысоев проснулся от сильного шума. На улице и на лестнице его дома слышались крики, топот, лязг оружия. Затем раздались удары в двери его квартиры — били прикладами винтовок. Сысоев докладывал в Санкт-Петербург: «Быстро войдя в переднюю, я уже

встретил в ней моего лакея; оба мы были в одном белье. Мой слуга серб отворил парадную дверь, против которой находится дверь в квартиру министра, и мы увидели, что вся площадка лестницы сплошь наполнена вооруженными солдатами; но тотчас же три солдата направили на нас штыки со словами: «Затворяй врата (двери)». В это время с улицы уже слышались ружейные выстрелы, и я сейчас же догадался, что началась революция, так как знал, что в армии и в стране существует брожение и сильное недовольство реакционным режимом короля; неоднократно приходилось слышать, что всё это кончится плохо, что что-то готовится».

Разумеется, солдаты ломались не в квартиру русского военного агента — потом перед ним извинились. Как раз напротив его двери находились апартаменты министра обороны Сербии генерала Милована Павловича. Их заговорщики фактически брали штурмом, свидетелем которого и оказался русский военный дипломат.

Но главные события происходили в ту ночь в королевском дворце.

Дворец, так называемый Старый двор, находится в самом центре Белграда. Сегодня там заседает городской парламент и проводятся различные торжественные приемы. Это монументальное здание было построено для короля Милана. Любопытно, что материалы для его внутренней отделки доставлялись из Австро-Венгрии. Этот факт тоже служил для белградцев поводом для острот.

Судя по свидетельствам очевидцев, дворец охранялся слабо. Всё тот же Амфитеатров писал, что его пропустили к королю без особых формальностей; в ожидании выхода венценосца он находился без всякого надзора и если бы захотел, мог бы «начинить динамитом... тумбочки и безделушки красивой комнаты

в количестве, совершенно достаточном, чтобы взорвать на воздух три четверти маленького Белграда». К тому же в коридоре всё время раздавались голоса, громко переговаривалась прислуга и «шаркали половые щетки». Из всего этого Амфитеатров сделал вывод, что Александр не боится своих посетителей.

...Накануне король признался жене, что видел дурной сон: его покойный отец молча вошел в комнату, подошел к Александру, снял с него шапку и саблю и, не говоря ни слова, ушел. Впрочем, у него имелись не только плохие предчувствия, но и материальные доказательства готовящегося переворота — анонимные письма, предупреждавшие о скором «возмущении» военных. Да и вообще недовольство в армии не было тайной — о нем почти открыто говорили на белградских улицах, в кафанах и армейских казармах.

Однако Александр не придавал значения этим слухам и заявлял, что, если кто-то восстанет против него, он «готов ему противостоять с мечом в руке во главе своего верного войска». Вечером 10 июня (28 мая) монарх играл в крокет, ужинал, а затем вместе с супругой сидел на балконе дворца, слушая военный оркестр, игравший в саду. Около половины двенадцатого они отправились спать. Жить им оставалось считанные часы.

Около двух часов пополудни 28 офицеров проникли во дворец. Ворота им открыл один из офицеров охраны, который тоже состоял в заговоре. Правда, заговорщики не смогли раздобыть ключи от королевских покоев, но это их не остановило — они взорвали двери динамитом. Однако, ворвавшись в покои, они увидели, что короля и королевы там нет. Апис погнался за каким-то человеком, приняв его за Александра, но тот оказался королевским гвардейцем. Во время погони Апис наткнулся еще на нескольких гвардейцев, которые открыли по нему огонь. Он получил три тяжелых

ранения, и все остальные события развивались уже без него.

Тем временем дворец уже окружили мятежные армейские части, и сопротивление охраны было быстро подавлено. Были заняты почта, телеграф и Министерство иностранных дел. Во время переворота были убиты глава правительства Димитрие Цинцар-Маркович, братья королевы, один из которых, по слухам, мог быть объявлен наследником престола, и военный министр Милован Павлович. Полковник Сысоев, на глазах которого происходил штурм квартиры Павловича, писал в отчете в Санкт-Петербург:

«Солдаты ломились в дверь министра, но она не поддавалась; тогда начали в нее стрелять в упор из ружей, а затем раздобыли где-то топор и вырубили дверь (я всё это наблюдал из окон своей квартиры, выходящих во двор, из которых видна площадка лестницы). <...> Против окон генеральской квартиры, прикрываясь деревьями, стал взвод пехоты и открыл огонь по окну кабинета генерала. Милован Павлович отстреливался из револьвера пока не был ранен; говорят, что он первый начал стрелять; говорят также, что в окно было брошено три динамитных патрона и что генерал будто бы также их имел в запасе (он предвидел возможность революции и имел при себе три револьвера). <...>

Убийство короля Александра Обреновича и королевы Драги.

***Рисунок из итальянской газеты «Доменика дель коррьере». Июнь
1903 г.***

Когда смолкла перестрелка и солдаты удалились, я вошел в квартиру генерала, и глазам моим представилась картина полного разрушения; на полу валялись щепы, обломки мебели и домашней утвари, масса битого стекла, обвалившаяся штукатурка; всё изломано, исковеркано; повсюду на стенах и даже на потолке следы ударов пуль.

Войдя в кабинет, я увидел убитого генерала, лежащего ничком в луже крови. На обезображенном трупе его найдено 17 штыковых и пулевых ран. Во время кровавой расправы с генералом объятые ужасом несчастная жена и взрослая дочь его скрывались на чердаке и остались живы; женщин вообще решено было не убивать».

Между тем заговорщики никак не могли найти короля и королеву. Наконец, примерно в половине четвертого утра один из офицеров заметил двери в тайную комнату, скрытые драпировкой. Заговорщики потребовали от захваченного ими старшего адъютанта короля выманить оттуда Александра. Адъютант несколько раз позвал: «Ваше величество!» Услышав знакомый голос, Александр отпер двери и сделал шаг вперед. Тут же раздались выстрелы.

Убийство было невероятно жестоким. В короля выпустили около тридцати пуль, в его супругу — восемнадцать. Затем их тела изрубили саблями. Русский дипломат и историк Владимир Теплов^[14] в работе «Белградское цареубийство», появившейся в печати в России в том же 1903 году, писал о майском перевороте:

«Сербы покрыли себя не только позором цареубийства, — что уже само по себе не допускает двух мнений, — но и своим поистине зверским образом действий по отношению к трупам убитой ими королевской четы. После того как Александр и Драга

упали, убийцы продолжали стрелять в них и рубить их трупы саблями: они поразили короля шестью выстрелами из револьвера и 40 ударами сабли, а королеву 63 ударами сабли и двумя револьверными пулями. Королева почти вся была изрублена, грудь отрезана, живот вскрыт, щеки, руки тоже порезаны, особенно велики разрезы между пальцев, — вероятно, королева схватилась руками за саблю, когда ее убивали, что, по-видимому, опровергает мнение докторов, что она была убита сразу. Кроме того, тело ее было покрыто многочисленными кровоподтеками от ударов каблуками топтавших ее офицеров.

О других надругательствах над трупом Драги я предпочитаю не говорить, до такой степени они чудовищны и омерзительны. Когда убийцы натешились вдоволь над беззащитными трупами, они выбросили их через окно в дворцовый сад, причем труп Драги был совершенно обнажен».

Сами заговорщики потом отрицали обвинения в надругательствах над телами короля и королевы. Они объясняли, что только хотели показать солдатам, что Александр и Драга действительно убиты, и поднесли их трупы к окну, а потом они сами упали вниз.

Во дворце и вокруг него царила атмосфера победы. «Нет больше тирании!» — кричали заговорщики. Тела короля и королевы быстро убрали и через день тайно похоронили в белградской церкви Святого Марка, окруженной войсками^[15].

«Султан Абдул-Гамид, — отмечала газета «Русский вестник» 13 июня (31 мая) 1903 года, — узнав о событиях в Белграде, пришел в такой ужас, что с ним сделалось нечто вроде нервного припадка. Подробностей он не захотел и слушать. Турецким газетам воспрещено цензурой писать о событиях.

Напечатано лишь, что король и королева сербские скончались».

«...Отличилась также белградская газета «Уставна Орбита», — вторил «Русскому вестнику» «Московский листок». — Об убийстве короля и королевы она напечатала одну строчку петитом в отделе хроники. К этому прибавлять нечего...»

Ну а нам, конечно, есть что прибавить.

Сербский бекон и геополитика

Тема убийства сербской королевской четы еще долго обсуждалась в газетах.

«Русский листок» отмечал: «Белградскую трагедию успели уже перенести на сцену. В театре Карлсруэ разыгрывается четырехактная пьеса на этот сенсационный сюжет. На афишах крупными буквами обозначены названия картин: «Драга», «Цареубийство», «Мечь народа» и т. д. В заключение исполняется «сербский национальный гимн». Пьеса «сделана» некоей Северин Будрович и делает, разумеется, колоссальные сборы; у касс нет отбоя, даже тропическая жара, вредная для театральных сборов, и та побеждена интересом, который в немецкой публике вызывает эта трагедия «из современной жизни».

«Новости дня» утверждали: «Белградский корреспондент «Neue Freie Presse» из хорошего источника узнал, что известие, будто королева Драга оставила 11 миллионов] франков, хранящихся в английском банке, вымышлено. На самом деле за свое трехлетнее пребывание на королевском троне Драга скопила всего 900 000 фр[анков]. Состояние короля Александра — незначительное. Недвижимая собственность Обреновичей еще при Милане была

обременена долгами и заложена большей частью в русском Волжско-Камском банке».

Наконец, та же газета под заголовком «Петер (так в тексте. — *Е. М.*) Карагеоргиевич — король» (имя так указано в газете) сообщала: «Некоторые белградские газеты, оглядываясь на бесславное царствование династии Обреновичей, называют ее не национальной. Обреновичи только и делали, что отдаляли Сербию от великой славянской державы, которой Сербия обязана столь многим: Обреновичи тянули Сербию к Австрии, к немцам, — исконным вигам славянства, мучителям сербов. «Смерть сына Милана, опозорившего Сербию перед всем миром, не вызовет в сербском народе сожаления!» — заканчивает свою статью одна из газет».

Заговорщики выполнили свое обещание — возвели на престол короля Петра. Его коронация состоялась 4 октября (21 сентября) 1904 года. С ней связана весьма любопытная история.

Церемонию коронации сняли на кинолентку англичане Арнольд Мьюр Уилсон и Фрэнк Сторм Мотершо. Эта пленка считается самым старым кинодокументом на Балканах, а в 1980 году небольшой фильм был провозглашен культурным наследием сербского народа. Через сто с лишним лет после коронации можно своими глазами увидеть, как всё происходило.

Двадцать первого сентября улицы Белграда были заполнены народом и военными в парадной форме. В восемь часов утра король проследовал из дворца к кафедральному собору, в котором, собственно, и состоялась коронация. Затем, уже в полном королевском облачении, он верхом вернулся во дворец, где торжества продолжились. Вечером Петр присутствовал на торжественном спектакле в Национальном театре.

На следующий день король принимал военный парад, а вечером состоялся прием во дворце, на который собралось около восьмисот гостей. Петр поднял два тоста: первый — за сербский народ и его представителей, второй — за князя Николу Черногорского и наследника престола Данилу.

В первом тосте он подчеркнул, что раньше иноземное владычество и столетие внутренних междоусобиц мешали Сербии двигаться путем развития. «Вступая на престол, я присягнул, что буду делать всё, что в моих силах, чтобы в моем отечестве началась эра мира и всеобщего процветания», — заявил король.

Европа встретила новое царствование холодно (Великобритания вообще возобновила дипломатические отношения с Сербией только через два года), но в самой Сербии и среди сербов Австро-Венгрии оно вызвало подъем национального духа. Боснийских сербов особенно воодушевлял тот факт, что король Петр воевал как простой повстанец во время волнений в Боснии и Герцеговине.

Именно тогда Сербия во главе с королем Петром стала рассматриваться идеологами освобождения южных славян в качестве «славянского Пьемонта», который должен объединить вокруг себя не только сербов, но и черногорцев, хорватов, словенцев, македонцев, боснийцев и даже болгар.

Для Австро-Венгрии это был очень тревожный сигнал. Настороженность имперских властей усугублялась еще и тем, что сербская внешняя политика постепенно приобретала русофильский характер. Призрак панславизма со стоявшей за ним огромной Россией, которая всегда была не прочь укрепиться на Балканах, приводил к мрачным размышлениям о будущем и в Вене, и в Будапеште.

Первые опасные для себя практические шаги Сербии Вена усмотрела в 1905 году в том, что Белград начал переговоры о таможенном союзе с болгарами, своими вечными конкурентами. Заключив это соглашение, сербы получили бы право беспошлинного вывоза своих товаров через болгарские порты на Черном море. Следовательно, ослаблялась экономическая зависимость от Австро-Венгрии, обусловленная торговым договором 1881 года, срок действия которого заканчивался в 1906 году. А как известно, экономическая независимость — залог независимости политической.

В конце 1905 года сербский парламент, несмотря на сильнейшее давление Вены, ратифицировал соглашение о таможенном союзе, и между Сербией и Болгарией стала осуществляться беспошлинная торговля. В ответ Австро-Венгрия запретила ввоз сербской свинины. Свинина и продукты из нее были главной статьей сербского экспорта, шедшего через Австро-Венгрию, и поэтому торговая война, разразившаяся между Веней и Белградом, получила название «свиной».

Австрийцы, рассчитывавшие, что Сербия рано или поздно пойдет на уступки, явно просчитались. Во-первых, они получили удар в спину от своего главного союзника — Германии. Практичные немцы быстро сориентировались: просчитав выгоду, которую они смогут получить, предложили сербам те товары, которые раньше поступали из Австро-Венгрии. В Германию же пошли сербские бекон, ветчина и другие продукты переработки свиного мяса.

Кроме того, сербы начали активно строить собственные бойни и копильни, консервные и колбасные фабрики. Консервы, копченая колбаса и бекон имеют больший срок хранения, чем свежее мясо (холодильных установок тогда почти не было), так что

они вполне могли выдерживать длительные перевозки до Германии, Франции, не говоря уже о соседней Италии.

По итогам 1906–1907 годов выяснилось, что Сербия не только не капитулировала под давлением австрийских санкций, но и увеличила торговый оборот почти на треть. Мало того, она наносила ответные, весьма чувствительные удары. Министерство обороны Сербии отказалось от сотрудничества с австрийскими производителями боеприпасов и артиллерийских орудий и начало искать новых поставщиков оружия во Франции, России, Италии и Германии.

Очередным неприятным сюрпризом для Вены стало неожиданное потепление отношений между Белградом и Лондоном. В октябре 1906 года британский МИД объявил о восстановлении дипломатических отношений с Сербией и даже пригласил Петра Карагеоргиевича с королевским визитом в Лондон. По этому поводу газета «Нью-Йорк тайме» ехидно заметила: «Дружба с Сербией милее британским властям, чем национальное достоинство. Сербский цареубийца готовится к приему в Англии». Король Петр, кстати, призвал тогда британских бизнесменов инвестировать средства в Сербию «на особых условиях».

Что же касается России, то правящие круги в Петербурге увидели в «сербском развороте» шанс приблизиться к своей исторической мечте — контролю над Константинополем и проливами Босфор и Дарданеллы, ведущими из Черного моря в Средиземное. В Петербурге давно надеялись, что наступит день, когда, как писал Валерий Брюсов, «славянский флаг заалееет над Царьградом». В качестве возможного плацдарма для наступления на Константинополь рассматривалась Сербия Карагеоргиевичей.

Но это было всё-таки дело будущего, а пока Россия пыталась решить более насущную задачу — открыть

проливы для своих военных кораблей. По Лондонской конвенции 1841 года, которую подписали Англия, Франция, Россия, Австрия и Пруссия, Босфор и Дарданеллы были закрыты для прохода военных кораблей в мирное время. Осенью 1908 года российский министр иностранных дел Александр Извольский начал объезжать европейские столицы с целью выяснить их отношение к этой проблеме. Но для него этот вояж закончился полным фиаско.

«Ваше дело правое, но сил недостаточно»

Австрийское правительство оказалось в сложной ситуации. Укрепление Сербии и подъем национального духа среди сербов Боснии — это была лишь одна опасность. За сербами стояла Россия. Кроме того, существовал еще и турецкий фактор.

Босния и Герцеговина формально оставалась частью Османской империи. Летом 1908 года в Турции началась революция. К власти пришли представители движения младотурков, объявившие о созыве парламента. Формально Босния и Герцеговина имела право посылать своих представителей в турецкий парламент. Значит, нужно было проводить их выборы.

В Вене забеспокоились. Как изменится обстановка в провинции в этом случае? Что делать, если младотурки потребуют вернуть им Боснию или попытаются сделать это силой? На чьей стороне в этом случае окажется население Боснии? Как будут действовать Сербия, Россия, Италия? Однозначных ответов на эти вопросы не было.

На том, чтобы одним ударом «разрубить боснийский узел», категорично настаивал министр иностранных дел граф Алоиз фон Эренталь, в 1899–1906 годах бывший послом в России. Он предлагал аннексировать Боснию и

Герцеговину и сделать ее де-юре провинцией империи. Возражал ему наследник престола эрцгерцог Франц Фердинанд (тот самый), заявлявший, что он «решительно против подобных демонстраций силы, учитывая неблагоприятное состояние наших домашних дел». Император Франц Иосиф колебался.

Между тем фон Эренталь продемонстрировал отличные дипломатические способности. Он пообещал итальянцам, что Вена не будет мешать им расширять свои колониальные владения в Африке. Турции была обещана компенсация за австрийскую аннексию Боснии — 2,5 миллиона фунтов стерлингов. Не была против аннексии и Германия, союзница Австро-Венгрии. Важнейшим шагом на этом пути должны были стать переговоры Эренталя с Извольским.

Последний уже писал австрийскому коллеге о стремлении России добиться «открытия проливов». Так что у обоих министров было что сказать друг другу тет-а-тет. Для переговоров Эренталь пригласил главу русского внешнеполитического ведомства в замок Бухлау в Моравии. Переговоры между ними проходили 15-16 (2-3) сентября 1908 года. Министры общались наедине, протоколов и записей бесед не велось, никакого письменного соглашения оформлено не было. Участники переговоров ограничились своего рода «джентльменской договоренностью».

Извольский вроде бы согласился на аннексию Боснии и Герцеговины при отказе Вены от дальнейшего продвижения в сторону Салоник и Черногории. Эренталь в ответ пообещал поддержку требования России открыть проливы для ее кораблей. Но не были уточнены ни срок аннексии, ни время выдвижения Россией требования о проливах, ни процедура осуществления этих действий. Извольский полагал, что эти меры должны быть утверждены на конференции

России, Австро-Венгрии, Англии, Франции и Германии. Эренталь, кажется, не возражал.

После встречи в Бухлау Извольский продолжал объезд европейских столиц. Его ждали неприятные сюрпризы: Париж отказался поддержать требования России без согласия на них Лондона. Но самая главная неприятность состояла в том, что пока российский министр проводил консультации в европейских столицах, в Вене 7 октября 1908 года взорвалась настоящая «бомба» — было официально объявлено об аннексии Боснии и Герцеговины.

Позже Извольский упрекал Эренталя, что тот оказался «не джентльменом», «нарушил договоренность» и что аннексия не должна была проводиться так быстро. Он утверждал, что в Бухлау, в сущности, проходил лишь обмен мнениями. Австрийский коллега отвечал, что ничего не нарушал.

Поставленный перед фактом аннексии, Извольский, ко всему прочему, встретил довольно холодный прием в Лондоне, где русский проект в отношении проливов фактически не поддержали. Другими словами, «джентльменская договоренность» в Бухлау на глазах превращалась в пшик — аннексия уже состоялась, а Россия пока что оставалась ни с чем.

В самой России «сделка в Бухлау», подробности которой начали вскрываться после аннексии, вызвала небывалый скандал. О переговорах не знал никто — даже царя Извольский проинформировал только после того, как «джентльменское соглашение» было достигнуто. Правительство резко критиковало министра иностранных дел, и вообще камни в него бросали все кому не лень. «Сделку в Бухлау» называли «дипломатической Цусимой» России.

Но что было делать? Извольский продолжал публично гневно клеймить австрийского коллегу и

настаивать на созыве международной конференции по Балканскому вопросу. Однако время шло, и становилось всё более очевидным, что Россия проигрывает этот раунд борьбы за влияние в Европе. К тому же перед ней стояла еще одна сложная и весьма двусмысленная задача — удержать своих союзников сербов, до глубины души возмущенных аннексией Боснии и готовых чуть ли не немедленно вступить в войну с Австро-Венгрией.

В Белграде известие об аннексии Боснии и Герцеговины восприняли как национальную катастрофу и национальное унижение.

В Сербии давно жила надежда, что Босния в будущем станет частью югославянского государства, а теперь, писала белградская газета «Политика», она «была растоптана грубым австрийским сапогом».

Неудивительно, что после объявления об аннексии белградские газеты вышли с огромными заголовками «Отечество в опасности» и призвали всех граждан принять участие в митингах и демонстрациях, «дабы внушительным образом заявить, что сербский народ желает всеми силами помешать присоединению, хотя бы при риске войною».

Демонстрации проходили почти ежедневно. Время от времени манифестанты направлялись к резиденциям короля Петра и королевича Георгия. Те выходили на балконы и приветствовали подданных. Георгий, например, выразил желание пойти вместе с ними «на смерть в борьбе против грабителей». «Речь королевича вызвала огромную сенсацию», — сообщали газеты.

Впрочем, сербское правительство на всякий случай запретило в печати оскорблять лично императора Франца Иосифа. Но на митингах этот запрет действовать не мог. Разгоряченные ораторы призывали к войне и выражали надежду, что Россия не останется глуха к протестам сербов.

Митингами дело не ограничилось. Австрийские и сербские войска начали выдвигаться к границе. Туда же стали подтягиваться отряды сербских добровольцев. Произошло несколько пограничных столкновений. С каждым днем положение становилось всё более угрожающим.

Русское правительство пыталось сдерживать сербов. «Царь сказал, что сербское небо покрылось черными тучами вследствие этого удара, — доносил в Белград сербский посланник в Петербурге. — Положение ужасно, потому что Россия не готова к войне и русское поражение погубило бы славянство. Царь думает, что конфликт с германизмом неизбежен в будущем и что к нему надо готовиться».

В России побывали королевич Георгий и премьер-министр Никола Пашич. Николай II сказал им: «Ваше дело правое, но сил недостаточно».

Ситуация угрожающей неопределенности сохранялась несколько месяцев. С обеих сторон границы шли военные приготовления.

Когда кризис зашел уже слишком далеко, в него вмешалась Германия, занимавшая ранее достаточно пассивную позицию. Решение об аннексии для нее тоже было неожиданным, и в Берлине не скрывали недовольства такими опасными шагами своего союзника. Но теперь Германии приходилось действовать решительно.

В начале января 1909 года Берлин потребовал от Петербурга признать «свершившиеся факты» и повлиять «на белградский кабинет», в противном случае пообещал устраниваться и «предоставить события их собственному течению» и пригрозил, что «ответственность за дальнейшие события падет тогда исключительно на г. Извольского».

Это означало: если Россия и Сербия не признают аннексию, Австро-Венгрия может начать войну против

сербов. Действительно, в Вене уже шла подготовка к мобилизации пяти из пятнадцати армейских корпусов.

Уклончивые ответы Петербурга немцев не устроили, и 23 (10) марта 1909 года он фактически получил ультиматум. Царь почти сразу же ответил согласием. «Раз вопрос был поставлен ребром, — писал он матери, — пришлось отложить самолюбие и согласиться». Россия признала аннексию.

Тридцать первого числа то же самое скрепя сердце сделала и Сербия — официально заявила, что аннексия Боснии и Герцеговины не нарушает ее прав, и отказалась от «позиции противодействия и протеста, которую она заняла с последней осени по отношению к аннексии». Белград обязался жить с Австро-Венгрией в добрососедских отношениях, сократить армию и распустить добровольческие отряды.

В том же году Белград и Вена подписали соглашение, по которому Австро-Венгрия сняла запрет на импорт сербской свинины.

Вряд ли это сильно утешило сербов. Они теперь могли лишь отчасти верить увещаниям их покровителей в Петербурге, Лондоне и Париже: сейчас воевать не время, но когда к войне с «германизмом» всё будет готово, об интересах Сербии не забудут. А пока Извольский советовал сербским послам в Париже и Лондоне: «Пусть сербское население Боснии и Герцеговины продолжает свою работу по духовному возрождению».

Белградское правительство и само прекрасно понимало, что «внутренний сербский фронт» в Боснии может оказаться для империи не менее опасным, чем внешний. Среди сербской молодежи по ту сторону границы было полно «горючего материала», а вся история с аннексией только увеличила его количество.

В 1909 году большой европейской войны из-за Боснии удалось избежать, но часовой механизм мины,

взорвавшейся пять лет спустя, был запущен.

ГАВРО — ГАВРОШ

Переломный год

Конечно, ни Гаврило Принцип, ни его будущие соратники в деле покушения на эрцгерцога понятия не имели о деталях всех этих закулисных переговоров и сделок, в процессе которых решалась судьба Боснии и Европы в целом. Юные романтики в Боснии и Герцеговине, мечтавшие о свободе, самопожертвовании и югославянском государстве на Балканах, еще не знали, что стали частью механизма мины, которая вскоре взорвет весь мир.

Но они видели, что происходило вокруг.

Вена и Будапешт были очень обеспокоены положением в Боснии и Герцеговине. Проводились аресты среди «великосербских пропагандистов». «На случай вторжения в Боснию» сербской и черногорской армий власти начали создавать из славянского населения лояльные отряды ополчения. В самой Боснии началось формирование добровольческого корпуса «страшунов», а в Хорватии — Национального легиона.

Противники этой затеи в Хорватии окрестили легион «черной сотней». Они утверждали, что легионеры собираются устраивать сербские погромы — точно так же, как русские черносотенцы осуществляли погромы еврейские. В качестве альтернативы «черным» пытались создать «красный легион». Иногда между «черными» и «красными» происходили столкновения, но пока еще они не имели слишком опасного для властей характера.

В это бурное время Гаврило Принцип учился в торговом училище в Сараеве. Ему там не слишком нравилось, хотя результаты учения были неплохими — так по крайней мере вспоминали его однокашники. А что всё-таки значит «неплохими»? Остались ли какие-то документы, подтверждающие эти воспоминания?

Оказывается, остались. В Историческом архиве Сараева хранятся классные журналы училища с оценками учеников. Значится среди них и «Принцип Гавро».

Вот, например, 1908/09 учебный год. В классе 2Б, в котором учился Принцип, его начали 33 ученика, а к концу года по разным причинам осталось только 22.

Первое, что бросается в глаза, — сплошные колы и двойки, выставленные Принципу по самым различным предметам. Всё становится на свои места, если знать особенности оценки знаний учеников в Боснии в начале XX века.

Система оценок в боснийских школах того времени была достаточно сложной. Успехи ученика оценивались сразу по нескольким направлениям — за прилежание в учебе, за изучение предмета, за письменные работы и, наконец, за поведение. И назывались оценки по-разному. Скажем, поведение могло быть «примерным», «очень хорошим», «хорошим», «без замечаний» и «не без замечаний». Успехи в изучении предметов — «отличными», «очень хорошими», «хорошими», «удовлетворительными» и «неудовлетворительными». А вот письменная работа могла оказаться «прекрасной», «аккуратной» или же «неаккуратной». В следующий класс ученика переводили, если у него большинство оценок не опускалось ниже «хороших», при поведении хотя бы «без замечаний».

Но самое главное — в отличие, скажем, от России, где отличными и хорошими оценками всегда считались соответственно пятерки и четверки, в Боснии того

времени самыми лучшими баллами были единицы и двойки, а самым плохим — пятерка.

Принцип не был круглым отличником — «пятерочником» по-нашему или «единичником» по-боснийски. Скорее, можно назвать его твердым хорошистом.

По классным журналам можно, например, узнать, что поведение Гаврилы в торговом училище со временем становилось хуже. Если сначала его оценивали как «примерное» и почти за каждый месяц выставляли единицы, то уже на втором-третьем году стоят сплошные двойки и тройки. И есть даже четверка. То же самое происходит с «прилежанием» и Законом Божьим. Не очень хорошо шли у него арифметика и торговое дело — сплошные тройки и четверки.

А немецкий язык он, видимо, резко разлюбил: если сначала ему ставили как единицы, так и тройки, то потом пошли только тройки и четверки.

Зато по чистописанию и истории у Принципа в журналах значатся только двойки и единицы.

Еще одна любопытная деталь: во время учебы в торговом училище Принцип получал стипендию в 150 крон. Согласно записи в одном из журналов, стипендия была назначена ему по распоряжению «правительства» Боснии и Герцеговины.

Принцип учился коммерции три года. На каникулы он ездил к родителям в Обляй, помогал им по хозяйству. В один из таких приездов, летом 1909 года, он якобы и нацарапал свои инициалы на камне во дворе родного дома.

Уже в тюрьме он вспоминал, что во время учебы он страдал лунатизмом и по ночам ходил по комнатам, однако потом болезнь прошла.

С каждым месяцем пребывание в торговом училище становилось для него всё более мучительным. Он не мог представить себя коммерсантом — к занятию торговлей

он вообще относился с презрением, считая, что даже тяжелый крестьянский труд выше и благороднее ее. Гаврило хотел перейти в классическую гимназию. Но для этого нужно было сдать дополнительные экзамены. К тому же старший брат сначала не одобрил этой идеи. Будучи человеком практичным, он считал, что именно знание коммерции позволит твердо стоять на ногах, а всякие там мечтания о литературе и других науках — это всё несерьезно.

Однако со временем Ново изменил свою точку зрения. Посоветовавшись со знакомыми, он понял, что Гаврило может стать юристом или даже профессором, а такие люди зарабатывают гораздо больше торговцев и пользуются всеобщим уважением.

В конце концов Йово согласился и даже нашел брату репетитора — студента-медика Марка Маглова, который подтягивал Гаврилу по греческому и латинскому языкам. Экзамены по этим предметам нужно было сдавать при поступлении в гимназию, и задача представлялась нелегкой.

В боснийских гимназиях уроки латинского занимали шесть часов в неделю в первом и втором классах, а в третьем — так вообще восемь. Кроме того, третьеклассникам преподавали еще и греческий — пять часов в неделю. Принцип, который собирался поступать в четвертый класс гимназии, должен был в самые короткие сроки освоить всё, что прошли гимназисты.

Br. 21 Princip G up. par. 14/II. 1894 Petar Filipović ima stipendija od K po naredbi zem. vl. od br. Stan: Opakanj 4-6 Najbolje iznosa: na II. semestru 24. juna 1894 na ostalom letu	Septembar	1	1																
	Oktober	1	2		4	2	1	5	4	3									3
	Novembar	1	1		1	2	4	3	3	4									4
	Decembar	1	4		3	1	2	3	2	3									3
	Januar	1	2		1	2	3	2	2	5									1
	Prvi semestar	1	2		2	2	3	3	3	4									3
	Februar	1	1		1	2	3	2	2	3									2
	Mart	1	2		1	2	3	2	2	2									2
	April	1	2		2	2	4	2	1	3									2
	Maj	2	2		1	2	4	2	2	4									3
	Juni		2		1	2	3	2	1	3									3
	Drugi semestar				1	2	3	2	1	3									3
	Ostalo letu																		7

Br. 26 Gavro Princip up. par. par. 13. II. 1894. a Gavro ima stipendija od 150. K po naredbi zem. vl. od Stan: Opakanj 4-6 Najbolje iznosa: na I. semestru 1. II. 1894 na II. semestru na ostalom letu	Septembar																		
	Oktober	2	2	1	3	4	3	5											2
	Novembar	2	2	4	3	4	3	3		4	4								4
	Decembar	2	2	3	2	3	3	2		3	3								3
	Januar	2	2	3	3	3	3	2		4	3								3
	Prvi semestar	4	2	2	3	3	2			3	4								4
	Februar	4	4	2	2	3	3	2		4	5								5
	Mart	2	2	2	2	3	3	2		3	3								3
	April	2	2	4	2	3	3	2											
	Maj																		
	Juni																		
	Drugi semestar																		
	Ostalo letu																		

Prilazi u gornjoj stranici

Классные журналы торгового училища в Сараеве за 1908/09 и 1909/10 учебные годы с оценками Гаврилы Принципа. Фрагменты

Гаврило решил сдавать экзамены в гимназию города Тузла, примерно в 80 километрах к северу от Сараева. В августе 1910 года он успешно выдержал их и был принят в четвертый класс. В журнале класса торгового училища, в котором учился Принцип, напротив его фамилии красными чернилами сделана запись: «Переходит в IV класс гимназии».

Тогда Тузла была совсем небольшим городком (в ней и сегодня-то живет чуть больше восьмидесяти тысяч жителей), но городская гимназия считалась одной из лучших в Боснии. Да и Принцип в ней чувствовал себя уже по-другому. Теперь он был уже не просто мальчиком из бедного села, а человеком, приехавшим из Сараева — какой-никакой столицы.

Кроме тетрадей и учебников Принцип приносил с собой на уроки «Сочинения Юлия Цезаря» и тайком читал их на занятиях.

Его товарищи по гимназии позже рассказывали, что после уроков Принцип часто проводил время в компаниях, особенно любил играть в бильярд. Однажды он вошел в такой азарт, что в споре с соперником огрел его кием по голове. Правда, тут же извинился.

Гимназистам, кстати, запрещалось играть в бильярд и посещать кафаны. Разумеется, они это регулярно делали, и Принципа с одноклассниками несколько раз отлавливали гимназические надзиратели. Были проблемы и из-за его главной страсти — чтения. Читал он всё, что попадется под руку, в том числе новомодную детективную литературу. Тогда рассказы о великих сыщиках Шерлоке Холмсе, Нате Пинкертоне и Нике

Картере выходили еженедельно в виде небольших книжечек. Гимназистам читать их тоже запрещалось.

Любопытно, что почти в то же время в Хорватии рассказы о приключениях Шерлока Холмса буквально проглатывал другой будущий всемирно известный представитель югославян — молодой (он был старше Принципа всего на три года) Иосип Броз, который через некоторое время станет коммунистом, агентом Коминтерна и возьмет себе партийный псевдоним Тито. Однажды хозяин мастерской, где работал будущий маршал и руководитель Югославии, увидел, что тот увлекся чтением о похождениях Холмса и доктора Ватсона прямо на рабочем месте. Он подкрался к нему, отобрал книгу и вlepил пощечину.

У Принципа, по воспоминаниям его однокашников, были сложные взаимоотношения с учителями. И из-за книг, и из-за бильярда, и из-за отношения к религии. Уже в тюрьме убийца эрцгерцога рассказывал психиатру Паппенгейму, что не любил ходить в церковь, а в школе не любил уроки Закона Божьего. Однажды Гаврилу застукали за весьма греховным занятием — во время Рождественского поста он с аппетитом поглощал чевапчичи — жареные говяжьи или свиные колбаски с луком и приправами.

Несмотря на то что Гаврило учился неплохо, у него быстро набралось много «грехов» — и конфликты с преподавателями, и пропуски занятий. Он пропустил 20 часов уроков, а за 25 часов автоматически исключали из гимназии. Драго Любибратич в мемуарах рассказывал со слов одного из товарищей Принципа по гимназии, что тот жаловался: «Всё равно меня выгонят, так что лучше я сам уйду. Да и вообще не нравится мне здесь. Уеду к брату в Хаджичи. Знаю, что он меня отлупит и выгонит из дома, но у меня нет другого выхода».

Однако брат его не выгнал. Скорее всего, именно благодаря ему Принципа удалось перевести в

сараевскую гимназию.

В Сараеве в начале XX века насчитывалось, по разным данным, от шестидесяти до восьмидесяти тысяч человек. Здесь царила такая же мешанина национальностей и религий, как и во всей Австро-Венгрии: рядом жили боснийцы-мусульмане, сербы-православные, хорваты-католики и представители многих других народов.

Сараево тогда было (а возможно, остается и поныне) самым большим европейским городом с ярко выраженными восточными чертами. Особенно это чувствовалось (и чувствуется) в одном из районов — «турецком главном городе» Башчаршии. Башчаршия появилась еще в XV веке. Это действительно небольшой городок из одноэтажных, покрытых черепичными крышами мастерских, магазинчиков, кофеен, лавок, которые теснятся на мощенных булыжником улицах. Тут же — мечети с минаретами, небольшие площади с колодцами.

Конечно, сегодня Башчаршия уже не та, что раньше. Во-первых, ее большая часть сгорела во время пожара 1852 года; во-вторых, она превратилась в популярный туристический квартал со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но всё же она дает некоторое представление, как выглядело старое Сараево.

За три десятилетия австрийской оккупации Сараево начало меняться. Для жителей Вены, Будапешта, Праги и даже относительно недалекого Загреба оно по-прежнему оставалось глухим углом империи, а имперские чиновники тяготились своей работой «в этой провинции», но постепенно город приобретал европейские черты.

Интернациональная команда архитекторов — немцев, чехов, хорватов, австрийцев — застраивала Сараево новыми зданиями. На рубеже веков появились

ранее невиданные в этих краях электрическое освещение на улицах и канализация, открылись офицерское казино (в нем также давали концерты и играл духовой оркестр под управлением Франца Легара — отца знаменитого композитора), театр, кинотеатр и краеведческий музей. В 1908 году в городе появился первый футбольный клуб «Осман», а перед началом войны их было уже целых пять. Но одним из самых главных символов «европеизации» Сараева стала линия электрического трамвая, одна из первых в Европе.

Открытие трамвайной линии состоялось 1 мая 1885 года. Злые языки утверждали, что старомодный император Франц Иосиф подозрительно относился к «электрической повозке» и именно поэтому первую в империи трамвайную линию построили не в Вене, а в провинциальном Сараеве — решили посмотреть, что из этого выйдет.

Возможно, это соответствует действительности — Франц Иосиф прослыл в истории человеком, не принявшим технического прогресса. Он не пользовался пишущей машинкой, телефон на всякий случай приказал убрать в туалет, не ездил на автомобиле и не признавал водопровода — до конца жизни мылся в складной ванне, которую наполняли водой, принципиально не пользовался лифтами и не любил электрического освещения.

Однако на торжественную церемонию по случаю пуска «электрической повозки» в Сараеве император всё-таки пожаловал лично. Вскоре трамвай стал одной из достопримечательностей города. До сих пор в книжных магазинах столицы Боснии можно найти репродукции открыток тех времен с трамваем на фоне «городского пейзажа», а у букинистов — и сами открытки, печатавшиеся сотнями.

Жители Сараева отнеслись к трамваю одновременно с восхищением, удивлением и опасением.

Известный кинорежиссер Ратко Орозович (во времена социалистической Югославии он, кстати, участвовал в съемках масштабного художественного фильма о покушении на эрцгерцога Франца Фердинанда) рассказал автору этой книги замечательную историю, которая довольно точно передает нравы того времени.

Дед Орозовича служил одним из первых водителей сараевского трамвая. Поначалу на остановках пассажиры (исключительно мужчины!) по восточному обычаю перед посадкой в трамвай снимали обувь и ехали без нее, а доехав до места назначения, интересовались: как же теперь быть с их туфлями?.. На это водитель, пожав плечами, отвечал: «Покупайте билет и езжайте за ними туда, где вы их оставили». Удивительно, что обувь на остановках никуда не пропадала — то ли воров в тогдашнем Сараеве было меньше, то ли просто никому в голову не приходило стащить туфли горе-пассажиров. Только через некоторое время жители наконец привыкли к тому, что в трамвай можно заходить в обуви.

На статус Боснии и Герцеговины в Австро-Венгерской империи сильно повлияли противоречия и споры между Веной и Будапештом. С одной стороны, были попытки включить ее в состав Венгерского королевства, но в Вене этому категорически воспротивились. С другой стороны, венгры так же активно возражали против вхождения Боснии в состав Австрии. В итоге новой провинции был придан особый статус — она стала «коронной землей», напрямую подчинявшейся имперским властям. От их имени Боснией управляло Министерство финансов монархии Габсбургов — в нем было создано специальное Управление по Боснии и Герцеговине.

Нельзя, конечно, сказать, что эти самые власти установили в Боснии режим слишком уж сурового

национального гнета и тем более геноцида. 17 февраля 1910 года провинции была дарована конституция. Она предполагала созыв парламента — Сабора, причем на конфессиональной основе: 31 место в нем закреплялось за православными, 24 — за мусульманами, 16 — за католиками, 1 — за евреями.

За депутатские мандаты боролись «национальные» партии — Хорватская католическая, Мусульманская народная, Сербская народная организация, Мусульманские демократы и т. д. Впрочем, парламент скорее играл роль органа местного самоуправления — депутаты не имели права разрабатывать и принимать законы, а также контролировать работу правительства. Всё полностью оставалось в руках императора и имперского кабинета министров.

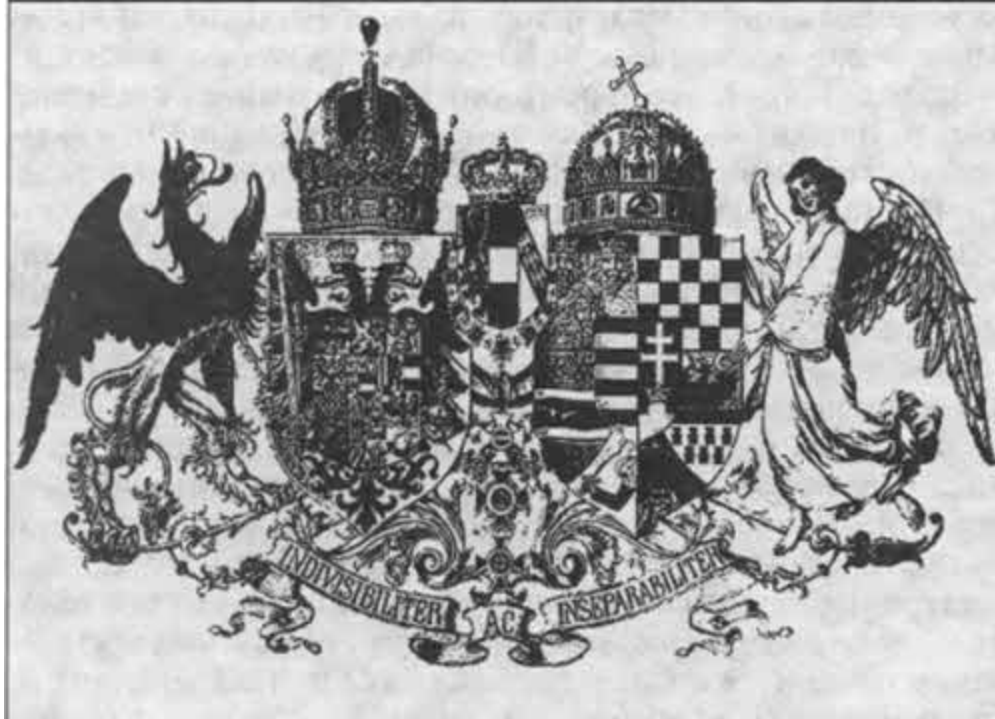
Гражданам гарантировались конституционные права, правда, с оговоркой, что в условиях чрезвычайной ситуации они могут быть ограничены или даже отменены. Провинция получила собственные герб и флаг.

Власти достаточно терпимо относились к языкам и религиям новых подданных. Естественно, языком государственного управления стал немецкий, а число имперских чиновников в Боснии всё увеличивалось. Австро-Венгрия вообще считалась одной из самых бюрократических стран Европы (в этом она соперничала с Россией), и количество имперских чиновников, как утверждали, превышало даже численность армии. Так что если в 1878 году в Боснии насчитывалось всего-то 120 турецких «управленцев», то в 1908-м число «государственных менеджеров», представлявших австро-венгерскую монархию, приближалось уже к десяти тысячам. Правда, надо признать, что и дел у них прибавилось. Имперские чиновники были в основном австрийцы, венгры, немцы, чехи, хорваты, поляки.

Православные и мусульмане были недовольны явным покровительством, которое империя оказывала католикам. В Боснию из других частей монархии даже завозили католическое население. Сначала, еще во время режима оккупации, были ликвидированы школы при православных храмах (и обучение на кириллице) и мечетях. Образование получило светский характер. Но потом православные и мусульмане всё же добились права обучать детей соответственно при храмах и мечетях.

Еще со времени оккупации перед имперскими властями довольно остро встал вопрос, как официально называть то население, которое проживает в Боснии и Герцеговине. Особую опасность для Вены и Будапешта представлял панславизм — идеология объединения южных славян угрожала подрыву и развалу «двуединой монархии». Поэтому еще в восьмидесятых годах XIX века министр финансов империи и наместник Боснии (1882–1903) Беньямин фон Каллаи, венгр по национальности и историк по образованию, выдвинул теорию «боснийской идентичности».

Согласно ей, все боснийцы (бошняки) принадлежат к единой нации, говорят на одном, боснийском языке и исповедуют три религии, которые пользуются равными правами. В 1891 году в Сараеве начала выходить газета «Бошняк» — рупор этой идеологии. Впрочем, тогда особого успеха она не имела, и только в 1990-х годах, во время распада социалистической Югославии и начала межнациональных войн на ее территории, идеология «боснийской идентичности» снова была взята на вооружение руководством уже независимой Республики Босния и Герцеговина.

Герб Австро-Венгерской империи

Герб Боснии и Герцеговины — провинции в составе Австро-Венгрии

Но тогда, в начале прошлого века, ни она, ни сорокалетняя «европеизация», проводимая австрийцами и венграми, не пустили в Боснии глубоких корней. Не только сербы и мусульмане, но даже хорваты-католики, всегда считавшие себя «самым европейским» народом Боснии, с трудом воспринимали австро-венгерских «цивилизаторов».

Известный французский историк Шарль Диль заметил по этому поводу, что в Боснии «народ упорно закрывает перед ними свое сердце». Действительно, не так уж много было тех, кто с искренним восторгом встретил приход австрийцев, а потом и аннексию Боснии. Да что там говорить, если даже представители

первых поколений боснийцев, родившихся после начала оккупации и получивших во многом благодаря имперским реформам неплохое по тем временам образование, уже в 1910–1911 годах только и мечтали о том, чтобы убить кого-нибудь из австро-венгерских высокопоставленных чиновников.

В тюрьме Принцип тоже скажет, что 1911 год стал переломным и в его жизни.

«Он скакал голый и кричал:

«Да здравствует революция!»

Принципу шел уже семнадцатый год, и он постепенно превращался из подростка в юношу. Сохранилось несколько его описаний из того времени:

«Среднего роста, с несколько широкими, слегка вогнутыми плечами. Он был темным шатеном, с сентиментальными голубыми глазами под слегка нахмуренным лбом. Но хотя его глаза были сентиментальны, огонь и отвага сияли в них. Он был мускулист и костляв, и в его руках чувствовалась сила. Говорил коротко, короткими фразами и внушал впечатление человека, взвешивающего свои слова: он был умен. Его речь часто была вызывающей и могла казаться сарказмом, если бы во всём его лице и в особенности в его глазах не было так много мечтательной славянской меланхолии. Он был хорошим и бескорыстным другом».

«Принцип, младший из нас, всегда сумрачный и скромный, держался как бы в стороне... Небольшого роста, сутуловатый, но сильный и выносливый, смуглый, почти черный, с лицом, на котором внутренняя страсть уже проложила резкие черты».

«В спорах он был необычайно желчным. Когда его «прижимали к стене» и он чувствовал, что его точка зрения терпит поражение, то буквально физически страдал от этого и хорошо рассчитанной грубостью затевал ссору, чтобы во всеобщей неразберихе забыли о его неудаче... Трудно сосчитать, сколько раз он дрался со мной».

«Весь его вид выражал энергию и решительность. Его смягчали светло-голубые глубокие глаза, мягкие и теплые, но случались моменты, когда они могли блеснуть внутренним огнем и стать острыми и пронизывающими, как две стрелы... На первый взгляд спокойный и молчаливый, он иногда становился в дискуссиях циничным и грубым и был очень настойчивым, хотя и не упрямым. Довольно амбициозен и немного хвастлив... Он охотно шутил и вообще был остроумным... В сердце был хорошим и преданным другом».

«Ни одна из его фотографий, которые я видел, не похожа на настоящего Гаврилу Принципа. Им всем не хватает его глаз, которые составляли главную особенность его образа. Я не видел взгляда волка на свободе, но я уверен, что он похож на взгляд Принципа. Из его глаз исходило ледяное дыхание, и казалось, что они смотрят на человека и инстинктивно определяют самое удобное место, за которое его можно схватить».

Первое время Гаврило держался в гимназии особняком — у него почти не было друзей. Одноклассник Иво Краньчевич, тоже ставший потом участником покушения на Франца Фердинанда, хорват по национальности, вспоминал об одной истории.

Однажды Принцип не выучил урок по географии. Когда его вызвал учитель, он сказал, что плохо себя чувствовал, поэтому был не в состоянии читать. Учитель спросил, может ли кто-нибудь подтвердить, что он действительно был так болен, что не смог выучить урок.

Принцип назвал имена двух одноклассников, но их в тот день не было в гимназии, тоже по причине болезни. Преподаватель и весь класс начали смеяться — уловка Принципа была слишком наивной, — а он оглядывал класс в надежде, что ему кто-нибудь всё-таки поможет.

Однако, казалось, никто не собирался этого делать — он пришел в гимназию совсем недавно, и одноклассники его почти не знали. Но когда Принцип встретился взглядом с Краньчевичем, тот махнул рукой, подав ему знак, что готов помочь. Краньчевич сказал учителю, что якобы приходил к Принципу домой и видел, что тот лежал в постели с высокой температурой и не мог даже разговаривать, не то что читать. В общем, для Гаврилы всё обошлось. На перемене он подошел к Краньчевичу и, поблагодарив за помощь, сказал, что очень удивился — ведь он хорват, а одноклассники-сербы смеялись и даже не подумали помочь ему. С тех пор они подружились.

О Принципе вспоминают как об очень аккуратном человеке. Он одевался небогато, но чисто и вообще следил за собой, чем отличался от многих других однокашников, «щеголявших» мятыми костюмами и растрепанными волосами.

В Сараеве Принцип познакомился с Драгославом Лю-бибратичем. Еще одним его гимназическим другом стал Трифко Грабеж — о нем мы еще не раз упомянем. Любибратич вспоминал, что будущего убийцу Франца Фердинанда из-за небольшого роста иногда называли Гаврица. Не то чтобы презрительно, но и не слишком уважительно.

А сам Принцип очень хотел, чтобы его называли Гаврошем — по имени бродяги-подростка из романа Виктора Гюго «Отверженные». В романе Гаврош героически погибает на баррикадах по время народного восстания в Париже в июне 1832 года. Принцип наверняка мечтал о чем-то подобном — о подвигах,

славе, известности. Он всё-таки добился того, чтобы его называли Гаврошем.

В Сараеве Гаврило с друзьями по-прежнему ходил по кафанам и играл в бильярд. Особенно часто они появлялись в кафане «Каир», затем перебазировались в читальню общества трезвости «Побратимство». Потом его друзья увлеклись танцами и даже начали посещать соответствующие занятия. Но Принципа так и не смогли уговорить ходить с ними — он робел. Стеснялся он и знакомиться с девушками, хотя была у него и тайная любовь.

По воскресеньям всех гимназистов православного вероисповедания водили в церковь в сопровождении учителей. Туда же приводили и девушек из женской школы. Пока шла служба, гимназисты переглядывались и даже знакомились с ними. Там-то Гаврило и влюбился в одну из учениц по имени Елена. Кто она, неизвестно. Он даже писал ей письма, но романа у них не получилось.

Очень любопытные, хотя и слишком уж «беллетристические» воспоминания оставил о Принципе участник «омладинского» (молодежного) движения в Боснии Доброслав Евджевич^[16], ставший во время Второй мировой войны одним из командиров югославских четников^[17] и воевавший вместе с итальянскими оккупантами против партизан-коммунистов маршала Иосипа Броз Тито, а потом эмигрировавший в Италию. (Как бы сам Принцип отнесся к такому повороту в биографии друга юности?)

Евджевич тоже описывал Принципа как стеснительного и неуверенного человека в отношении с противоположным полом. Но он же добавлял к его портрету некоторые довольно пикантные черты. По словам Евджевича, Принцип где-то вычитал, что к своей

единственной любимой нужно приходиться уже «уставшим от объятий купленных женщин» и что только так может выжить «духовная любовь». Неизвестно, был ли у него опыт по части «объятий», но в дома терпимости он со своими друзьями вроде бы ходил, однако дело якобы заканчивалось тем, что тамошние обитательницы рассказывали ему придуманные жалостливые истории о своей жизни, а он доказывал, что не презирает их, а наоборот, очень хорошо понимает.

Когда же по ночам, писал Евджевич, его начинали преследовать «образы обнаженных женщин», он скакал голым по комнате, крича: «Да здравствует революция!» Образ будущего «героя-террориста», конечно, получается несколько карикатурным, но почему бы в это не поверить?

«Книги для меня — это жизнь»

Главной же его страстью по-прежнему оставалось чтение. Директор Института истории Боснии и Герцеговины Хусния Камберович, например, так и выразился в разговоре с автором этой книги: «Принцип был буквально оккупирован литературой». «Книги для меня — это жизнь», — говорил он. За книги Гаврило действительно хватался в любую свободную минуту. Когда он приезжал к старшему брату, то читал и там, вызывая недовольство жены Йово. Она-то считала, что младший Принцип должен помогать им в работе, а он сидел за книжками.

Он хотел стать поэтом и начал «пробовать перо». Он читал свои стихи друзьям, но те их не оценили. В одном из стихотворений речь шла о розах для любимой девушки, которые растут на дне моря. Однажды Принцип попросил, чтобы его стихи почитал Иво

Андрич, будущий знаменитый писатель. Андрич тоже учился в сараевской гимназии, но был старше Принципа на два года. В 1912-м он уже поступил на философский факультет Королевского университета в Загребе, главном городе Хорватии.

Принцип обещал принести Андричу свои стихи, но так и не сделал этого. Подождав немного, Андрич спросил, где же стихи. Гаврило ответил, что уничтожил их.

Его ранние «поэтические опыты» не сохранились. Осталось лишь несколько фрагментов сочинений, которые он написал, уже сидя в тюрьме. Чудом сохранился один прозаический текст Принципа, написанный летом 1911 года. Тогда он с несколькими друзьями отправился на гору Белашница, недалеко от Сараева. Этот-то «поход» Принцип и описал. В 1939 году его «рассказ» был опубликован в югославском журнале «Жена данас» («Женщина сегодня»). Это скорее сочинение, гимназическое литературное упражнение, написанное довольно тяжелым и старомодным языком, хотя автору нельзя отказать в наблюдательности и желании научиться писать. Не исключено, что со временем из него получился бы литератор или журналист.

Однажды во время урока Закона Божьего по рядам была пущена записка Принципа: он предлагал создать литературный кружок, а тем, кто готов присоединиться, — собраться на перемене в столовой. Там он рассказал, что когда учился в Тузле, то со своими однокашниками входил в тайное общество. Принцип заметил, что они занимались не только литературой, но и «обсуждали различные идеи».

Несколько человек согласились основать такое же общество в сараевской гимназии. Его решили назвать «Нада» — «Надежда». Принципа как инициатора

выбрали председателем, а Трифко Грабеж стал кассиром.

Знавшие в это время Принципа вспоминали, что он особенно интересовался русской литературой. Часто его видели с книгами Гоголя и Достоевского. А вот Льва Толстого, судя по всему, он не любил.

Доброслав Евджевич хорошо запомнил, при каких обстоятельствах познакомился с Принципом. Однажды он сидел в сараевском парке с томом Толстого в руках. Неожиданно к нему подошел его ровесник и, даже не поздоровавшись, заявил, что «все книги Толстого нужно сжечь, потому что он проповедник непротивления злу насилием». «Это были первые слова, которые я от него услышал», — вспоминал Евджевич много лет спустя.

«Мы, — писал в свою очередь Любibrатич, — хорошо знали о французской революции и о людях и событиях той бурной эпохи, о революционном 1848 годе и о Парижской коммуне. Мы читали произведения русской литературы, которые были пронизаны образом революции. Отзвуки русской революции и забастовок 1905 года еще раздавались в наших краях, и мы много слышали о них... нас особенно притягивали к себе книги с загадочными названиями. Но ничто не могло сравниться с магическим действием таких слов, как «революция», «покушение», «забастовка».

За чтением Принцип проводил целые ночи. Большой популярностью среди боснийских гимназистов в то время пользовался Фридрих Ницше, и не только его философские работы, но и стихи. Принцип, довольно посредственно говоривший по-немецки, тем не менее с особым удовольствием декламировал наизусть на родном языке философа-поэта стихотворение из его книги «Ессе Ното» («Се человек»):

*Мне ль не знать, откуда сам я?
Ненасытный, словно пламя,*

*Сам собой охвачен весь.
Свет есть всё, что я хватаю,
Уголь всё, что отпускаю:
Пламя — пламя я и есмь!*^[18]

Впрочем, Принцип читал не только Чернышевского, Кропоткина или Ницше. С таким же удовольствием он «глотал» романы Вальтера Скотта или Александра Дюма. Еще одним его пристрастием была антиклерикальная литература. Принцип говорил, что «сифилис и клерикализм — это несчастное наследство Средневековья, которое цивилизация до сих пор не умеет лечить», и «самыми ужасными словами» ругал «божественное происхождение власти Габсбургов».

...В тюрьме Принцип скажет, что именно тогда, в 1911 году, начал понимать, «какими должны быть идеалы в жизни».

«МОЛОДАЯ БОСНИЯ»

«Откуда пошло?»

В начале прошлого века в Боснии и Герцеговине начала формироваться весьма любопытная молодежная «прослойка». Это были гимназисты, ученики старших классов школ и училищ, студенты. В основном — дети крестьян, совсем недавно ушедшие в город и прекрасно знавшие, как живут «простые люди». Появившееся благотворительное общество «Просвета» («Просвещение») давало стипендии наиболее успешным выпускникам училищ и гимназий для учебы в университетах Праги, Вены, Загреба или Белграда. Студентам из Боснии давало стипендии и сербское правительство.

Тогда же начали возникать и первые кружки учащейся молодежи. Вообще-то по законам того времени гимназистам и учащимся запрещалось участвовать в деятельности гимназических, студенческих или спортивных обществ под угрозой исключения. Такие правила действовали именно на территории Боснии и Герцеговины — в Хорватии или Чехии дело обстояло иначе. Но, как известно, если нельзя, но очень хочется, то всегда можно найти вариант. Разнообразные ученические организации начали действовать полуподпольно и подпольно. Они были разными — от добровольных читален и литературных обществ до радикальных политических кружков.

Подобные кружки, кстати, возникали по всей империи. В Вене — «Заря», в Загребе — «Вал», «Вихрь» и «Хорватский ученик» (по названию одноименного

журнала), в Славонии — «Возрождение», в Сплите — «Юг», «Знамя» и «Единство». И т. д. и т. п. Многие из участников и организаторов покушения 28 июня 1914 года прошли через такие кружки. Гаврило Принцип не был исключением.

Забежим немного вперед. В феврале 1915 года, когда Первая мировая война, начавшаяся после сараевских выстрелов Принципа, была уже в самом разгаре, сам террорист и его соратники сидели в тюрьме, а трое из них были повешены, их уцелевший товарищ встретился в Париже с русским революционером-эмигрантом Львом Троцким. Встреча происходила в знаменитом кафе «Ротонда», одном из самых богемных мест Парижа того времени.

«Рядом со мною, — описывал ее Троцкий, — в углу *cafe a la Rotonde*, в клубах табачного дыма, равного которому нигде не найти, сидит молодой серб. Несмотря на крайне пестрый состав публики, вы невольно остановите на нем глаза. Это одна из тех фигур, которая как бы создана для того, чтобы возбуждать беспокойство в людях порядка. Высокий, худой, но крепкий, смуглый, с выражением тревоги и энергии в глазах и чертах лица, он остро присматривается ко всем и ко всему, жадный до впечатлений чужой жизни, но способный не растворяться в ней. У этого молодого человека, почти юноши — ему теперь вряд ли 23 года, — есть своя цель. Это босняк, ближайший друг Принципа и Илича».

Это был Владимир Гачинович — один из ведущих деятелей молодежного движения Боснии и Герцеговины, которого также часто называют основателем «Молодой Боснии». Гачинович родился в 1890 году в семье православного священника. Учился в гимназии в Мостаре, там же начал участвовать в работе литературно-философских обществ, изучал богословие, писал для газеты «Народ». Вскоре после аннексии

Боснии был арестован местными властями, а после освобождения уехал в Сербию.

В Сербии он учился в 1-й белградской мужской гимназии, затем в Белградском университете. На стипендию сербского правительства продолжил обучение в Вене. В 1912 году он отказался служить в армии Австро-Венгрии и стал эмигрантом. Вскоре переехал в Швейцарию, где жил и учился до своей ранней смерти в 1917 году.

Это, так сказать, внешняя сторона биографии Гачиновича. О ее внутренней стороне поговорим чуть позже. Тогда же, в феврале 1915 года, Троцкий попросил Гачиновича набросать свои воспоминания о том, как в среде боснийской молодежи созревала идея заговора. Они были опубликованы (без указания имени автора) 22 марта 1915 года в газете «Киевская мысль», с которой сотрудничал Троцкий. Это весьма любопытный документ, который, конечно же, нельзя оставить без внимания.

«Вы, русские, о нас знаете мало, — писал Гачинович. — Гораздо меньше, чем мы о вас.... Мы отстали от вас в смысле общественного развития на несколько десятилетий. И если бы вы заглянули на страницы движения нашей сербо-кroatской, вообще юго-славянской интеллигенции, то нашли бы там многие черты вашего собственного движения, каким оно было в 60-х и 70-х годах прошлого столетия. А мы знаем вашу идейную историю и любим ее, мы во многом воспроизводим ее на себе. Чернышевского, Герцена, Лаврова и Бакунина мы считаем в числе наших ближайших учителей. Мы, если хотите, ваша идейная колония. А колония всегда отстает от метрополии».

Деятельность молодежных кружков Гачинович сравнивал с «хождением в народ» русских народников в семидесятых годах XIX века: «Учащаяся молодежь, в большинстве своем деревенская по происхождению,

спешит передать крестьянству свои познания, открывает курсы, основывает читальни и популярные журналы. В каникулярное время университетская и гимназическая молодежь организует учебно-пропагандистские экскурсии. В деревнях и городках Боснии, Герцеговины, Далмации, Кroatии и Славонии устраиваются лекции по медицине, географии, политической экономии...» Он, впрочем, признавал, что в отличие от народников «мы пользовались в нашей деятельности несравненно более широкой свободой». А по мере роста движения пробуждалась и «политическая мысль».

В Швейцарии (в 1913 году он перевелся на учебу в Лозаннский университет) Гачинович познакомился с русскими революционерами-эмигрантами — старым народником, а потом и эсером Марком Натансоном, с социал-демократами Анатолием Луначарским и Юлием Мартовым, а потом и с Львом Троцким. Были у него контакты и с эмигрантами-анархистами.

Несомненно, эти встречи оказали на него сильное влияние. Начиналось-то «омладинское» движение в Боснии и вообще в славянских землях Австро-Венгерской империи действительно с тактики, похожей на «хождение в народ», — с упором на мелкие, повседневные дела и просвещение в надежде на «культурное возрождение». Но аннексия Боснии привела к его резкой радикализации. К тому же экстремизм, тактика «прямого действия», иначе говоря, политический террор, был в это время у молодежи в моде. Молодые боснийские радикалы знали не только о народовольцах и других европейских знаменитых террористах прошлого, но и об участниках совсем недавних событий — русских революционерах, действовавших в начале XX века, в частности во время революции 1905–1907 годов. В далекой от России Боснии их пример был по-настоящему заразителен.

Они остро чувствовали социальную несправедливость. На суде Принцип заявил, что пошел на покушение потому, что «народ страдает». Когда же его попросили объяснить, что он имеет в виду, он ответил: «То, что он полностью обнищал, и то, что на него смотрят, как на скотину... Я сам крестьянский сын и знаю, что там, на селе. Поэтому я хотел отомстить и не жалею об этом».

Повторим — Австро-Венгрия, особенно на поздней стадии существования, вовсе не была такой уж жестокой «тюрьмой народов». Империя медленно, постепенно, но всё-таки двигалась в сторону конституционного и демократического по тем временам государства как в социальном, так и в национальном вопросе. Но в начале XX века она еще оставалась «страной контрастов».

В 1901 году рабочий день был законодательно сокращен до десяти часов, запрещен детский труд и введен обязательный выходной — воскресенье. Еще в 1887 году был принят закон о компенсациях, связанных с травмами на производстве, и медицинском страховании.

В 1868 году было разрешено заключать браки вне зависимости от религиозной и национальной принадлежности. Разрешили и разводы.

Развивалась система образования, открывались начальные школы с обучением на национальных языках, но с обязательным изучением немецкого или венгерского. Интересное положение сложилось и в имперской армии: из национальных полков славянских было больше всего (35 из 102), австрийских и венгерских имелось по 12, румынских — 2, в остальных полках состав был смешанный.

Если в полку представители одной национальности составляли более 20 процентов личного состава, то их

язык признавался языком полка и его знание становилось обязательным для всех остальных. При этом командным языком оставался немецкий. А вот среди офицеров преобладали австрийцы и венгры, затем шли хорваты, чехи и поляки. Сербов, словаков, русинов почти не было.

Особенность империи заключалась еще и в том, что различные ее части управлялись по-разному. В 1907 году в австрийских землях (Цислейтании) начало действовать всеобщее избирательное право, а в венгерской части двуединой монархии (Транслейтании) сохранялся имущественный ценз, из-за которого право голоса имело всего лишь семь процентов населения.

В венгерских землях намного сильнее было стремление «унифицировать» граждан — их всех объявили принадлежащими к «неделимой венгерской нации». Венгерский считался единственным административным языком даже в абсолютно невенгерских областях. На государственную службу принимали только тех, кто знал его на очень хорошем уровне. Другими словами, для большинства невенгров она была недоступна.

Наконец, примерно пяти тысячам землевладельцам, включая императора, принадлежало около 90 процентов пахотных земель «Дунайской монархии», остальными десятью процентами владели около двух миллионов крестьянских хозяйств, а у многих крестьян земли не было вообще — они нанимались батраками или отправлялись попытать счастья в Америку, Аргентину или даже Австралию. За последние 40 лет существования империи из нее уехало более трех миллионов человек.

Так что, действительно, «страна контрастов». На процессе над участниками покушения на эрцгерцога Франца Фердинанда судьи пытались опровергнуть слова подсудимых о «гнете», в том числе

национальном, конкретными примерами изменений, происходивших в империи. Но общего языка они не нашли. Для судей был очевиден несомненный прогресс, для тех же, кого они судили, прогресс-то, может, и был, но «гнет» никуда пока что не исчез, и его нужно было ликвидировать, по их мнению, быстро, раз и навсегда.

Что касается Боснии и Герцеговины, то европейские преобразования и либеральные реформы мало затрагивали большинство ее жителей. Почти 90 процентов из них оставались неграмотными. Крестьяне в основном не имели своей земли и работали на землевладельцев. Эти крестьяне — кметы — по-прежнему должны были платить «хак» хозяину и десятину государству. С приходом австрийцев ничего не изменилось. Принцип хорошо знал обо всем этом, ведь он и сам был из кметов бега Сиерчича.

У крупных землевладельцев (в основном мусульман) было мало причин для недовольства австрийской властью. Зато для крестьян (в большинстве православных сербов) жизнь оставалась тяжелой. В 1910 году в Боснии вспыхнуло крестьянское восстание, которое подавили войска. В следующем году всё же началась реформа отношений между кметами и землевладельцами, но шла так медленно, что, по расчетам историков, должна была закончиться к... 2025 году.

Только около 20 процентов детей школьного возраста имели возможность посещать занятия. Причем число начальных школ в Боснии было в три раза, а гимназий — в пять раз меньше, чем в соседней Сербии. Лишь около трети государственных чиновников в Боснии были местными жителями, в подавляющем большинстве католиками.

Народ, говорили позже участники покушения, страдал вдвойне — и от местных, и от чужих угнетателей. Босния, по их словам, была «австрийской

колонией», они даже сравнивали ее с Индией, которую подчинили себе англичане. По их мнению, и австрийцы, и венгры вели себя с местными жителями, как «белые люди» с аборигенами в Африке или в Азии.

Объективно уровень жизни сербских крестьян в Боснии часто был не ниже, а то и выше, чем у тех, кто работал на земле «матери-Сербии». Но жгучее чувство национальной униженности, возмущение аннексией Боснии, ненависть к напыщенным и холодным имперским «правителям» их страны, идеи «сербского патриотизма» и «югословенства», перемешанные с распространявшимися тогда по всей Европе социалистическими и анархическими идеями, сдобренные нетерпением и радикализмом, характерными для молодых людей, — всё это и создало тот гремучий «боснийский коктейль», который урчал, кипел и бурлил несколько лет, чтобы потом с грохотом взорваться.

«Боснийская весна»

Начало 1912 года в Боснии и Герцеговине было бурным. Вообще-то началось всё в соседней Хорватии. Хорватским баном (губернатором) назначили Славко Цувая (известный югославский писатель Мирослав Крлежа писал, что он выслужил себе титул барона за издевательство над соотечественниками). Цувай сразу же распустил местный Сабор. В апреле 1912 года в Хорватии был установлен комиссариат с отменой всех конституционных гарантий. Комиссаром был, естественно, назначен Цувай. От политических партий под угрозой роспуска потребовали пересмотреть их программы, а газеты попали под гораздо более жесткую цензуру.

Газета «Русское слово» сообщала 5 апреля (23 марта) 1912 года:

«Венгерским правительством в Хорватии сделан крутой поворот в сторону репрессий против сербо-хорватского движения, в сторону насильственной мадьяризации. Решительность принятых репрессий делает этот поворот равносильным введению диктатуры. Хорватский бан Цувай, переименованный отныне королевским комиссаром, пользуясь новыми полномочиями, начал с того, что отменил действие конституционных гарантий.

Введена предварительная цензура. Редакциям газет предъявлены требования в четырехдневный срок внести залогов по 5000 крон. Свобода союзов и собраний отменена. Штаты жандармерии усиливаются. Организованный Цуваем для перлюстрации частной переписки «черный кабинет» открывает отделения во всех городах Хорватии. Возможно, на днях будет объявлено осадное положение».

В феврале «реформы» Цувая привели к тому, что на улицы вышли возмущенные студенты и учащиеся старших классов. Эти события остались в истории под названием «забастовка учеников». Сейчас бы их назвали «хорватской» и «боснийской весной».

Еще в 1911 году сараевские гимназисты создали две группы — сербскую и хорватскую (вторую, кстати, возглавлял будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Иво Андрич — тогда гимназист седьмого класса). А в конце того же года была образована «Сербско-хорватская прогрессивная организация». Ее участники носили значки с сербским и хорватским национальными флагами. Кстати, не все сербы и хорваты среди гимназистов и прочих учеников поддерживали это объединение. Были и такие, которые называли «значкистов» «предателями» своего народа.

Принцип, однако, сразу же вступил в эту организацию. В одном из писем другу в апреле 1912 года он сообщил, что они подвергаются серьезным нападкам со стороны «великосербов»: «Они сразу начали на нас нападать и в самых крепких выражениях заявлять нам, что мы не сербы. Мы сделали всё, что могли, чтобы уладить это дело и положить конец этой безумной и никому не нужной ненависти».

Однако на демонстрациях в Сараеве и сербы, и хорваты, и мусульмане выступали вместе. 21 и 22 февраля молодежь под руководством прибывшего из Аграма (Загреба) студента университета Луки Юкича, хорвата из Боснии, вышла на улицы города. Узнав накануне о готовящейся акции, некоторые родители запирали своих детей дома или отбирали у них ботинки, так что, как вспоминали очевидцы, «молодежь сбегала из дома, и на манифестацию вышли даже неполно одетые».

С пением панславянского гимна «Гей, славяне!» (потом он будет гимном социалистической Югославии) демонстранты дошли до центра города, где сожгли венгерский флаг (Хорватия принадлежала к землям венгерской короны). Начались столкновения с полицией. «Как только подожгли флаг, со всех сторон побежали полицейские, которые скрывались на соседних улицах и во дворах домов», — вспоминал один из участников. Они хватали и били и демонстрантов, и простых любопытных. Раздавались и револьверные выстрелы. В ответ в полицейских летели камни.

Многие вспоминали, что Гаврило Принцип был одним из самых активных участников этих столкновений. В первый день он дрался с полицией и получил удар саблей (скорее всего, плашмя, иначе его судьба сложилась бы совсем по-другому). Как сообщает Драго Любибратич, «вся одежда на нем оказалась разодранной».

Доброслав Евджевич оставил описание одной из сцен этого «уличного боя» с участием Принципа. Она кажется слишком уж лубочной; Принцип, подобно герою старинных сербских песен, появляется в самый трудный момент и одерживает победу над полчищами врагов. Тем не менее приведем и это свидетельство:

«Когда на нас набросились полицейские, мы начали отступать перед их численным превосходством, пока на них не прыгнул Принцип. Он бросился к ним с криком, который был похож на боевой клич доисторических людей. Испуганные противники сначала остановились, а затем в панике оставили поле боя. Тогда я понял, что Гаврило в решающую минуту не остановится на полпути».

На другой день Принцип опять шел в первых рядах демонстрантов, направлявшихся в больницу, чтобы навестить студента, раненного в столкновениях. Когда они возвращались, полиция попыталась арестовать Юкича. Снова завязалась драка. Студенты начали разбирать мостовую на булыжники, но тут подоспели депутаты боснийского Сабора и уговорили их разойтись. В это время подошли войска и начали окружать демонстрантов. Но кто-то вдруг запел гимн Австро-Венгрии, и его подхватили все остальные. Солдаты и офицеры встали по стойке смирно, не смея тронуть демонстрантов. Так, с пением гимна, они разошлись.

«Боснийская весна» была подхвачена в Хорватии. В марте загребские студенты заняли университет и вывесили черный флаг. По одной версии — из-за своих симпатий к анархии, по другой — как предупреждение, что на силу они будут отвечать силой.

Посредниками между студентами и полицией выступили преподаватели. После переговоров полицейские отступили с университетской территории, а студенты освободили захваченные помещения. Но

демонстрации протеста продолжались в городе еще долго.

Волнения в Сараеве и Загребе не прошли для их участников бесследно. По университетам, гимназиям и реальным училищам прокатилась волна исключений и даже арестов. Некоторые сами уезжали из Сараева.

Иван Краньчевич вспоминал, что в Сараеве среди исключенных не было ни одного серба, потому что власти не хотели в такое сложное время еще больше настраивать их против себя. Но Евджевич утверждает, что из гимназии исключили 11 человек, в том числе его самого и Принципа, то есть как минимум двоих сербов.

Что происходило в это время с Принципом, не совсем понятно. То ли его действительно исключили, то ли он сам бросил гимназию через какое-то время. На суде он объяснил, что не хотел сдавать экзамены в Сараеве. Почему не хотел, у него не спросили. Может быть, потому, что его всё равно «срезали» бы, памятуя о его «заслугах» в февральских выступлениях?

Считается, что именно в это время окончательно сложилась организация, вошедшая в историю под названием «Млада Босна» — «Молодая Босния». Но точная дата ее основания и событие, в связи с которым это произошло, никогда не назывались — понятно почему.

Это было, наверное, одно из самых необычных «заговорщических» обществ. Когда в школе мы «проходили» начало Первой мировой войны и нам рассказывали о выстрелах Принципа и «Молодой Боснии», то она представлялась некоей хорошо законспирированной мощной организацией с руководством, боевыми группами, складами оружия и т. д. Как же иначе можно было убить престолонаследника огромной империи! Многие, вероятно, и сейчас думают так же.

Но эти представления очень далеки от реального положения дел. Ничего подобного у «Молодой Боснии» не было — ни единой документально оформленной политической или экономической программы, ни структуры, ни руководства, ни группы, ответственной за теракты, подобной Боевой организации эсеров или Боевой технической группе социал-демократов в России. В общем, ничего из того, что обычно бывает у политической партии или даже подпольного кружка.

Собственно, и самой-то организации «Молодая Босния» фактически не существовало. Принцип и его друзья так себя никогда не называли. Один из участников молодежного движения, гимназист сараевской гимназии Милан Будимир, ставший после Первой мировой войны видным филологом и профессором Белградского университета, вспоминал: «Наши встречи проходили тайно, мы встречались на Башчаршии, на улице Пилуша. С собой мы приносили книги — если бы вдруг кто-то нас увидел и спросил, чем мы занимаемся, у нас всегда был наготове ответ: собрались, чтобы учиться. А тогда такие групповые занятия были очень даже распространены. Тогда никто из нас не говорил о «Молодой Боснии», у нас был просто гимназический кружок».

На суде над участниками покушения на эрцгерцога Франца Фердинанда это название тоже не употреблялось. А в обиход оно вошло только в 1918 году, когда основные «младобосанцы» были уже мертвы.

Прямо-таки не тайная организация заговорщиков, а какой-то фантом.

На самом деле, конечно же, не фантом. «Молодая Босния» — собирательное название тех многочисленных кружков, групп и организаций, из которых, собственно, и состояло молодежное движение в Боснии и Герцеговине.

Но откуда же появилось это название?

По одной из версий, первым его употребил писатель, поэт, журналист и политик Петар Кочич ^[19].

Он работал в обществе «Просвета» (выше оно уже упоминалось), а в начале XX века издавал в боснийском городе Баня-Лука, куда его фактически выслали из Сараева за участие в забастовке рабочих, газету «Отечество». Вокруг этой газеты группировалась радикальная молодежь. Кочич был очень популярен среди боснийских сербов, его даже выбрали депутатом Сабора Боснии и Герцеговины. Настроен он был весьма радикально, так что власти его не раз преследовали и арестовывали.

Именно в газете «Отечество» впервые появилось выражение «Молодая Босния». Кочич употребил его в одной из своих статей в 1907 году. Три года спустя Владимир Гачинович напечатал статью в «Альманахе», издаваемом обществом «Просвета». Она так и называлась — «Молодая Босния».

Гачинович был в восторге от работ Кочича. Когда ему едва исполнилось 15 лет, он сделал доклад о творчестве этого писателя, а потом даже называл себя «кочичевцем». Так что не случайно выражение Кочича переключалось в его статью.

Она начиналась словами: «Босния — старинная сербская земля. По своей психологии, культуре и всей жизни. Пять веков рабства оставили глубокий след в ее душе».

Разумеется, в статье не было ни слова о подпольных организациях, о необходимости вооруженной борьбы и т. д. Нет, она написана в этаких поэтических тонах, полна намеков и аллегорий. Но современникам, особенно из кругов «продвинутой» боснийской молодежи, очень легко было понять эзопов язык Гачиновича, когда он писал о «духовном рабстве»,

«пробуждении новых сил», «первых проблесках рассвета в Боснии».

Заканчивалась же статья так:

«Молодое боснийское движение за обновление своей страны должно основываться на глубокой огромной любви к народу и великой творческой вере в самих себя. Никакая сила не сможет погасить эту любовь, и никакие несчастья не смогут поколебать эту веру. Так, с помощью постепенной и ежедневной работы, произойдет и самое великое событие в жизни народа, его освобождение из духовной темницы и его возвышение до духовной свободы и моральной независимости. Наша молодая страна, изломанная и несовершенная, наполненная рабством и мраком, может идти только этим, единственным путем. Среди духовных и экономических кризисов она поднимается к новому солнцу, к новой жизни, создает новую жизнь. Это то, что очень медленно, но всё-таки способствует приближению ее обновления, ее великому Воскресению, которое настает...»

Хотя название «Молодая Босния» и не являлось официальным названием боснийского молодежного движения, оно явно указывало на еще один пример, которому «младо-босанцы» хотели бы следовать, — итальянских революционеров XIX века во главе с Джузеппе Мадзини. В 1831 году тот создал в эмиграции тайное общество «Молодая Италия», которое боролось за освобождение итальянских государств от австрийской оккупации, их объединение и создание самостоятельной Итальянской республики. В него входил и крайне популярный среди «младобосанцев» «объединитель Италии» Джузеппе Гарибальди.

«Молодая Италия» имела по всей Италии тайные местные комитеты и оказала большое влияние на несколько поколений итальянских и иностранных

революционеров. Не случайно и сам Гачинович называл себя гарибальдийцем.

Итак, «Молодая Босния» — собирательное название радикальных кружков, обществ и организаций, существовавших среди боснийской молодежи в начале XX века. В их работе принимало участие несколько сотен человек. Всех их, разумеется, назвать невозможно. И судьбы их сложились по-разному.

В их числе были и будущий знаменитый писатель Иво Андрич, и будущий сотрудник Коминтерна и советской разведки Мустафа Голубич, расстрелянный гитлеровцами в Белграде 29 июля 1941 года, и будущий воевода четников Доброслав Евджевич, которого в социалистической Югославии называли военным преступником за сотрудничество с итальянскими войсками в борьбе против партизан во время Второй мировой войны, и многие другие известные люди.

Назовем лишь тех, кто был рядом с главным героем этой книги почти до самого конца. Они еще не раз будут появляться на ее страницах.

Данило Илич. Один из самых старших — родился в 1889 году. По профессии сельский учитель. Потом работал в Сараевском национальном банке. В Сараеве познакомился с Принципом. Один из главных организаторов покушения на Франца Фердинанда.

Неделько Чабринович. Родился в 1895 году. Типографский рабочий. Один из тех, кто четко заявил о своих «анархо-социалистических» взглядах.

Трифко Грабеж. Родился в 1895 году. Сын православного священника. Один из приятелей Принципа по сараевской гимназии.

Васо Чубрилович. Родился в 1897 году. Один из самых молодых участников заговора. Учился в Сараеве и Тузле. В 1945 году вступил в Коммунистическую партию Югославии, был профессором Белградского

университета, в сороковые — пятидесятые годы занимал министерские посты. Умер в 1990 году.

Мухамед Мехмедбашич. Родился в 1886 году. После выстрелов Принципа успел уйти из Боснии в Черногорию. В 1916 году участвовал в заговоре с целью убийства греческого короля и болгарского царя — тогда они считались «агентами немцев» на Балканах. В 1917 году за участие в тайном обществе приговорен сербским военным судом к пятнадцати годам заключения, но амнистирован через четыре года. В 1943-м во время оккупации Сараева гитлеровцами был арестован и вскоре умер от пыток.

Тогда, в 1912 году, никто из них еще понятия не имел, как дальше сложится его жизнь. Не все они даже были знакомы. Но помимо общей цели — борьбы против Австро-Венгерской империи, была еще одна идея, которая их объединяла. Это была идея «тираноубийства».

«Устранять тех, кто мешает объединению и творит зло»

Весной 1912 года она буквально витала в воздухе — и в Боснии, и в Хорватии, тем более что у молодых радикалов уже были собственные герои, которые попробовали осуществить ее на практике.

Тридцатого мая 1910 года в Боснию и Герцеговину с визитом пожаловал император Франц Иосиф. В Сараеве он задержался на два дня, принял военный парад, встретился с национальными делегациями, дал торжественный ужин, затем посетил Мостар с его знаменитым старинным мостом на реке Неретве. Император уезжал в прекрасном настроении. Губернатору Боснии генералу Мариану Варешанину фон

Варешу он сказал, что в этой поездке он как будто помолодел на 20 лет.

Франц Иосиф не знал, что мог стать жертвой одного из молодых боснийских радикалов, который следовал за ним буквально по пятам. Это был 24-летний Богдан Жераич, учившийся в гимназии Мостара, а потом на факультете права Загребского университета, руководивший кружком «Свобода» и работавший учителем. Он намеревался убить императора.

До сих пор не очень понятно, почему Жераич не осуществил покушение, хотя у него были возможности для этого — в Мостаре он оказался совсем близко от монарха. Историки спорят, выдвигая различные объяснения — начиная с предположения, что Жераич не смог выстрелить в человека, и заканчивая версией, что ему просто не удалось в удобный момент вытащить револьвер из кармана.

Но если первое предположение и верно, то надо признать, что очень быстро эти сомнения у него прошли.

Пятнадцатого июня 1910 года губернатор Боснии и Герцеговины от имени императора торжественно открыл новый боснийский парламент — Сабор. После церемонии он с адъютантом сел в закрытый экипаж и отправился в свою резиденцию.

Варешанин был назначен на эту должность лишь в 1909 году, но уже успел «отличиться». По его приказу войска участвовали в подавлении крестьянского восстания в Северной Боснии, и более тринадцати тысяч человек были выселены за то, что не смогли заплатить налоги, а многие из них оказались под судом. В общем, у молодых радикалов из Боснии к нему вполне могли появиться «вопросы».

По дороге губернаторскому экипажу встретился молодой человек. Варешанин не обратил на него внимания. Экипаж проехал мимо, и тут же сзади

раздались выстрелы из револьвера. Стреляли то ли четыре, то ли пять раз. Губернатор и адъютант бросились на дно экипажа — пули просвистели рядом, не причинив никакого вреда. Затем раздался еще один выстрел, и наступила тишина.

Выглянув из экипажа, Варешанин увидел лежавшее на мостовой тело того самого молодого человека, который минуту назад прошел мимо. Он подошел к нему, толкнул ногой и якобы произнес: «Дерьмо!»

Покушавшийся на губернатора был мертв. Чтобы не оказаться в руках полиции, он выстрелил себе в голову. Вскоре полиция установила, что этим человеком был Богдан Жераич.

Австрийские власти объявили Жераича анархистом, однако в соседней Сербии это вызвало настоящую волну протестов. Официальная сербская пресса с возмущением писала, что Жераич никакой не анархист, а борец за свободу сербского народа и настоящий национальный герой, который своими выстрелами протестовал против аннексии Боснии и Герцеговины. В Боснии он действительно стал героем.

Жераича похоронили тайно, на краю сараевского кладбища, где погребали тела самоубийц и, выражаясь современным языком, бомжей. Говорили, что полиция отрезала у тела голову и поместила на хранение в музей криминалистики. В 1919 году, уже после краха империи, останки Жераича перезахоронили; оказалось, что головы в могиле действительно не было. Позже ее нашли в музее и предали земле вместе с останками террориста.

Вскоре акция Жераича начала обрастать мифами и легендами. Говорили, что перед тем как застрелиться, он воскликнул: «Сербы отомстят за меня!»

Местная молодежь разыскала место его последнего пристанища. Оно стало настоящим объектом паломничества. В 1912 году Владимир Гачинович

опубликовал в Белграде брошюру «Смерть одного героя», посвященную молодому террористу-единомышленнику. «Молодое сербство, которое сейчас поднимается из развалин и разрухи, сможешь ли ты породить и воспитать таких людей и такую молодежь? — патетически восклицал автор в конце. — Вероятно, именно в этом вся сербская проблема — политическая, моральная и культурная».

Но еще до выхода брошюры ответ на этот вопрос дал Гаврило Принцип. Когда он вернулся из Тузлы в Сараево, то часто приходил на могилу неудавшегося террориста. Вроде бы он даже вырезал перочинным ножом на деревянном кресте два слова: «Богдан Жераич» и засадил могилу цветами. Из поездки в Сербию Принцип привез на могилу сербскую землю.

«Я часто приходил по ночам на могилу Жераича, — вспоминал он. — Я устраивался так, что просиживал у него целую ночь и думал о наших делах, о нашем скверном положении, и тогда я принял решение». Какое именно, он не уточнил. Но наверняка он решил пойти по стопам «одного героя». И не он один.

В марте 1912 года в Загреб приехал Лука Юкич, которого власти разыскивали за организацию февральских беспорядков в Сараево. Он тоже был полон решимости «освободить хорватский народ от тирана и преступника». В буквальном смысле — убить бана-комиссара Цувая.

Восьмого июня он шесть раз выстрелил в «тирана», но ни разу не попал, убив только советника Цувая. Пытаясь скрыться, Юкич отстреливался, ранил еще нескольких полицейских, но был схвачен. Его приговорили к смертной казни, которую заменили пожизненным заключением.

«Сегодня Юкич совершил покушение на Цувая... — записал в дневнике Иво Андрич (в 1912 году ему было

20 лет, он как раз поступил на философский факультет Загребского университета). — Как это радостно — ощущать дни великих дел. И кипит, и горит гайдуцкая кровь».

Цувая в покое не оставили. 31 октября того же 1912 года в него стрелял студент-юрист из Загреба Иван Планиншчак. Покушение он организовал оригинальным способом — забрался на столб у здания резиденции Цувая, и когда тот появился в окне, выстрелил и легко ранил его. По примеру Жераича Планиншчак застрелился. Но его выстрел не прошел бесследно — «тиран» подал в отставку с поста комиссара Хорватии. Его сменил барон Иван Шкерлец. Ему тоже пришлось иметь дело с террористами.

Восемнадцатого августа 1913 года в Шкерлеца стрелял Степан Дойчич, специально прибывший из США, где состоял в одной из сербских организаций. Дойчич хотел убить Цувая, но не успел — тот ушел в отставку. Тогда он решил убить любого высокопоставленного чиновника. Он увидел, как из кафедрального собора Загреба после торжественной службы в честь дня рождения императора Франца Иосифа выходит Шкерлец. Выстрелом Дойчич ранил бана в правую руку.

На суде он сказал, что хотел «совершить акт справедливости». «Вы считаете, что вам позволено убить человека?» — спросил судья и услышал ответ: «В данном случае позволено». — «Вы сожалеете сейчас?» — «Нет. Шкерлец жив. А если бы он погиб, мне было бы жаль человека, а не комиссара». — «Вы думали о том, что могли убить кого-нибудь еще, кроме комиссара?» — «Да. Но если бы это случилось, я давно бы был под черной землей. Я никогда не дрался. Не могу видеть чужую кровь, но кровь предателей хотел бы видеть».

Дойчич получил 16 лет каторги.

Наконец, 20 мая 1914 года очередной студент Яков Шефер снова попытался застрелить бана Хорватии, на

этот раз в театре. Правда, выстрелить ему не дали — задержали на месте покушения.

Впрочем, «тираноубийство» вообще было тогда в моде: например, вся история русского революционного движения, начиная с декабристов, развивалась именно под знаком этой идеи. В России на несколько лет раньше описываемых событий тоже полыхал террор (в этом смысле Гачинович был прав, отмечая, что южные славяне несколько отстают от нее). Исполнителями терактов были чаще всего такие же молодые идеалисты, как Принцип, которые не останавливались перед тем, чтобы пожертвовать своей и чужими жизнями ради «высокой цели».

«Опыты смерти» русских народовольцев, итальянских и французских анархистов, современных Принципу и его друзьям эсеров, приправленные старинными сербскими песнями и легендами о героях-витязях и стихами немецких романтиков, — всё это сильно повлияло на будущих участников покушения на эрцгерцога.

Судя по всему, среди участников «Молодой Боснии» всё-таки были разногласия по поводу «тираноубийства». «Старшее поколение», например Владимир Гачинович, относилось к этой идее более сдержанно. Или один из организаторов покушения на эрцгерцога и заметная фигура «Молодой Боснии» Данило Илич.

Гачинович писал о нем:

«Воспитанник учительского института, он затем короткое время был сельским учителем в Герцеговине, но не ужился и вернулся в Сараево. В 1909 году он покидает страну, направляясь к Швейцарии, без связей, без средств, от пристанища к пристанищу. Пешком он переходит из Цюриха в Берн, Лозанну и Женеву и возвращается через несколько месяцев в Боснию.

Он рассказывал нам, еще ни разу не покидавшим Боснии, что побывал в самой Женеве, и мы слушали его, как мусульмане слушают паломника, который вернулся из Мекки. В Боснии он занялся переводами Горького, а накануне последнего покушения начал издавать собственный орган «Колокол». В первой же статье он открыто провозгласил необходимость освобождения юго-славянской расы от австрийского ярма».

Накануне покушения на Франца Фердинанда Илич вдруг засомневался в полезности этого акта и начал отговаривать от него Принципа, Грабежа и др.

Впрочем, впоследствии судьи резонно сомневались: был против покушения — и раздавал будущим террористам бомбы и револьверы? Илич пытался объяснить: он не хотел прямо говорить, что теракт надо отменить, а пытался убедить товарищей, что они еще не готовы к нему и т. д. Правда, эти объяснения звучали не очень убедительно.

Велько Чубрилович на суде заявил, что сожалеет о жертвах, поскольку он «противник всякого рода покушений». («Со времени вашего ареста?» — ехидно заметил председатель суда.) Чубрилович еще будет говорить, что его заставили участвовать в покушении, угрожая его семье.

Но большинство из «молодежи» сомнений не испытывали. Семнадцатилетнего Васо Чубриловича спросили, как он, верующий, по его словам, человек, мог решиться на убийство другого человека, ведь существует заповедь «Не убий!». «А почему миллионы погибают в европейских бойнях? — ответил Чубрилович. — Я могу пожалеть престолонаследника как человека, но как наследника австрийского престола пожалеть не могу. Зато я могу пожалеть миллионы наших крестьян».

Шестнадцатилетний Цветко Попович сказал примерно то же: ему жаль супругу эрцгерцога, а его

самого — нет. Он еще раньше решил, что убьет его.

«Старшее поколение, — говорил, в свою очередь, Принцип, — хотело получить свободу от Австрии легальным путем, а мы в такую свободу не верили».

Об отношении самого Принципа к «тираноубийству» свидетельствует такая история.

Восемнадцатого февраля 1853 года молодой ученик портного, венгр Янош Либени, попытался зарезать австрийского императора Франца Иосифа. Монарху повезло — удар кинжала пришелся по металлической пуговице мундира. Покушавшегося тут же схватили и вскоре казнили. Причины покушения, правда, до сих пор остаются окончательно невыясненными.

Ходили слухи, что у Либени в последний момент дрогнула рука — он пожалел тогда еще молодого императора. После казни Либени в Вене даже ходила частушка, образчик черного юмора: «Наказание за дело, кто же бьет так неумело»^[20].

К чему этот небольшой экскурс в историю? А вот к чему. Гаврило Принцип не раз вспоминал об этом покушении на императора и самыми последними словами ругал несчастного Яноша Либени. За что? Да как раз за то, что он в самый последний момент «проявил сентиментальность» и не закончил начатое дело. Принцип, таким образом, придерживался версии, что молодой венгр всё-таки пожалел своего сверстника Франца Иосифа. А это, по его мнению, недопустимо. «Революционер, — говорил Принцип, — убивает не человека, а идею».

Уже на судебном процессе между Принципом и председателем суда произошел весьма показательный диалог. Председатель спросил, как именно они собирались достичь своей цели — создания югославского государства. «Террором». — «Что это значит?» — «Это значит — убивать, устранять тех, кто

мешает объединению и творит зло. Главный мотив, который толкал меня на дело, состоял в мести — за мучения, которые испытывает мой народ под Австрией... Убийством и устранением всех тех, кто приносил зло. Зло югословенскому народу...»

— Вы считаете, что для объединения стоит пожертвовать жизнью? — уточнил судья.

— Считаю, — ответил Принцип. — Главный мой мотив состоял в мести, чтобы отомстить за народ.

Кем же всё-таки были те гимназисты, студенты, рабочие, кучковавшиеся вокруг молодежных кружков и составившие костяк «Молодой Боснии»? Социалистами? Анархистами? Националистами? Или, наоборот, интернационалистами? Панславистами? Юными идеалистами? Недорослями, не понимавшими, во что они вмешиваются, и жаждавшими приключений?

Однозначно ответить сложно — дискуссия на эту тему продолжается и сегодня. Скорее всего, всеми сразу. «Я, — рассказывал Принцип, — читал анархистские, социалистические, националистические памфлеты, художественную литературу и многое другое. Книги я покупал сам, никто мне ничего о них не говорил...»

Впрочем, судя по всему, никакой стройной теории, которой бы он твердо придерживался, у Принципа тогда не было. Вероятно, у большинства его друзей тоже. Однако между ними уже возникли некоторые разногласия.

Данило Илич пытался объяснить различия во взглядах: Принцип считал себя «радикальным националистом», а он себя — националистом «анархическим». Илич восторгался Софьей Перовской, Верой Засулич, Михаилом Бакуниным и Петром Кропоткиным, переводил Горького и Леонида Андреева.

Интересно, что буквально за месяц с небольшим до покушения, в мае 1914 года, Илич опубликовал несколько статей в газете «Звоно» («Колокол»), в которых остро критиковал отношения боснийских социал-демократов к «сербскому национализму»: «Удивительно получается, когда почти ничем не отличаются речи австрийского министра иностранных дел и наших «вождей», которые выступают за автономию Албании, а югославянам отказывают в праве на нее».

Другой участник организации покушения, Боривое Евтич^[21], рассказывал, как следователь первым делом заявил ему: «Вы — анархист!» — «Нет, я — националист!» — «Ага! — воскликнул следователь. — Это то, что нужно! И Принцип тоже!»

Друг Принципа и активнейший участник заговора типографский рабочий Неделько Чабринович вспоминал: «С Принципом я познакомился в Сараеве... Он считал себя радикальным националистом, а я — анархическим социалистом». Он же рассказывал на суде, что Принцип ему как-то высказал опасение, что Данило Илич вскоре тоже окончательно превратится в социалиста.

Принцип и Чабринович познакомились в Сараеве в 1912 году. Они обменивались книгами, среди которых был и роман-утопия известного английского поэта, писателя, художника и социалиста Уильяма Морриса «Вести ниоткуда», в котором автор изобразил прекрасное социалистическое будущее: в мире нет больше голода и насилия, частной собственности, города превратились в огромные цветущие сады, исчез институт брака, нет и государства, а люди объединяются в самоуправляющиеся общины, все граждане работают, причем к труду их тянет жажда творчества и преобразования мира.

Экземпляр книги, который читали Принцип и Чабринович, уцелел, и на нем сохранились их пометки и комментарии. В 1935 году их проанализировал историк Йован Кршич в работе «Чтение сараевских заговорщиков». Многие места в книге подчеркнуты — особенно те, где речь идет о революции или эмансипации женщин. Принцип, например, подчеркнул слова: «...поскольку мы склоняемся к централизации», а Чабринович — «о недостатке элементов заинтересованности рабочих в коммунистическом обществе».

В одном месте Чабринович написал на полях, что, читая роман, он «думал о своей ситуации», а потом резюмировал: «Я прочитал эту книгу в то время, когда я сам и лично, и социально находился в самом большом контрасте с оптимизмом этой книги».

...Большую часть «омладинского» движения в Боснии составляли боснийские сербы. Поэтому неудивительно, что их подозревали в «великосербском национализме». Были и такие, но далеко не все. Хотя граница между «про-сербским» и «югославским» течениями этого движения была крайне зыбкой.

Уцелевшие от арестов, погромов и войны его участники утверждали, что «сербское» крыло возглавляли Гачинович и «герой» Богдан Жераич, а югославское — друг Гачиновича Димитрий Митринович, будущий известный сербский поэт, философ, теоретик современного искусства и космополит. К этому, «югославскому», течению принадлежал и Принцип.

Неделько Чабринович так сформулировал различие между этими течениями: его идеалом была югославянская или вообще славянская республика, а целью «радикальных националистов» — «объединение всех сербов под одной короной». Сербской, естественно.

Следствие и суд, кстати, очень интересовал вопрос, кто из «младобосанцев» был социалистом, кто — анархистом, а кто — националистом и каким — сербским или югославским. (Так же упорно у них допытывались, были ли они масонами.)

Вот отрывок из стенограммы судебного процесса над участниками покушения на эрцгерцога, в котором речь идет как раз о политических воззрениях Гаврилы Принципа.

«— Каких вы придерживаетесь политических взглядов?

— Я югослав-националист. Моим стремлением было объединить всех югославын всё равно в какой государственной форме и освободить их от Австрии».

Председатель суда задал вопрос о политических взглядах соратников Принципа.

«— Были в основном националисты.

— Они думали так же, как и вы?

— Нет, не все разделяли мое мнение. Но все и не должны придерживаться одинаковых идей, и не нужно действовать одинаковыми средствами.

— Какое мнение об Австрии преобладало в этом кругу?

— Существовало мнение, что Австрия — это зло для нашего народа, что на самом деле так и есть, и что ее нужно уничтожить.

— Существовало ли в этом кругу мнение, что Боснию необходимо присоединить к Сербии?

— Вообще-то было убеждение, что все югославыне должны объединиться, а Сербия как свободная югославская страна должна им помочь — чтобы она была для югославын, как Пьемонт для Италии».

Чабринович же заявил, что объединить Боснию и Сербию можно лишь с помощью войны. «Нужно было дать бомбы и динамит, в случае войны, перед началом войны, поднять революцию, а Сербия вошла бы в

Боснию и установила порядок», — говорил он. На недоуменную реплику председателя суда, что Австро-Венгрия — великая держава, с сильной армией, которая может справиться с сербами, Чабринович ответил: «Сербия вовсе не такая слабая. Вы ее недооцениваете».

Длинная «Черная рука»

Говоря о гремучем коктейле идей и убеждений молодых боснийцев, приведшем их к покушению, нельзя не упомянуть о еще одном ингредиенте, о котором историки спорят вот уже сотню лет.

Владимир Гачинович писал о нем: «Всё это движение, разбросанное, с множеством оттенков и организационных ответвлений, имело свои очаги также и в столице Сербии, Белграде. Оттуда часто исходили нетерпеливые толчки, побуждавшие к решительным действиям...» Как известно, взрывоопасную смесь лучше не трясать. Рано или поздно она может сдетонировать.

Итак, в какой мере Принципа и его друзей «толкали» из Белграда и кто именно? На их судебном процессе австрийцы сделали всё, чтобы доказать — «младобосанцы» фактически являлись «сербскими агентами». Подсудимые это категорически отвергали. Как же обстояло дело на самом деле?

Бывший русский министр иностранных дел Александр Извольский (в 1910 году он ушел в отставку и его сменил Сергей Сазонов) не зря после аннексии Боснии убеждал возмущенных сербских послов в Париже и Лондоне: «Пусть сербское население Боснии и Герцеговины продолжает свою работу по духовному возрождению». Он знал, что говорил. Подобная «работа» для австрийских властей была весьма опасной — она «разъедала» империю изнутри. Немалую роль в

ней играли не только различные славянские организации, созданные в Австро-Венгрии, но и общества, существовавшие в самой Сербии, деятельность которых отнюдь не прекращалась на границе с соседней «лоскутной империей».

Еще в 1902 году в Белграде было создано культурно-просветительское общество «Словенский Юг», выступавшее за объединение всех югославянских народов вокруг Сербии. Его отделения работали и в Австро-Венгрии.

Летом 1908 года в Хорватии прошла волна арестов сербских журналистов и других представителей сербской интеллигенции. Вскоре над ними начался «аграмский процесс» (во времена Австро-Венгрии столица Хорватии Загреб носила название Аграм). Пятьдесят три подсудимых обвинялись в тайных связях с Белградом, в проведении в Австро-Венгрии антиимперской деятельности по поручению сербских властей, в подготовке присоединения к Сербии Боснии, Герцеговины, Хорватии и всей Южной Венгрии.

Обвинение утверждало, что подрывной деятельностью подсудимые занимались по заданию общества «Словенский Юг», но часть представленных им в суде документов оказалась фальшивками. Разразился громкий скандал. Тем не менее в марте 1909 года 31 человек всё же получил сроки от пяти до двенадцати лет тюремного заключения, а 22 подсудимых были оправданы.

В 1908 году, буквально на следующий день после объявления об аннексии Боснии и Герцеговины, в Белграде появилось общество «Народная оборона» («Народна одбрана»). Сначала оно ставило своей целью помочь правительству Сербии в возможной войне с Австро-Венгрией — набором, обучением и вооружением отрядов добровольцев и формированием специальных партизанских отрядов («комитаджей»).

Эта работа шла уже полным ходом, добровольцы набирались не только в Сербии, но и в Боснии, Хорватии и других землях потенциального врага, когда ситуация резко изменилась — Сербия под влиянием германского ультиматума и настоятельных советов России была вынуждена фактически согласиться с аннексией. Работу «Народной обороны» пришлось перестраивать. Главными в ней стали военно-патриотическая подготовка сербской молодежи и культурно-просветительская деятельность среди славян Австро-Венгрии.

Позже, уже в 1911 году, организация так определяла свои основные цели:

1. Повышение, воодушевление и укрепление чувства национализма (народности).

2. Регистрация и привлечение добровольцев.

3. Формирование добровольческих групп и их подготовка к вооруженной акции.

4. Сбор добровольных взносов, в том числе денежных средств и других вещей, необходимых для реализации поставленных задач.

5. Организация, снабжение и обучение специальных революционных групп, предназначенных для ведения военных действий с целью достижения независимости.

6. Развитие деятельности по защите сербского народа по всем направлениям.

В чем заключалась конкретная работа? Например, в обучении стрельбе, организации стрелковых обществ, физической подготовке и проведении соревнований с военным уклоном, внушении уверенности, что рано или поздно Сербия придет на помощь «своим братьям по другую сторону Дрины» (по этой реке проходила граница с Австро-Венгрией) и они составят с сербами «единую семью».

В Сербии «Народная оборона» превратилась в весьма мощную организацию. Кстати, одним из ее

основателей был знаменитый сербский драматург Бранислав Нушич, хорошо известный благодаря своим комедиям и сатирам «Народный депутат», «Госпожа министерша», «ОБЭЖ» и др.

Работала «Народная оборона» и в Боснии. Ее «партнерами» были некоторые местные сербские организации, например та же «Просвета» или крестьянский союз «Побратимство».

Чем они занимались? Сербь утверждали, что ничем предосудительным — всё тем же просветительством, к примеру, организацией экскурсий в Сербию или помощью молодым людям, стремившимся попасть на учебу в Белград. У австрийцев на этот счет было совсем другое мнение — они обвиняли «Народную оборону» и другие сербские общества, что их агенты в Боснии вели подрывную деятельность, собирали оружие, готовили боевиков и т. д.

С одной стороны, «Народная оборона» действительно несколько изменила характер деятельности после 1908 года. С другой — было бы, конечно, наивно считать, что она полностью отказалась, например, от пропаганды на территории Австро-Венгрии. Так что правы были и сербы, и австрийцы.

В ультиматуме Вены Белграду от 26 (13) июля 1914 года, который подвел мир к порогу войны, этому обществу посвящался отдельный пункт (№ 2) с требованием к сербскому правительству немедленно распустить «Народную оборону», конфисковать все ее средства пропаганды и поступить так же с другими обществами в Сербии, которые «занимаются пропагандой против австро-венгерской монархии».

Впрочем, связь «Народной обороны» с сараевским убийством в этом документе была преувеличена. Во многом потому, что австрийцы тогда почти ничего не знали о еще одной тайной сербской организации «Объединение или смерть», у которой было

неофициальное, интригующее и весьма романтически-зловещее название — «Черная рука». А если бы знали, то наверняка предъявили бы претензии прежде всего ей.

В сараевском заговоре «Черная рука» сыграла до сих пор до конца не выясненную роль.

Общество «Объединение или смерть» начало создаваться в 1910 году и окончательно оформилось весной 1911-го. Его основателями стали сербские офицеры, участвовавшие еще в Майской революции 1903 года в Белграде. Многие из них и их друзей были недовольны слишком нерешительной и «постепенной», по их мнению, национальной политикой короля Петра и сербского правительства, в первую очередь в вопросе освобождения «славянских земель из-под чужеземного ига». Они требовали «действий». Их целью были присоединение к Сербии других югославянских земель и создание «Великой Сербии».

В уставе общества, в частности, говорилось:

«1. В целях осуществления народного идеала, объединения сербства, создается организация, членом которой может быть любой серб, любого пола, вероисповедания, места рождения, как и любой другой, кто будет искренно служить этой идее.

2. Организация отдает предпочтение революционной борьбе перед культурной, поэтому она является тайной для всех тех, кто не является ее членами.

3. Организация носит название «Объединение или смерть».

4. Для осуществления своих стремлений организация, в соответствии с характером своей деятельности, старается оказывать влияние на все правительственные круги в Сербии, как Пьемонта, на

все общественные слои и вообще на всю общественную жизнь в стране».

Во главе организации находилась Верховная центральная управа из одиннадцати человек. На ее печати была изображена рука, держащая флаг с черепом и костями, а также кинжал, бомба и сосуд с ядом. По одной из версий, именно из-за печати общество и получило неофициальное название «Черная рука».

Вообще в обиходе «Черной руки» было немало достаточно мрачных, почти средневековых ритуалов. Например, прием новых членов проходил в темной комнате, освещенной одной свечой, перед столом, накрытым черным сукном, на котором лежали крест, кинжал и револьвер. В такой обстановке кандидат произносил присягу: «Клянусь солнцем, которое греет меня, землей, которая кормит меня, кровью моих предков, моей честью и жизнью перед Господом Богом, что с настоящего момента до смерти я буду неуклонно следовать правилам этой организации и всегда буду готов принести для нее любую жертву. Клянусь перед Богом моей честью и жизнью, что унесу в свою могилу все тайны организации. Пусть Бог меня осудит, пусть товарищи по организации меня судят, если я нарушу или не выполню сознательно или бессознательно мою клятву».

Текст присяги подписывался кровью. Ее нарушение каралось смертью. После произнесения ее представитель Верховной центральной управы молча (чтобы не быть узнанным по голосу) пожимал новичку руку и немедленно удалялся. Только после этого комната освещалась. Вступившему в организацию сообщались тайный пароль общества и его личный номер. Подписанный же текст присяги запечатывался в конверт и отправлялся Верховной центральной управе.

Первым «официальным» руководителем «Черной руки» был начальник Белградской жандармерии полковник Илия Радивоевич (погиб в 1913 году), он же имел в обществе номер 1.

Принято считать, что основателем и настоящим лидером тайного общества был Драгутин Димитриевич — Апис — будущий полковник и начальник осведомительного отдела сербского Генерального штаба, в 1911 году — майор и начальник штаба Кавалерийской дивизии. Но сам Апис утверждал, что услышал о «Черной руке», когда ее создание уже шло полным ходом. По словам Аписа, он даже не принимал участия в разработке проекта устава организации. «Я был рядовым членом Верховной центральной управы, — говорил он, — и в начале своей работы сразу же предупредил, что в связи с сильной занятостью служебными делами не смогу заниматься приемом в организацию новых членов». Однако связи у Аписа были большие, и он предоставил их «на службу организации». В «Черной руке» он получил порядковый номер 6, но со временем, безусловно, превратился в одного из ключевых руководителей общества.

Стоит упомянуть и о других членах руководства «Черной руки», которые будут еще появляться на страницах этой книги. Это подполковник Велимир Веич (порядковый номер 4) и майор Воислав Танкосич (номер 7). Люди смелые, прямые, решительные, готовые пожертвовать жизнью ради благородной, по их убеждению, цели.

Танкосич сыграл в истории Принципа и вообще в последующих событиях весьма важную роль. Он считался правой рукой полковника Аписа и принимал активное участие в Майской революции 1903 года в Белграде. Тогда Танкосич командовал солдатами, которые расстреляли братьев королевы Драги.

Танкосич славился необузданным и взрывным нравом. Он был известен, помимо прочего, тем, что однажды сильно отдубасил сына короля Петра, королевича Георгия. Ходила о нем и такая байка.

Во время Англо-бурской войны (1899–1902) сербы сочувствовали бурам. Однажды в британской газете появилась статья молодого английского журналиста, в которой тот довольно презрительно отзывался о сербах и их нравах. Рассказывали, что Танкосич был возмущен до глубины души. Некоторое время спустя он узнал, что автор материала отправился из Константинополя на знаменитом Восточном экспрессе, курсировавшем между турецкой столицей и Парижем, и решил сделать остановку в Белграде. Танкосич бросился его искать и быстро нашел — в ресторане «Греческая королева». Он подошел к англичанину, обругал его и надавал пощечин. Тот был так ошарашен, что даже не понял, что происходит. На всякий случай до вокзала его проводила полиция. Ему принесли официальные извинения, пообещав, что строго накажут виновника инцидента. Впрочем, наказали ли Танкосича, молва умалчивает. А молодого английского журналиста звали Уинстон Черчилль. Было ли всё это на самом деле, неизвестно, но даже полупелендарная история дает вполне ясное представление о характере Танкосича.

Печатным органом «Черной руки» была газета «Пьемонт», которой руководил Любомир Йованович-Чупа (номер 5 в списке членов Верховной центральной управы, погиб в 1913 году во время Балканской войны).

К 1914 году «Черная рука» превратилась в весьма влиятельную организацию, которая сплелась с государственными органами Сербии. Апис, ставший уже подполковником и назначенный в августе 1913 года начальником осведомительного отдела сербского Генерального штаба и руководителем «Черной руки», рассказывал, что «все ключевые элементы

[правительства] принадлежали к организации». В ней состояли не только военные, но и сотрудники полиции, министерств финансов, иностранных дел, экономики и т. д.

Участниками «Черной руки» или по крайней мере ее покровителями называли, к примеру, министра юстиции Любо Стояновича, начальника сербского Генерального штаба, главнокомандующего сербской армией во время Балканских (1912–1913) и Первой мировой войн воеводу (гене-рал-фельдмаршала) Радомира Путника.

По некоторым данным, среди ее членов были и личности, ставшие известными через два десятка лет после описываемых событий. Скажем, подполковник Милан Недич — в будущем военный министр, возглавивший после оккупации Югославии гитлеровцами в 1941 году пронемецкое «Правительство национального спасения Сербии». Политик Милан Гаврилович — посол Югославии в СССР в 1941 году. Полковник Божии Симич, вместе с Гавриловичем подписавший в Москве 5 апреля 1941 года, буквально накануне немецкого нападения на Югославию, Договор о дружбе и ненападении между СССР и Королевством Югославия.

Считается, что к 1914 году в «Черной руке» состояло около двух тысяч человек, в том числе девять генералов. Сам престолонаследник Александр (будущий принц-регент Сербии и король Югославии, по приказу которого позже была разгромлена «Черная рука» и проведен судебный процесс над Аписом и его сподвижниками) пожертвовал 20 тысяч динаров на издание газеты «Пьемонт» — органа «Черной руки».

Короче говоря, «Черная рука» стала серьезным конкурентом государственной власти, что особенно проявилось во время майского кризиса 1914 года в Сербии. Пока же нас больше интересует другое — какие связи «Черная рука» и «Народная оборона» имели с

молодыми боснийцами-радикалами. И не их ли имел в виду Владимир Гачинович, когда в написанных для Троцкого в 1915 году кратких воспоминаниях отмечал, что из Сербии «часто исходили нетерпеливые толчки, побуждавшие к решительным действиям»? И кто именно «передавал» эти «толчки» извне боснийской молодежи?

Сам Гачинович бывал в Сербии наездами. В первый раз оказавшись в этой стране в 1909 году, он проходил военную подготовку в группе потенциальных партизан-комитаджей в городе Вранье, которой руководил поручик сербской армии Аца Благоевич (по другим данным, военной премудрости их учил Божии Симич — тот самый, который в 1941 году подписывал советско-югославский договор^[22]). Вместе с Гачиновичем подготовку тогда проходили еще несколько боснийцев, в том числе и Богдан Жераич, который через год с небольшим попытался убить наместника Боснии и Герцеговины, застрелился и стал для молодых боснийцев настоящим героем, как сейчас говорят, «культовой фигурой».

Вероятно, тогда Гачинович установил контакты с «Народной обороной». Затем он снова вернулся в Боснию, организовывал там кружки, участвовал в их работе и, как вспоминал один из участников «Молодой Боснии» Боривое Евтич, «говорил, будил народ и снова исчезал, как тень, словно проваливался под землю, чувствуя, что за ним по пятам следуют австрийские агенты».

Гачинович уехал учиться в Вену, а осенью 1911 года вернулся в Сербию. В Белграде он встретился с Любомиром Йовановичем-Чупой, редактором газеты «Пьемонт» и членом Верховной центральной управы «Черной руки». В своих мини-мемуарах, написанных по

просьбе Троцкого, Гачинович вспоминал об этой встрече и о самом Йовановиче:

«Очень высокий, изможденный, с большим лбом, неутомимый работник и последовательный аскет, фанатик-агитатор молодой Сербии, Йованович путешествовал по всем сербским провинциям, часто пешком, сближаясь со страной и людьми, знакомясь с выдвигающимися политическими деятелями, завязывая связи, направляя и толкая вперед... Все руководящие элементы юго-славянской молодежи проходили чрез скромную редакцию «Пьемонта», чтобы видеть и слушать Любомира. Там можно было встретить конспираторов из всех провинций Австро-Венгрии и Македонии. Йованович был как бы молчаливо признанным центральным комитетом движения, которое обещало освободить и объединить нашу расу. Всё юго-славянское юношество знало его по имени, легенды о нем ходили в наших кружках...

Я был у него в редакции «Пьемонта» в сентябре 1911 г. Он сидел один, низко согнувшись над столом, и писал статью для следующего номера газеты. «Вот как? Вы бакунист... Наши мысли близки друг другу... Но посмотрите на действительность, и вы согласитесь со мною: нужно сильнее скрепить движение национальной идеи, иначе оно грозит упасть. Нужно звонить тревогу, переработать нашу душу, закалить себя».

В сентябре 1911 года Гачинович присоединился к «Черной руке» и получил порядковый номер 217. Чедомир Попович, один из основателей этого тайного общества, в 1937 году вспоминал, что Гачинович «исполнил весь мистический ритуал». «Его, — писал Попович, — рекомендовал в организацию Любо Йованович-Чупа. Любо рассказал о Гачиновиче нам, остальным членам, дал ему самые благоприятные характеристики и описал его как революционера и отличного националиста».

В типографии газеты «Пьемонт» была напечатана брошюра Гачиновича о Богдане Жераиче «Смерть одного героя». Из Сербии ее тайно доставляли в Боснию, где она пользовалась огромной популярностью среди молодежи.

В первой половине 1912 года Гачинович появлялся в различных городах Боснии, в том числе и в Сараеве, то ли организовывая новые кружки, то ли принимая участие в деятельности уже существовавших. Иногда встречаются утверждения, что он играл роль своего рода уполномоченного «Черной руки» по Боснии и Герцеговине. Насколько это соответствует действительности, сказать сложно, но нет сомнений, что какие-то задания для этой организации он выполнял.

«В Сараеве движение группировалось вокруг журнала «Омладина» («Молодежь». — *Е. М.*), который переводами из Герцена и других русских писателей воспитал целое поколение, — вспоминал он. — Я принадлежал к тому маленькому кружку, в который входили Принцип и его друзья, руководившие «Омладиной». Нами была переведена брошюра Бакунина о Коммуне. Она в числе других изданных нами брошюр была распространена организаторами по всей стране. Мы часто спорили... о социализме, о судьбах народа, о методах борьбы. В наших рядах не было серьезных разногласий, как и в наших идеях не было большой определенности; но мы все были убеждены, что только страшной борьбой можно будет освободить народ и спасти сербство».

Правда, другие знакомые Принципа, например Драго Любибратич, считали, что Гачинович в воспоминаниях что-то напутал: он появлялся в Сараеве лишь время от времени, и моменты его появления почти всегда совпадали с отъездами Принципа. Так что если

они тогда и виделись, то лишь мельком. Но атмосферу и нравы молодежных кружков он описал точно.

«С восторженной любовью», отмечал Гачинович, они читали роман Чернышевского «Что делать?», «останавливаясь в благоговении перед сильной фигурой аскета Рахметова»: «За одного Рахметова мы пламенно любили молодую Россию...Мы подражали герою Чернышевского, как могли. В статуты нашего кружка входило обязательное воздержание от любви и вина... мы все оставались верны этим статутам».

Итак, Гачинович, судя по всему, действительно состоял в «Черной руке». А кто еще?

Установить это со стопроцентной достоверностью сейчас уже очень нелегко. Со времени тех событий прошел целый век, вокруг членов «Молодой Боснии» выросли горы мифов и слухов, появилось множество исследований, свидетельств и воспоминаний, некоторые потом признавались сознательными фальшивками и опровергались.

Уцелевшие участники этой организации, как и члены «Черной руки», тоже говорили далеко не всё, а иногда, ориентируясь на соответствующую политическую ситуацию, свидетельствовали «как надо». В общем, нить этой истории запуталась окончательно, и вряд ли когда-нибудь она будет распутана до самого конца.

Но кое-что иногда всё-таки удастся узнать.

Одним из участников «Молодой Боснии» был Мустафа Голубич, родившийся в 1889 (по другим сведениям — в 1891-м) году в Герцеговине в бедной семье. Голубич — одна из самых таинственных личностей югославского революционного и коммунистического движения. После Первой мировой войны сотрудничал с Коминтерном, учился в Москве, начал работать на советскую разведку...

Дальнейшая часть жизни Голубича до сих пор окружена мифами. Якобы он участвовал в подготовке неудавшегося покушения на короля Югославии Александра в 1921 году, в похищении советскими агентами главы Русского общевойскового союза генерала Александра Кутепова в Париже в 1930-м, в операции по ликвидации Льва Троцкого в Мексике в 1940-м, был одним из организаторов антигерманского переворота в Югославии 27 марта 1941 года и т. д. и т. п.

О Голубиче рассказывают и легендарные подробности: что он был другом Сталина и доставал на своей родине, в Герцеговине, его любимый табак «Герцеговина Флор» или что он украл в Англии танк, а во Франции — чертежи нового самолета.

Жизнь «красного («сталинского») Джеймса Бонда», как эффектно называла Голубича пресса бывшей Югославии, закончилась трагически. После оккупации страны гитлеровцами он остался на нелегальной работе в Белграде, 7 июня 1941 года был арестован немецкой контрразведкой. Специально для допросов Голубича из Берлина прибыл известный следователь, специалист по такого рода делам Ганс Хелм (по другим данным — целых четыре следователя).

Голубича допрашивали и пытали до конца июля 1941 года. Он никого не выдал, хотя о себе кое-что рассказал. Копии нескольких протоколов его допросов сохранились в архивах, и к ним мы еще вернемся. 29 июля 1941 года его расстреляли в Дворцовом (сегодня — Пионерском) парке Белграда и там же похоронили. Вроде бы после пыток Голубич не мог стоять, и перед расстрелом его посадили на стул.

Югославский историк Владимир Дедиер писал, что хотел разыскать могилу Голубича, но его отговорил Иво Андрич: «Он мне сказал, что я только потревожу его

кости. Рядом с его могилой играют дети. Нет ничего прекраснее этого».

Впрочем, легенды о Голубиче с его гибелью не обрываются. Считается, что его останки после освобождения Белграда увезли в Москву, где и похоронили с воинскими почестями. Но точное место его захоронения неизвестно. На Новом кладбище в Белграде можно увидеть памятную доску с выбитой надписью: «Мустафа Голубич. Герой СССР».

Во многих работах и публикациях, появлявшихся и во время существования Югославии, и после ее распада, говорится, что в 1944 году Голубичу были присвоены чин генерал-лейтенанта и звание Героя Советского Союза, однако документальных подтверждений этому пока тоже не обнаружено.

Каким же, однако, образом этот легендарный человек был связан с «Черной рукой»? Тут-то и начинается самое интересное.

В начале девяностых годов прошлого века сербский историк Убавка Вуйошевич опубликовала любопытнейший материал «Очерки биографии Мустафы Голубича (неизвестные документы из архива Коминтерна)». В нем содержалась и автобиография, написанная 31 января 1933 года по-французски самим Голубичем. Она была обнаружена в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории в Москве.

Голубич писал, что за принадлежность к молодежному антиавстрийскому движению был исключен из всех школ, после чего в конце 1909 года уехал в Сербию, где и окончил курс обучения в 1913 году. В Сербии он, имея рекомендацию молодежной организации «Молодая Босния», связался с комитаджами и их руководителем Воиславом Танкосичем, работал в их организации и получал зарплату в 30 динаров ежемесячно. Когда же появилась

организация «Черная рука», то, по словам Голубича, вся «Молодая Босния» вступила в нее. Ав 1913 году та же «Черная рука» направила его в Швейцарию, но не для продолжения образования, а чтобы найти «идеологического вождя» «Молодой Боснии» Гачиновича. Зачем — об этом речь пойдет ниже, пока остановимся на этом этапе его жизни.

На допросах в 1941 году Голубич утверждал, что сам он был принят в «Черную руку» в Париже, а не в Белграде и что уже в 1911 году «Молодая Босния» целиком вошла в состав этого тайного общества.

В автобиографии и показаниях Голубича на допросах бросаются в глаза некоторые явные и важные для нас несуразности, например утверждение, что «Молодая Босния» в полном составе вступила в «Черную руку». Как уже говорилось, «Молодая Босния» не являлась организацией в полном смысле этого слова — у нее не было четкой структуры, так что вступить целиком она никак не могла. Возможно, Голубич имел в виду основных участников покушения на эрцгерцога, но конкретно никого не назвал. Кроме того, 11 июня 1941 года на допросе Голубич говорил, что членами «Черной руки» «в основном были югославянские студенты и офицеры», что как минимум преувеличение — «югославянские студенты», насколько сегодня известно, как раз не были «основным составом» этой организации.

Резюмируем: можно поверить Голубичу, когда он говорит о своем участии в «Черной руке», но в отношении всех остальных его заявления вызывают вопросы.

Контакты боснийских эмигрантов с сербскими организациями — это факт, не вызывающий сегодня никаких сомнений. Но вопрос состоит в том, что стояло за ними.

Здесь перед боснийцами теоретически открывалось весьма широкое поле возможностей — от получения от этих организаций материальной помощи и стипендий на учебу до военной подготовки, службы в сербских добровольческих военных формированиях и вступления в пресловутую «Черную руку».

Уже после покушения в Сараеве на допросах и судебном процессе от членов «Молодой Боснии» упорно пытались добиться информации, кто из них состоял в сербских тайных обществах, но не очень успешно. Только потом, уже после Первой мировой войны и развала Австро-Венгрии, некоторые из участников славянского молодежного движения в империи признавались в своих связях с ними. Одним из таких людей был, к примеру, хорват Оскар Тарталья, выпустивший в 1928 году книгу под названием «Государственный изменник: Мои воспоминания из эпохи борьбы против черно-желтого орла».

Тарталья в мемуарах рассказывал, как в апреле 1912 года он с делегацией других молодых людей из различных частей Австро-Венгрии отправился на «экскурсию» в Белград и другие города Сербии. Сербские власти оказали делегации весьма торжественный прием. По словам Тартальи, в Белграде даже состоялся военный парад, который принимали прибывшие «экскурсанты», а в Офицерском собрании был устроен бал.

Сама же делегация промаршировала по Белграду и, остановившись у королевского дворца, принесла клятву верности. В это время, как бы случайно, на дворцовом балконе появился король Петр, фактически принявший ее.

Но это была внешняя сторона «белградской экскурсии». Тарталья утверждал, что в это же время он вел переговоры с лидерами «Черной руки», в том числе с самим Аписом. По словам мемуариста, они с Лукой

Юкичем предложили устроить покушение на комиссара Хорватии Цувая (как мы помним, именно Юкич позже и совершил его). Апис идею поддержал и отправил их для обучения и обсуждения деталей к майору Танкосичу.

После этого, утверждал Тарталья, «Танкосич взял Юкича в свои руки и лично обучил его стрельбе из револьвера и обращению с ручными бомбами», а также выдал ему пистолет. От себя добавим — если и так, то Танкосич плохо его учил: как уже говорилось, Юкич стрелял в Цувая шесть раз, но ни разу не попал.

Тарталья также описывал банкет, который состоялся 22 апреля в ресторане отеля «Москва» в честь, как он пишет, прошедших переговоров. Банкет устраивал Апис. На самом деле банкет был дан в честь прибытия в Белград молодежной делегации, но, по словам Тартальи, на нем присутствовали многие члены руководства «Черной руки» — Любомир Йованович-Чупа, секретарь «Народной обороны» Милан Васич и др. По правую руку от Аписа сидел сам Тарталья, а по левую — Лука Юкич.

«Начитанный и культурный Апис производил своими барскими манерами впечатление светского господина, но вместе с тем в нем проявлялись спартанские привычки народного революционера, — отмечал Тарталья. Тот, по его словам, «не требовал для себя ни почестей, ни похвал». Он — «первый среди всех. Он и солдат, и политик, он — Гарибальди и Мадзини югославской войны за освобождение».

А 27 апреля, сообщал Тарталья, его торжественно приняли в «Черную руку». При этом объяснили, что это — знаменательное событие в жизни этого общества, ведь в него вступил первый хорват и католик, который будет представлять в Верховной центральной управе Далмацию. Обряд посвящения проходил в редакции газеты «Пьемонт».

В этот же период, по словам Тартальи, в «Черную руку» были приняты Юкич, Гачинович, Принцип и др.

Таким образом, если верить Тарталье, нити от покушения на комиссара Цувая и более поздних покушений на хорватских чиновников вели к «Черной руке», в Белград [\[23\]](#).

Но можно ли верить этим мемуарам? Можно было бы, если бы не деталь о приеме в тайное общество Гачиновича и Принципа. Гачинович стал участником «Черной руки» гораздо раньше — в сентябре 1911 года. Что же касается Принципа, то в то время, о котором пишет Тарталья, его вообще еще не было в Белграде. Другими словами, обряд посвящения он пройти никак не мог. Возможно, Тарталья этого не знал или написал с чьих-то слов, а возможно, выражением «в этот же период» обозначил довольно длинный промежуток времени — в несколько месяцев. Ведь если Гаврилу Принципа и могли принять в члены «Черной руки» или других сербских организаций, то никак не раньше лета 1912 года.

Но принимали ли его в это тайное общество?

«Всё нам казалось в Белграде прекрасным...»

Когда Гачинович рассказывал Троцкому, что Данило Илич побывал в Женеве и что после поездки они «слушали его, как мусульмане слушают паломника, который вернулся из Мекки», то в этом всё-таки была некоторая неточность. «Меккой» для боснийских сербов и многих других славян была, конечно же, не Женева, а Белград.

Рассказывали, что даже простые сербские крестьяне из Боснии совершали на последние деньги долгое и трудное путешествие в Белград (действительно, почти как мусульмане — хадж в Мекку)

только для того, чтобы увидеть «своего короля» и «будущего освободителя» от австрийцев.

А о студентах и выпускниках гимназий и говорить не приходится. Была бы возможность — они всегда охотно ехали в Сербию, чтобы учиться либо работать — или же заниматься тайными делами, связанными с борьбой против Австро-Венгрии.

Гаврило Принцип не был исключением.

В Белград он отправился в мае 1912 года. Вероятно, это была не самая легкая полоса в его жизни. После «боснийской весны» и его активного участия в демонстрациях молодежи он вряд ли мог по-прежнему спокойно жить в Сараеве. На суде Принципа спросили, зачем он поехал в Белград. «Это мое личное дело», — ответил он.

Возможно, так и было. Принцип объяснял, что в Сараеве он так и не окончил пятый класс гимназии, потому что боялся провалиться на экзаменах, поэтому и уехал в Белград, чтобы продолжить там учебу в пятом и шестом классах и сдать экзамены в Сербии.

Впрочем, «поехал» — не совсем точно. По одной из версий, он отправился в Сербию чуть ли не пешком, так как денег на поезд не было. Он никого не предупредил, даже родителей. А когда перешел границу между Боснией и Сербией, то встал на колени и поцеловал сербскую землю.

О том, как Принцип добирался до Белграда, не сохранилось никаких сведений. Но вряд ли у него на пути появлялись какие-либо серьезные препятствия вроде полицейских погонь, засад и т. п. Сербьы вообще переходили из Боснии в Сербию довольно свободно. Как это происходило, описал, например, гимназист из Мостара Ратко Парезжанин (1898-1981), ставший впоследствии известным югославским писателем, публицистом и оставивший о жизни Принципа весьма интересные воспоминания. Так же как и наш герой, он

решил фактически бежать из Боснии, не ставя никого в известность: «Ни одной живой душе я не говорил, на что я решился. Труднее всего было не сообщать об этом родителям. Я боялся, что они бы мне сказали не делать этого. И я решил — скажу им всё тогда, когда буду в свободной Сербии. Для них это оказалось полной неожиданностью, но они были вынуждены с этими смириться».

Так же, наверное, почти всё было и у Принципа.

Парежанин добрался до пограничного городка, где жил некий сапожник, который совершенно бескорыстно помогал боснийцам перебираться через границу. Рано утром они осторожно направились в сторону границы, обошли австрийский жандармский пост. Затем Парежанин прямо в одежде зашел в реку и вскоре выбрался на другой берег. Там его задержали сербские пограничники. Обогревшись и отдохнув у них, он двинулся дальше. Было еще, впрочем, небольшое «собеседование» — его спрашивали, кто он и куда собирается ехать дальше. Видимо, «беглые» боснийские студенты и школьники к тому времени уже стали для сербов привычным делом, поэтому Парежанина быстро отпустили. Он, однако, вспоминал, что рядом с офицером, который вел с ним разговор, стоял какой-то человек в штатском, который не произнес ни слова, но внимательно и оценивающе осматривал его, однако, видимо, ничего подозрительного не увидел.

«Путешествие до Белграда прошло как во сне», — вспоминал Парежанин. Все пассажиры в поезде казались ему свободными, приятными и открытыми людьми. «Я чувствовал себя по-настоящему счастливым», — писал он. В Белграде Парежанин нашел нескольких знакомых из Боснии и Герцеговины. Вместе с ними он поселился в квартире, которую снимали студенты и гимназисты из Боснии. А вскоре в другую комнату той же квартиры вселился Гаврило Принцип.

Появившись в Белграде, Принцип в один из самых первых дней пошел на какой-то политический митинг и там впервые в жизни смог громко, во весь голос прокричать: «Долой Австрию!»

Его переполняли радостные чувства — он наконец-то оказался на «свободной родине — Сербии». Мать Принципа вспоминала, что когда после возвращения из Белграда он приезжал к родным в Обляй, то много и восторженно рассказывал «о сербской демократии, о равноправии, о короле Петре, о парламенте, о том, что земля принадлежит крестьянам, о сербских победах и т. д.». Именно Сербию, а не Боснию он называл «родиной». Конечно, в этих рассказах была изрядная доля преувеличения — жизнь простых людей в королевской Сербии тоже была не сахар, но Принцип и другие молодые люди из Боснии сначала видели ее сквозь розовые очки.

«Всё нам казалось в Белграде прекрасным, ясным, радостным, — вспоминал Ратко Парезанин. — По улицам шли люди с поднятыми головами, в кафанах громко разговаривали и смеялись. Это был совсем другой мир, он не был похож на тот, к которому мы привыкли. В гостиницах и кафанах мы видели, как за одним столом сидели офицеры с обычными гражданами, крестьяне в народной одежде и лаптях с господами, с высокопоставленными чиновниками, народными депутатами и даже министрами. Это нам казалось странным, но очень нравилось — такое было невозможно представить в Мостаре, Сараеве и в других местах Австро-Венгрии».

Между тем жилось Принципу в Белграде не так уж и сладко. Его старший брат Йово был сильно сердит на него — за то, что он уехал без разрешения и вообще ничего никому не сказав, — поэтому и деньги ему не посылал. Так что Гаврило вместе с такими же, как он,

«беглецами» иногда отправлялся в какой-нибудь монастырь, чтобы пожить там, помогая монахам за еду и ночлег.

В Белграде Принцип сошелся с другими гимназистами и студентами из Боснии. Некоторых он знал и раньше — Доброслава Евджевича, Драго Любибратича, Трифко Грабежа и др. Многие из них получали стипендии сербского правительства и различных организаций. Стипендию рассчитывал получить и Принцип.

В Сербии скопилось немало эмигрантов из Боснии. Среди них были разные люди. Кто-то хотел получить образование и стипендию, кто-то — работу. Для этого они выдавали себя за «боснийских революционеров», хотя на самом деле таковыми не являлись. Было немало «непризнанных гениев» из числа писателей, поэтов и художников, которых больше всего интересовали эксперименты в литературе и искусстве. Были, наконец, и «бунтовщики» вроде Принципа и его друзей.

Доброслав Евджевич рассказывает в мемуарах о любопытном случае. Принцип вскоре после прибытия в Белград отправился в Министерство просвещения, чтобы попытаться получить разрешение на учебу и сдачу экзаменов. Он очень долго прождал в приемной и так и не был принят. Тогда в следующий раз он пошел туда, надев на голову феску — головной убор, который носили боснийские мусульмане. И его почти сразу же приняли!

Евджевич объясняет, что в то время сербское правительство весьма благоволило к боснийским славянам-мусульманам и всячески старалось, чтобы они тоже ощутили себя сербами по крови, хотя и принадлежали к другой вере. Поэтому в белградских коридорах власти для них всегда зажигался зеленый свет. Так что и Принципа сразу же приняли. Правда, по словам Евджевича, из трюка с феской все равно ничего

не вышло. Как только он честно рассказал, зачем надел ее, его тут же выставили за дверь.

Постепенно его жизнь в Белграде налаживалась. С братом он помирился — объяснил, что в Сербии тоже будет учиться. Йово перестал сердиться и начал посылать ему деньги. Принцип покупал себе книги и большую часть времени по-прежнему проводил за чтением. Боснийские «беглецы» часто продавали книги, чтобы выручить какие-нибудь деньги на еду, но он этого никогда не делал. Плата за жилье составляла пять динаров в месяц — не очень большие деньги, но всё равно приходилось нелегко.

Хозяином одной из квартир, где жили боснийцы, был разговорчивый бородач по имени Милан. Он любил долго говорить на самые разные темы, особенно с Принципом — тот больше молчал и не подсмеивался над ним, как другие. Однажды произошел забавный эпизод. В книжных магазинах Белграда только что появились новые переводы стихов индийского поэта и писателя Рабиндраната Тагора. Гимназисты, конечно же, живо обсуждали это событие — литература для них была важнейшей частью жизни.

Вечером Принцип сказал хозяину квартиры: «Знаете, дядя Милан, Рабиндранат Тагор посвятил вам новый сборник стихов! Потому что у этого великого поэта такая же превосходная борода, как и у вас». Милан, однако, нимало не смутился. Как же, ответил он, я его хорошо помню. И рассказал, что когда он матросом ходил на торговом судне, то действительно встретил в Индии Рабиндраната — «поэта с большой густой бородой». Они подружились и потом вместе отправлялись в джунгли поохотиться на тигров. Именно в честь этой дружбы Милан и решил до смерти носить такую же бороду, как у его индийского друга. Все долго смеялись, но в общем оценили находчивость бородача.

И Принцип, и другие его товарищи, жившие в Белграде, говорили, что общались в основном только между собой. Почти никто не завел себе друзей среди местных сверстников. Вечера, если оставались деньги, проводили в кафанах — «Зелени венац», «Жировни венац», «Златна моруна» («Золотая белуга»). Кстати, эта кафана недавно вновь открылась после многолетнего перерыва (в ней находился склад китайского ширпотреба) по тому же адресу — улица Королевы Натальи, дом 2.

Меню «беглецов» в кафанах разнообразием не отличалось: фасоль, хлеб и время от времени мясо. Принцип играл в кафанах в бильярд и вскоре завоевал репутацию сильного игрока. Другие предпочитали карты. Принцип на следствии рассказывал, что часто играл в карты с Ратко Парезжанином. Тот проигрывал и не платил ему долги, поэтому вскоре они разорвали отношения и больше не виделись. Парезжанин же в мемуарах отмечал, что это неправда — он в карты вообще никогда не играл. Очевидно, предположил он, Принцип таким образом делал вид, что между ними не было дружеских отношений, чтобы австрийская полиция не заподозрила в причастности к заговору и его друга. «Принцип всегда был таким, — пишет Парезжанин, — старался всю ответственность или, по крайней мере, большую часть ответственности брать на себя...»

Любимым занятием Принципа по-прежнему оставалось чтение. Впрочем, это касалось не только его. Практически все главные участники покушения на Франца Фердинанда были «оккупированы литературой». Они писали стихи, прозу, делали переводы (к примеру, Данило Илич переводил Оскара Уайльда) и «глotalи» все книжные новинки.

Парезжанин писал, что их не интересовала сербская политика. И за партийными или парламентскими

дискуссиями они особо не следили. Возможно, что и так. Но очевидно, что «политические эмигранты», к которым они себя относили, продолжали по-прежнему думать о том, как освободить Боснию от австрийцев и венгров.

«Не только все вместе, но и каждый в отдельности мечтал о делах и акциях, но пока еще противник не был определен конкретно — ни Франц Фердинанд, ни какая-то другая личность», — отмечал Доброслав Евджевич. Всё это было впереди.

«Меня считали слабаком...»

В июне 1912 года Принципа всё же приняли в 1-ю мужскую гимназию Белграда «заочником», а свободное от учебников время он проводил с земляками. Летом этого года в Белграде произошла его встреча с Владимиром Гачиновичем.

Однажды в середине июля группа боснийских эмигрантов сидела перед кафаной «Златна моруна». В это время кто-то из них увидел человека, идущего по другой стороне улицы, несмотря на жару, закутанного в черную пелерину, в черной шляпе с широкими полями. Поравнявшись с сидевшими у кафаны боснийцами, он поднял голову, посмотрел на них, а потом начал переходить улицу. В это время его заметил Боривое Евтич. «Ой, Владо, это ты? Когда ты приехал?!» — воскликнул он, бросился к незнакомцу и привел его за стол, за которым сидела вся компания.

Описавший эту сцену через три с лишним десятка лет писатель и публицист Йован Палавестра, который в 1912 году тоже общался с будущими участниками сараевского покушения, отмечал, что «с того дня и до конца лета, когда он уехал из Белграда, Владимир Гачинович, главный публицист «Молодой Боснии»,

больше не отходил от Принципа». Они познакомились, вероятно, в тот самый день у кафаны. Палавестра вспоминал, что теперь они вдвоем проводили время в парке у старинной белградской крепости Калемегдан, разговаривая по несколько часов подряд.

Кто был в Белграде, тот знает: Калемегдан находится на высоком холме, над местом слияния Савы и Дуная. Сейчас на другой стороне высится построенный в эпоху социализма Новый Белград. А в начале XX века за этими реками уже начиналась Австро-Венгрия. Первый секретарь русского посольства Василий Штрандман, приехавший в сербскую столицу в 1911 году, писал в мемуарах: «Поражало почти полное отсутствие судоходства и движения каких бы то ни было лодок... Такая почти мертвая тишина на этих мощных водных путях объяснялась тем, что пограничная линия между Сербией и Австро-Венгрией пролегла по руслу этих рек. Изредка ночью слышались выстрелы, раздававшиеся с противоположного берега: австрийские пограничники стреляли по сербским лодкам, которые ночью пытались продвигаться вдоль сербского берега, иногда с контрабандными намерениями. Ответных выстрелов не было слышно, т. к. сербская пограничная стража очень слабо следила за всем происходившим на пограничной линии, несмотря на бойкот австро-венгерских товаров, начавшийся после аннексии Боснии и Герцеговины».

Так что Гачинович и Принцип, сидя на Калемегдане, наверняка смотрели прямо на Австро-Венгрию, с которой у них были особые счеты. Да и не только у них, но и у многих сербов.

«Уже через несколько дней мы заметили, что Принцип сильно изменился, — вспоминал Палавестра. — Раньше он был живым и остроумным, всегда готовым к дружеской шутке и проявлял иногда почти детскую

шаловливость, но после знакомства с Гачиновичем поведение Принципа стало совсем другим. Забросив прежние чтения (русскую и французскую литературу в сербских переводах) и школьные учебники, он набросился на революционную и общественно-политическую литературу. В букинистических магазинах Белграда он искал и покупал русские социалистические брошюры».

Всё-таки, думается, Палавестра несколько преувеличил влияние Гачиновича на круг чтения и взгляды Принципа. С социалистической и другой революционной литературой Гаврило был знаком еще раньше, с гимназических времен в Боснии. Хотя, разумеется, эти вечерние летние разговоры наверняка оставили в его жизни немаловажный след.

Казалось бы, в Белграде они вели шумную, молодую и, несмотря на бедность, довольно «рассеянную» жизнь. Для студентов и гимназистов восемнадцати — двадцати лет самое время. Кафаны, вино, музыка, девушки, романтические мечты летними вечерами в крепости Калемегдан, которая стоит на высоком холме, как раз у места впадения Савы в Дунай...

На самом же деле всё было не совсем так. Наиболее «идейные» члены «Молодой Боснии», к которым, несомненно, принадлежал и Принцип, с неодобрением относились к своим товарищам, тяготевшим к такого рода жизненным удовольствиям. Несмотря на регулярные посещения кафан, Принцип, по его собственному признанию, никогда не пил спиртного, а впервые попробовал его в тот самый день, 28 июня 1914 года в Сараеве, когда незадолго до выстрелов в эрцгерцога сидел в кафе с бокалом вина, чтобы не обратить на себя внимание полиции. С девушками было примерно то же самое.

Уже в тюрьме он говорил, что никогда не имел интимных отношений с женщинами. У него была, по его

словам, «идеальная любовь», и ее он даже «никогда не поцеловал». «Об этом больше ничего не скажу», — отрезал он.

Спустя полвека после покушения в Сараеве югославская газета «Борба» напечатала рассказ Елены Милишич, урожденной Ездемирович, которая вроде бы и была той самой «идеальной любовью» Принципа. По ее словам, они познакомились в 1912 году, когда она была во втором классе учительской школы. Она рассказывала:

«Гаврило в меня влюбился. Я тоже была не совсем к нему равнодушна, я уважала и ценила его характер... Мы встречались в нашем литературном обществе.... там слушали уроки Данилы Илича... Много говорили о югославянской идее и мечтали об освобождении. Между тем Гаврило был погружен в себя и редко говорил. Но если он и произносил хоть одно слово, то выражал ненависть по отношению к Австро-Венгрии и заявлял, что не так далеко то время, когда пробьет час свободы...

Покойный Гаврило начал писать мне стихи... Подарил мне одну книжку, которая называлась «Для тебя»... Потом подарил на память несколько своих фотографий. Прекрасными весенними и летними ночами Гаврило приходил к моему окну и пел... теплые и нежные песни. Самая любимая у него была «Елена, моя Елена».

Как-то мы с ним гуляли и разговаривали о свободе, и Гаврило доверил мне свою тайну. Он сказал: «Елена, я обожаю покойного Богдана Жераича. Часто по ночам хожу на его могилу, целую крест и землю, в которой он лежит».

Последний раз мы виделись перед покушением. Он мне сказал: «Прощай, Елена, может быть, мы никогда больше не увидимся. Завтра будет много шума»...»

Рассказ, конечно, интересный, хотя уж слишком отдает мелодрамой. Но если основные его детали правдивы, то они не могут не потрясать. Гулять с любимой девушкой и признаваться ей в том, что по ночам он ходит на могилу героя-террориста и целует крест, — это, конечно, сегодня понять сложно. Но самое удивительное в том, что девушки того времени и того круга, в котором вращались Принцип и его друзья, по-видимому, воспринимали это как должное. Ведь не только Принцип ходил по ночам на могилу Жераича.

Сохранились также сведения о теплых отношениях, которые Принцип поддерживал с Вукосавой, сестрой Недельки Чабриновича. Она была младше Гаврилы на три года. Но тот больше всего заботился о ее интеллектуальном развитии — посылал книги и репродукции известных картин, сообщал в письмах различные литературные и научные новости. В 1913 году Вукосава даже заложила свой золотой крест, чтобы послать деньги в Белград Принципу и своему брату. После покушения она закопала все письма Принципа, а впоследствии так и не нашла их. Приятель Принципа Доброслав Евджевич, на которого мы уже не раз ссылались, напечатал некоторые из них с ее слов, но это, конечно, уже было не то.

У многих других товарищей Принципа в отношениях с женщинами дело обстояло точно так же. О Гачиновиче, к примеру, рассказывали такую историю. Однажды в Белграде он влюбился в некую девушку. Встретив ее на прогулке, он снял шляпу и низко поклонился ей. Она же лишь презрительно посмотрела на него и молча прошла мимо — очень уж бедно он был одет. Всю ночь взволнованный Гачинович писал ей письмо. Она же показала послание своим подругам, а одна из них передала его известному сербскому литератору, филологу и профессору университета Иовану Скерличу. Тот высоко оценил литературные

способности Гачиновича. Ну а с романом, разумеется, ничего не получилось.

У Данилы Илича был платонический роман в Сараеве с девушкой из местной кондитерской. Он посылал ей цветы и открытки, но дальше этого дело не шло. Когда же товарищи подтрунивали над ним, он очень злился.

Конечно, тогдашние правила приличия подразумевали не такое, как сейчас, свободное отношение к противоположному полу, но всё-таки, думается, не это было главной причиной подобной «робости» молодых радикалов в романтических связях. Просто они, как и их любимый герой Рахметов из романа Чернышевского «Что делать?», ставили перед собой другую, как им казалось, высокую цель, от достижения которой их не должны были отвлекать никакие другие «бесполезные занятия».

Не все из них держались подобной линии поведения. Как отмечал историк Владимир Дедиер, Боривое Евтича и Недельку Чабриновича их «идейные» товарищи строго критиковали за слишком, по их мнению, «свободные» для революционеров нравы.

Летом 1912 года Принцип начал готовиться к сдаче экзаменов за пятый и шестой классы гимназии. Но неожиданные события опять прервали его учебу. На Балканах снова запахло большой войной.

Восьмого октября (25 сентября) война действительно началась. Потом она получила название Первой Балканской. Болгария, Сербия, Черногория и Греция воевали против Турции за Македонию и другие турецкие владения в Европе. Она закончилась Лондонским миром, подписанным 30 мая 1913 года, по условиям которого Турция потеряла почти все свои европейские территории, кроме Константинополя и небольшой части Восточной Фракии. Сербия получила Косово, а Македония была разделена между ней,

Болгарией и Грецией. Было создано также независимое государство Албания.

Впрочем, уже в июне 1913 года из-за дележа «турецкого наследства» началась Вторая Балканская война. Болгарские войска напали на сербские и греческие позиции; в итоге Сербия, Греция, Черногория и примкнувшие к ним Румыния и Турция воевали против Болгарии. Болгары капитулировали 29 июля. По Бухарестскому мирному договору они потеряли значительную часть недавних территориальных приобретений.

Но это было позже. Объявление же войны Турции в сентябре 1912 года вызвало в Сербии и других южнославянских странах патриотический подъем. Не могли, конечно же, остаться в стороне и боснийцы — участники «омладинского» движения. Они группами переходили границу и записывались добровольцами в сербскую армию. Владимир Гачинович и несколько его товарищей поступили добровольцами в армию Черногории.

Решил отправиться на войну и Гаврило Принцип. В Белграде он пришел к секретарю «Народной обороны» майору Милану Васичу (член Верховной центральной управы «Черной руки» под номером 9, погиб в 1913 году) и попросил записать его в добровольцы — комитаджи.

Разумеется, сразу же возникают вопросы. Если он пошел прямо к майору Васичу, значит, у него и раньше были какие-то контакты с «Народной обороной»? Или же он просто знал, что эта организация ведет запись добровольцев?

На самом деле возможны оба варианта. Объявления о наборе добровольцев печатались в сербских газетах — их мог прочесть любой желающий. Деятельность «Народной обороны» в Сербии тоже не была тайной, во

всяком случае, в таких направлениях, как военно-патриотическое воспитание и «культурное просвещение».

Английский историк Сидней Фей в двухтомном труде «Происхождение мировой войны» писал: «Принцип, убийца эрцгерцога, по его собственному признанию на суде, был завербован в организацию «Народная оборона» в 1912 году, получал от нее деньги и прошел курс обучения, полагающийся для комитаджей».

Но, как следует из протоколов судебного заседания, и Принцип, и Грабеж, и Чабринович отрицали, что состояли в «Народной обороне», хотя знали, что такая организация существует и преследует «культурные цели». Они признавали лишь то, что имели с ней контакты. Чабринович даже сказал, что слышал, будто это «не только культурная, но и революционная организация». Когда же его спросили, какую именно революцию это общество собирается совершить, Чабринович ответил, что «в деталях» этого не знает.

Принцип на эту тему говорил меньше других своих товарищей, с которыми был в Белграде. На вопрос, почему он решил связаться с «Народной обороной», Принцип ответил, что как-то во время разговора ему вдруг пришла в голову идея и он тут же высказал ее вслух: «Что, если обратиться к «Народной обороне», которая оказывает поддержку бедным гимназистам?» «И оказывает поддержку революции», — ехидно подхватил прокурор.

Из рассказа Принципа не очень понятно, в какой именно момент он решил связаться с обществом — тогда, когда хотел записаться в добровольцы, или же раньше, чтобы получить денежную помощь.

В отличие от Принципа его соратник Неделько Чабринович довольно подробно описал, как вступил в контакт с представителями «Народной обороны». По

его словам, в августе 1912 года в одной из кафан, где, как обычно, проводили вечер боснийские «беглецы», появился человек, имени которого он не знал. Они разговорились, и таинственный посетитель сказал, что может отвести его в одно место, где можно раздобыть денег (финансовая проблема была очень актуальной для большинства боснийцев). За это, добавил он, Чабринович должен поставить ему пол-литра ракии — сербской водки. Разумеется, будущий заговорщик тут же согласился.

«Он отвел меня в «Народную оборону»... — рассказывал Чабринович. — Со мной также пошел еще один друг, и нас представили покойному Милану Васичу, майору и секретарю «Народной обороны». Он спросил меня, кто я и чем занимаюсь... Когда я рассказал ему, он сказал: «Хорошо!» — и предложил мне зайти позже.

Я пришел и получил 15 динаров... У меня в кармане была книга Ги де Мопассана. Когда он ее увидел, то сказал, что такая литература для меня не годится, и дал мне издания «Народной обороны» — «Устав 'Народной обороны'» и «Песни о народных героях»... Кроме книг я получил также деньги. «Не знаю, как я смогу отблагодарить вас за ваши добрые дела», — сказал я ему, а он сказал, чтобы я всегда был хорошим сербом».

Что же касается «Черной руки», то, по его словам, он знал о ней только из газет — ее цели и структура ему были неизвестны.

В 1930 году советский историк Николай Полетика выпустил в Москве книгу «Сараевское убийство», в которой доказывал, что за покушением на Франца Фердинанда стояла «Черная рука», а сербское правительство как минимум знало о его подготовке, а то и участвовало в нем. Согласно его версии, Принцип и многие другие члены «Молодой Боснии» тоже были

членами «Черной руки». Как писал сам Полетика, его книга развенчивает «укоренившуюся у нас со времени мировой войны ритуальную легенду о «маленькой, бедной, невинной Сербии, на которую неожиданно напала Австрия».

Обратим внимание на небольшой отрывок из этой работы о жизни Принципа в Белграде. «Он был принят в лучшем обществе Белграда, приглашался на обеды профессорами местного университета и считался «многообещающим юношей». Во время своего пребывания в Белграде он... был принят в члены «Народной обороны» и «Черной руки». В мемуарах Полетика даже утверждал, что после выхода «Сараевского убийства» бывшие соратники Принципа собирались его убить.

О книге Полетики, предположениях, кто стоял за выстрелами Принципа, и эпизоде, когда автора «Сараевского убийства» тоже «собирались убить», мы еще поговорим. Пока же речь о другом.

Белградская жизнь Гаврилы Принципа в 1912 году совершенно не похожа на ту, которую описывает Полетика. Ничем не подтверждается, что он тогда был «принят в лучшем обществе Белграда». Да и утверждение о его вступлении в это время в тайные общества тоже выглядит не слишком убедительно.

Дело не в том, что такого не могло быть, и не в том, что Принцип и его друзья категорически отрицали свое участие в этих обществах, хотя следствие и суд делали всё возможное, чтобы представить их в качестве «сербских агентов». Наверняка члены «Молодой Боснии» рассказали далеко не всё. Но события осени 1912 года показывают: члены «Черной руки» тогда отнеслись к Принципу настолько несерьезно, что этим глубоко обидели его.

Итак, Принцип пришел к майору Васичу. Тот после небольшой беседы фактически отказался записать его в добровольцы, но направил в штаб комитаджей, который находился в городке Прокупле в Южной Сербии. В начале октября Принцип с одним из товарищей отправился туда. Добравшись до места, Гаврило написал в Боснию брату Николе: «...Буду счастлив, если меня запишут добровольцем». А другу Драгутину Мрасу отправил открытку с таким посланием:

«Дорогой мой,

Посмотри на карту и найди там Прокупле. Мы сейчас здесь, а где окажемся потом, не знаю. («За свободу и Отечество».) Привет от твоего Гавро».

Комитаджами в Прикупле командовал 32-летний майор Воислав Танкосич. Прибыв к месту формирования отрядов комитаджей, Принцип, по его словам, некоторое время «упражнялся с оружием», затем в один прекрасный день отправился к Танкосичу, чтобы попроситься в действующий отряд.

Когда Принцип появился у Танкосича, тот вел какие-то переговоры с группой местных партизан. До молодых боснийцев ему не было никакого дела. Он быстро оглядел их и сказал что-то вроде «идите лучше учиться в школу». По другой версии, он говорил с Принципом резко и обидно, заявив, что таким тщедушным в комитаджах не место, потому что его «любой турок соплей перешибет». Известный югославский историк, биограф маршала Тито Владимир Дедиер со ссылкой на «младобосанца» Сречко Джамоню утверждал в объемистом труде «Сараево. 1914», что Принцип вспылил, ответил что-то грубое, и ему за это всыпали пять ударов то ли палками, то ли розгами, то ли просто надавали зуботычин. Правда, других подтверждений этого случая нет.

Существует версия, будто бы Танкосич действовал из соображений, что Принцип должен «сберечь себя

для будущего», но в это совсем уж трудно поверить. С какой стати командир комитаджей должен был выделять среди других никому не известного, невысокого и действительно казавшегося тщедушным гимназиста? К этому времени он еще ничем себя не проявил, чтобы один из видных членов «Черной руки» так заботился о нем. Скорее всего, Танкосич просто отмахнулся от него как от очередного неподходящего кандидата в комитаджи. Из двух тысяч человек он тогда отобрал всего 425.

Нетрудно понять, почему Принципа не взяли, — сам он говорил, что как раз в то время «заболел». У него начался туберкулезный процесс в легком, он всё время покашливал, и для Танкосича не составило труда оценить его состояние. Но Принципа глубоко оскорбил отказ принять его в комитаджи. Человек он был ранимый и самолюбивый и такие обиды помнил долго. Уже на суде он скажет: «Я не очень хорошо сходился с людьми, куда бы ни приезжал. Меня считали слабаком и человеком, чрезмерно испорченным чтением литературы. Но я только притворялся, а на самом деле таким не был».

Забежим вперед: накануне покушения на Франца Фердинанда, в организации которого Танкосич играл одну из ключевых ролей, он захотел увидеть тех, кто будет непосредственно участвовать в нем. Но Принцип отказался с ним встречаться. Таким образом, после своей неудачной поездки в Прокупле он больше никогда не видел Танкосича.

Принцип вернулся в Белград, а вскоре и в Боснию. Зимой 1912/13 года он провел в пригороде Сараева Хаджичах, в доме брата Йово, который при каждом удобном случае ругал его за то, что он сбежал в Сербию, бесполезно потратил там время и не выполнил обещание — не сдал экзамены.

А Принципа очень мучило то обстоятельство, что пока он «протирает штаны» у родственников, многие из его друзей и знакомых сражаются в Македонии и в Косове за «Родину — Сербию».

Не исключено, что с тех пор он испытывал что-то вроде комплекса неполноценности. Это еще больше подталкивало его к мысли о совершении «героического поступка» наподобие выстрелов Богдана Жераича, на могилу которого он по-прежнему ходил и всё так же мечтал на ней о великих делах. Он хотел доказать и себе, и другим, что и он не хуже остальных, несмотря на свои болезни и «слабую конституцию», как выразился Воислав Танкосич. Смешиваясь с его мечтами о свободе и идеями «тираноубийства», эти чувства еще больше приближали то, что произошло потом.

ВЫБОР ЦЕЛИ

«Решил убить австрийского императора»

В Хаджичах Принцип прожил до марта 1913 года, а затем всё же упросил брата снова отпустить его в Белград. Он пообещал, что окончит там гимназию и, может быть, даже поступит в университет. На суде Принцип говорил, что всё это время он тщательно готовился к сдаче экзаменов за пятый и шестой классы гимназии, так что Йово скрепя сердце согласился на его вторую поездку в Сербию.

Летом 1913 года Гаврило действительно сдал экзамены за пятый и шестой классы в 1-й мужской гимназии в Белграде, но окончить ее так и не успел или же не смог. Вероятно, этот факт был для него еще одним болезненным местом в биографии, и он не очень охотно говорил о нем. На суде Принцип утверждал, что сдал экзамены за все восемь классов гимназии. То же самое он повторял уже в тюрьме, незадолго до смерти.

Однако документальных подтверждений этого за все прошедшие годы так и не было найдено. Еще перед Второй мировой войной югославский историк Божидар Томич (на него потом ссылался и Владимир Дедиер) обнаружил в архивах 1-й мужской гимназии документы, согласно которым 3 сентября (21 августа) 1913 года Принцип сдал экзамен за шестой класс. На этом его гимназическое образование закончилось.

На суде Принципа спросили, занимался ли он в Сербии политикой или журналистикой. Он коротко ответил: «Нет» — и в общем-то не соврал.

Внешне жизнь Принципа в Белграде в 1913 году мало отличалась от его предыдущего пребывания в столице Сербии. Те же кафаны, книги, разговоры и мечтания о будущем. Но кое-кто из тех, кто общался с ним в это время, утверждает, что внутренне он постепенно менялся.

Однажды Принцип вбежал в комнату с газетой в руках и закричал, что убит русский царь. Его «сожители» повскакали с мест и начали вырывать у него газету из рук. А когда вырвали и стали лихорадочно читать заголовки, то новости об убийстве царя не нашли.

Принцип же смотрел на них очень иронично, а потом сказал, что нарочно придумал всю эту историю, чтобы посмотреть, какова будет реакция его друзей на новость об убийстве монарха. А затем раскритиковал их, потому что настоящие революционеры должны всегда оставаться сдержанными и не поддаваться эмоциям. Некоторые друзья очень обиделись за этот розыгрыш и обозвали его дураком.

Доброслав Евджевич вспоминал, что когда однажды они сидели на холме Калемегдан, где находится старинная крепость, и смотрели на текущие внизу Саву и Дунай, Принцип вдруг неожиданно разговорился. «Он больше не верит в движение масс, которые мертвы и несознательны, — передает Евджевич его слова. — Он не верит в способность и смелость ведущих политиков Сербии, которые не могут привести народ к освобождению... По его мнению, наше поколение не доживет до осуществления наших идеалов. Лучше всего спасти его честь, пожертвовав своей жизнью. Он уже решил убить австрийского императора. Только такой великий акт приведет к гонениям и репрессиям против нашего народа в Боснии, а только они разбудят спящую энергию масс и разожгут революцию».

Евджевич не возражал Принципу — он ему верил и сам придерживался похожих взглядов. Они даже начали обсуждать технические детали подготовки покушения, когда Принцип вдруг воскликнул: «Надо же, а ведь жизнь помазанника Божьего могли бы спасти несколько сотен крон, которых у нас нет!»

И ведь действительно, было бы у молодежи в то время больше возможностей заработать «несколько сотен крон» на достойную жизнь — вряд ли в стольких головах рождались бы планы кого-нибудь убить. «Нам гораздо легче было ковать заговоры, чем заработать деньги», — отмечал Евджевич. Тогда они втроем носили по очереди одну пару ботинок.

К намерению убить императора Принципа, безусловно, подтолкнули и покушения хорватских радикалов на бана Цувая. Ни к каким серьезным политическим реформам они не привели и революцию не разожгли. Странно, что Принцип этого не увидел. А может быть, увидел, но просто не говорил об этом вслух, чтобы не смущать товарищей? Или считал, что фигура бана Хорватии слишком мелка для того, чтобы ее «устранение» всколыхнуло спящие массы? Другое дело — сам император Франц Иосиф!

Допустим, что Принцип тогда понимал, что одним только террором вряд ли можно изменить существующие порядки. Но что же тогда делать? Если ты разочаровался в том, во что верил, значит, нужно начинать жизнь «добропорядочного гражданина», мещанина? Вряд ли для него подходил подобный выход из положения. Наоборот — нужно действовать «во что бы то ни стало». Показать пример и спасти «честь своего поколения». «Ах, как славно мы умрем!» — воскликнул почти за 90 лет до Принципа участник тайного общества Александр Одоевский, узнав о назначенном на 14 декабря 1825 года выступлении на Сенатской площади...

Принцип был не единственный, кому в голову пришла подобная мысль. Идеи ликвидировать австро-венгерских сановников различного калибра — вплоть до императора! — продолжали беречь умы молодых радикалов из самых различных уголков южнославянских окраин империи.

Иногда приходится читать, что план убийства Франца Фердинанда заговорщикам втемяшили в головы в Сербии, чуть ли не члены сербского правительства. Но совершенно точно можно сказать, что «призрак тиранубийства» бродил по Австро-Венгрии гораздо раньше и сам по себе. А после «боснийской» и «хорватской весны» 1912 года он начал приобретать более или менее конкретные очертания. Причем молодым и горячим радикалам было по большому счету всё равно, кого убивать, — главное, чтобы их цель имела отношение к государственному аппарату империи.

Спектр «мишеней» был весьма широким: от начальника полиции Сараева до самого верха имперской политической лестницы. 23 ноября 1912 года молодой парикмахер Анте Марьянович должен был стрелять в городе Задар в губернатора Далмации графа Марио Атемса. Но за день до покушения Марьяновича арестовали и обнаружили при нем заряженный револьвер. Впрочем, убедительных доказательств подготовки покушения суд не нашел, и Марьянович вместе с сообщниками был освобожден.

Другой далматинец, Лука Алимович, родившийся вблизи крупного города-порта Сплит, вынашивал планы покушения на эрцгерцога Франца Фердинанда. Причем происходило это примерно в то время, когда Принцип на Калемегдане делился с Евджевичем мыслями об убийстве императора.

Во время Второй Балканской войны Алимович поступил добровольцем в сербскую армию; но военные действия быстро закончились; и он вернулся в Хорватию. Позже австрийские власти многозначительно указывали на то обстоятельство, что деньгами на обратную дорогу ему помогли представители «Народной обороны».

Вернувшись в Загреб, он купил револьвер и начал направо и налево рассказывать, что собирается ехать в Вену, чтобы убить престолонаследника. Естественно, вскоре он очутился за решеткой. На следствии Алимович признал, что хотел устроить покушение на эрцгерцога, поскольку тот «плохо относится к славянам». Он утверждал, что никто не помогал ему в этой затее.

Вскоре Алимовича благодаря хлопотам его семьи выпустили из тюрьмы, и он уехал в Аргентину, где прожил до глубокой старости. Незадолго до смерти, в мае 1965 года, он написал одному из югославских профессоров письмо, в котором привел ряд очень интересных и ранее неизвестных деталей своего замысла. Это письмо полностью приведено в книге Владимира Дедиера «Сараево. 1914».

Алимович утверждал, что делился своей идеей покушения на Франца Фердинанда в Белграде. Сначала — с историком, профессором Белградского университета, академиком и видным сербским политиком Любо Йовановичем (в 1909–1911 годах он был министром внутренних дел Сербии, а позже, в 1914–1918 годах, — министром просвещения). Однако Йованович эту затею не одобрил: «Нет, молодой человек, не можем мы сейчас воевать. Мы истощены и измучены. Нам нужен мир — залечивать военные раны». В том, что покушение приведет к войне с Австро-Венгрией, ни он, ни сам Алимович не сомневались.

Йованович посоветовал Алимовичу возвращаться в Хорватию, учиться и работать «в интересах сближения сербского и хорватского народов». Но Алимовичу этот совет не понравился, и тогда, отмечал он, «я пошел к «Народной обороне». Далее он писал: «Здесь меня приняли очень хорошо, поблагодарили за мои патриотические чувства, но на предложение устроить в Австрии несколько покушений, начиная с Франца Фердинанда, которое я сам был готов совершить, я — должен это честно признать — не встретил одобрения... Мне сказали, что Сербии необходимы несколько лет мира... Хотя я не просил ни о какой помощи, «Народная оборона» предоставила мне 100 динаров, чтобы помочь возвращению домой».

Алимович возмущался мемуарами Леопольда фон Берхтольда, министра иностранных дел Австро-Венгрии с 1911 года. Тот утверждал, что Алимович получил эти 100 динаров как раз в награду за готовность организовать покушение. Алимович недипломатично назвал министра кретином, добавив, что жалеет, что обстоятельства не свели их где-нибудь в Вене.

Кстати, Берхтольд тоже фигурировал в качестве потенциальной «мишени». Идею покушения на него во второй половине 1912 года вынашивал боснийский хорват Сречко Джамоня. Его план был прост: засесть в отеле напротив министерства и расстрелять министра из карабина. Почему Джамоня отказался от своей затеи, не очень понятно. По одной версии, он поехал в Сербию, чтобы раздобыть оружие (в этом смысле австрийцы были правы — оружие хорваты и боснийцы чаще всего доставали именно на другом берегу пограничной Дрины), а там какой-то мудрый человек отговорил его стрелять в Берхтольда, потому что после этого покушения у Сербии будут большие проблемы.

Предлагалась также кандидатура министра финансов Леона фон Билинского (как мы помним,

Босния и Герцеговина формально находилась под управлением Министерства финансов Австро-Венгрии), но до покушения на него дело тоже не дошло.

Долго рассматривался в качестве «мишени» и сам Франц Иосиф, причем за право стрелять в него между потенциальными террористами разгорались ожесточенные споры. Спорили также, какой национальности должен быть террорист. Большинство считали, что дело нужно поручить либо мусульманину, либо хорвату. В этом случае после подавления выступлений сараевских и загребских студентов покушение на императора приобретало бы актуально-злободневный характер.

Возможно, все эти разговоры и вылились бы во что-то более серьезное, но тут начались Балканские войны, которые на время отвлекли внимание заговорщиков от «священной особы» императора. А потом у них появилась еще одна, гораздо более реальная цель.

Убить генерала Поттиорек

В 1911 году военным губернатором Боснии и Герцеговины был назначен генерал Оскар Поттиорек. Это был военный, что называется, до мозга костей. Он окончил Техническую военную академию и Академию Генерального штаба. С 1879 года служил в Генштабе, дослужился до заместителя его начальника. Затем был инспектором вооруженных сил в Боснии и Герцеговине и, наконец, стал наместником.

Поттиорек происходил из германизированных словенцев. Он был жестким, негибким человеком и мало подходил для политической должности. После его назначения полномочия гражданской администрации в Боснии неуклонно сокращались и переходили к военным. Пожалуй, из всех ее военных губернаторов

Потиорек сосредоточил в своих руках самую большую власть.

Новый наместник быстро вошел во вкус. Он ощущал себя независимой политической фигурой и вступал в споры даже с министром финансов Австро-Венгрии Билинским, который был «ответственным» за эту провинцию в имперском правительстве. Так, в 1911 году Билинский предложил провести некоторые шаги в направлении аграрной реформы (дело происходило после крестьянского восстания в Боснии 1910 года). Однако Поттиорек высказывался против этих мер. Он писал, что «и в будущем сербское крестьянство необходимо оставить в состоянии летаргии». Билинский, который старался расположить к имперским порядкам по крайней мере имущие классы всех народов Боснии, в том числе и сербов, отмечал, что Поттиорек «чувствовал ненависть к сербам не только по политическим, но и по личным мотивам».

Потиорек активно выступал за расширение в Боснии влияния Католической церкви. Он, например, предлагал, чтобы Военное министерство помогало католикам в строительстве пятидесяти новых храмов, поскольку сама Церковь не в состоянии этого сделать. Он разделял точку зрения, что всемерная помощь католикам автоматически означает укрепление монархии. Ее поддерживал и Франц Фердинанд. Известно его высказывание: «Прежде всего их всех (православных, мусульман и католиков. — *Е. М.*) нужно бросить в один котел, а затем сделать так, чтобы католики всплыли на поверхность».

Весной 1913 года Поттиорек начал еще более решительное наступление против сербского населения Боснии.

Балканские войны и несколько покушений на австро-венгерских чиновников, за которыми, по мнению венских властей, стояли организации из Сербии,

привели к обострению отношений между Веной и Белградом.

Ответом на это стали чрезвычайные меры, введенные Поттиорекком в Боснии и Герцеговине 2 мая 1913 года. Они касались не только сербского населения Боснии, но основной удар приходился именно на него. Даже видимость некоторого полудемократического самоуправления, которое существовало в провинции по конституции 1910 года, теперь должна была растаять, как утренний туман.

Действие самой конституции частично приостанавливалось, а полномочия военной власти увеличивались. Вместо гражданских судов вводились военные. К военным властям переходил также надзор за всеми школами и гимназиями. Гимназия в Мостаре — один из главных рассадников революционных и югославянских идей — закрывалась на год.

Запрещалось распространение в Боснии выходящих в Сербии журналов и газет. Seriously ограничивалась (вплоть до полного прекращения) деятельность различных сербских организаций и обществ, в частности была прекращена работа общества «Просвета». Прошли аресты сербских активистов, которых обвиняли в нарушении общественного порядка и распространении запрещенных газет.

...На суде многие участники покушения на Франца Фердинанда будут говорить, что эти чрезвычайные меры стали для них еще одним доказательством того, что Австро-Венгрия проводит в Боснии «колониальную политику». Ну а генерал Поттиорек не случайно оказался в числе их целей и, кстати, оставался среди них до самого убийства эрцгерцога — Принцип-то стрелял именно в него и только случайно попал в супругу престолонаследника.

Известно по крайней мере о нескольких планах покушения на Поттиорекка. Данило Илич еще в начале

1913 года начал собирать сведения о передвижениях наместника Боснии. Но тогда до покушения дело не дошло. По одной версии, помешала начавшаяся Балканская война, на которую Илич отправился в качестве добровольца, по другой — акция сорвалась из-за того, что один из приятелей Илича украл у него револьвер.

Потом Илич по чужому паспорту поехал в Швейцарию. На суде он утверждал, что хотел разузнать там об условиях поступления в университет, однако другие «младобосанцы» в мемуарах сомневались, что дело было именно в этом. Драго Любибратич, к примеру, считал, что в Швейцарии Илич встречался с Владимиром Гачиновичем и рассказывал ему о своих планах убить Потioreка.

Во всяком случае, идея покушения на наместника Боснии и Герцеговины продолжала жить еще долго. Уже в тюрьме Принцип рассказывал, что и сам «сначала думал о покушении на Потioreка», а когда осенью 1913 года вернулся из Белграда в Сараево, то много времени проводил вместе с Иличем, который тогда был болен и лежал в больнице. Если верить Принципу, они пришли к выводу, что сначала нужно создать в Боснии и Хорватии мощную революционную организацию, а уж потом приступить к покушениям.

Впрочем, прежде всего Принцип собирался получить некоторую «теоретическую подготовку», «позаниматься в какой-нибудь библиотеке Белграда», так как считал себя «недостаточно зрелым», чтобы рассуждать о создании организации. Однако всего через несколько месяцев «недостаточная зрелость» не помешала ему стрелять в эрцгерцога.

Наконец, известно еще об одной попытке организации покушения на Потioreка. Его должен был совершить Мухамед Мехмедбашич — 27-летний уроженец боснийского местечка Столац, по профессии

плотник. В этой истории наиболее интересным является тот факт, что идея покушения не возникла у Мехмедбашича, а он получил *задание* совершить его. О том, как все происходило, сам Мехмедбашич рассказывал в 1937 году известному итальянскому историку и журналисту Луиджи Альбертини, автору монументального труда «Истоки войны 1914 года», завершённого только в 1957 году.

По словам Мехмедбашича, он планировал убить Потioreка в Сараеве 26 марта 1914 года. На этот день было намечено избрание духовного лидера боснийских мусульман. Покушение, по идее, должно было продемонстрировать недовольство установленными в Боснии порядками со стороны мусульманского населения — Мехмедбашич являлся боснийским мусульманином. В качестве орудия убийства решили выбрать нож, причем Мехмедбашич получил еще и ампулу с цианидом — перед покушением следовало нанести яд на лезвие.

В конце января 1914 года он направился в Сараево. Ехал из Франции. В Марселе он сел на пароход и добрался до Дубровника, там купил билет на поезд. Но тут он заметил полицейские патрули, которые ходили по вагонам и явно кого-то искали. Испугавшись, что полиция вышла на его след, Мехмедбашич заперся в туалете и выбросил нож и ампулу с ядом (по одной версии — «в нужник», по другой — в окно). Вскоре он, правда, осознал свою ошибку — полиция ловила в поезде каких-то мелких воришек, — но было уже поздно.

Однако этим дело не закончилось. Мехмедбашич решил всё-таки довести дело до конца и раздобыл револьвер. Однако в Сараеве он встретил Данило Илича, который отговорил его от покушения. Илич уже знал, что в Боснию собирается приехать Франц Фердинанд — несомненно, более крупная и важная

«цель» для террористов. А убийство или неудачное покушение на наместника провинции могло привести к тому, что эрцгерцог отменил бы свою поездку. Так что генералу Потioreку тогда повезло.

Последний раз дома

А что же Принцип?

Осенью 1913 года он вернулся из Белграда в Боснию. Как и в прошлый приезд, жил у брата Йово в Хаджичах. Как уже говорилось, Принцип не раз встречался с Иличем и они решили отложить покушения и попытаться создать революционную организацию в Боснии и Хорватии. Сам Гаврило хотел продолжить обучение, возможно, даже поступить в университет.

В декабре 1913 года он ввязался в довольно неприятную историю. Собственно, ничего серьезного сначала не произошло. На вечеринке с танцами, на которую пришли Принцип и его брат Йово, полицейский начал приставать к девушке — скорее всего, из личного интереса. Принцип вмешался. «Тавро, как дикая кошка, прыгнул на жандарма и выбросил его вон», — вспоминал его брат.

Вскоре Принцип отправился в свое село повидаться с родителями и родственниками. И там он получил от брата известие, что из-за этого мелкого инцидента на танцах полиция его разыскивает. Жандарм-то был в форме, а оскорбление мундира, да еще действием, считалось весьма серьезным правонарушением, так что Принципу могла грозить тюрьма. Поэтому он решил не задерживаться в Боснии.

Много любопытных сведений об этом последнем пребывании Принципа дома собрал в тридцатых годах прошлого века русский эмигрант, эсер Владимир Иванович Лебедев. Он очень интересовался причинами

возникновения Первой мировой войны, и в частности историей сараевского покушения и биографией Принципа, опубликовал на эти темы несколько статей. Ему удалось поговорить с матерью, братом и другими родственниками и знакомыми убийцы эрцгерцога ^[24].

Мать Принципа рассказывала, что последний раз он приезжал домой на праздник Святого Савы 27 (14) января 1914 года. Тогда зима была очень снежной — дома завалило почти по самые крыши. Принцип, по словам матери, в тот приезд выглядел очень задумчивым и озабоченным. Всё время смотрел куда-то и о чем-то думал. Она спросила: «Что с тобой? Ты заболел? Почему ты так похудел? Может быть, сильно простудился? Расскажи мне». Но он в ответ только рассмеялся и сказал, что такие люди, как он, «не болеют, они только толстеют». И снова о чем-то думал и много читал.

Впрочем, молчал Принцип не всегда. Он, например, рассказал матери о Богдане Жераиче — кем он был и за что погиб. Он говорил, что украшает его могилу цветами и когда нет денег, чтобы купить цветы, срывает их в каком-нибудь саду. Утром они исчезали с могилы — их убирала сторож кладбища либо полиция, а вечером Принцип с друзьями снова украшал могилу.

Еще он рассказывал о Сербии, короле Петре, о парламенте, о том, что земля в Сербии принадлежит крестьянам, о сербских победах. Однажды какой-то малыш спросил: «А какие они, сербы?» Принцип, смеясь, ответил: «На каждом плече у них по два рога, каждого могут забодать!»

Другие родственники вспомнили еще кое-какие детали. Тетка Принципа советовала ему бросить учение и найти какую-нибудь легкую работу, на что он ответил: «Только для народа живу!» Одной из своих родственниц, у которой был роман с немцем, он

советовал: «Не выходи замуж за немца. Можешь за хорвата, но за немца — ни в коем случае».

Принцип пробыл дома восемь дней. Получив от брата известие, что из-за драки с жандармом на танцах его разыскивает полиция, он постарался поскорее уехать из Боснии. Вместе с Принципом в Сербию поехал его друг Владета Билбия — тоже участник молодежного движения, который еще в 1912 году подумывал о покушении на министра финансов Австро-Венгрии Леона фон Билинского. Уехали они по чужим документам — их дал местный доктор Любо Подградский, хорошо знавший его мать. Больше Гаврило не видел своих родителей и никогда не был в родном селе.

Билбия рассказал Владимиру Лебедеву, что до Сербии они добирались сложным путем: сначала доехали до далматинского порта Шибеник, там сели на пароход и добрались до города Сушак, а оттуда поездом до Загреба. В Загребе они жили под чужими именами. Билбия использовал паспорт доктора Подградского (хотя тот был старше его на десять лет), а Принцип раздобыл себе документы на имя Жики Йовановича.

Потом они по железной дороге поехали в Белград. Билбия остался в Земуне (ныне это район Белграда, расположенный на правом берегу Дуная, а тогда он был австро-венгерским пограничным городом на самой границе с Сербией — граница тогда проходила по Дунаю), а Принцип с чужим паспортом без проблем пересек границу. Из Белграда он послал в Земун Трифко Грабежа, чтобы тот помог Билбии перейти границу — тот опасался делать это легально, поскольку не особо надеялся на паспорт доктора. Но в итоге его переправили в Сербию тайными тропами.

В Белграде Принцип оказался в феврале 1914 года. Властям он заявил, что прибыл в Сербию для

продолжения обучения и что был вынужден бежать из Австро-Венгрии, поскольку австрийцы не хотели давать ему паспорт. Так как Принцип уже учился в Сербии, ему позволили остаться и на этот раз.

Опять началась та же насыщенная, но полуголодная жизнь. Денег ему всегда не хватало, иногда даже на еду. Сохранилось несколько писем Принципа его другу из Сараева. В одном он пишет: «Те пять динаров, которые ты мне послал, я уже почти проел... Прошу тебя, пошли мне что-нибудь еще, пока я не получу из дома...»

Но деньги из дома, судя по всему, так и не пришли, и Принцип сообщил приятелю, что ему очень стыдно, но деньги вернуть он не может. «Ты знаешь, что из дома мне присылают 20–30 крон в месяц, чего мне не хватает на жилье, а за еду я остаюсь должен, — писал Принцип. — И я тебе так страшно задолжал и нахожусь в таком бедственном и ужасном положении, что даже не знаю, как буду дальше жить».

Принцип просил найти ему какую-нибудь работу. «Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал, а особенно если ты вспомнишь обо мне и поможешь в этом критическом для меня моменте, — продолжал он. — Очень тебя прошу, ответь, что ты думаешь по этому поводу, так как я в отчаянном положении и, что еще хуже, жутко голодаю».

Впрочем, на этот раз в Белграде он задержался недолго. Ровно через четыре месяца Принцип вернулся в Сараево. В последний раз.

В прицеле — эрцгерцог

Были ли в начале 1914 года у Принципа мысли о покушении на Франца Фердинанда? Билбия в разговоре с Владимиром Лебедевым утверждал, что в то время

они еще понятия не имели, что фигура эрцгерцога оказалась «в прицеле» заговорщиков. Но на самом деле это очень сложный и запутанный вопрос.

О том, когда члены «Молодой Боснии» начали подготовку теракта против престолонаследника и почему именно против него, историки спорят уже почти целый век. В мемуарах и исторических работах выдвигались и выдвигаются самые различные версии: то ли «цель» «младобосанцам» указала «Черная рука» при участии сербского правительства, то ли приказ об убийстве Франца Фердинанда поступил от масонов (на процессе по делу заговорщиков судьи и обвинители очень интересовались, состояли ли Принцип и его друзья в ложах «вольных каменщиков»), то ли Гачиновичу посоветовали устроить это покушение русские эсеры, с которыми он общался в Швейцарии, то ли русские революционеры, связанные с масонами, и т. п.

Общее в этих версиях то, что они фактически изображают членов «Молодой Боснии» простыми исполнителями приказа, орудием некоей чужой воли. Между тем сомнительно, чтобы они играли только такую исключительно «техническую» роль.

Выше уже говорилось, что идея «тираноубийства» была очень популярна среди радикально настроенной боснийской и хорватской молодежи. Именно в головах ее активистов, без всяких подсказок извне, рождались мысли о покушениях на самых различных представителей имперского истеблишмента — вплоть до самого императора, об убийстве которого подумывал и сам Принцип. Почему же тогда появление в ряду их потенциальных жертв наследника престола должно было быть обязательно инициировано какими-то «внешними силами»? Неужто сами «младобосанцы» не могли додуматься до этого?

Любопытно, что на следствии в ходе очной ставки между Принципом и Трифко Грабежем даже разгорелся довольно курьезный спор, кто из них первым пришел к выводу о необходимости убить Франца Фердинанда. Каждый приписывал приоритет себе. Принцип говорил, что «решил это, когда в последний раз был в Сараеве». Грабеж утверждал, что додумался до этой идеи самостоятельно и тоже в Боснии, когда был дома, а затем, вернувшись в Белград, поделился ею с Принципом.

В то же время подобные планы, так сказать, «автономно» появились у Гачиновича, Илича, Чабриновича и других «младобосанцев».

Одна из наиболее распространенных версий того, как «утверждалась кандидатура» эрцгерцога на роль объекта теракта, сводится к тому, что в январе 1914 года Владимир Гачинович устроил тайную встречу с соратниками во французском городе Тулуза и вот там-то и было принято решение о покушении на престолонаследника.

Сегодня уже вряд ли приходится сомневаться, что такая встреча была, — некоторые ее участники в написанных после войны воспоминаниях подтвердили этот факт. Но что именно обсуждалось на ней, какие были приняты решения, кто организовывал встречу и кто в ней участвовал — в этих вопросах их свидетельства сильно расходятся, а иногда и противоречат друг другу.

Одна из наиболее известных и, так сказать, популярных трактовок встречи в Тулузе принадлежит бывшему сербскому дипломату Милошу Богичевичу. После публикации она уже почти 90 лет кочует по различным работам.

Богичевич, безусловно, был весьма информированным человеком, много знал и даже одно

время дружил с Аписом, но в Сербии он считается одним из самых крупных «предателей сербского народа». История самого Милоша Богичевича тесно связана с публикацией его работ по истории сараевского убийства и начала Первой мировой войны. Она к тому же настолько захватывающа, что стоит остановиться на ней подробнее.

Милош был сыном сербского министра иностранных дел и посла в Германии Милана Богичевича. Он окончил юридический факультет Венского университета, был профессором Белградского университета, а затем перешел на дипломатическую стезю, не без помощи самого короля Петра, благодаря которому Богичевича назначили на должность секретаря сербского посольства в Париже. Затем судьба дипломата занесла его в посольство Сербии в Берлине, где он познакомился и подружился с Аписом, который находился в Германии на стажировке при тамошнем Генеральном штабе. После возникновения «Черной руки» Богичевич вроде бы вступил в эту организацию; иногда даже говорят, что он был самым первым дипломатом, присоединившимся к ней. Позже в своих книгах он расскажет много интересных подробностей о жизни этого тайного общества. Правда, до сих пор идут споры о том, насколько ему можно верить.

После начала Первой мировой войны Богичевича перевели на работу в Каир. В марте (по другим данным — в июле) 1915 года он таинственно исчез из посольства и вообще из Египта и через некоторое время объявился сначала в Париже, а потом в Цюрихе. Там он пытался организовать... мирные переговоры между Францией и Германией. До сих пор не очень понятно, была ли это его личная инициатива или за ней стоял кто-то из официальных лиц воюющих стран. Во всяком случае, сербское правительство о такой странной

деятельности своего действующего дипломата узнало гораздо позже.

По сербским правилам чиновник, более десяти дней отсутствовавший на рабочем месте без уважительной причины, увольнялся без права на пенсию и другие пособия. Однако Богичевича уволили с пенсией, которую он долго благополучно получал, даже не приезжая в Сербию, а потом и в Югославию.

Только в 1921 году оппозиция уже в югославском парламенте (официально с 1918 года страна называлась Королевство сербов, хорватов и словенцев) потребовала провести расследование в связи с делом Богичевича, однако его лично остановил тогдашний король Александр. По некоторым данным, причина состояла в том, что Богичевич слишком много знал: якобы во время работы в Берлине он скопировал многие конфиденциальные сербские документы, которые угрожал опубликовать в случае его преследования. Так или иначе, но перебежчика оставили в покое. А через несколько лет он произвел настоящую сенсацию.

Начиная с 1927 года в Париже, Лондоне и Берлине начали издаваться его книги, посвященные началу войны и анализу причин ее возникновения. Самый громкий скандал вызвал подготовленный им трехтомник документов «Внешняя политика Сербии 1903-1914», который выходил в Берлине на немецком языке с 1928 по 1931 год. Документы, опубликованные Богичевичем, вроде бы доказывали, что ответственность за развязывание войны лежит на правительствах Сербии и России, имевших прямое отношение к сараевскому убийству и сознательно провоцировавших Австро-Венгрию. Основой трехтомника стали архивы, захваченные немцами во время оккупации Белграда в 1915-1918 годах. Однако югославское правительство назвало публикацию недостоверной. В 1929 году сотрудники Королевского

дипломатического архива провели экспертизу, которая выявила, что некоторые документы были неточно переведены на немецкий, некоторые неверно датированы, во многих сделаны купюры и авторские дополнения, существенно менявшие их смысл.

Между тем Богичевич выпустил еще несколько книг — о «Черной руке», о членах «Молодой Боснии» и т. д. В тридцатых годах они стали частью «новейших разоблачений», которые, по мнению некоторых весьма известных историков, в том числе и советских, меняли представление об обстоятельствах, предшествовавших началу войны, и о том, кто стоял за покушением на эрцгерцога. Отметим, что на работы Богичевича ссылаются до сих пор. В них, конечно, содержится немало интересных деталей, но надо помнить, при каких обстоятельствах они появились.

Судьба самого Богичевича трагична. И сегодня до конца непонятно, почему он решил переметнуться к врагам, с которыми тогда воевала его страна. Среди причин называли его ненависть к сербскому премьер-министру Николе Пашичу, неудовлетворенность своим положением, личные амбиции и даже манию величия — не случайно он старался устроить переговоры между Парижем и Берлином.

Весной 1938 года Богичевич пришел в югославское посольство в Берлине и попросил разрешения вернуться домой. Потом уже ходили слухи, что сделал он это чуть ли не по приказу Гитлера, который хотел инициировать его выдвижение на высокий правительственный пост, чтобы получить своего человека в югославском руководстве. Так это было или нет, осталось тайной.

Вскоре в туалете номера одного из берлинских отелей был обнаружен его труп. По официальной версии, Богичевич покончил жизнь самоубийством. Но, разумеется, имели место и другие мнения. Кое-кто считал, что убийство Богичевича было делом рук

югославской разведки, другие подозревали германские спецслужбы. Вроде бы незадолго до смерти он начал опровергать то, что писал в своих книгах о вине Сербии за начало Первой мировой войны... Однако дальше слухов дело не пошло.

Покончив с этим историко-биографическим экскурсом, вернемся к версии Богичевича о том, как «в прицеле» «Молодой Боснии» возник эрцгерцог Франц Фердинанд.

Богичевич утверждал, что на встрече в Тулузе присутствовали Гачинович, Мухамед Мехмедбашич и Мустафа Голубич. А идею ее проведения подал Гачиновичу не кто иной, как Воислав Танкосич после консультаций с самим Аписом. Задача, якобы поставленная перед Гачиновичем деятелями «Черной руки», состояла как раз в том, чтобы обсудить возможность покушения на Франца Фердинанда, который должен был приехать в Сараево.

Таким образом, эта трактовка вполне укладывалась в схему Богичевича об ответственности Сербии. В самом деле, звучит логично: сербская разведка к этому времени уже могла знать о планах поездки эрцгерцога в Боснию на маневры (решение было принято еще в сентябре 1913 года, но в январе 1914-го еще не было предано огласке). По своим тайным каналам они передали информацию члену «Черной руки» Гачиновичу, который позвал на совещание Мехмедбашича и Голубича, тоже участников этого тайного общества. Таким образом, получалось, что нити заговора вели в Белград.

По версии Богичевича, Гачинович сразу после встречи в Тулузе написал письмо Принципу — просил его срочно приехать в Лозанну для обсуждения деталей заговора. Правда, осталось неизвестным, совершил ли Принцип эту заграничную поездку.

Версия Богичевича выглядит достаточно убедительно, тем более что Гачинович и Голубич, которые могли ее развенчать, не оставили воспоминаний об этой встрече (Гачинович умер в 1917 году). Зато Мехмедбашич довольно подробно рассказал о ней уже упоминавшемуся Луиджи Альбертини в 1937 году, и с его слов вырисовывается совсем другая картина.

Мехмедбашич утверждал, что в конце 1913 года он получил от Гачиновича письмо с просьбой как можно скорее приехать в Тулузу, чтобы обсудить крайне важный вопрос. В отеле «Сен-Жером» он встретил Голубича, который сказал ему, что вскоре должны приехать Гачинович и еще один член «Молодой Боснии» и «Черной руки» Павле Бастаич^[25]. Но приехал один Гачинович.

На этой встрече Гачинович действительно выступал за покушение, поскольку, по его мнению, оно могло бы «разбудить Боснию» и подтолкнуть ее народ к восстанию. Однако о том, что необходимо совершить его именно на Франца Фердинанда, речь не шла, хотя он тоже упоминался в числе потенциальных «целей». Было решено прежде всего организовать убийство военного наместника Боснии генерала Потioreка. Эту задачу, как мы помним, возложили на Мехмедбашича, который тогда же получил орудия убийства. О том, почему сорвалась эта затея, говорилось выше.

Нет также подтверждений того, что Гачинович писал Принципу, приглашая его приехать в Лозанну. Сам Принцип на суде категорически отрицал, что к нему в январе 1914 года поступали какие-либо сведения о намерении Гачиновича и его товарищей убить престолонаследника. При этом он не отрицал, что у него самого рождались мысли о покушении на эрцгерцога.

Есть и еще одна версия тех событий. Ее изложил в разговоре с Владимиром Лебедевым Павле Бастаич.

В Тулузе было принято решение убить генерала Потioreка. Эта идея, по словам Бастаича, давно уже занимала умы «младобосанцев», и сам Гачинович выступал за этот акт. Людей, готовых осуществить покушение, можно было легко найти — желающих было с избытком. А вот денег и оружия не было. Просить оружие у Танкосича, утверждал Бастаич, им «не пришло в голову». Однако Гачинович отправился в Париж, где встретился с русскими эсерами и попросил их достать оружие. Среди тех, с кем встречался Гачинович, Бастаич называл Владимира Бурцева — известного революционера, знаменитого «охотника за провокаторами» в русском революционном движении и «Шерлока Холмса русской революции».

Просить оружие у Бурцева — шаг, конечно, странный. Тот никогда не был боевиком и террористом. Гачинович то ли не очень хорошо разбирался в специфике русского революционного движения, то ли хотел использовать Бурцева как посредника — чтобы он свел с теми, кто действительно может достать оружие. Но, похоже, тогда это сделать так и не удалось.

Владимир Дедиер в книге «Сараево. 1914» не исключает, что русские революционеры тоже могли подсказать Гачиновичу идею покушения именно на Франца Фердинанда. Но было ли это на самом деле и когда именно, вопрос открытый. Хотя, возможно, русские эмигранты что-то знали о подготовке покушения. В одном из писем уже после сараевского убийства Гачинович писал, что его русские друзья советовали ему поскорее покинуть Швейцарию, так как Австро-Венгрия может потребовать его выдачи.

Короче говоря, убедительных, «железобетонных» доказательств того, что в январе 1914 года по инициативе лидеров «Черной руки» активисты

«Молодой Боснии» приняли в Тулузе решение о подготовке теракта против Франца Фердинанда, нет. Всё-таки создается впечатление, что такое решение было принято позже — под влиянием изменившихся обстоятельств, благодаря которым потенциальная жертва сама шла им в руки.

«Смерть или жизнь»

Сообщение, что наследник престола эрцгерцог Франц Фердинанд прибудет в Боснию и Герцеговину, было опубликовано в газетах в середине марта 1914 года. Теперь эта информация стала доступной для всех, в том числе и для потенциальных террористов.

Принцип, Чабринович и Грабеж в это время находились в Белграде. Принцип готовился сдавать экзамены за седьмой класс гимназии, а Чабринович работал в типографии. Принцип жил в доме 23 по Цареградской улице в одной комнате с Трифко Грабежем, а потом — со своим дальним родственником Билбией. В другой комнате жили Ратко Парежанин, Доброслав Евджевич и Ристо Миличевич, студент-юрист из Мостара. Вскоре новость о том, что эрцгерцог собирается в Боснию, дошла и до них.

Как это произошло?

Друг Принципа и участник «Молодой Боснии» Боривое Евтич в своих воспоминаниях «Сараевское покушение» так реконструировал события:

«В марте 1914 года загребская газета «Србобран» напечатала сообщение о том, что Австрия собирается проводить большие военные маневры... [в Боснии и Герцеговине] в непосредственной близости от сербской границы. Маневрами должен был командовать престолонаследник Франц Фердинанд...» Далее, по

словам Евтича, события развивались следующим образом.

Эту заметку прочитал сараевский журналист Йован Варагич, сотрудник газеты «Српска риеч». Сама газета была вполне лояльной к австрийским властям, но Варагич имел куда более радикальные взгляды. Вокруг него тоже собирался небольшой кружок молодых единомышленников. Обсудив новость о приезде эрцгерцога, члены кружка решили сообщить о ней боснийской «эмиграции» в Белград.

Заметку вырезали из газеты, наклеили на обычный лист бумаги без всяких комментариев, положили в конверт, на котором написали адрес: Белград, кафана «Златна моруна», Чабриновичу.

О том, что вырезанную заметку отослали в Белград, сообщили и Даниле Иличу, который тогда тоже находился в Сараеве. Илич, по словам Евтича, отнесся к этой новости спокойно и даже несколько равнодушно — тогда он был занят работой в газете «Звоно» и озабочен расширением революционной пропаганды. Однако, судя по всему, вскоре его отношение к визиту Франца Фердинанда резко изменилось — не зря же в конце марта он уже отговаривал Мехмедбашича от убийства наместника Боснии Потioreка, поскольку уже была намечена более важная жертва.

Хотя в письме с заметкой в Белград не послали больше никаких пояснений, оно несло в себе явный намек. Неудивительно, что его отправители приняли некоторые меры предосторожности. Чабринович рассказывал на следствии:

«...На этой вырезке из газеты о приезде престолонаследника было написано: «Привет!» И написано каллиграфическим почерком, чтобы не было понятно, кто именно это написал.

На почтовой марке был изображен Франц Иосиф, но я не знаю, была ли эта боснийская или австрийская

марка... Почтовый штемпель казался неразборчивым, трудно было определить, откуда пришло письмо».

Чабринович утверждал, что сначала не понял, что означает это письмо. Потом, в кафане «Златна моруна», он показал его Принципу, который его прочитал, но ничего не сказал. Вечером они встретились снова, сели в небольшом скверике, и тут-то Принцип растолковал Чабриновичу «тайный смысл» этого послания. «Я предполагал, что письмо послали или шутки ради, или с какой-то целью, — давал показания Чабринович. — Эту цель в тот же вечер мне объяснил Принцип — чтобы мы могли совершить покушение». После недолгого размышления Чабринович согласился. Они пожали друг другу руки и разошлись.

Сам Принцип поведал об этом следователям более кратко и немного по-другому: «Я прочитал в газетах, что наследник приезжает в Боснию, и сказал Чабриновичу, что у нас появится возможность совершить покушение. Когда мне Чабринович, через десять дней после того как я прочитал эту новость в газетах, показал вырезку, которую он, вероятно, получил по почте, я уже точно узнал, что престолонаследник прибудет в Боснию, и тогда Чабринович и я решили совершить покушение...»

И на следствии, и на суде из всех обвиняемых, пожалуй, лишь Принцип держался наиболее мужественно и решительно. Фактически он всё брал на себя, в том числе и инициативу покушения. После прочтения протоколов его допросов остается впечатление, что для него это было чем-то вроде дела чести. «Мысль совершить покушение на престолонаследника родилась прежде всего в моей голове», «На меня никто не влиял... Идею покушения предложил Чабриновичу я», «Я точно знаю, что еще до того, как Чабринович получил вырезку, я сказал ему, что совершу это убийство» — подобные заявления

Принципа встречаются в стенограммах судебного процесса.

Принцип также заявлял, что именно он привлек в заговор Трифко Грабежа, хотя сначала не хотел этого делать. Сам Грабеж рассказывал: «На Пасху я уехал в Пале (небольшой городок вблизи Сараева. — *Е. М.*), а когда около 1 мая вернулся в Белград, Принцип мне сказал, что он и Чабринович решили совершить покушение на престолонаследника... Пока я был в Сараеве, я прочитал... что приезжает престолонаследник. Но тогда я не помышлял о том, чтобы совершить на него покушение. Думаю, если бы я не уехал потом в Белград, то не участвовал бы в покушении. Решительность Принципа меня серьезно подтолкнула к этому».

Но Грабеж не отрицал, что мысль о покушении приходила и в его голову. Вернувшись в Белград, он показал Принципу вырезку из газеты о приезде эрцгерцога, которую захватил с собой, и услышал, что они с Чабриновичем уже приняли решение готовиться к акции. «И я тоже», — сказал Грабеж. С этого времени белградская троица заговорщиков объединила усилия.

Есть, впрочем, еще одна, гораздо более интересная трактовка событий, которые привели к покушению. Ее изложил Драгослав Любибратич — приятель и биограф Принципа.

Любибратич основывался на воспоминаниях некоего Душана Славича — в 1914 году тот держал в Белграде небольшой книжный магазин и входил в круг молодежи, к которому принадлежали Принцип, Чабринович, Грабеж, Любибратич и др.

Так вот, по словам Славича, первым идею покушения на Франца Фердинанда предложил их общий знакомый Джуро Шарац. Он тоже учился в сараевской гимназии, хотя был на четыре года старше Принципа. «Прославился» Шарац после аннексии

Боснии в 1908 году, заявив, что она «похожа на кражу чужого имущества». За это его посадили в тюрьму на два месяца. После выхода из тюрьмы Шарац уехал в Сербию, где изучал богословие и даже успел окончить семинарию. Но тут началась Балканская война, и он ушел в комитаджи. Его очень ценил за храбрость Воислав Танкосич, который, как мы помним, не взял к себе Принципа. После войны Шарац не мог найти работу, ходил по белградским кафанам и часто проводил там вечера с более молодыми приятелями из Боснии.

Дальнейшие события в изложении Славича выглядели так. Чтобы осуществить план покушения, боснийские эмигранты в Белграде решили создать тайное общество «Смерть или жизнь». Проект устава и программу составил Джуро Шарац. Заявленные в них цели и описанные ритуалы были очень похожи на цели и ритуалы «Черной руки». Он же возглавил Верховную управу из семи человек, а всего в организации насчитывалось чуть более двадцати членов.

Одними из первых в общество вступили Принцип и Чабринович. Торжественную присягу на верность организации они принесли в полночь в подвале одного из зданий вблизи их любимой кафаны «Златна моруна». Сначала присягнул Чабринович, а потом Принцип. Интересно, что в целях конспирации участники общества именовались «духами» с прибавлением персонального номера — «дух номер 6», «дух номер 7» и т. д.

«Духи», если верить Славичу, крепко хранили свою тайну, и другие боснийцы, рядом с которыми они жили, ели и пили в кафанах, но которые не были приняты в общество, так ничего о нем и не узнали. Сам Любибратич узнал о его существовании гораздо позже, из воспоминаний Душана Славича.

Когда все «организационные мероприятия» были закончены, члены «Смерти или жизни» приступили ко второму этапу своего плана — поиску оружия. Но об этом немного позже.

Имя Шараца всплывало на процессе по делу сараевских заговорщиков, но как-то мельком. На следствии Чабринович говорил, что о покушении «знали еще богослов Джуро Шарац и юрист Ристо Миличевич». Между тем Миличевичу рассказали о покушении только в самый последний момент, когда заговорщики направились из Белграда в Сараево. Принцип на суде тоже подтвердил, что их провожали эти люди.

Но белградский «очаг» подготовки покушения был не единственным.

Второй находился в Сараеве. Данило Илич еще зимой 1914 года обсуждал с Мехмедбашичем идею о покушении на крупные фигуры австро-венгерского истеблишмента. Скорее всего, именно сообщения в газетах о грядущем приезде Франца Фердинанда в Боснию сыграли свою роль: Илич стал отговаривать приятеля от убийства генерала Потioreка — на горизонте замаячила более крупная цель.

О том, как Илич присоединился к заговору, тоже существует несколько версий. По одной из них, он независимо от Принципа и его друзей начал подготовку к покушению, привлек к осуществлению своего плана Цветко Поповича, Васо Чубриловича и др. К ним присоединился и Мехмедбашич. Идеологом акции был находившийся в Швейцарии Гачинович. И только позже «белградская» и «сараевская» группы объединились.

Вторая версия, которой придерживался и сам Илич на следствии и суде, звучит несколько иначе. По его словам, «в принципе» договорившись с Мехмедбашичем о покушении, они решили отправиться в Сербию за оружием, потому что достать его в Боснии было

труднее, да к тому же в Сербии оно стоило гораздо дешевле.

Однако через некоторое время Илич узнал, что никуда ехать не требуется. «Однажды под Пасху... — рассказывал он, — я получил письмо от Принципа из Белграда, в котором тот сообщал, что намерен совершить убийство и достать оружие, и просил, чтобы я подобрал несколько человек... Когда я получил письмо от Принципа, я написал Мехмедбашичу... и сообщил ему, что оружие будет».

Принцип, в свою очередь, отмечал в показаниях: «Я написал ему в весьма неопределенных выражениях, что совершу убийство». Уже после прибытия в Сараево он попросил Илича подобрать нескольких людей, «на которых можно было бы положиться».

Третьей «географической точкой», в которой тоже было известно о предстоящем покушении, являлась Швейцария. Там в то время находился Гачинович — главный идеолог «Молодой Боснии». Однако в воспоминаниях, написанных для Троцкого в 1915 году, Гачинович утверждал, что не был в курсе всех деталей заговора, а в адресованных ему письмах из Сараева и Белграда о покушении говорилось слишком неопределенно и туманно.

«Это происходило как раз в дни большого сараевского заговора, за три недели до исторического дня 28 июня, — отмечал Гачинович. — В длинном письме он (Илич. — *Е. М.*) сообщал мне — я в это время находился уже за границей, — что он остался один в редакции «Колокола», и призывал меня на помощь. Он писал, что боснийская провинция пробуждается, сознание растет во всех слоях общества и журнал встречает неожиданно широкий отклик... Предпоследняя открытка была послана им из Х. в Герцеговине, куда он отправился по делу «Колокола» и где, вероятно, было назначено свидание с

конспираторами юга. Под его подписью были карандашом набросаны несколько слов другим нашим товарищем, одним из немногих, кому посчастливилось спастись после великой катастрофы...»

Выстрелы Принципа 28 июня 1914 года поставили точку в подготовке покушения на Франца Фердинанда. Она заняла примерно четыре месяца — не так уж много времени для организации теракта против такой высокопоставленной персоны. Теперь самое время узнать, что за человек был престолонаследник и что в нем вызывало такое неприятие, можно даже сказать, ненависть со стороны молодых боснийских радикалов.

«ПОРА ЕХАТЬ В САРАЕВО»

«Он не умел всем нравиться»

«— Убили, значит, Фердинанда-то нашего, — сказала Швейку его служанка. <...>

— Какого Фердинанда, пани Мюллерова? — спросил Швейк, не переставая массировать колени. — Я знаю двух Фердинандов. Один служит у фармацевта Пруши. Как-то раз по ошибке он выпил у него бутылку жидкости для ращения волос; а еще есть Фердинанд Кокошка, тот, что собирает собачье дерьмо. Обоих ни чуточки не жалко.

— Нет, эрцгерцога Фердинанда, сударь, убили. Того, что жил в Конопиште, того толстого, набожного...

— Иисус Мария! — вскричал Швейк. — Вот-те на! А где это с господином эрцгерцогом приключилось?

— В Сараеве его уколошили, сударь. Из револьвера. Ехал он со своей эрцгерцогиней в автомобиле...

— Скажите на милость, пани Мюллерова, в автомобиле! Конечно, такой барин может себе это позволить. А наверно, и не подумал, что автомобильные поездки могут так плохо кончиться. Да еще в Сараеве! Сараево это в Боснии, пани Мюллерова... А подстроили это, видать, турки. Нечего нам было отнимать у них Боснию и Герцеговину... Вот какие дела, пани Мюллерова. Эрцгерцог, значит, приказал долго жить...»

С этого разговора, как известно, начинается роман Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Во многом под влиянием знаменитой книги, а также разнообразных пропагандистских штампов у нескольких поколений советских людей (да и постсоветских россиян тоже) сохранился отчасти

карикатурный образ эрцгерцога Франца Фердинанда. Вроде бы жил вот такой царственный и набожный бездельник, махровый реакционер, ненавидевший народ, а славян уж тем более, за что и получил свои «семь пулек в Сараеве».

Но конечно, этот «портрет» эрцгерцога не имеет ничего общего с реальным человеком и политиком по имени Франц Фердинанд.

К столетию с начала Первой мировой войны мне пришлось снимать большой документальный фильм о событиях в Сараеве и о том, что к ним привело. В ходе съемок мы записали интервью и с прямыми потомками Франца Фердинанда, которые рассказали о нем немало интересного.

Одной из резиденций эрцгерцога, и, как говорят, любимой, был замок Артштеттен — примерно в часе езды от Вены. Франц Фердинанд предпочитал проводить время именно в нем, а не в Конопиште, недалеко от Праги, самой известной из его резиденций. Его легко понять — замок находится в очень живописном месте, на возвышенности, почти над самым Дунаем.

Здесь — типичная альпийская экзотика, почти как в туристическом рекламном буклете. Горы, чистенькие австрийские деревни, знаменитые альпийские луга и, наконец, сам замок — главная достопримечательность этих мест. Почти квадратный центральный корпус, семь угловых башен с оригинальными куполами в форме луковиц, сад...

В 1889 году Артштеттен достался в подарок тогда еще молодому Францу Фердинанду от его отца. Он перестроил замок и разбил новый парк. Именно при нем замок приобрел современный вид. Теперь там находится музей эрцгерцога и его семьи — он занимает целых 25 залов.

Но музей — это еще не весь Артштеттен. В замке находятся и жилые покои его владелицы — правнучки Франца Фердинанда княгини Аниты фон Гогенберг. Она показывала нам замок, раздавая по пути автографы посетителям. Некоторые и теперь называют ее «ваша светлость». «Вообще-то мне всё равно, как ко мне обращаются, — говорила княгиня Анита, — тем более что официально в Австрии все дворянские титулы давно упразднены и нигде в моих документах не написано, что я княгиня. Но некоторые действительно говорят мне «ваша светлость», а президент Австрии называет меня не иначе как «милостивая государыня». Это очень вежливая форма обращения».

И конечно, центральное место замка — это семейный склеп, в котором похоронены Франц Фердинанд и его супруга графиня София фон Гогенберг. Правнучка эрцгерцога показывала нам их богатые мраморные саркофаги, обращая особое внимание на «прекрасно выполненные барельефы».

Семейный склеп представляет собой довольно просторное помещение. Здесь покоятся многие представители рода фон Гогенберг, в том числе дети и родственники Франца Фердинанда. А еще в нем множество каменных досок на стенах без каких-либо надписей — это места для будущих захоронений. Княгиня Анита показала и угол, который предназначен для нее. «Это просто уютное и чистое место, — сказала она при этом. — Я здесь живу уже давно и привыкла к нему. Здесь смерть, а наверху и вокруг, за этими стенами, идет жизнь. Они рядом друг с другом. Но ведь и в жизни каждого из нас они постоянно рядом. Просто мы не думаем об этом, а здесь есть возможность размышлять на эту тему постоянно».

Собственно, вся жизнь Франца Фердинанда вела его к тому, чтобы упокоиться в итоге именно в замке

Артштет-тен, а не в фамильном склепе Габсбургов в Вене.

Франц Фердинанд Карл Людвиг Иосиф фон Габсбург эрцгерцог д'Эсте родился 18 декабря 1863 года. Он был старшим сыном Карла Людвига, брата императора Франца Иосифа. Наследником престола Франц Фердинанд стал только в 1889 году.

Складывается впечатление, что над наследниками Франца Иосифа витал злой рок. Первый из них, младший брат императора Максимилиан, пытался стать императором Мексики (в этом намерении его всячески поддерживал французский император Наполеон III). Однако в стране разразилась гражданская война, мексиканские республиканцы разбили сторонников монархии. Максимилиан был взят в плен, осужден военным трибуналом и расстрелян 19 июня 1867 года.

Вторым наследником стал сын Франца Иосифа Рудольф, родившийся в 1858 году. Но кронпринц тоже погиб при не выясненных до конца обстоятельствах во время охоты в Венском лесу, недалеко от столицы империи. Рано утром 30 января 1889 года камердинер тридцатилетнего наследника обнаружил его труп в охотничьем замке Майерлинг. В одной комнате с ним находился и труп его любовницы — семнадцатилетней баронессы Марии фон Вечера. Согласно наиболее распространенной версии, они совершили двойное самоубийство. Почему это произошло, до сих пор окончательно не установлено. После гибели сына у императора Франца Иосифа не осталось прямых наследников по мужской линии.

Следующим наследником стал младший брат императора Карл Людвиг, но и с ним вскоре произошло несчастье. Весной 1896 года он отправился в паломничество в Иерусалим и во время своего путешествия напился воды из священной реки Иордан,

хотя сопровождавшие всячески отговаривали его. Вскоре Карл Людвиг заболел тифом и скончался 17 мая 1896 года. После этого престолонаследником стал его сын, 26-летний Франц Фердинанд.

...Новый наследник престола не отличался крепким здоровьем. Хотя, как и большинство принцев или великих князей в мире, он в молодости был определен в военную службу, ему приходилось по несколько месяцев в году проводить в теплых краях — на побережье Адриатики, в том числе и на островах Бриони (потом здесь появится знаменитая на весь мир летняя резиденция многолетнего руководителя социалистической Югославии Иосипа Броз Тито), а также ездить на лечение в швейцарские горы.

В этом Франц Фердинанд и Гаврило Принцип были похожи: и у эрцгерцога, и у его будущего убийцы проявлялись признаки чахотки — очень распространенной в то время болезни. Скорее всего, слабые легкие «достались» эрцгерцогу по наследству — от матери Марии Аннунциаты, дочери короля обеих Сицилий Фердинанда II. Недоброжелатели (а у наследника их хватало) еще в 1913 году довольно злорадно предрекали, что император, которому исполнилось уже 84 года, переживет пятидесятилетнего болезненного наследника, который к тому же «славился» мрачным и, по общему мнению, дурным характером.

Конечно, характер дается человеку свыше — природой или Богом; но нельзя отрицать, что на его формирование накладывают отпечаток и жизненные обстоятельства. Что касается эрцгерцога, то наверняка немаловажным фактором была его болезнь. Правнучка Франца Фердинанда княгиня Анита фон Гогенберг рассказывала, например, что обострения чахотки случались с ним время от времени почти до самой гибели и во время этих приступов с ним было трудно

поддерживать общение: он бывал резок с окружающими, уходил в себя, в его поведении сквозили недоверие и презрение к людям. Любопытно, что и о Принципе рассказывали почти то же самое.

Когда мы снимали фильм, то встречались и с внуком Франца Фердинанда герцогом Георгом фон Гогенбергом. Пожилой человек, бывший дипломат (он побывал послом Австрии в четырех странах), герцог удивительно похож на своего деда — прямо-таки постаревший наследник престола Австро-Венгрии. Посмеявшись над этим сходством, он, однако, возразил, что совсем не похож с ним в другом.

«Мой дед, — сказал он, — был очень умным человеком и настоящим трудоголиком. Он всё время работал, с утра до вечера, и постоянно находил себе новые занятия. Могу сказать, что по сравнению с ним я вел праздную жизнь, хотя находился на дипломатической службе почти 50 лет. И еще дед терпеть не мог публичности. Почему? Думаю, потому, что не умел, да, наверное, и не хотел всем нравиться, что очень важно и в политике, и в свете. А он по натуре был человек прямой».

«Он был очень разным, — говорила, в свою очередь, княгиня Анита фон Гогенберг. — Он мог быть очень строгим и очень добрым. У него часто случались перепады настроения. И, надо сказать, многие из его черт характера, как мне кажется, по наследству передались мне».

Еще больший удар по самолюбию престолонаследника нанесла история с его браком, ставшая одним из самых громких придворных скандалов в конце XIX века. А многие биографы Франца Фердинанда вообще уверены, что именно она во многом сделала судьбу Франца Фердинанда такой, какой мы ее знаем сегодня.

В начале 1890-х годов в Вене ходили слухи о романе Франца Фердинанда с Марией Кристиной, старшей дочерью эрцгерцога Фридриха и эрцгерцогини Изабеллы. Разговоры начались после того, как «в свете» заметили, что наследник стал часто и регулярно наносить визиты в их резиденцию в Пресбурге. Со временем он стал приезжать к ним два раза в неделю. Фридрих и Изабелла весьма поощрительно смотрели на эти посещения — еще бы, ведь появлялся шанс, что их дочь со временем станет императрицей! Однако родителей ожидало горькое разочарование.

Историю о том, как именно это произошло, передал Стивен Фей в «Происхождении мировой войны»: «... переодеваясь для игры в теннис в Пресбурге, Франц Фердинанд забыл свои часы, и лакей их принес эрцгерцогине Изабелле. Она открыла брелок, по всей вероятности, рассчитывая найти там фотографию своей дочери, но вместо нее там оказалась фрейлина. Можно себе представить чувство разочарования, охватившее мать. Графиня София была немедленно уволена со всеми знаками немилости и должна была в ту же ночь покинуть дом».

Фрейлина, «графиня София», чей портрет якобы оказался в часах эрцгерцога, происходила из чешского обедневшего аристократического рода Хотек (ее полное имя — София Мария Йозефина Альбина Хотек фон Хотков унд Вогнин). О ее внешности можно судить по многочисленным портретам и фотографиям. очевидцы описывали ее как высокую, красивую и гордую женщину «со сверкающими глазами».

Она обладала острым умом, решительным характером и немалыми амбициями. Много говорили и о ее религиозности и даже утверждали, что сам Франц Фердинанд, уж на что был набожен, в этом сильно уступал Софии.

Известие об их романе, который они умудрялись скрывать более года, вызвало настоящий шок среди королевского семейства и в придворных кругах. Они «единым фронтом» повели наступление на наследника. Главный их аргумент состоял в том, что графиня Хотек не принадлежит к императорскому роду и, следовательно, не может вступить в равный брак с престолонаследником.

Сам император Франц Иосиф тоже категорически возражал против «безумной», по его словам, затеи племянника. Однако надо отдать должное Францу Фердинанду — он решительно заявил, что женится только на графине Хотек, и не изменил решения, несмотря на различные «происки» и увещевания многочисленных родственников. В конце концов, когда уже стало ясно, что Франц Фердинанд откажется скорее от титула наследника, чем от любимой женщины, император пошел на уступки. Он дал согласие на этот «неравный брак», но на определенных условиях, с которыми эрцгерцогу пришлось согласиться. 28 июня 1900 года в императорском дворце Франц Фердинанд зачитал «Акт об отречении», содержащий перечень основных условий, на которых император давал добро на этот брак:

«Наш брак с графиней Хотек является не равным, а морганатическим и должен считаться таковым отныне и навсегда. Поэтому ни супруга наша, ни дети, которыми, надеемся, благословит Господь наш брак, ни их потомки не будут пользоваться правами, титулами, привилегиями и т. д., принадлежащими женам эрцгерцогов и их потомкам от равных браков. В частности, мы еще раз признаём и заявляем, что, поскольку дети от нашего вышеупомянутого брака и их потомки не будут членами эрцгерцогского дома, они не будут пользоваться правом престолонаследия».

На этой церемонии присутствовали сам император, эрцгерцоги, придворные, министры и другие важнейшие сановники Вены и Будапешта.

Через три дня состоялось венчание — жениху тогда было 36 лет, а невесте — 32 года. Никто из представителей императорского дома, кроме мачехи эрцгерцога Марии Терезы, на церемонии не присутствовал. Император поздравил новобрачных телеграммой.

После венчания Франц Иосиф издал указ, по которому графине Хотек даровался титул герцогини фон Гогенберг. Но это не сделало ее равной в императорской семье. Придворный этикет, который тщательно соблюдался в Вене, очень болезненно задевал и ее самолюбие, и ее мужа. При австрийском дворе графиня фон Гогенберг была вынуждена сидеть не рядом с Францем Фердинандом, а в самом конце стола, позади всех эрцгерцогинь. Когда на балах и приемах эрцгерцоги входили в зал в паре с дамами соответствующего ранга, супруга наследника должна была появляться только одна.

Любопытно, что 1 октября 1909 года Франц Иосиф сообщил престолонаследнику, что его супруга отныне имеет право на обращение «ваше высочество», однако в то же время подтвердил, что ее статус при дворе — «после самой младшей эрцгерцогини».

При дворе по адресу Софии фон Гогенберг не раз отпускались различные шутки и весьма двусмысленные остроты, намекавшие на ее «низкое» происхождение. Наследник в весьма резком тоне высказывал претензии по поводу того обращения, которое была вынуждена терпеть его жена, но оно не менялось. Всё это отражалось на его и без того сложном характере. Мрачный и нелюдимый Франц Фердинанд и его супруга всё больше предпочитали не появляться на различных пышных торжествах, а уединяться в своих резиденциях.

Весной 1899 года наследник жаловался своему личному врачу доктору Айзенменгеру на «неразумную строгость габсбургских династических законов». «В конце концов, я нашел женщину, которую я люблю и которая мне подходит, а они мне создают всевозможные сложности из-за ничего не значащего недостатка в ее семейной биографии. Но я справлюсь и с этим», — возбужденно говорил он.

Еще он интересовался у доктора, может ли его болезнь представлять опасность для его жены и будущих детей.

Своеобразной отдушиной в придворной атмосфере были для них зарубежные поездки, в которых к жене престолонаследника Австро-Венгерской империи относились гораздо более почтительно и деликатно, чем в Вене. Особенно Франц Фердинанд ценил отношение германского кайзера Вильгельма, который во время встреч с ними очень дипломатично обходил рамки этикета, оказывая необходимые знаки уважения не только ему, но и герцогине фон Гогенберг. Например, на приеме в Потсдаме в 1909 году, устроенном по случаю приезда эрцгерцога с супругой, гостей посадили не за один длинный стол, где все должны были размещаться в соответствии с титулами и придворными званиями, а за множеством небольших столиков. Вильгельм и Франц Фердинанд с супругами сидели, разумеется, вместе. Вероятно, подобная деликатность кайзера сыграла немалую роль в том, что отношения с ним у Франца Фердинанда складывались лучше, чем со многими родственниками, членами австрийского императорского дома.

Кстати, в роковую поездку в Сараево в июне 1914 года герцогиня фон Гогенберг отправилась вместе с мужем тоже по этой причине. «Ее можно понять, — считает ее правнучка княгиня Анита фон Гогенберг. —

Ей просто хотелось лишний раз хотя бы ненадолго вырваться из Вены, где ее откровенно презирали. И еще она знала, что в Сараеве ей окажут такой же прием, как и ее супругу, то есть соответствующий рангу супруги престолонаследника». Так и произошло. Во всех отношениях.

«Сначала — порядок в доме»

Что еще можно добавить к «человеческому» портрету эрцгерцога? Судя по воспоминаниям и сохранившимся его письмам, он обладал довольно специфическим чувством юмора, который можно назвать черным.

Однажды в письме доктору Айзенменгеру он довольно-таки едко прошелся по обычаям Габсбургов жениться на своих дальних родственницах (династия Габсбургов была самой многочисленной в Европе, и ее представителей можно было обнаружить в различных королевских или императорских домах). «Часто получается, что муж и жена находятся в двадцатияродном родстве. Поэтому половина наших детей идиоты или эпилептики», — отметил он.

В другой раз, находясь на морском курорте, эрцгерцог пожаловался на еду: «В основном меня кормят морскими чудовищами, которые, в конце концов, даже хороший австрийский желудок не сможет переварить — ведь он не создан для того, чтобы быть аквариумом».

Ну и еще один пример. Осмотрев построенный по его инициативе семейный склеп в замке Артштетген, Франц Фердинанд заметил: «Вы всё сделали хорошо. Склеп получился светлым и просторным, как раз таким, как я и люблю. Только вот вход плохо спланирован. Неуклюжие носильщики могут задеть гробом за угол, и

тогда я в гробу перевернусь». Надо сказать, что вход в гробницу действительно не слишком широк...

Франц Фердинанд не любил музыку, терпеть не мог современной живописи и был равнодушен к поэзии. Известно его замечание на проекте доклада о плане охраны памятников (этим он как раз занимался весьма охотно): «Гёте и Шиллеру памятники поставили, а многие австрийские генералы, которые для страны сделали больше, забыты».

Он любил разводить розы, пионы и другие цветы, разбивать сады. В его резиденциях и сегодня демонстрируют деревья, посаженные эрцгерцогом, или выведенные им сорта растений.

«Натура престолонаследника была крайне своеобразна, — отмечал в мемуарах хорошо знавший его граф Оттокар фон Чернин^[26]. — Главной чертой его характера была крайняя неровность. Он редко шел по среднему пути и так же горячо ненавидел, как и любил. Он выделялся решительно во всём, он ничего не делал, как другие люди, и всё, за что он брался, вырастало до сверхъестественных размеров. Его страсть покупать и коллекционировать древности была анекдотична и действительно фантастична».

Еще он был настоящим фанатом трофейной охоты. Утверждают, что в течение жизни он подстрелил от ста до трехсот тысяч различных животных и птиц.

В 1887 году эрцгерцог приобрел под Прагой замок Конопиште, вокруг которого он заботливо разбивал сады, где выводил новые сорта роз. В самом замке располагались охотничьи трофеи его владельца. Их можно увидеть и сейчас — почти две тысячи пар рогов оленей, косуль, антилоп, серн и прочих копытных. Тут же — многочисленные фотографии Франца Фердинанда на фоне убитых им животных в разных концах света.

Честно говоря, трудно понять увлечение подобного рода...

Чернин писал об эрцгерцоге:

«Он был чудесный стрелок, но охоту он признавал лишь в грандиозных масштабах, и дичи он перебил не менее ста тысяч штук. За несколько лет до смерти он закончил пятую тысячу убитых им оленей.

Его искусство стрелять в цель, как дробью, так и пулями, было совершенно невероятно. Путешествуя вокруг света, он встретил в Индии у какого-то магараджи стрелка-профессионала. Гости задумали кидать монеты вверх, и профессионал сбивал их. Эрцгерцог также попробовал и побил индуса. При стрельбе он пренебрегал всеми современными усовершенствованными приспособлениями вроде винтовки, снабженной подзорной трубой; он всегда стрелял из двуствольной винтовки, и его исключительно дальнзоркие глаза вполне заменяли ему подзорную трубу».

Но все эти привлекательные и не очень привлекательные черты характера Франца Фердинанда имеют лишь частное значение. Они, конечно, тоже оказали влияние на трагическую судьбу эрцгерцога, но всё же не из-за них члены «Молодой Боснии» устроили на него покушение.

Безусловно, он был консерватор и даже «реакционер». Он терпеть не мог различных либералов и тем более революционеров. Советские историки объясняли это прежде всего «классовыми чувствами». Действительно, Франц Фердинанд был одним из богатейших людей империи, одним из крупных землевладельцев. Его собственность (замки, земли, леса, жилые дома, имения и угодья и т. д.) оценивалась

в огромную по тем временам сумму — 50 миллионов крон^[27].

Если говорить о государственных делах, то эрцгерцога больше всего интересовали армия и флот. Характерная черта: в штат военной канцелярии Франца Фердинанда входили 14 человек, а у самого императора он был лишь на двух человек больше. Все документы, касающиеся состояния армии и вообще военных дел, составлялись в двух экземплярах — для монарха и его наследника. Эрцгерцог получал их одновременно с Францем Иосифом.

Франц Фердинанд был уверен, что армия — это одна из «скреп» империи. Он выступал не только за ее усиление и увеличение, но и за большую унификацию. Немецкий язык, по его мнению, должен был стать обязательным для всех офицеров, а солдаты и унтер-офицеры обязаны были владеть по крайней мере его азами, необходимыми для службы. С другой стороны, он настаивал на том, чтобы офицеры «национальных полков» знали язык своих солдат, даже если их родным языком является немецкий. (Правда, сам престолонаследник не обладал большими способностями к изучению иностранных языков.)

В этом вопросе серьезную оппозицию эрцгерцогу составляли венгерские политики — он их терпеть не мог, — которые требовали, чтобы венгерский тоже стал «языком военного общения».

Франца Фердинанда можно назвать создателем военного флота империи — в начале XX века у Австро-Венгрии его практически не было. Считалось, что в случае серьезной войны главной ударной силой континентальной империи станет сухопутная армия, а поэтому нет никакого смысла тратить огромные средства на постройку больших крейсеров и линкоров. Император Франц Иосиф был совершенно равнодушен к

флоту. Он, например, никогда не надевал морской формы, а военно-морские маневры начал посещать только в конце жизни, да и то по большей части по служебной необходимости, а не из личного интереса. И вероятно, с чувством немалого облегчения он передал дела по морскому ведомству своему наследнику, которого в 1902 году произвел в адмиралы.

Эрцгерцог думал совсем по-другому. Во время путешествий по миру — а это случалось довольно часто — он видел в разных концах света военные корабли великих держав, прежде всего британские. После этих поездок он окончательно пришел к мысли, что Австро-Венгрии тоже нужен мощный флот. Наследник престола считал, что на Адриатическом и Средиземном морях австрийский флот должен стать достойным противовесом Италии, тогдашней «хозяйке» этого «бассейна», обладавшей сильным флотом и считавшейся одним из главных потенциальных противников империи.

Франц Фердинанд приложил немало усилий для создания флота. Довести до завершения свою программу строительства боевых кораблей он не успел, но к началу Первой мировой войны Австро-Венгрия обладала уже довольно солидным, хотя и не очень большим по численности военным флотом: четыре дредноута, восемь линейных кораблей, семь тяжелых крейсеров, 55 торпедных катеров и шесть подводных лодок. Один из линкоров носил название «Эрцгерцог Франц Фердинанд». Правда, по огневой мощи австрийский флот уступал итальянскому более чем в два раза, немецкому — почти в четыре, а британскому — почти в 15 раз.

Увлеченность эрцгерцога военными делами позже сказалась на его имидже в исторической литературе:

часто его представляли оголтелым милитаристом, таким «ястребом».

«Уединенность и замкнутость, в которых жил эрцгерцог, и незначительное общение с широкими кругами общества порождали вокруг него, помимо верных, также и множество ложных слухов, — писал граф фон Чернин. — По одному из них, который с большой устойчивостью продержался до наших дней, эрцгерцог был «подстрекателем войны», и война будто бы являлась необходимой комбинацией в его планах на будущее. Этот слух совершенно ложен... Я всё же убежден, что он инстинктом чувствовал, что монархия не выдержит страшного испытания войной, и что он не только не подстрекал к войне, но, напротив, действовал в прямо противоположном смысле».

Франц Фердинанд, безусловно, считал необходимым иметь сильную армию, находящуюся в постоянной боевой готовности. Однако по вопросу ее применения «вне империи» он высказывался довольно сдержанно. Известны его слова: «Сначала — порядок в доме, а потом внешняя политика сообразно нашим силам».

Армию эрцгерцог рассматривал прежде всего как опору монархии, ее защиту прежде всего от различных внутренних «подрывных элементов». «Противоречия в нашей монархии постоянно нарастают. В Венгрии мы идем навстречу революции, в этой части империи нарастают сепаратистские националистические тенденции... — писал эрцгерцог в 1896 году. — Точно так же в низших слоях населения, особенно среди рабочих, находят почву социалистические подрывные идеи... В трудные времена кто и что удержит трон, династию? На этот вопрос есть один ответ — армия... Ее главными задачами является охрана... трона и подавление внутренних врагов».

Потенциальными внешними противниками Австро-Венгрии ему казались Италия и Франция, причем вторая

— как «колыбель» различных революционных настроений, в которой всегда находили себе убежище «ниспровергатели» и заговорщики самых разных оттенков, от масонов до анархистов. В противовес «революционной чуме, эпидемия которой захлестывает Европу», он предлагал объединить консервативные и монархические силы.

Среди этих сил он особо выделял Россию. «С Россией Франц Фердинанд желал поддерживать дружественные отношения, — писал историк Сидней Фей. — Будучи сам по натуре автократом, он восхищался самодержавным строем России в том виде, в каком он существовал до Русско-японской войны и революции 1905 г., которые пошатнули царский трон».

«Консервативное политическое мышление наследника престола отразилось и на его внешнеполитической концепции: Франц Фердинанд считал возможным и необходимым не только ставший традиционным союз с Германией, но и сближение с Россией, т. е. постепенный возврат к Союзу трех императоров», — полагает историк Ярослав Шимов.

О военном союзе Австрии, России и Пруссии, существовавшем во времена борьбы с Наполеоном, а в 1815 году затем превратившемся в политический Священный союз, Франц Фердинанд говорил и писал неоднократно. «Полное согласие с Россией и союз трех императоров, сохранение мира и укрепление монархического принципа — вот идеал моей жизни, которому я всегда останусь привержен и за который я буду бороться изо всех сил», — подчеркивал эрцгерцог.

В 1891 году Франц Фердинанд побывал в России. При дворе Александра III его приняли со всеми возможными почестями, а он сам после возвращения в Вену отмечал, что «автократическая система в России — это самая лучшая модель, которую только можно придумать». Впоследствии у него даже были мысли

попросить Николая II о военной помощи в случае каких-либо бунтов в Венгрии — он хорошо знал, что именно русские войска, направленные в Венгрию по приказу императора Николая I, спасли Габсбургов во время Венгерской революции 1848–1849 годов. Однако когда эрцгерцог намекнул на это, царь не проявил большого энтузиазма.

Его планы по «обузданию» венгров не нашли сочувствия и у кайзера Германии Вильгельма, несмотря на их дружеские и доверительные отношения.

Интересно, что в 1908 году, когда Вена готовила аннексию Боснии, Франц Фердинанд узнал об этих планах в самый последний момент. Есть версия, что император не решался сообщить ему об аннексии раньше, потому что боялся, что он «сошьет» эту информацию «своему другу» Вильгельму, и кто знает, как после этого стали бы развиваться события.

Сам эрцгерцог хотя и не был противником аннексии, критиковал методы, которыми она проводилась. «К чему нам эти дешевые лавры, если из-за этого может возникнуть европейский конфликт, а затем, быть может, война на два или три фронта, которую мы вести не в состоянии?» — говорил он.

...На суде члены «Молодой Боснии» довольно подробно рассказывали, почему решили сделать своей мишенью Франца Фердинанда. «Я знал, что... существовала клика, именуемая военной партией, целью которой было завоевание Сербии. Во главе ее стоял наследник престола. Я полагал, что, избрав его объектом мести, я отомщу им всем», — говорил Неделько Чабринович.

Принцип же объяснял свой поступок так: «Я нисколько не жалею, ибо я устранил препятствие с нашего пути. Он был немцем и врагом южных славян».

Но действительно ли это так?

Как ни странно, ответить на этот вопрос сложно и сейчас. Представления Принципа о «враждебности» эрцгерцога к южным славянам — это, конечно, упрощение. Однако каковы же были его планы в отношении Сербии?

На этот счет сохранились весьма противоречивые свидетельства. С одной стороны, он говорил: «Война с Россией станет концом для нас. Если мы что-либо предпримем против Сербии, Россия поддержит ее, и мы получим войну с Россией. Стоит ли австрийскому императору и русскому царю сбрасывать друг друга с тронов, чтобы открыть дорогу революции?» Как видим, здесь он оказался прав «на все сто». Известна также его фраза о возможности территориальных претензий к Сербии, которая стала крылатой: «Ни одной сербской сливы мне не нужно».

С другой стороны, сохранилось немало свидетельств о том, что Франц Фердинанд считал, что в будущем сербы и другие южные славяне, которые пока еще не находятся в составе Австро-Венгрии, должны неминуемо попасть в «орбиту влияния» империи. Каким образом, по его мнению, это могло бы произойти, тоже до конца не понятно. По одной версии, престолонаследник считал, что их нужно сначала вовлечь в тесные экономические отношения с Австро-Венгрией, крепко «привязать» к империи, а потом приступить к политической интеграции. По другой — он вроде бы не исключал в будущем войны с Сербией и Черногорией.

В декабре 1912 года в письме начальнику имперского Генерального штаба Конраду фон Гетцендорфу Франц Фердинанд отмечал: «Объединение югославянского народа представляет собой одно из тех явлений, определяющих историю наций, которые нельзя игнорировать и нельзя предотвратить. Вопрос только сводится к тому, должно ли объединение

совершиться под контролем двуединой монархии, т. е. за счет независимости Сербии, или оно должно совершиться под покровительством Сербии за счет монархии. Последнее означало бы для нас потерю югославянских земель и тем самым почти всего побережья. Такая утрата положения и престижа низвела бы монархию до уровня мелкого государства».

Владимир Дедиер обращает внимание на интересную деталь: в 1911 году в проекте перечня титулов будущего императора Франца II (то есть Франца Фердинанда) указывалось на нежелательность включения в него титула короля Сербского и Болгарского, так как эти страны являются суверенными государствами. Однако в версии 1914 года титул «Король Сербский» уже присутствует. Это, по мнению историка, доказывает, что Франц Фердинанд определился с видением будущего Сербии.

Но больше всего споров среди историков вызывали и вызывают планы эрцгерцога в отношении собственной страны.

«Австро-Венгро-Славия»?

В замке Артштеттен можно увидеть большую карту, выпущенную еще в начале прошлого века, при жизни эрцгерцога. На ней изображено, как могла бы выглядеть Австро-Венгрия, если бы реформы Франца Фердинанда состоялись.

«По этому плану все народы империи получали равные права и свои государственные образования, — уверена правнучка эрцгерцога Анита фон Гогенберг. — Если бы он осуществился, то в империи сложился бы баланс сил и она стала бы гораздо более устойчивой».

Так ли это?

Главной проблемой существования двуединой монархии Франц Фердинанд считал отношения с Венгрией, точнее говоря, всевозрастающие, как он считал, амбиции венгров, особенно в военных делах. Венгры платили ему той же монетой. Престолонаследник жаловался дяде-императору, что против него в Венгерском королевстве «ведется систематическая травля», венгры «всё время подстрекают против всего, династии, государства, армии, и т. д. и т. д.». Отношения между эрцгерцогом и будапештскими властями были такими натянутыми, что в 1907 году он даже не хотел ехать в столицу Венгрии на торжества, посвященные сорокалетию провозглашения двуединой монархии.

Он и не поехал бы, если бы не приказ Франца Иосифа. Наследник скрепя сердце прибыл в Будапешт, но не смог заставить себя присутствовать на всех торжествах и уехал раньше их окончания.

Босния и Герцеговина тоже была предметом раздора между Австрией и Венгрией — как аристократии, так и буржуазии двух частей империи. Австрийские и венгерские акционерные компании и банки конкурировали за возможность эксплуатировать природные ресурсы этой провинции, вести строительство железных дорог и пр. Венгерские правящие круги настойчиво добивались, чтобы Босния после аннексии вошла в состав Венгерского королевства, чему Франц Фердинанд категорически противился.

«Если дело дойдет до аннексии, — говорил он, — я дам свое согласие на это только при одном условии — чтобы обе провинции присоединились к монархии как коронные земли. Если Венгрия будет требовать, чтобы эти земли принадлежали короне Святого Стефана (то есть Венгрии. — *Е. М.*)... мы не должны соглашаться с

этим ни при каких условиях, даже если бы это означало отсрочку аннексии и сохранение статус-кво».

План эрцгерцога в отношении Боснии осуществился, но он всё равно с подозрением относился к тому, как «коронной землей» управляет министр финансов Леон фон Билинский, считая, что тот проводит «провенгерскую» политику.

В борьбе против венгров эрцгерцог, по-видимому, собирался опираться на представителей других народностей империи. Одним из его сторонников был, например, граф Оттокар фон Чернин, происходивший из чешско-немецкого рода и хорошо знавший семью графини Хотек. Чернин написал несколько меморандумов, в которых, в частности, предлагал фактически свести статус Венгрии к положению обычной провинции империи.

Другим и, пожалуй, наиболее мифологизированным из советников Франца Фердинанда был румын Аурел Попович. Еще в 1892 году он вместе с другими румынскими общественными деятелями Австро-Венгрии подписал Трансильванский манифест, в котором выдвигались требования равных с венграми прав для других народов империи и прекращения мадьяризации. В манифесте отмечалось: «...И румыны, словаки, хорваты и сербы отвечают... страшную ненавистью к мадьяру и ко всему, что носит мадьярское обличье».

В 1906 году Попович выпустил книгу «Соединенные Штаты Великой Австрии». «Большое разнообразие происхождения, языка, обычаев и быта разных народов требует от империи Габсбургов такой формы государственного управления, которая бы могла гарантировать, что ни один из народов не будет притеснен, ущемлен или угнетен другим в своей национальной политике, саморазвитии, культурном достоянии — одним словом, в своем понимании жизни», — писал он.

Согласно плану Поповича, дуалистическая монархия должна была превратиться в триалистическую — ее третьей опорой становились бы равноправные славянские народы. Он предлагал разделить Австро-Венгрию на 15 автономных единиц по национально-территориальному принципу. В каждом из этих «кантонов» был бы свой язык. Скажем, в «Нижней Австрии» — немецкий, в «Богемии» — чешский, в «Западной Галиции» — польский, в «Тренто» — итальянский, в «Воеводине» — сербский и хорватский и т. д. Крупным городам — Праге, Будапешту, Львову — предоставлялась бы автономия.

Карта реформированной Австро-Венгрии, которая висит сегодня в замке Артштеттен, как раз соответствовала плану Поповича.

Франц Фердинанд был знаком с этим планом. Концепция «Соединенных Штатов Великой Австрии» во многом отвечала его политическим интересам — прежде всего она практически ликвидировала «венгерскую угрозу» для целостности монархии. Его советники не без основания указывали, что «национальные группы в Венгрии находятся вне закона, но они — естественные союзники короны в борьбе против венгерских требований... Национальные группы в Венгрии ждут от наследника престола своего освобождения».

Однако в какой степени план Поповича мог стать основой для реформ будущего императора? Иногда встречаются утверждения, что престолонаследник фактически «взял его на вооружение» и только его гибель в Сараеве сорвала реформирование империи и создание австрийских «Соединенных Штатов». Но, похоже, Франц Фердинанд так и не успел принять однозначного решения на этот счет.

Идея триализма его действительно интересовала. Но ее понимание не сводилось им только к плану

Поповича. Например, Франц Фердинанд не исключал, что славяне могут объединиться в рамках третьего государственного образования империи наравне с Транслейтанией и Цислейтанией. Еще в 1903 году на встрече с Николаем II эрцгерцог говорил, что с симпатией относится к возможности создания некоего южнославянского образования в границах монархии. Этот план имел много сторонников среди хорватов, которые считали, что именно они станут ведущей силой этого образования.

Есть также версия, что наследник хотел «перестройки» империи по личным соображениям. Ведь его дети были лишены прав на императорский престол, а вот королевскую корону славянского «государства» теоретически получить могли. Возможно, и эти мысли тоже приходили ему в голову. Почему бы и нет?

Однако сохранились утверждения советников эрцгерцога, что триализм был для него лишь «мимолетным увлечением», а потом он вернулся к более консервативной идее «Великой Австрии», которой придерживался ранее. В этой самой «Великой Австрии» с сильной центральной монархической властью все населяющие ее народы имели бы равные права и считались бы прежде всего австрийцами, а уж потом венграми, хорватами, поляками или сербами. Важно еще и то, что венгры находились бы в таком же положении, как хорваты или румыны.

С одной стороны, это была модель не федеративного, а унитарного государства. С другой — будущий император Франц II подумывал, вероятно, о создании некоего «плавильного котла», в котором создавалась бы, как говорили в СССР, «новая историческая общность» — «народ Австрийской империи», к которому могли бы себя причислять люди разных национальностей (впрочем, гегемонию немецкоязычного населения он не ставил под

сомнение). Видимо, в какой-то степени эрцгерцог хотел повторить американский опыт по «смешиванию» различных народов.

«Мой дед, — рассказывал внук эрцгерцога Георг фон Гогенберг, — всегда восхищался США, где неплохо уживались эмигранты из самых разных стран, в том числе и австрийцы. Ему очень нравилась модель американского устройства, и он подумывал осуществить что-то подобное и в Австро-Венгрии».

Советники убеждали эрцгерцога, что идеи триализма опасны для империи, так как приведут к другой крайности — усилению «славянского элемента». И похоже, убедили. В мае 1914 года Франц Фердинанд уже считал: «На триализм нужно смотреть как на средство обуздания венгров. По моему мнению, он остается единственным разумным инструментом для того, чтобы напугать венгерских шовинистов. Но он в то же время не может принести настоящей пользы династии и Австрии... Кто может гарантировать, что новое государственное образование в рамках монархии, которое бы включало в себя Хорватию, Боснию и Герцеговину, Далмацию и Приморье... всегда будет на стороне Австрии? Возможно, существующие трудности только увеличатся бы... если бы югославянское государственное образование оказалось на стороне Венгрии, которая никак не может принимать интересы короны близко к сердцу».

Другими словами, вряд ли стоит уверенно утверждать, что Франц Фердинанд, став императором, точно превратил бы Австро-Венгрию в «Австро-Венгро-Славию». Кстати говоря, если бы он даже стал императором и начал осуществлять какой-то из своих планов, он наверняка встретился бы со множеством проблем. «Я думаю, на практике это было бы гораздо труднее, чем на бумаге, — считает Георг фон Гогенберг. — Его реформы в империи встретились бы с

такими трудностями, что он даже представить себе не мог. Уж слишком разные народы тогда жили в империи, и слишком много влиятельных противников было у этих планов, в том числе и среди тех, кто находился у власти. Так что я бы даже не стал прогнозировать результаты подобных реформ».

С этим можно согласиться — с оговоркой, что сегодня невозможно однозначно сказать, какой из планов реформирования империи выбрал бы новый монарх. Но нельзя отрицать, что Франц Фердинанд действительно остался в истории как потенциальный реформатор. И как престолонаследник, который, оказавшись на троне, должен был дать славянам империи полное равноправие.

Задуманные эрцгерцогом реформы и сегодня часто рассматривают как одну из причин покушения на него. Слишком много противников было у этих преобразований. По одной версии, опасение, что Франц Фердинанд их всё-таки произведет, побудило радикально настроенных сербов организовать заговор с целью его убийства. «Франц Фердинанд хотел реформировать монархию, и я думаю, что его планы дать славянам равные права не устраивали определенные круги в Сербии, — говорила Анита фон Гогенберг, показывая в замке Артштеттен розы, которые когда-то разводил сам эрцгерцог. — Они бы поставили под вопрос проекты создания югославского государства во главе с сербами».

Или, например, другая версия. «Многие венские и будапештские государственные деятели облегченно вздохнули, когда узнали о событии в Сараеве», — отмечал историк Сидней Фей. Другими словами, нити могли тянуться и в Вену, и в Будапешт.

Но для чего всё-таки Франц Фердинанд решил поехать в Сараево в июне 1914 года?

Роковое решение

Решение о роковой для эрцгерцога, да и для всего мира поездке в Боснию и Герцеговину было принято в сентябре 1913 года. Судя по всему, ее идея принадлежала военному губернатору Боснии Оскару фон Потioreку, видевшему в ней как политическую, так и военную необходимость.

Потioreк составил для Франца Фердинанда меморандум о политическом положении в провинции. Он предлагал устроить в Боснии военные маневры в присутствии наследника престола. Это, по мнению военного губернатора, напомнило бы населению и «соседям», что Босния и Герцеговина является неотъемлемой частью империи. Поскольку в последнее время, особенно после побед Сербии в Балканских войнах, в провинции усилились оппозиционные и панславянские настроения, прибытие престолонаследника, по мнению Потioreка, могло бы нанести по ним ощутимый удар.

В чем-то военный губернатор Боснии был прав. Торжественный проезд Франца Фердинанда по улицам боснийских городов, сопровождаемый соответствующей пропагандистской кампанией, действительно понравился бы местному населению.

И сейчас визиты крупных политиков в провинцию вызывают у жителей если не патриотический подъем, то по крайней мере оживление и внимание к власти — вот, мол, и нас она не забыла. Что уж говорить о жителях Боснии 100 лет тому назад. Им, безусловно, польстило бы внимание такой высокопоставленной особы. Сама атмосфера торжеств, всеобщего праздника, в который собирались превратить визит, смогла бы хотя бы на время поднять настроение и расцветить их нелегкую и однообразную жизнь.

Кстати, сам Франц Фердинанд это прекрасно понимал и всегда требовал допускать приветствующий его народ совсем близко, чтобы тот «крупным планом» видел своего будущего императора. В 1909 году произошел настоящий скандал: эрцгерцог, ехавший на поезде через Венгрию в Румынию, в гости к румынскому королю Карлу, наблюдал, что железнодорожные вокзалы плотно оцеплены полицией, а крестьяне и прочие жители машут платками, шапками и шляпами поезду «его высочества» из-за плотных полицейских кордонов. Франц Фердинанд был крайне раздосадован и устроил разнос тем, кто принял эти меры предосторожности.

Визит наследника в Боснию принес бы пользу лояльным кругам боснийского общества: давая надежду, что с его воцарением многое изменится в лучшую сторону, он укреплял бы их положение, что создавало бы противовес пропаганде оппозиционеров — радикалов и сторонников «югославянской идеи».

Прочитав меморандум военного губернатора Боснии, Франц Фердинанд согласился с его доводами. Начальник Генерального штаба Конрад фон Гётцендорф вспоминал, что 16 октября 1913 года на военных маневрах в Чехии наследник престола сообщил ему, что решил посетить Боснию, чтобы присутствовать там на маневрах двух армейских корпусов, постоянно дислоцированных в этой провинции. Но, судя по всему, начальник Генштаба и раньше знал об этих намерениях наследника. Он вспоминал, что еще 29 сентября его посетил Поттиорек и они разговаривали «о возможности действий против Сербии». «Поттиорек сказал, — продолжал фон Гётцендорф, — что мы можем рассчитывать на хорватов и мусульман... В конце концов он сообщил, что наследник престола, эрцгерцог Франц Фердинанд, согласился, чтобы маневры 15-го и 16-го армейских корпусов под командованием

Потиорека состоялись в Северной Боснии в 1914 году. Он высказал пожелание лично присутствовать на этих маневрах, а также чтобы его сопровождала герцогиня».

Собственно говоря, посещение военных маневров было прямой обязанностью Франца Фердинанда — совсем недавно Франц Иосиф назначил его генеральным инспектором вооруженных сил Австро-Венгрии. Раньше император сам посещал маневры своей армии, но он был уже стар и ему было уже трудно заниматься подобными делами.

Военные маневры в Боснии должны были состояться 22-28 июня 1914 года.

О целях этих маневров до сих пор продолжают дискуссии. Например, были ли они как-то связаны с якобы имевшимися у Австро-Венгрии планами напасть в ближайшее время на Сербию.

Надо сказать, что отношения между Веной и Белградом осенью 1913 года в очередной раз серьезно осложнились. Сербия, одержав победы в двух Балканских войнах, была сильно истощена, но испытывала национально-патриотический подъем. Однако в сентябре началось восстание албанцев на территории Косова, отошедшего к Сербии по результатам Первой Балканской войны.

Сербы всегда стремились получить выход к Адриатике. Во время Балканских войн они почти осуществили эту мечту. Сербские войска, разбив турок в Македонии, в октябре 1912 года вступили в Центральную Албанию и заняли город Эльбасан, а в ноябре — Дуррес и Тирану. Черногорцы же осадили город Шкодер и после семимесячной осады взяли его в апреле 1913 года.

Сербы рассчитывали, что Северная Албания и Шкодер после войны достанутся именно им. В этом случае Сербия получала бы выход к Адриатике. Однако

по решению Лондонской конференции великих держав в мае 1913 года эти территории отошли к получившей независимость Албании. Правда, сербам всё же уступили Косово, однако выхода к морю они так и не приобрели. Подобные результаты мира в Белграде объясняли интригами Вены.

И вот в сентябре 1913 года началось восстание в Косове. Его подавление обошлось ослабленной сербской армии очень дорого. Сербы снова заподозрили, что за спиной косовских повстанцев стоит Австро-Венгрия, тем более что 17 октября Вена направила в Белград ультиматум с требованием вывести из Косова сербские войска.

Любопытный факт, характеризующий сложившуюся в это время напряженную обстановку в фактически пограничном Белграде, приводит в мемуарах первый секретарь русского посольства в Сербии Василий Штрандман:

«Помню то неприятное и жуткое впечатление, которое производили на меня австрийские прожекторы, с противоположного берега Савы на Бежанийских высотах освещавшие Белград. В то время нашу одноэтажную миссию не заслоняли со стороны реки высокие постройки, так что австрийцы могли видеть при помощи прожекторов и сильных подзорных труб всё движение в наших помещениях. Когда я выходил из миссии и спускался по улице Милоша Великого, меня сопровождал луч австрийского прожектора, пока я не доходил до своего дома...

Мои слова удивления, сказанные по этому поводу австро-венгерскому посланнику барону Угрону на дипломатическом теннисе или секретарям австро-венгерской миссии, обыкновенно вызывали с их стороны добродушную улыбку с просьбой не обижаться на то, что молодых солдат австрийцы учат пользоваться прожекторами для наблюдения на далекие расстояния.

Ничего враждебного в этом усматривать не следует. Однако этот сам по себе незначительный факт, постоянно повторяющийся по ночам, заставлял предполагать иное».

Югославский историк Владимир Дедиер в монументальном труде «Сараево. 1914» указывает на еще одно важное событие, которое, по его убеждению, произошло осенью 1913 года: германский кайзер Вильгельм, который до этого всячески отговаривал Вену от военного столкновения с Сербией, теперь изменил свою позицию и дал понять, что Германия поддержит Австро-Венгрию в случае вооруженного конфликта.

Почему это произошло, по словам Дедиера, окончательно не ясно — то ли Вильгельм счел, что Австро-Венгрия так быстро разобьет Сербию, что никто из союзников последней даже не успеет вмешаться, то ли сама Германия уже подготовилась в военном отношении к тому, чтобы в случае разрастания конфликта выступить на стороне Вены против России и Франции.

Действительно, в октябре 1913 года кайзер посетил Вену, с 23-го по 25-е число гостил у Франца Фердинанда в замке Конопиште, затем снова заехал в столицу Австро-Венгрии, где встречался с императором Францем Иосифом и министром иностранных дел империи графом Берхтольдом. Впрочем, что именно происходило на этих встречах, в точности неизвестно.

Но, по мнению Дедиера, именно осенью 1913 года «Австро-Венгрия получила от Германии карт-бланш на нападение на Сербию». «Это, — считает он, — стало известно членам тайных революционных обществ в Сербии, как и членам революционных молодежных организаций югославянских земель монархии Габсбургов. Факт в том, что первые серьезные заговоры против эрцгерцога Франца Фердинанда начались

только после октября 1913 года, так как его рассматривали теперь в качестве главы военной партии в Вене. Их подготовка еще больше ускорила, когда стало известно, что эрцгерцог собирается посетить Сараево и военные маневры».

Таким образом, согласно этой версии, военные маневры в Боснии представляли собой звено в цепи военных приготовлений против Сербии, начатых Австро-Венгрией при поддержке Германии. Они могли также играть провокационную роль.

Сербский посол в Вене Йован Йованович уже после Первой мировой войны подтверждал, что эти маневры были чем-то вроде репетиции военных действий против Сербии. «План заключался в том, чтобы устроить маневры... как раз против сербской границы, — писал он в 1924 году. — При таких маневрах врагом являлась, конечно, Сербия... Маневры должны были проходить в Боснии, у реки Дрина, как раз у самой границы с Сербией».

Но это было не совсем так.

Маневры проходили не восточнее Сараева, где находится Сербия, а в 30 километрах юго-западнее столицы Боснии, в Тарчинском округе. До сербской границы, даже по прямой, отсюда около 100 километров. Учитывая горную местность, плохие дороги и тогдашнее состояние техники, путь до Сербии занял бы несколько дней. К тому же в маневрах принимало участие, по различным оценкам, всего лишь от двадцати до двадцати пяти тысяч человек.

Судя по всему, задачей учений являлась отработка обороны Сараева и Центральной Боснии в случае наступления со стороны Адриатики. «Синие» должны были помешать наступлению «красных» и не дать им возможности овладеть горными дорогами и перевалами, которые ведут к Сараеву со стороны Адриатического побережья.

Это, конечно, вовсе не является аргументом в пользу отсутствия у Австро-Венгрии агрессивных намерений по отношению к Сербии, но в данном случае военные маневры сербам никак не угрожали. Можно предположить, что они скорее были направлены на устрашение итальянцев, которых Франц Фердинанд считал серьезными потенциальными противниками империи на Адриатике и которые в случае военного конфликта вполне могли высадить десант на Адриатическом побережье Австро-Венгрии или, скажем, в Албании. Не случайно, видимо, и сам наследник прибыл сначала на побережье, а уже потом на поезде отправился в столицу Боснии как раз с юго-запада.

Другое дело — политическая сторона вопроса. Да и время проведения маневров и приезда эрцгерцога было выбрано, возможно, не случайно. Военные учения должны были, как уже говорилось, состояться 22–28 июня, а визит Франца Фердинанда — 23–30 июня. В том, что его торжественная встреча в Сараеве намечалась именно на 28 июня, была весьма серьезная ошибка организаторов визита. Либо в этом был их сознательный умысел.

Дело в том, что 28 (15) июня — День святого Вита (по-сербски — Видовдан) уже несколько веков считается самым героическим и трагическим днем сербской истории. Как уже говорилось, в этот день в 1389 году в битве на Косовом поле турецкие войска разбили армию сербского князя Лазаря и его союзников.

Несмотря на то что Сербия окончательно попала в зависимость от Османской империи лишь через шестьдесят с лишним лет после этого события, именно битва на Косовом поле стала точкой отсчета, с которой началась борьба сербов за свободу и национальное достоинство. О битве на Косовом поле, о князе Лазаре, погибшем в сражении, и других косовских героях (например, о витязе Милоше Обиличе, который

прокрался в турецкий лагерь и убил султана Мурада) сложили целый цикл героических и популярных в народе песен.

С тех пор Видовдан сербы отмечали не только как старинный религиозный праздник, но и как день национального траура и одновременно надежды на освобождение. С этой точки зрения въезд будущего императора Австро-Венгрии в столицу Боснии, которую многие сербы считали частью будущего югославянского государства, не мог не выглядеть для них вызовом, а в сочетании с маневрами и явным знаком того, что Австро-Венгрия собирается что-то предпринять против Сербии.

Понимали ли это Франц Фердинанд, его окружение и вообще австрийские власти? Не могли не понимать. Министр финансов Боснии Билинский, который ведал гражданским управлением провинции, уже после покушения утверждал, что его вообще не поставили в известность о программе поездки эрцгерцога. По его словам, он узнал о приезде наследника в Сараево из газет, причем только утром 28 июня. Якобы он знал только о том, что эрцгерцог едет инспектировать маневры в Боснии. Но в это верится с трудом, да к тому же он и сам упоминал о своем намерении отговорить престолонаследника от поездки.

По другим данным, об опасности посещения Сараева эрцгерцога предупреждала австро-венгерская контрразведка.

Двенадцатого июня Франц Фердинанд встретился с кайзером Вильгельмом в замке Конопиште. Газеты сообщили, что встреча носила совершенно частный характер — германский император «пожелал посмотреть на замечательные розы эрцгерцога, когда они находятся в полном цвету». Действительно, в Конопиште Франц Фердинанд отдавал много времени и сил разведению роз и в целом превосходному

дворцовому парку, который сохранился до наших дней. «Цветы сажались по его указаниям, — рассказывала правнучка эрцгерцога Анита фон Гогенберг, — и он знал буквально каждую розу и каждое дерево в парке».

Однако после убийства эрцгерцога пошли слухи, что на встрече в Конопиште Франц Фердинанд и Вильгельм не только любовались цветущими розами, но и согласовывали планы начала мировой войны, в результате которой должна была быть перекроена вся карта Европы. При этом якобы предполагалось, что война должна начаться с провоцирования Сербии — с помощью маневров. Затем за нее вступилась бы Россия и т. д.

Впрочем, никаких подтверждений этим слухам нет, хотя встреча в Конопиште действительно могла повлиять на начало мировой войны. Ведь между созерцанием роз и убийством Франца Фердинанда прошло лишь чуть больше двух недель.

Как отмечает историк Сидней Фей, покушение произошло, когда у Вильгельма еще было свежо воспоминание о встрече в Конопиште, и это сильно подействовало на впечатлительную натуру кайзера. Если раньше он удерживал Австро-Венгрию от резких выступлений против Сербии, то теперь Сербия стала представляться ему гнездом убийц, которое необходимо уничтожить.

«Я здесь как будто в гробу»

Сохранилось множество свидетельств того, что Франц Фердинанд долго колебался, ехать ли ему в Сараево. За несколько дней до отъезда он говорил об этом с Францем Иосифом. Эрцгерцог жаловался на плохое самочувствие и жару. Император предоставил ему право решать самому: «Делайте, как хотите».

Другой причиной его колебаний были вопросы безопасности. Он знал о предупреждениях контрразведки, и не исключено, что знал даже о возможности покушения. Но всё-таки решил ехать — вместе с женой.

Причин, по которым Франц Фердинанд принял такое решение, было, видимо, несколько. Во-первых, в газетах уже сообщили, что наследник посетит маневры в Боснии и Сараеве. Отмена поездки теперь стала бы для него серьезной имиджевой потерей. Эрцгерцога могли заподозрить в нерешительности и даже трусости, что, конечно, сыграло бы на руку его врагам и в Вене, и в Будапеште, и в Белграде, и вообще в мире.

Посещения Сараева требовала и политическая обстановка. Франц Фердинанд долго создавал себе образ «покровителя славян». Как же можно было при этом не ехать в одну из крупнейших и недавно приобретенных славянских провинций империи? Политические интересы требовали, чтобы престолонаследник появился в Сараеве и был встречен там «ликующим народом». Но если бы он отменил поездку, это наверняка было бы использовано в качестве подтверждения того, что Босния — всего лишь колония австрийцев, власть там держится только на австрийских штыках, народ их ненавидит и даже будущий император боится там появляться.

Наконец, у него были и личные, семейные причины не отменять поездку. Нельзя не признать, что в этом вопросе Франц Фердинанд поступил благородно — постарался хотя бы на время вытащить супругу из душного придворного мира, где она была вынуждена терпеть постоянные унижения, и взять ее с собой в глухую провинцию, в которой ее ожидала пышная встреча со всеми почестями и ритуалами, положенными ей как супруге будущего императора. В этом чувствовалось желание эрцгерцога, с одной стороны,

показать фигу венскому «свету», а с другой — доставить жене несколько дней радости. Он, конечно, не мог себе представить, к чему это приведет...

Хотя нет, наверное, всё-таки мог. Франц Фердинанд слыл не только очень набожным (он каждый месяц причащался и ежедневно выстаивал в костеле две службы), но и очень суеверным, верившим во всякие знамения, предсказания и другие «знаки свыше».

Он вполне понимал, что его могут убить, и даже застраховал свою жизнь в страховых компаниях Голландии. По свидетельствам очевидцев, он не раз говорил, что, вероятно, не доживет до момента, когда ему нужно будет занять престол. «Я никогда не буду императором, — заявил он однажды. — Что-то плохое случится со мной...»

Не исключено, впрочем, что к таким мрачным прогнозам его подталкивали обострения болезни легких и появлявшиеся газетные статьи, авторы которых намекали на то, что старый император выглядит куда лучше своего относительно молодого наследника. И еще, мол, неизвестно, кто из них умрет раньше.

Граф Оттокар фон Чернин, ставший впоследствии министром иностранных дел Австро-Венгрии, вспоминал, что Франц Фердинанд сказал ему: некая гадалка предрекла, что «он однажды начнет мировую войну». Отправившись в Боснию, эрцгерцог «вручил себя милосердию Бога». По дороге туда он не раз замечал зловещие знамения. Тогда на его предчувствия не обращали особого внимания, но после покушения они, разумеется, приобрели совсем другой смысл.

Начались они еще 23 июня. Тогда у его салон-вагона неожиданно перегорела букса. «Многообещающее начало путешествия!» — воскликнул эрцгерцог. Чуть позже выяснилось, что отправление поезда, на котором он с женой собирался 29 июня уезжать из Сараева,

переносится с шести на пять часов утра. «Скажите полковнику Бардольфу, что если он поведет дело так, чтобы с каждым днем поездка в Боснию становилась для меня всё отвратительнее вследствие неожиданных затруднений, то он может устраивать маневры без меня, — сказал тогда Франц Фердинанд. — Я совсем туда не поеду!»

Но всё-таки поехал.

Двадцать третьего июня он выехал на поезде из Вены в порт Триест на Адриатике. Жена эрцгерцога отправилась в Сараево по другому маршруту — через Аграм (Загреб). Они должны были встретиться уже в Сараеве.

По дороге в Триест случилась еще одна неприятность — в вагоне погас электрический свет. Пришлось зажечь свечи. «Ну-с, — саркастически заметил наследник, — что вы, господа, скажете о таком освещении? Не правда ли, я здесь как будто в гробу?»

Потом из-за жары опять перегрелись вагонные буксы. И снова очевидцы запомнили слова Франца Фердинанда: «Здесь жарко, а там нас забросают бомбами».

Но пока поездка шла без серьезных происшествий. 24 июня эрцгерцог прибыл в Триест. Там он пересел на линкор «Вирибус Унитис», на котором утром следующего дня дошел по Адриатике до устья Наренты (ныне — Неретва) и, перейдя на военный катер, поднялся вверх по реке до города Меткович. Там он снова сел на поезд и доехал до Мостара, где его торжественно встретили местные власти и население.

Выехав из Мостара, Франц Фердинанд примерно через три часа добрался до местечка Илиджа (сегодня это фактически пригород Сараева) и там встретился со своей женой.

Вечером 25 июня Франц Фердинанд и София в первый раз отправились в Сараево. По городу они

передвигались пешком, заходили в магазины, делали покупки. Их узнавали, приветствовали. Жители города встречали их аплодисментами и кричали «Живео!» («Да здравствует!»). Один из очевидцев вспоминал, что толпа народа была такой густой, что нескольким офицерам охраны, которые сопровождали Франца Фердинанда с женой, приходилось ее буквально расталкивать.

В этот день они представляли собой идеальную мишень для потенциальных террористов. Но ничего не случилось. Даже наоборот — казалось, жители города искренне выражают самые добрые чувства к будущему императору и его супруге.

Утром 26 июня эрцгерцог отправился на маневры. В этот день погода изменилась: жара, мучившая Франца Фердинанда, спала, но зато пошел проливной дождь, так что и войска, и командование, и сам эрцгерцог основательно вымокли и продрогли.

Около пяти часов вечера престолонаследник вернулся в Илиджу, привел себя в порядок, и они с женой во второй раз отправились в Сараево. Этот визит тоже считался неофициальным. На этот раз они передвигались в открытой коляске — видимо, ходить пешком после целого дня, проведенного на учениях, Францу Фердинанду было уже нелегко. Они сделали несколько покупок и осмотрели фабрику ковров.

Их снова радостно приветствовали горожане. И снова совершить покушение на эрцгерцога было проще простого. В толпе размахивающих флагами и шляпами людей стоял и Гаврило Принцип. Он находился всего лишь в нескольких метрах от наследника, но в тот день не убил его.

Двадцать седьмого июня Франц Фердинанд отправился на маневры, где лично руководил войсками. На этот раз учения закончились в полдень. Поблагодарив солдат и офицеров, эрцгерцог вернулся в

Илиджу. Оттуда он отбил телеграмму императору, что учения прошли прекрасно и «состояние войск выше всяческих похвал». «Завтра я посещаю Сараево и вечером уезжаю», — писал он.

Вечером в отеле «Босна», где остановился эрцгерцог с супругой, состоялся торжественный прием. На нем присутствовали представители боснийской администрации, городских властей, высшее офицерство и католический архиепископ Сараева Штадлер, хорват по национальности. Монсеньор Штадлер произнес речь, в которой заявил: «Ваше императорское высочество — надежда хорватов. Мы объединимся вокруг вас и пойдем за вами, куда вы нас поведете».

Эрцгерцог явно был растроган, пожал Штадлеру руку и сказал: «Я начинаю любить Боснию. Раньше у меня были предубеждения, а сейчас они все прошли». А герцогиня фон Гогенберг воскликнула: «Как всё-таки мил и дружелюбен этот народ!»

Ужин был обилен: несколько видов супов и бульонов, затем различные блюда из курятины, говядины и телятины, несколько видов соленых и сладких сыров, мороженое, пирожные и пирожки, ананасовый крем с бренди, прохладительные напитки вроде шербета, фруктовые соки, а также большой выбор вин и коньяков.

После ужина эрцгерцог и герцогиня София беседовали с представителями местных властей в фойе отеля. Некоторые не стали скрывать своей озабоченности обстановкой в Сараево. Один из видных депутатов боснийского Сабора Иосип Сунарич еще раньше предупреждал Потioreка, что Францу Фердинанду лучше воздержаться от поездки по городу, так как ходят слухи о возможном покушении.

Эти предупреждения дошли и до эрцгерцога с супругой. Когда Сунарич представлялся герцогине, она сказала ему: «Вот видите, дорогой доктор Сунарич, вы

были не правы. Всё не так, как вы говорили. Где бы мы ни были, все, до самого последнего серба, приветствуют нас настолько тепло, сердечно и учтиво, что мы очень довольны своей поездкой». — «Ваше высочество, — ответил Сунарич, — ради бога, повторите эти же слова завтра вечером, когда я опять буду иметь честь вас видеть. Тогда с моего сердца свалится огромный камень».

Эти слова насторожили эрцгерцога. Когда гости разошлись, он снова спросил своих приближенных, что они думают о завтрашней поездке в Сараево. Может быть, действительно есть смысл ее отменить? Мнения разделились, но большинство было за то, чтобы ехать. Франц Фердинанд согласился.

Воскресенье 28 июня обещало быть очень насыщенным. С самого утра предстояли различные официальные мероприятия в Сараево. Эрцгерцог проснулся рано. По легенде, супруга разбудила его словами: «Вставайте, сир, пора ехать в Сараево».

«Я ДАМ ТЕБЕ РЕВОЛЬВЕР»

Таинственный посредник

В Сараеве эрцгерцога уже ждали. И не только для того, чтобы забрасывать его цветами и кричать ему «Живео!». Группа активистов «Молодой Боснии» находилась в полной готовности. Покушение на Франца Фердинанда было решено совершить именно 28 июня, в Видовдан.

Как же эта группа оказалась в Сараеве? И как ее проворонила австро-венгерская контрразведка, предупреждавшая престолонаследника о возможной опасности? Чтобы понять всё это, нужно вернуться на три месяца назад.

...В марте 1914 года Принцип, Чабринович и Грабеж в Белграде, Илич в Сараеве и Гачинович в Лозанне узнали из газет, что Франц Фердинанд собирается приехать в столицу Боснии. Все они наверняка понимали, что судьба дает им в руки уникальный шанс осуществить свою мечту о покушении — «достать» наследника престола в Сараеве им было легче, чем в других местах империи.

В общих чертах договорившись о покушении (возможно, вступив перед этим в тайную организацию «Смерть или жизнь»), Принцип, Чабринович и Грабеж сообщили о своем решении Иличу.

Перед «белградской тройкой» сразу же встало множество проблем. Организовать покушение на наследника престола — это ведь не обструкцию преподавателю в гимназии устраивать и не статьи в газеты писать. Никакого оружия у них не было. Ни один не умел хорошо обращаться с ним. Ни у одного из

заговорщиков не было опыта участия в боевых действиях. Пока они понятия не имели, где будут подстерегать эрцгерцога и будет ли возможность подобраться к нему хотя бы на расстояние револьверного выстрела.

Раздобыть оружие было не так уж сложно. Сербия всегда буквально кишела им, а к тому же совсем недавно закончились две войны. Многие из их друзей воевали в качестве комитов или поддерживали связи с различными таинственными личностями вроде членов «Черной руки». К одному из таких знакомых Принцип и обратился.

Милана Цигановича он знал уже около двух лет. Еще в 1912 году он жил с ним в одном доме в Белграде. Циганович был практически земляком Принципа, но на шесть лет старше его. Окончил сельскую школу, потом учился в коммерческом училище в городе Бихач, собирался стать священником, но быстро расхотел. Работал мелким чиновником в налоговом управлении, куда его устроил отец, потом пробовал поступить на таможенную службу, но провалил экзамен. Затем попытался бежать в Сербию, но напоролся на австро-венгерских жандармов, которые вернули его домой. Осенью 1908 года Цигановичу повезло — его перевез через пограничный Дунай по своему паспорту один из случайно оказавшихся на границе сербских студентов, возвращавшихся домой, выдав за записанного в его паспорт младшего брата.

«Когда я приехал в Белград, — рассказывал Циганович в 1927 году влиятельной сербской газете «Политика», — я попал в самую гущу демонстраций и выступлений, направленных против Австро-Венгрии. В это время открылась школа комитаджей под руководством капитана Войн Танкосича. Там собралось много молодежи из различных земель — студентов, гимназистов, рабочих, и здесь мне в первый раз пришла

в голову мысль: «Здесь действует «Молодая Босния»... Мы образовали маленький отряд в 30 человек».

Но тогда повоевать ему не пришлось — Боснийский кризис в войну не перерос. Циганович устроился чиновником в управление сербских государственных железных дорог. Считается, что в 1911 году он вступил в общество «Черная рука», где значился под номером 412. Впрочем, по другой версии, он был внедренным в организацию секретным агентом Николы Пашича, непримиримого врага «Черной руки», неоднократно занимавшего пост премьер-министра Сербии.

Во время Балканских войн Циганович принимал участие в боевых действиях и даже был награжден золотой медалью за храбрость. Он служил в отряде комитаджей под командованием Воислава Танкосича и, естественно, хорошо его знал.

С наступлением мира он снова устроился по железнодорожной части, захаживал в кафану «Златна моруна», но вообще у него была репутация таинственного и вездесущего человека. Он поддерживал связи с бывшими комитаджами и с «Народной обороной».

На суде Принцип утверждал, что Циганович знал о его идее убить престолонаследника, когда она еще не обрела каких-либо конкретных форм, а всего лишь высказывалась им в разговорах. Якобы Принцип во время очередных посиделок снова начал говорить о покушении, а один из его знакомых передал его слова Милану Цигановичу. «С этого момента я подружился с Цигановичем, — рассказывал Принцип. — И он обещал, что достанет оружие. Он дал это обещание еще до того, как в Белград приехал Грабеж».

Почему он обратился с просьбой достать оружие именно к Цигановичу? Дело в том, что с войны тот привез целую коллекцию различных гранат, которые видели у него и Принцип, и Чабринович. Принцип

говорил, что их было штук восемь-девять, а Чабринович утверждал, что целых восемьдесят.

Сначала Принцип просил именно бомбы, однако Циганович сказал, что, скорее всего, они не очень хорошего качества и в решающий момент могут не сработать. Тогда-то и пошла речь о пистолетах. Был и еще один важный момент: после покушения Принцип и Чабринович хотели покончить жизнь самоубийством, как сделал их кумир Богдан Жераич. Понятно, что пистолет для этого подходит лучше всего. Позже они получили «для себя» и ампулы с цианидом, но, как оказалось, яд был тоже плохого качества.

В мае 1914 года в Белграде умер известный сербский писатель и публицист Йован Скерлич. Он оказал большое влияние на «младобосанцев». Скерлич был убежденным сторонником «югославянской идеи» и предлагал, например, унифицировать сербский и хорватский литературные языки. Однако, писал югославский историк Владимир Дедиер, Скерлич был противником панславизма, за которым, по его мнению, стояли «самые мрачные элементы русского общества» и вообще реакционные силы, и выступал за «неославизм», предусматривавший создание демократической федерации равноправных славянских народов.

16 (3) мая 1914 года на похоронах Скерлича Принцип нес венок от боснийской молодежи. Своему брату Николе он написал: «Умер величайший человек Сербии».

А уже через несколько дней они наконец-то смогли получить оружие для покушения на Франца Фердинанда.

Чабринович на следствии утверждал, что еще за три дня до того, как они отправились из Белграда в Сараево, он и понятия не имел, что подготовка покушения приняла уже такой конкретный характер. Чабринович говорил, что собирался отметить Видовдан

вовсе не в Сараеве, а в Македонии и даже купил себе новый костюм.

Возможно, он действительно был не в курсе дела. Принцип и Грабеж сами договорились с Цигановичем, а тот, в свою очередь, встретился с Воиславом Танкосичем, от которого и получил оружие.

Танкосич попросил устроить ему свидание с заговорщиками. Принцип и Грабеж, посоветовавшись, решили, что на него пойдет только Трифко Грабеж. Кандидатуру Чабриновича они сразу же отменили — он еще не был посвящен во все подробности подготовки к покушению, к тому же Принцип считал, что он слишком разговорчив и вообще не производит впечатление серьезного человека. Сам же Принцип не хотел идти к Танкосичу по личным причинам — он хорошо помнил обиду, которую нанес ему командующий комитаджами, когда не взял его в отряд и весьма иронически отозвался о его способностях и здоровье.

Таким образом, на встречу отправился только Грабеж в сопровождении Цигановича. На допросах Грабеж рассказал: «По дороге я говорил с Цигановичем о покушении на престолонаследника, и он убеждал меня в том, что его нужно совершить с помощью револьверов. Он сказал также, что мы должны верить в себя, этим он хотел сказать, что нам не надо бояться».

Затем, по словам Грабежа, Циганович сообщил, что уже утвержден маршрут, по которому они переправятся в Боснию. Следовательно, не они сами, а кто-то другой разработал для них безопасный путь перехода через границу.

Подойдя к дому Танкосича, Циганович позвонил. Дверь открыла женщина. Они сразу же, без лишних разговоров, прошли в обставленную со вкусом комнату, на стенах которой висели картины — Грабеж запомнил портрет короля Петра в военной форме, с саблей на коленях.

Они ждали долго, почти полчаса. Наконец в комнату вошел Танкосич. Циганович показал на Грабежа: «Это один из них». Затем Грабеж назвал свое имя.

«Он сначала посмотрел на Танкосича, потом на меня и сказал: «Значит, это ты и есть? Ты готов?» — рассказывал Грабеж. Я ответил: «Да». Тогда Танкосич спросил, умеем ли мы стрелять из револьвера, на что я ответил отрицательно. Танкосич снова обратился к Цигановичу: «Я дам тебе револьвер, и ты за один день научи их стрелять».

Я спросил Танкосича: «Нужно ли мне прийти еще раз?» Он ответил: «Не нужно». Циганович встал, встал и я, мы попрощались с Танкосичем и ушли, так как заметили, что Танкосич торопится».

После этой встречи они пошли в «Златну моруну», где сидели Принцип и Чабринович. Не очень ясно, рассказали ли Чабриновичу о револьверах именно в тот вечер или чуть раньше, но несомненно одно: он с готовностью согласился участвовать в тренировках по стрельбе.

Представление, что заговорщики, учившиеся в Белграде стрелять, проходили какой-то специальный курс обучения, которым руководили сербские военные, абсолютно неверно. Принцип, Грабеж и Чабринович успели пострелять всего лишь два дня — 25 (12) и 27 (14) мая. Обучали их Циганович и, по некоторым данным, некий Милан Моич и Джуро Шарац — один из лидеров организации «Смерть или жизнь». Для тренировок в одном из белградских парков соорудили из дерева что-то вроде человеческой фигуры. Стреляли в мишень и с места, и во время движения. Лучше всех стрелял Принцип, хуже всех — Чабринович. Циганович также показывал им, как обращаться с бомбами.

27(14) мая Циганович встретился с ними у кафаны «Златна моруна». Там он передал Принципу и Грабежу (Чабринович в это время работал в типографии и

пришел позже) шесть бомб, четыре пистолета, в каждом из которых было семь патронов, запасные обоймы с патронами и ампулы с цианистым калием. Затем они пошли к Принципу и спрятали бомбы в изголовье его кровати. На следующий день им предстояло отправиться в путь.

Итак, если верить Принципу, Грабежу и Чабриновичу, ведущую роль в добывании для них оружия сыграл Милан Циганович. Именно через него они получили и инструкции, как добраться до Боснии и не оказаться в руках врагов.

Таким образом, фигура Цигановича представляет огромный интерес. Однако он выступал лишь посредником. Главный же вопрос, ответа на который пытались добиться сначала австрийские следователи и судьи, а потом и многочисленные исследователи, состоит в том, с кем именно он поддерживал связь «с другой стороны». Кто были те люди, которые предоставили заговорщикам оружие и организовали их переправку в Боснию? Какие цели они преследовали и что знали о Принципе и его друзьях?

Самый явный ответ сводится к тому, что всё это дело провернул неутомимый Воислав Танкосич. Сделать ему это было не так уж и трудно — связи у бывшего командира комитаджей имелись хорошие, авторитет большой, так что переправить террористов с оружием в Боснию не составляло для него особого труда.

Человек действия, радикальный националист, член «Черной руки», он вполне мог разделять планы молодых боснийских «коллег» в отношении эрцгерцога и их оценку Франца Фердинанда как «врага славянства», который явно с провокационной целью собирается устроить маневры и посетить Сараево в самый горький и торжественный для сербов день. Что

же касается последствий покушения, то вряд ли Танкосич о них задумывался.

«Циганович действовал по соглашению с майором Танкосичем, но тот остался в стороне, — говорил на суде Грабеж. — Главным виновником, если вообще можно говорить о виновности, является Циганович». Все заговорщики уверяли, что не знают, состояли ли Танкосич и Циганович в «Черной руке», но признавали, что те имели связи с «Народной обороной».

Однако ни следователи, ни судьи в такую версию не поверили. Они пытались добиться от обвиняемых, кто еще стоял за ними. В этом, конечно, было немало политики — австрийцам нужно было так или иначе обвинить Сербию в причастности к покушению, однако их недоверие можно понять — как-то уж больно легко всё получилось у группы зеленых гимназистов. Трудно было поверить, что за покушением такого масштаба не стоит какая-то внушительная сила.

Имя «таинственного посредника» Милана Цигановича на следствии и суде над членами «Молодой Боснии» упоминалось неоднократно. У Принципа, например, допытывались, не он ли надумил их на покушение. Это предположение Принцип категорически и даже с возмущением отверг. Грабеж — тоже, причем мотивировал тем, что Циганович был гораздо менее образован, чем они, и поэтому «был не в состоянии развивать перед нами какие-либо идеи». Они в один голос утверждали: Циганович только доставал им оружие.

Но их утверждения суд не убедили. Хотя бы потому, что Чабринович на процессе признал, что Циганович был масоном и сказал ему, что «франкмасоны более года тому назад приговорили Франца Фердинанда к смерти, но об этом он сообщил нам только тогда, когда мы уже окончательно решили совершить покушение». Странное заявление от человека, который, как

утверждали Принцип и Грабеж, был гораздо менее образован, чем они!

Однако «масонский след» превращал сараевское убийство в результат «всемирного заговора» против престолонаследника Австро-Венгрии, поэтому суд так вцепился в тему «таинственного посредника», пытаясь узнать о нем от подсудимых как можно больше. Впрочем, об этом — в свое время.

«Они идут в Сараево совершать великие дела»

Трое заговорщиков пустились в путь 28 (15) мая.

Накануне Циганович дал им подробное описание маршрута, который их очень тревожил — ведь предстояло идти с оружием, и их могла задержать как сербская, так и австро-венгерская полиция, не говоря уже о пограничниках обеих стран. Но Циганович сказал, что все эти проблемы он решит, и вручил им визитку с некими условными знаками, которую они должны были предъявить коменданту сербского пограничного участка.

А еще Циганович дал им деньги. По словам Принципа, немного — 160 динаров. Однако после покушения в комнате Принципа полиция нашла весьма солидную сумму — 2700 австрийских крон в мешке из-под соломы и еще тысячу в раме иконы.

У каждого из них были две бомбы, пистолет, запасные обоймы и ампула с ядом. Перед дорогой они дали друг другу слово не вступать в лишние разговоры с посторонними и как можно меньше привлекать к себе внимание.

Утром они сели в Белграде на пароход, чтобы добраться до городка Шабац. Там они оказались около четырех часов дня. Им нужно было найти капитана пограничной стражи Радо Поповича, которого из

Белграда должны были предупредить об их прибытии. Капитан играл в карты в кафане «Америка». Принцип передал ему визитку Цигановича. Пограничник прервал игру и повел заговорщиков в комендатуру.

По дороге он спросил, зачем они собираются переходить границу. Они ответили, что для некоего «тайного дела». Попович больше вопросов не задавал, зато снабдил их различными документами и записками.

Это, во-первых, был пропуск, в котором они значились таможенными чиновниками. В пропуске содержалась рекомендация властям «не чинить этим людям никаких препятствий, а, более того, по возможности оказывать всяческую помощь». Во-вторых, капитан вручил заговорщикам письмо для начальника пограничного участка в Лознице Йована Првановича, а в-третьих, записку, по которой им должны были выдать бесплатные билеты на поезд до пограничной Лозницы (поскольку они ехали под видом государственных служащих, находящихся в командировке).

Однако бесплатных билетов достать не удалось — железная дорога до Лозницы находилась в частной собственности, и записка капитана Поповича не оказала на кассиров нужного действия. Однако им продали билеты с пятидесятипроцентной скидкой.

Принцип, Грабеж и Чабринович переночевали в Шабаце, в отеле «Америка». Оружие спрятали в печь, а вечером посидели в местной кафане, поели мороженого.

Утром они сели на поезд до Лозницы, куда прибыли около десяти часов. Там нашли коменданта Првановича. Прочитав письмо, тот спросил, куда они хотят идти дальше. Услышав от Принципа, что они направляются в Боснию, Прванович сказал, что границу можно легко перейти легально.

«Я ему на это ответил, что у нас нет никаких документов и поэтому мы не можем перейти границу,

так как в Боснии жандармы сразу бы нас схватили, — рассказывал Принцип. — Тогда он сказал, что нас трудно отправить дальше так, чтобы нас сразу не схватили. Но он свяжется со своими подчиненными и передаст нас самым надежным из них. Капитан позвонил по телефону своим людям. О чем он говорил, я не знаю, так как не обратил на это внимания, но в конце концов сказал нам, чтобы на следующее утро в семь часов мы пришли в его канцелярию».

Прванович тоже не поинтересовался, зачем троем молодым людям нужно тайно попасть в Боснию.

До назначенного срока у заговорщиков был целый день. В Лознице они встретили двух своих знакомых, бывших комитаджей, с которыми решили прогуляться по окрестностям. Во время «экскурсии» словоохотливый Чабринович, как и опасался Принцип, разговорился. Он постоянно посматривал на свои бомбы, которые носил на поясе, и в конце концов один из их знакомых, заметив это, спросил, есть ли у них оружие. «Мы ответили, что у нас есть револьверы, и даже сделали в его присутствии несколько выстрелов, но ничего не сказали о бомбах, — рассказывал Принцип на следствии. — Мы заметили Чабриновичу, что он не соблюдает осторожность, и отобрали у него бомбы».

В тот день они сильно поссорились. И снова причиной размолвки стал Чабринович. Из Лозницы они написали несколько открыток родным и знакомым. Принцип, к примеру, послал открытку своей хозяйке, которой задолжал за квартиру 31 динар. Он просил ее немного подождать, пообещав, что вскоре, когда он вернется в Белград, отдаст весь долг.

А вот Чабринович послал своей сестре Вукосаве послание, полное намеков, сопроводив его патриотическими стихами. Чабринович на следствии рассказывал, что Принцип и Грабеж «очень разозлились на меня из-за этих стихов, так как это было

неосторожно и могло нам навредить. Я тоже серьезно разозлился на них и крепко их обругал».

Они так поругались, что даже перестали разговаривать. Впрочем, Принцип на следствии утверждал, что это была «дружеская размолвка» и они ее быстро забыли. Чабринович лег спать, а вечером его разбудили Принцип и Грабеж. Они опять помирились. «Но Принцип и Грабеж сказали мне, что я должен без оружия идти отдельно, другим путем, поскольку я неосторожен, и что Грабеж даст мне свой паспорт», — рассказывал Чабринович.

Итак, они разделились.

Прванович поддержал их решение и написал письмо знакомому финансовому инспектору пограничного городка Зворник, но того на месте не оказалось, и Чабриновича перевел через границу местный учитель Милан Яковлевич, член «Народной обороны». Интересно, что на границе их задержали австрийские жандармы, но, проверив документы,пустили. Местные жители часто пересекали границу туда-сюда, так что ничего подозрительного в этом они не увидели.

На боснийской стороне Чабриновича «передали» местному писарю Георгию Дачичу, который на следующий день посадил заговорщика в дилижанс. Чабринович благополучно добрался до города Тузла, где, как и было условлено, поселился у некоего Мишко Йовановича в ожидании прихода товарищей.

Что же касается Принципа и Грабежа, то их путь через границу был куда более тернистым. Они решили переправляться через пограничную реку Дрину в десяти километрах от Лозницы. В проводники им дали таможенника Раде Грбича, крупного человека с большим красным носом.

Принцип и Грабеж переночевали у Грбича, а следующее утро началось с того, что он показывал им,

как надо стрелять. После стрельбы Грбич и еще один его спутник посадили гимназистов в лодку и отвезли на остров Исакович. Там они переночевали в доме местной жительницы. Утром Грбич опять обучал их стрельбе. Потом Принцип с Грабежем вспоминали, что расстреляли на острове 50 или 60 патронов. Вероятно, боеприпасы им давал Грбич.

Затем таможенник отправился искать проводников. У него были свои агенты и доверенные лица среди крестьян на боснийском берегу. Некоторые из них передавали ценную информацию, за что им разрешали заниматься мелкой контрабандой. Наконец он нашел двоих проводников — Мичу Мичича и Якова Миловича. Они и повели заговорщиков на боснийский берег.

Грабеж вспоминал, что сначала они долго брели по густой грязи через заросли камышей и вербы, проваливаясь почти по колено. Каждый нес три бомбы, пистолеты, патроны и вещи, так что идти было трудно. Грабеж признавался, что иногда ему казалось, что дальше идти он уже не сможет. Переход продолжался около двух часов, после чего они наконец-то дошли до села Обриеш на боснийском берегу.

Переночевав, они рано утром вместе с Миловичем и еще несколькими крестьянами двинулись дальше — к селу Прибой. Недалеко от села Принцип и Грабеж спрятались в кустах, а их проводник Яков Милович пошел искать учителя Велько Чубриловича, которому должны были передать заговорщиков.

Велько Чубрилович принадлежал к старшему поколению «младобосанцев». Он родился в 1886 году, окончил православную учительскую семинарию и с 1905 года работал учителем — сначала в городе Тузла, а потом и в Прибое.

Разумеется, Чубрилович тоже придерживался распространенных среди молодых боснийцев радикальных взглядов. В 1912 году он стал доверенным

лицом «Народной обороны» (есть также предположение, что он состоял и в «Черной руке»). Когда началась Первая Балканская война, Чубрилович сформировал в своей округе отряд добровольцев, которые должны были отправиться в сербскую армию. Но на фронт они не попали — война закончилась, и отряд пришлось распустить. Зато у Чубриловича появилось немало собственных доверенных лиц, на которых он мог положиться.

(Встреча с Принципом и Грабежем 2 июня (20 мая) 1914 года роковым образом изменила его жизнь, в итоге приведя к тому, что Чубрилович был приговорен к смертной казни и повешен.)

Милович встретил Чубриловича на окраине села — тот с местным священником возвращался с похорон — и сказал ему, что привел «двух людей из города». Это, вероятно, был пароль. Чубрилович сразу же распрощался со священником и направился с Миловичем к месту, где их ждали Принцип и Грабеж.

Здесь начался следующий этап их перехода. Миловича и Мичича отпустили домой — каждому из них Чубрилович и заговорщики дали по несколько крон. Учитель повел Принципа и Грабежа к своим знакомым. По дороге он заметил спрятанные в вещах «людей из города» бомбы и спросил, не предназначено ли это оружие «для встречи Франца Фердинанда». Принцип совершенно откровенно ответил утвердительно, добавив, что они направляются в Сараево как раз для того, чтобы убить престолонаследника, и предупредив, чтобы Чубрилович об этом помалкивал.

Чубрилович привел их в дом своего знакомого Митара Керовича. Там их накормили и оставили ночевать. Принцип и Грабеж рассказывали хозяину и его сыну Недо о Сербии, о школах, а затем заснули. Грабеж спал плохо — он объелся за ужином — и, просыпаясь время от времени, слышал, как Чубрилович

говорил Керовичу и его троим сыновьям, что «у этих молодых людей — твердое сердце и они идут в Сараево совершать великие дела». При этом он показывал бомбы, спрятанные в вещах. Чубрилович договорился, что они помогут Принципу и Грабежу перевезти оружие и бомбы до города Тузла.

Есть и другая версия того, что происходило в тот день. Ее изложило на следствии и на суде семейство Керович. По их словам, старший сын Митара, Благойя, начал спрашивать у гостей, кто они и куда идут. Чубрилович ответил: «Австрийский наследник вскоре должен приехать в Сараево, и они идут туда, чтобы убить его и бросить бомбы. Они рискуют своей жизнью, поэтому всё надо хранить в тайне». Услышав это, Благойя посоветовал отцу не влезать в это опасное предприятие. В свою очередь, Чубрилович и Принцип с Грабежем начали агитировать их за «общесербское дело». На всякий случай Грабеж пригрозил, чтобы они держали язык за зубами, иначе им отомстят за измену. Чубрилович же решил успокоить хозяев аргументом, что всё равно никто не узнает, кто именно помогал заговорщикам в пути, так как они покончат с собой сразу же после покушения. Это возымело действие, и Керович с сыновьями согласился помочь им.

Трудно сказать, как всё было на самом деле. В последней версии Керовичи явно пытались смягчить свою вину, намекая, что они помогали убийцам эрцгерцога под влиянием их угроз. Однако факт остается фактом — они никому не сообщили об их прибытии, хотя прекрасно знали, с чем пожаловали «люди из города».

Примерно за час до полуночи тронулись в путь. Бомбы и пистолеты спрятали на телеге, в охапке сена. Принципа и Грабежа сопровождали Недо Керович и еще один житель села, Цвиян Степанович. К утру они благополучно добрались до Тузлы.

В Тузле заговорщиков должен был ждать Мишко Йованович — один из самых известных и богатых жителей города, председатель нескольких обществ, один из директоров Сербского банка, владелец первого городского кинотеатра. Его состояние оценивалось в 300–400 тысяч крон. Он также был связан с «Народной обороной».

На окраине Тузлы крестьяне и заговорщики на всякий случай решили разделиться. Керович и Степанович направились в дом к Йовановичу, а Принцип с Грабежей решили дожидаться его в читальном зале сербской библиотеки. Вернее, они сначала отправились по магазинам, чтобы привести себя в порядок после дороги. Купили себе новые брюки, Грабежу почистили и отгладили пальто. После этого они направились в библиотеку.

Тем временем Керович и Степанович пришли к Мишко Йовановичу. Они выложили на стол бомбы и пистолеты. А когда изумленный Йованович спросил, что это, ответили: «Это вам посылает учитель Чубрилович» — и протянули ему письмо Чубриловича. Прочитав его, хозяин спросил, чем он может помочь. Керович и Степанович попросили его прийти в девять утра в сербскую библиотеку. Там вскоре Йованович и увидел Принципа и Грабежа.

Заговорщики сразу объяснили ему, для чего прибыли в Боснию и для чего предназначено оружие. Принцип на следствии рассказывал: «Когда мы вошли в комнату, то сначала представились, а потом начали обсуждать, как все эти вещи (то есть бомбы и пистолеты. — *Е. М.*) можно было бы переправить в Сараево. Я заметил, что мы сами не можем взять их с собой в Сараево, так как предвидел, что перед приездом престолонаследника будут приниматься строгие меры безопасности. Тогда мы поинтересовались — может, было бы лучше, если бы Мишко сам отвез их в

Сараево? Он ответил, что это невозможно, не знаю, по какой причине. Мишко весь трясся, что заставило меня предупредить его, чтобы он был осторожен и не выдал нас, так как в этом случае будут ликвидированы и он, и вся его семья. Потом мы решили оставить вещи у Мишко, с тем чтобы их позже забрали или я, или Данило Илич. Кто-то из нас, не знаю кто, предложил, чтобы паролем была коробка сигарет «Стефания».

Йованович дополнил этот рассказ некоторыми подробностями. Принцип и Грабеж, по его словам, сказали, что едут в Сараево, но боятся нести туда бомбы и оружие, так как «два (? — *Е. М.*) эрцгерцога должны приехать в город». Он также уточнил, что согласился оставить у себя имущество заговорщиков, потому что хотел «выручить студентов из затруднения».

Йованович спрятал оружие и бомбы у себя дома, а Принцип и Грабеж вернулись в библиотеку, где встретили нескольких своих знакомых и провели с ними время, вспоминая школьные годы.

Неделько Чабринович тоже был в Тузле. Накануне он просидел несколько часов в той же сербской библиотеке, читая газеты. Затем ходил в кино, причем один из фильмов посмотрел в синематографе, который принадлежал Мишко Йовановичу. Интересно, что, вернувшись в гостиницу, где он дожидался своих друзей, Чабринович встретил там знакомого из Сараева Ивана Вилу, который раньше служил жандармом. Этот человек, сам того не ведая, сообщил заговорщикам ценную информацию: Франц Фердинанд приезжает в Сараево 25 июня, и в городе вовсю идет подготовка к его встрече — жители чистят улицы и украшают дома. До этого момента, признавался Чабринович, они не знали, когда престолонаследник должен прибыть в город.

Вскоре в этой же гостинице появились Принцип и Грабеж. Чабринович отметил для себя, что каждый из них раздобыл новые брюки. Он распрощался со своим собеседником и пошел к ним. Они казались очень уставшими, а Принцип вообще находился в подавленном настроении. «Ничего у нас не выйдет», — говорил он. Почему он вдруг пал духом, непонятно. Отказываться от своей миссии они и не думали и в тот же вечер, 3 июня, решили ехать в Сараево поездом.

Они вошли в один вагон, но места заняли в разных купе. Там же неожиданно оказался и тот самый бывший полицейский, с которым Чабринович беседовал в гостинице Тузлы, — он тоже возвращался в Сараево. Увидев Чабриновича, он подсел к нему и начал разговор. (На следствии и суде по делу «Молодой Боснии» ему пришлось долго оправдываться и объяснять, почему он ехал вместе с террористами и о чем с ними говорил.) Почему-то он обратил внимание на сидевшего в другом купе Принципа и спросил Чабриновича, не знает ли он, кто этот юноша с длинными волосами и острой бородкой. На это простодушный Чабринович ответил: «Гаврило Принцип».

Принцип и Грабеж потом рассказывали на следствии, что по дороге между собой потешались над этим бывшим полицейским: мол, едет с ними в Сараево, а не знает, зачем они туда направляются.

Утром 4 июня (22 мая) 1914 года, через неделю после того как Принцип, Грабеж и Чабринович покинули Белград, поезд привез их в Сараево. Их цель была уже близка.

«Покушение должно совершиться любой ценой»

Переход Принципа, Грабежа и Чабриновича из Белграда в Сараево наводит на определенные размышления.

Во-первых, австрийцы были совершенно правы, когда утверждали, что за террористами стояли люди, обладающие весьма широкими полномочиями, которым, в частности, подчинялись сербские пограничные офицеры и таможенные чиновники. Действительно, не вызывает сомнения, что сами по себе заговорщики этот путь через границу вряд ли прошли бы. Кто были эти люди? Члены «Народной обороны», «Черной руки», государственные служащие или, может быть, даже представители сербских властей? Это один из главных вопросов, связанных с сараевским покушением, вокруг которого до сих пор идут споры.

Во-вторых, удивляет то, как по-дилетантски отнеслись Принцип, Грабеж и Чабринович к своей миссии. По дороге они разболтали, в общем-то, случайным встречным, которых видели первый раз в жизни, всё, что только могли. И это несмотря на многочисленные обещания друг другу хранить всё в тайне.

В-третьих, еще большее удивление вызывает во всей этой истории потрясающая беспомощность австро-венгерских жандармерии и контрразведки. Судя по всему, соответствующие службы империи так и не получили вовремя сигналов, что в приграничных районах появились странные люди, которые тайно переправляются из Сербии в Австро-Венгрию с оружием, да еще и не скрывают, что собираются убить эрцгерцога.

Можно предположить, почему это произошло. Скорее всего, австрийская контрразведка была «заточена» на работу против сербской разведки и не ожидала, что удар нанесут дилетанты, гимназисты, которые впервые взяли в руки оружие всего лишь

несколько дней назад. Вспоминается сцена из знаменитого фильма «Семнадцать мгновений весны», где шеф гестапо Мюллер говорил о дилетантах: «Всё настолько глупо и непрофессионально, что работать практически совершенно невозможно. Невозможно понять логику непрофессионала».

Австрийцы, раз уж потом они обвиняли Сербию в использовании этих дилетантов в своих целях, должны были предполагать такой поворот событий. Тем более что молодежь, которая имела отношение к покушению, и раньше отнюдь не отличалась благонадежностью. Короче говоря, прокол австрийских спецслужб здесь налицо.

И наконец, еще одна любопытная деталь. Никто из жителей сербских сел, через которые проходили заговорщики, не сообщил об этих подозрительных людях «куда следует». Почему? Их могли принять за контрабандистов, а в приграничных селах контрабанда была весьма распространенным занятием, ею занимались в тех местах очень многие, так что «стучать» на своих коллег было как-то не очень прилично.

Но главное было всё-таки в другом — у австрийцев в этой округе, скорее всего, не было надежных агентов. А вот у сербов были, и, как видим, немало. Всё это свидетельствует об отношении боснийских сербов к властям Австро-Венгрии.

О происходившем после того, как трое заговорщиков добрались до Сараева, известно мало, в основном по их рассказам на следствии и суде, а также по воспоминаниям участников движения, написанным уже после Первой мировой войны. Но эти мемуары далеко не всегда отличались точностью и объективностью. Частично из-за личной позиции авторов, а также просто из-за того, что они многого не

знали, а под видом фактов иногда приводили рассказы и даже слухи. Как справедливо отметил Владимир Дедиер, историю революционного движения писали люди, которые были на его периферии, а не в самом центре событий.

Это прежде всего касается книги «Сараевское покушение», которую в 1924 году выпустил бывший член «Молодой Боснии» Боривоје Евтич. Его воспоминания стали одним из первых «камней», заложенных в основание «культа» Гаврилы Принципа как «героя Югославии» и «борца за национальные интересы югославянских народов». Можно спорить или соглашаться с этими оценками, но при чтении мемуаров Евтича бросается в глаза другое: если верить ему, то рядом с безусловным героем Принципом находились такие малодушные и даже трусливые люди, как Данило Илич и Неделько Чабринович.

Относиться к этим оценкам нужно с большой осторожностью. Даже упоминавшийся выше советский историк Николай Полетика, мягко говоря, не отличавшийся симпатиями к участникам покушения, отмечал, что в воспоминаниях Евтича имеется масса грубейших неточностей и ошибок, «которые были тотчас же отмечены европейскими исследователями».

Но это, что называется, «замечание по ходу пьесы».

...В Сараеве «белградской тройке» предстояло связаться с Данилой Иличем. Он должен был начать работу по привлечению местной молодежи к подготовке покушения.

У нас нет достоверных данных о том, когда именно Принцип после прибытия в Сараево впервые встретился с Иличем. На следствии непосредственный исполнитель теракта рассказывал, что после приезда из Тузлы они с Грабежем и Чабриновичем на время разошлись. Сам Принцип погулял по городу (не исключено, что он

производил предварительную разведку местности), а вечером поехал в Хаджичи, к брату Йово.

Он рассказал ему (попросту наврал), что сдал экзамены за восьмой класс гимназии, а осенью собирается продолжить учебу где-нибудь еще. У Йово недавно родился сын, и, согласно его более поздним воспоминаниям, Гаврило посоветовал назвать племянника Слободаном, потому что «он будет жить свободным». Это имя ему и дали^[28].

Вероятно, Принцип встретился с Иличем уже после того, как побывал у брата. Здесь снова приходится удивляться дилетантизму заговорщиков: Принцип решил поселиться у Илича и, более того, согласно тогдашним правилам пребывания в городе, сообщил в местное отделение полиции адрес своего проживания.

На что они надеялись и почему поступали именно так, сказать сложно. Можно лишь предполагать: участники покушения считали, что если сразу после него они покончат с собой, то всё остальное уже не будет иметь никакого значения. А может быть, по молодости и наивности просто не придавали значения таким «мелочам».

О том, как жил Принцип эти три недели до покушения, известно очень мало. Денег у него почти не было — он платил за постой матери Илича из расчета 15 крон в месяц, а еще занял у него 40 крон. Последнюю неделю, чтобы хоть как-то заработать, он устроился секретарем в общество «Просвета» — вел там протоколы заседаний. Для чего же тогда предназначались те деньги, которые полиция нашла позже в его тайниках? Скорее всего, для подготовки покушения. Судя по всему, для себя Принцип не взял из этих денег ничего.

С Грабежем и Чабриновичем он в эти дни виделся редко. Зато бывал в кафане, где собирались его старые

друзья, любители выпить, закусить и покурить. Там Принцип впервые в жизни попробовал вино. По различным сведениям, это произошло то ли за несколько дней до покушения, то ли даже буквально накануне рокового дня. Принцип рассказывал на допросах: «В прошлом месяце я встречался в Сараеве со своими коллегами, которые любят выпивать. Я сделал то же самое, чтобы не вызывать у них подозрений. Эти мои коллеги в своем большинстве — люди, не способные для [осуществления]какой-либо великой идеи».

К тому времени Данило Илич уже присмотрел нескольких людей. Самым ценным и опытным из них был Мухамед Мехмедбашич — тот самый, который собирался убить По-тиорека.

Семнадцатилетнего Васо Чубриловича (младшего брата учителя Велько Чубриловича, одного из проводников «белградской тройки») недавно исключили из гимназии в Тузле за то, что на одном из праздников, когда заиграл гимн Австро-Венгрии, он демонстративно вышел из зала. Чубринович-младший очень гордился, что его привлекли к такому «почетному делу», как убийство эрцгерцога, а когда ему вручили револьвер, загордился еще больше. Он носил оружие в кармане, а буквально накануне покушения, в субботу 27 июня, предложил «пощупать его» своему приятелю Драгану Калемберу.

Потом на суде шестнадцатилетний Калембер объяснял, что не донес на Чубриловича только потому, что не отнесся к его поведению серьезно. Кстати, сам Калембер заявил, что является сторонником «прогрессивной партии», но не смог объяснить, в чем состоит ее программа.

Другой приятель Чубриловича рассказал, что после покушения тот хвастался, будто бы выстрелил в эрцгерцога дважды, но не попал. Это было полным

вымыслом. На самом деле Чубрилович в тот день не сделал вообще ничего.

Еще одним участником «тройки Илича» стал восемнадцатилетний Цветко Попович^[29] — студент учительской семинарии. У него, в отличие от Чубриловича, уже был опыт политической борьбы. Его арестовывали и брали под полицейский надзор. Через 14 лет он описывал свое состояние после того, как решил принять участие в покушении: «Вся ночь... прошла в мыслях и снах о нем. На следующее утро я был уже совсем другим человеком. Я смирился с мыслью, что буду жить только до Видовдана, поэтому совсем другими глазами смотрел на всё, что происходило вокруг. Я перестал готовить школьные уроки. Газеты, которые я читал регулярно, перестали меня интересовать... Была только одна мысль, которая меня всерьез беспокоила, — что у меня ничего не получится и я осрамлюсь. Хотя я был молод (только 18 лет), я чувствовал, что это не только наше личное дело, но и дело всего народа... Я постоянно храбрился и уговаривал себя, что покушение должно совершиться любой ценой».

Знакомый Принципа по сараевской гимназии Иван Краньчевич вспоминал: в их среде царило убеждение, что «Франц Фердинанд не должен просто так уехать из Сараева». С группой Принципа Краньчевич и его друзья связаны не были и об их планах сначала не знали. И самое главное — у них не было оружия. Но Краньчевич был почему-то уверен, что оружие привезет из Сербии именно Принцип. И когда примерно за десять дней до покушения он встретил его в Сараеве, то обрадовался и подумал, что его предчувствия исполнятся.

Однако Принцип много говорил о Белграде и о жизни в Сербии, но ничего не сказал о своих планах. Потом он и вовсе начал избегать Краньчевича. Гораздо

позже Принцип рассказал ему, что оружие, тогда уже доставленное из Сербии, заговорщики поделили между собой, а просто так вовлечь Краньчевича в заговор ему не хотелось.

Но вскоре Цветко Попович и Васо Чубрилович сообщили Краньчевичу, что вошли в состав заговорщиков. Они сказали, что их вовлек туда некий человек, но не Принцип (это был Данило Илич). Они договорились, что после покушения Краньчевич спрячет то оружие, которое не будет использовано.

Илич в эти дни съездил в Тузлу за пистолетами и бомбами. 14 июня он пришел к Мишко Йовановичу и показал ему условный знак — коробку от сигарет «Стефания». Но опасаясь, что его могут арестовать, он попросил Йовановича доставить оружие до станции Добой, по дороге в Сараево.

Йованович согласился. Он спрятал бомбы и пистолеты в коробку из-под сахара и отвез в Добой, оставив там в магазине своего знакомого. И снова им повезло — никто не заинтересовался содержимым коробки. Вскоре появился Илич, забрал ее и поехал в Сараево.

Оказавшись в Сараеве, он со всевозможными предосторожностями кружным путем добрался домой и спрятал опасный груз под кроватью, на которой спал Гаврило Принцип.

Это было 15 июня 1914 года. До выстрелов Принципа оставалось меньше двух недель.

С бомбой и «Подпольной Россией»

Тем временем в Сараеве полным ходом шли приготовления к встрече эрцгерцога. К его приезду ремонтировали мостовые, очищали здания от застарелой грязи и копоти.

По приказу градоначальника повсюду развесили имперские и боснийские (красно-желтые) флаги. Населению предписывалось украсить дома, магазины и другие здания цветами и приветственными лозунгами. В окнах выставили портреты эрцгерцога. В то же время полиция обнародовала приказ, запрещающий бросать в кортеж эрцгерцога букеты цветов.

Местные газеты на первых полосах поместили пространные сообщения и комментарии, в которых приветствовался визит Франца Фердинанда. Например, «Хрватски народ» 25 июня поместил передовицу, озаглавленную «Здравствуй, наша надежда», где подчеркивалось, что «вся сила этой монархии будет защищать боснийские владения до конца и до последнего вздоха».

Официальная «Сараевская газета» («Сараевски лист») вышла в необычном оформлении. В ней — тоже на всю первую полосу — был напечатан редакционный комментарий под названием «Добро пожаловать к нам!». Но самое любопытное то, что, возможно, впервые газета Австро-Венгерской империи была напечатана в цвете. Весь комментарий был окружен красно-желтой рамкой — в цветах тогдашнего флага Боснии и Герцеговины.

«Народ Боснии и Герцеговины, — высокопарно писала газета, — высоко оценивает значение этого визита и едва дождался этого счастливого часа, когда он может лицезреть будущего носителя короны Габсбургов... И по этому случаю весь народ Боснии и Герцеговины, как один человек, с сердцем, полным радости и воодушевления, с восторгом приветствует Его: «Добро пожаловать к нам!».

Только сербская газета «Народ» на первой полосе поместила передовицу об очередной годовщине битвы на Косовом поле и несколько сербских патриотических стихотворений. Небольшая информация о визите

**Статья в газете «Сараевски лист», посвященная визиту эрцгерцога
Франца Фердинанда в Сараево. 25 июня 1914 г.**

В последние перед покушением дни Илич вдруг начал сомневаться, необходимо ли оно. Эти сомнения были у него и раньше, и он не скрывал их от товарищей. Уже в тюрьме Принцип рассказывал навешавшему его психиатру Мартину Паппенгейму: «Илич как будто витал в облаках, говорил о панславистских идеях, о том, что мы должны создать организацию во всей Боснии и Герцеговине. И только тогда, когда будет всё подготовлено, нужно приступить к покушениям. Поэтому мы отказались от покушения на Потioreка».

Но теперь появилась более важная цель, чем военный губернатор Боснии. И снова Илич мутит воду.

Пока шла подготовка к покушению, Илич активно участвовал в издании еженедельника «Звоно» и переводил брошюры Фридриха Энгельса, Петра Кропоткина, Карла Каутского.

С одной стороны, он всё больше убеждался, что индивидуальный террор не открывает дорогу к социальному и национальному освобождению. С другой — будучи одним из самых близких друзей Принципа и вообще хорошим товарищем, Илич уже не мог всё бросить и отойти в сторону. Ему оставалось только одно — убеждать сообщников отложить теракт.

Но когда еще представится такой удобный случай? И нужно ли вообще откладывать? Об этом Принцип и Илич спорили перед сараевским убийством.

«В последние десять дней, — рассказывал Принцип на допросе 3 июля 1914 года, — Илич, по правде сказать, несколько раз высказывал мнение, что покушение совершать сейчас не нужно, что момент для него выбран неудачно и мы не получим от него никакой

пользы. Но я не согласился с тем, что надо отложить покушение, во мне уже пробудилась какая-то болезненная жадность по отношению к нему».

«Перед покушением, — подтверждал Принцип уже на суде, — он много раз заговаривал об этом и отговаривал меня. А я перестал обращать на это внимание, ну, он и перестал говорить на эту тему».

Почему Илич так настаивал на отмене покушения? Существуют два объяснения. Те, кто придерживается версии, что всем заговором «рулили» из Белграда, считают, что в последний момент оттуда дали отбой, потому что поняли, что убийство эрцгерцога может привести к войне с Австро-Венгрией, к которой Сербия была не готова. Так же, кстати, полагал и Владимир Гачинович, который якобы тоже советовал отменить покушение. Как вспоминал участник «Молодой Боснии» Павле Бастаич, встречавшийся с Гачиновичем в Париже накануне приезда эрцгерцога в Сараево, главный идеолог их движения был очень озабочен — о подготовке убийства он знал. 28 июня, прочитав в газетах о выстрелах Принципа, Гачинович, по словам Бастаича, сказал: «Мы можем пережить великую трагедию из-за этого случая. Сербия к войне не готова, а Австрия ее, вероятно, начнет. Вся вина падет на нас, на революционную молодежь, на боснийцев».

Согласно второму предположению, Илич исходил из своих философских и политических взглядов. Недаром потом Принцип говорил, что его товарищ начинал «воспринимать социалистические идеи». Он, вероятно, имел в виду, что тот готов отказаться от революционной борьбы в пользу пропаганды, организации партии и всей другой муторной, по мнению Принципа, работы, в которой он не видел никакой пользы и которую презирал.

«У Илича нет энергии», — говорил Принцип Паппенгейму, хотя и подчеркивал, что Илич находился

под его влиянием, «несмотря на то, что был на пять лет старше, да еще и учитель». И впрямь, уговорить Принципа отложить покушение было невозможно, он твердо стоял на том, что оно необходимо.

Владимир Гачинович отмечал в очерке, который передал Троцкому в 1915 году: «Последний раз Илич вместе с Принципом писали мне за несколько дней до покушения. Они сообщали о внутренних распрях в нашем прежнем сараевском кружке, вызванных какими-то новыми обстоятельствами. Об этих последних говорилось иносказательно и туманно. Быть может, некоторые друзья были против дела 28 июня и пытались оказать моральное давление на группу, стремившуюся к действию во что бы то ни стало. Мне было больно читать это тревожное письмо, написанное рукой Принципа и дополненное несколькими фразами Илича. Я готовился ответить им в духе умиротворения, как вдруг на весь мир прозвучал выстрел Принципа».

Данило Илич, так и не сумевший убедить Принципа, что нужно отложить покушение, смирился и вел себя дисциплинированно. Вместе они разработали окончательный план убийства эрцгерцога.

Как в политических детективах и боевиках показана подготовка покушения на какую-нибудь важную персону? Группы заговорщиков, которые внимательно отслеживают ее перемещения, буквально по секундам хронометрируют любые ее действия, прослушивают переговоры, готовят самое современное снаряжение и оружие... Всё это продолжается несколько месяцев, а то и дольше. И когда, казалось бы, всё готово, из-за какой-нибудь нелепой случайности план терпит крах.

В покушении на Франца Фердинанда всё было ровным счетом наоборот. Разработка плана заняла у заговорщиков не более часа и сводилась к тому, где каждый из них должен встать. Придумать этот план было проще простого — во многих сараевских газетах

появились призывы к населению выйти на улицы и приветствовать «дорогих гостей» вместе с описаниями маршрута, по которому проедет Франц Фердинанд с супругой во время официального посещения города.

Местом покушения заговорщики выбрали набережную Аппеля — длинную и узкую улицу вдоль реки Миляцка. Кортёж эрцгерцога должен был проехать по ней минимум два раза, так что возможностей совершить теракт было немало.

Группа заговорщиков состояла из семи человек: Гаврило Принцип, Данило Илич, Трифко Грабеж, Неделько Чабринович, Мухамед Мехмедбашич, Васо Чубрилович и Цветко Попович. Они должны были встать вдоль набережной в толпе приветствующих эрцгерцога горожан. Сначала предполагалось действовать с помощью бомб и потом уже вести огонь из пистолетов. В общем, всё было очень просто.

«За два дня [до покушения] мы встретились с Принципом, и он сказал мне, что будет покушение, и попросил найти Илича... — рассказывал Чабринович. — Мы встретились около девяти часов. Он мне сказал, что завтра утром даст бомбу... Потом я пришел, взял бомбу и цианистый калий».

Это было утром 28 июня. Накануне Илич раздал оружие, бомбы и яд другим заговорщикам. Поскольку Чубрилович и Попович пользоваться оружием почти не умели, он показал им, как это делается, и даже выстрелил из пистолета. В тот же вечер он передал бомбу Мехмедбашичу, также объяснив ее устройство и принцип действия. Затем он пошел на могилу Богдана Жераича и провел там некоторое время.

Туда же в последний вечер перед покушением ходил и Неделько Чабринович. Вернувшись домой, он написал несколько писем и открыток друзьям и стал читать книгу «Подпольная Россия» Сергея Степняка-Кравчинского — русского писателя, революционера и

террориста-народника. В 1878 году в Петербурге тот заколол кинжалом шефа жандармов Мезенцова, бежал из России и до конца жизни (в 1895 году в Англии он попал под поезд) жил в эмиграции.

С «Подпольной Россией» Чабринович на следующее утро отправился встречать Франца Фердинанда.

К Принципу 27 июня приехал его брат Никола, собиравшийся навестить родителей и уговаривавший его ехать вместе. Но Принцип отказался, хотя, как вспоминал потом его брат, выглядел очень грустным.

После встречи с братом Принцип до позднего вечера сидел в кафане с друзьями, потом тоже отправился на могилу Жераича и положил на нее цветы. По возвращении домой засел за книгу Кропоткина (ее название не упоминается), в которой, рассказывал он позже, речь шла о том, как действовать в случае мировой социальной революции. Принцип размышлял над работой Кропоткина. «Я был убежден, что всё это возможно», — скажет он уже в тюрьме.

Между тем постепенно светало. День 28 июня 1914 года обещал быть солнечным и жарким. С самого раннего утра в предвкушении необычного и яркого зрелища к набережной Аппеля потянулись жители города. Постепенно подходили и заговорщики — молодые люди, чьи имена пока еще почти никому не были известны.

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ В САРАЕВЕ

«Пахнет порохом»

Отъезд Франца Фердинанда и герцогини Софии из Илиджи в Сараево был запланирован на 9.25 утра 28 июня. В столицу Боснии высокопоставленные гости должны были прибыть специальным поездом.

Программа мероприятий включала краткое посещение армейских казарм и визит в городской совет, где эрцгерцога ждали представители гражданских властей. Затем наследник должен был торжественно открыть» новое здание Национального музея, после чего был запланирован обед в резиденции Потиорека. Начиная с двух часов пополудни Франц Фердинанд и его супруга должны были совершить экскурсию по Сараеву, потом намечалась поездка в Илиджу тем же специальным поездом. После прощального ужина в девять вечера гости собирались поездом отправиться в обратный путь.

Утром у эрцгерцога было прекрасное настроение. Он надел голубой парадный мундир австрийского кавалерийского генерала, черные шаровары и шляпу с зелеными перьями. Герцогиня была в белом платье и белой шляпе.

На вокзале в Сараеве гостей встретил Оскар Потioreк с почетным караулом. После торжественной церемонии встречи эрцгерцог с герцогиней и сопровождавшие их лица начали садиться в поданные автомобили. В первый сели начальник охраны эрцгерцога и трое местных офицеров полиции, а вся остальная охрана почему-то осталась позади. Во второй машине оказались градоначальник Фехим и начальник

полиции города. В третью сели эрцгерцог, его жена, Поттиорек и подполковник Франц фон Гаррах. Этот автомобиль и сегодня можно увидеть в Военном музее Вены: спортивный кабриолет зеленого цвета марки «Греф унд штифт» со сложенным верхом. Эрцгерцог помог подняться в него супруге и сел сам. Кортёж тронулся.

Осмотр казарм закончился быстро. В десять часов эрцгерцог со свитой покинул казармы, и машины двинулись по набережной Аппеля по направлению к городскому совету. Франц Фердинанд попросил ехать не слишком быстро, чтобы они могли лучше рассмотреть город и его жителей. Герцогиня фон Гогенберг с любопытством озиралась по сторонам, раскрыв над собой белый зонтик — солнце уже начинало припекать.

Когда эрцгерцог еще только завтракал в Илидже и готовился к отъезду, семерка заговорщиков уже собиралась на месте будущего действия.

Принцип рассказывал, что около восьми часов утра он вышел из дома и «пошел гулять». Столкнулся нос к носу с двумя своими друзьями, с трудом от них отделался и направился к месту встречи заговорщиков.

В 8.15 в кафе-кондитерской рядом с набережной Аппеля Чабринович встретился с Иличем и Грабежем, которые как ни в чем не бывало разговаривали с продавцом. Грабеж спросил, знает ли Чабринович, где ему надо стоять. Тот ответил, что знает.

В ожидании прихода Принципа Чабринович съел три пирожных. Наконец Принцип появился, передал Чабриновичу бомбу и ампулу с ядом.

Чабринович отправился на набережную. Повстречав там своих знакомых, словоохотливый Чабринович сразу же вступил с ними в разговор, гулял по набережной и даже успел сфотографироваться в «моментальной

фотографии». Позже он утверждал, что хотел оставить снимки исторического дня для потомства. Фотографии сохранились.

Тем временем Илич передал бомбу и пистолет Грабежу, а Принцип уже около девяти часов утра стоял на набережной с пистолетом в кармане и бомбой на поясе. Один из его знакомых позже вспоминал, что ясно слышал, как Принцип проговорил: «Пахнет порохом».

На своих местах были и другие заговорщики. Набережная постепенно заполнялась людьми, которые с нетерпением ждали проезда эрцгерцога. В ожидании кортежа участники покушения прохаживались по набережной туда-сюда, чтобы не привлекать внимание полиции. Если бы изначально всё пошло так, как они замыслили, то эрцгерцогу предстояло бы проехать по настоящему «бульвару бомбистов».

Охрана Франца Фердинанда была организована из рук вон плохо. Действительно, бросается в глаза колоссальная разница между мерами безопасности, которые принимались в 1910 году по случаю приезда в Сараево императора Франца Иосифа, и четыре года спустя, во время визита престолонаследника Франца Фердинанда. По некоторым данным, в первом случае мобилизовали более тысячи полицейских и около двух тысяч агентов в штатском. Город был буквально наводнен ими. На улицах, по которым проезжал император, двойной цепью стояли войска. Еще за несколько дней до его встречи приехавшие из Вены, Будапешта и других городов империи сотрудники полиции и контрразведки внимательно слушали разговоры на улицах и в кафанах и хватали всех подозрительных людей.

Во время же приезда эрцгерцога ничего подобного не было и в помине. Как уже говорилось, Франц Фердинанд и герцогиня София до 28 июня дважды ездили в Сараево и оба раза могли стать жертвами

покушения. Тогда им просто повезло. 26 июня Принцип оказался всего лишь в нескольких шагах от наследника и вполне мог застрелить его, но в последний момент обнаружил, что не взял с собой пистолет.

Двадцать восьмого июня охраны тоже почти не было. Вдоль набережной, на расстоянии шестидесяти шагов друг от друга, стояли полицейские в форме — всего 120 человек. Десяток всадников из конной охраны ехал за кортежем, а в толпе находились несколько филеров в штатском.

Парадокс в том, что даже при практически полной беззащитности эрцгерцог всё равно имел шансы выйти из этой смертельной истории живым и здоровым. Но ему не повезло, а вот Принципу в тот день, наоборот, улыбнулась удача.

Первая попытка

10—20 минут проезда кортежа по набережной могли стать для эрцгерцога последними. Его ждали террористы с бомбами и пистолетами. Однако пятеро из них... не сделали ничего.

Первым, как и предполагалось по плану, стоял Мехмедбашич. Но кортеж проехал мимо него без происшествий — бомбу он не бросил. Почему? Позже Мехмедбашич (единственный из непосредственных участников покушения, сумевший избежать ареста) рассказывал, что Илич велел ему бросать бомбу только в том случае, если он узнает наследника. В противном случае он должен был дожидаться возвращения эрцгерцога по той же набережной. В другой раз он говорил, что не бросил бомбу, потому что как раз за ним стоял жандарм. Мехмедбашич якобы опасался, что когда он замахнется, жандарм схватит его за руку. И

пока эти мысли вертелись у него в голове, кортеж уже проехал мимо.

Васо Чубрилович тоже пропустил кортеж. На следствии он говорил, что не стал стрелять или бросать бомбу, потому что увидел в машине рядом с эрцгерцогом его жену и пожалел ее.

Цветко Попович сначала объяснял, что не успел разглядеть эрцгерцога, но на суде признался, что у него просто не хватило сил бросить бомбу.

Трифко Грабеж на следствии также говорил, что не нашел в себе сил для такого поступка, однако на суде немного изменил показания. Грабеж рассказывал, что искал Принципа. Задумка состояла в том, что он должен был бросить бомбу, которая вызвала бы панику в толпе, а Принцип в это время начал бы стрелять. Но Принципа он не нашел. Ходить туда-сюда становилось опасно — Грабежу показалось, что на него уже обратили внимание два агента в штатском, которые находились в толпе, и он решил сменить дислокацию. Затем он услышал взрыв бомбы Чабриновича, а еще через некоторое время увидел автомобили на набережной, а в одном из них — живого престолонаследника. «Я пожалел, что сменил место», — говорил Грабеж. Автомобиль эрцгерцога проехал как раз там, где он должен был стоять. Затем он услышал два выстрела, и все закричали, что Франц Фердинанд убит.

Почему не стал действовать Данило Илич, не очень понятно. Но, возможно, ему не давала покоя мысль, что теракт принесет больше вреда, чем пользы, о чем он перед покушением спорил с Принципом. На суде его спросили, почему же он не уничтожил бомбы и оружие, если действительно был против покушения. «Я не посмел, — ответил он. — Принцип сказал мне, что получил бомбы от комитаджей, поэтому я не решился выбросить их, так как собирался отправиться в Сербию». Во всяком случае, факт остается фактом — 28

июня он тоже ничего не предпринял против Франца Фердинанда.

Первым, кто сделал то, о чем они договаривались в предыдущие месяцы, был Неделько Чабринович, которого считали самым ненадежным из «белградской тройки».

Чабринович проявил несомненное хладнокровие. Когда появился кортеж, он подошел к одному из агентов полиции, который прохаживался по улице, и спросил: «В какой машине его высочество?» — «В третьей», — легкомысленно ответил агент. В следующую минуту Чабринович выхватил бомбу, ударил запалом об электрический столб и швырнул ее в машину. На суде он утверждал, что в тот момент видел только «зеленую шляпу» эрцгерцога.

Когда его учили обращаться с бомбой, то говорили, что после удара запалом о какой-нибудь твердый предмет надо выждать 13 секунд и только потом бросать бомбу. Но Чабринович нарушил эту инструкцию. Он боялся, что машина эрцгерцога проедет мимо. И возможно, эти 13 секунд тогда спасли жизнь Францу Фердинанду и сидевшим вместе с ним в автомобиле.

Шофер Леопольд Сойка, заметив краем глаза, что из толпы летит какой-то черный предмет, дал газу, и автомобиль рванул вперед. Бомба упала на сложенную крышу машины. Многие видели, как эрцгерцог взмахнул рукой. Некоторые утверждали, что он в этот момент не растерялся и столкнул бомбу на землю. Действительно, то ли благодаря решительности наследника, то ли просто от тряски бомба упала на мостовую. Чабринович на суде рассказывал: бомба ударилась о сложенную крышу и отскочила от нее, после чего Франц Фердинанд «повернулся ко мне и холодно и пристально посмотрел на меня». И тут бомба взорвалась перед капотом следующей машины.

От взрыва было ранено около двух десятков людей — как местные жители, так и офицеры из кортежа эрцгерцога, повреждена машина, а на мостовой образовалась воронка шириной 31 сантиметр и глубиной 16 сантиметров. Но никто не погиб.

Автомобиль наследника проехал еще несколько десятков метров, и тут Франц Фердинанд приказал остановиться. Он послал подполковника фон Гарраха на место теракта, чтобы узнать, есть ли погибшие и раненые и как обстоят дела с другими машинами кортежа. Решение совершенно неразумное — по всем правилам безопасности следовало бы на большой скорости и при усиленной охране добраться до укрытия, где бы эрцгерцогу ничего не угрожало, и прекратить поездку по городу.

Чабриновича поймали довольно быстро. Бросив бомбу, он, перевалившись через парапет набережной, прыгнул вниз к реке. Зачем? Он объяснял, что хотел выпить воды, чтобы легче было проглотить яд, и даже зачерпнул воду ладонью. «Мы договорились, что покончим жизнь самоубийством... — рассказывал он. — Я принял двойную дозу [яда] и после покушения несколько дней не мог есть, у меня всё болело, но на меня это не подействовало».

В это время с набережной на него прыгнули какие-то люди, которые решили его задержать. Завязалась схватка. Чабриновича скрутили и повели в полицейское управление. В кармане у него нашли номер сербской газеты «Народ». Его спросили, серб ли он. «Да, я сербский герой!» — гордо ответил заговорщик.

Некоторое время машина с находившимися в ней престолонаследником, его женой и сопровождающими стояла на улице. Для террористов она была идеальной мишенью. Но эрцгерцогу еще раз повезло. Гаврило Принцип находился буквально рядом с ним и в тот момент имел отличную возможность стрелять. Однако

его подвело волнение. На суде он объяснял, что после взрыва бомбы находился в состоянии возбуждения, видел, как машина проехала мимо него, но эрцгерцога в ней не заметил.

«Я знал, что это сделал (бросил бомбу. — *Е. М.*) один из наших, — рассказывал Принцип, — но не знал, кто именно. Толпа побежала, и я побежал, а автомобили остановились. Я подумал, что дело сделано, и увидел, что ведут Чабриновича. Я думал его убить, чтобы от него ничего больше не узнали, а потом и сам покончил бы жизнь самоубийством. Но отказался от этого, так как увидел, что автомобили снова поехали. Я тогда не видел эрцгерцога. Я пошел на Латинский мост и там услышал, что покушение не удалось...»

Принцип стал думать, что делать дальше. В газетах он читал о маршруте передвижения эрцгерцога по городу. Буквально через несколько минут полиция уже начала очищать от народа набережную Аппеля, и Принцип, перейдя через нее, оказался на углу набережной и небольшой улицы Франца Иосифа, рядом с магазином «Деликатесы Морица Шиллера».

Тем временем подполковник фон Гаррах вернулся с места происшествия и рассказал эрцгерцогу об увиденном. Выяснилось, что в результате взрыва пострадала и герцогиня — у нее на шее был багровый след от ожога. Несколько осколков, долетевших до автомобиля, не причинили ему особого вреда.

«Это был какой-то ненормальный. Господа, давайте продолжим программу», — сказал Франц Фердинанд. По другой версии, он обратился к Потioreку со словами: «Что же нам делать теперь? Ведь метание бомб будет продолжаться и дальше. Когда меня убьют, убийцу посадят на несколько лет, а потом его освободят политические друзья».

Тем не менее кортеж — уже на большой скорости — двинулся, как и было запланировано, в сторону городского совета. Там заканчивались последние приготовления к торжественной встрече эрцгерцога. О том, что произошло на набережной, никто еще не знал. Один из сотрудников, впрочем, слышал взрыв, но подумал, что это салют в честь престолонаследника.

Франца Фердинанда ждали градоначальник, представители администрации и общественные деятели города. Они выстроились в два ряда — с одной стороны мусульмане с фесками на головах и в «турецкой» одежде, с другой — христиане во фраках и с цилиндрами в руках. Когда эрцгерцог вышел из автомобиля, градоначальник начал по-восточному цветистую приветственную речь. «Наши сердца, — говорил он, — переполнены счастьем по случаю всемилостивого посещения, которым ваше высочество изволило оказать честь столице нашей страны...»

Но на этом месте эрцгерцог резко прервал его. «Господин бургомистр! — раздраженно сказал он. — Что толку от этих ваших речей? Я приезжаю в Сараево как гость, а в меня кидают бомбы! Это неслыханно!» В это время супруга Франца Фердинанда что-то прошептала ему, и эрцгерцог, немного успокоившись, через несколько секунд снова обратился к градоначальнику: «Теперь вы можете продолжать свою речь».

Градоначальник кое-как договорил, и теперь уже настала очередь Франца Фердинанда выступить с ответным словом. Он умел владеть собой и понимал, что написанная до событий последнего часа речь уже устарела, поэтому импровизировал на ходу. В своем выступлении он упомянул и о покушении, выразив уверенность, что оации и ликование народа вызваны его неудачей. Он поприветствовал народ «этой

прекрасной столицы» и заверил его в своей милости и доброй воле.

Знал бы он, что в «прекрасной столице» уже пошел отсчет последних минут его жизни!

«И бледна смерть на всех гладит...»

В здании городского совета (Виечницы) эрцгерцог и его жена на время разделились — у них были разные программы. Герцогиня отправилась на встречу с местными жителями, а Франц Фердинанд со свитой задержался в вестибюле. Теперь, оставшись среди своих, он не собирался скрывать, что сильно нервничает.

«Да, господа, сегодня я точно получу пулю», — пошутил он в своем обычном «черном» стиле. Никто не засмеялся. Затем Франц Фердинанд обратился к военному губернатору Боснии Поттиорек: «Вы думаете, кто-то на меня еще устроит покушение?»

Поттиорек якобы ответил, что не верит в это, но, несмотря на все меры безопасности, такую возможность всё-таки нельзя исключать. Так он сам говорил позже, на следствии. Однако его конкурент и соперник, министр финансов Австро-Венгрии Леон фон Билинский, в чьем ведении находилось гражданское управление провинцией, утверждал со ссылкой на свидетелей, что военный губернатор высказался в совсем ином духе: «Езжайте спокойно. Я беру на себя всю ответственность» — и якобы убеждал, что опасность уже миновала. Люди из окружения эрцгерцога пытались возражать, но Поттиорек парировал их опасения: «Вы полагаете, что Сараево кишит убийцами?»

Сам Поттиорек заявлял, что предложил Францу Фердинанду изменить программу: не ехать в музей,

путь в который лежал через узкую улицу Франца Иосифа, а снова проехать по очищенной от встречавших набережной Аппеля. Мнения опять разделились. Одни члены свиты предлагали вернуться в Илиджу, другие — действительно не ехать в музей, а отправиться сразу во дворец Потioreка, третьи — освободить улицы от жителей.

Франц Фердинанд некоторое время раздумывал, а потом поставил в споре точку: «К чему всё это? Население может оставаться. Я хочу, чтобы меня видел народ. Разве я не для этого сюда приехал?»

Он решил ехать сначала в военный госпиталь, чтобы навестить раненных при взрыве бомбы, брошенной Чабриновичем. Среди них был и один из офицеров его конвоя, подполковник Мерицци. «Он пролил за меня кровь», — сказал Франц Фердинанд. После посещения госпиталя он всё-таки намеревался поприсутствовать на открытии новых зданий музея.

В это время появилась и герцогиня София. Согласно официальной программе, прямо из городского совета она должна была ехать во дворец Потioreка и там дожидаться мужа, однако, узнав о его планах навестить раненых, решила, что поедет вместе с ним. Эрцгерцог попытался отговорить супругу, но она сказала: «Нет, Франц, я еду с тобой». Спорить он не стал.

Все снова сели в автомобили, которые в 10.45 двинулись по направлению к госпиталю. Кабриолет «Греф унд штифт» с Францем Фердинандом, его женой и Потioreком снова был третьим в кортеже. Теперь ехали на приличной скорости. На набережной Аппеля народа почти не было. На левой подножке автомобиля эрцгерцога стоял подполковник фон Гаррах — он хотел защитить наследника в случае, если бы кто-то опять метнул бомбу в его машину. Эрцгерцогу это не очень понравилось. «Оставьте, — сказал он. — Всё это

глупости, это ведь совершенно не нужно». Однако Гаррах остался стоять на подножке.

Произошедшее дальше как только не называли в публикациях о покушении: ошибкой, трагической случайностью, халатностью, роковым стечением обстоятельств и даже удачей Гаврилы Принципа. Но, во всяком случае, большинство исследователей считали, что этого не должно было случиться.

Когда кортеж достиг перекрестка набережной Аппеля и улицы Франца Иосифа, первая машина, как и предполагалось в первоначальном плане поездки, свернула с набережной направо. За ней свернула и вторая машина. Когда шофер автомобиля эрцгерцога Леопольд Сойка тоже стал крутить руль на повороте, Поттиорек, заметив ошибку, закричал: «Стой! Мы едем не туда! Мы должны ехать по набережной!»

Шофер нажал на тормоз. Остановились и другие автомобили. Теперь нужно было дать задний ход, чтобы выехать на набережную. На узкой улице Франца Иосифа образовалось что-то вроде пробки. В течение нескольких минут машина с эрцгерцогом и его женой стояла почти на тротуаре улицы Франца Иосифа, напротив входа в магазин «Деликатесы Морица Шиллера».

Тротуар был заполнен народом. Стоял там и молодой человек в твердой черной шляпе. Одну руку он держал в кармане. Автомобиль эрцгерцога, как по заказу, оказался прямо рядом с ним.

Сто лет спустя поэт Александр Балтин написал стихотворение «Гаврило Принцип»:

*Дергался, душа в порезах вся,
Думал, что благое совершает.
Папиросу о забор гася,
Понимал, что сам себя не знает?
Заморочен силами потьмы,*

*Зло — считал — при помощи другого
Зла осилить мы сумеем, мы,
Позабывшие значение Слова.*

Тогда Принципу уже точно было не до слов. «Мишень» находилась перед ним. На такой шанс он даже не рассчитывал.

Принцип был в мрачном настроении. Он не мог не понимать, что покушение, скорее всего, сорвалось. Чабриновича арестовали, а о судьбе остальных членов группы заговорщиков он не знал. Но поскольку о других взрывах или выстрелах никто не говорил, значит, никто из них так и не решился на теракт.

Как теперь будет строиться программа пребывания эрцгерцога в Сараеве, предсказать было трудно. Принцип не без оснований предполагал, что ее могут изменить и у него так и не появится возможность убить престолонаследника.

Принцип рассказывал, что когда он стоял, размышляя, что делать дальше, к нему подошел какой-то «видный господин» и начал говорить о том, что кто-то бросил бомбу в эрцгерцога: «Видишь, какая это глупость!» Принцип, по его словам, отшутился. Он думал, что это «шпион».

Он зашел в «Деликатесы Морица Шиллера» и купил себе бутерброд. Затем снова вышел на улицу. В тот же день, после ареста, Принцип рассказывал следователю:

«Когда я встал на углу Латинского моста у магазина Шиллера, то вскоре услышал, как публика кричит «живео». Сразу же после этого показался первый автомобиль, и я напрягся: нет ли в нем престолонаследника, которого я знал по фотографиям, появлявшимся в последние дни в газетах?»

Когда появился еще один автомобиль, я узнал в нем престолонаследника. Но, увидев, что в нем также сидит какая-то дама, я несколько мгновений размышлял, стрелять или не стрелять. В этот момент меня охватило странное чувство, и я с тротуара прицелился в престолонаследника, а это было очень легко, потому что автомобиль на короткое время остановился...

Думаю, что стрелял я два раза, а может быть, и больше, потому что я был сильно взволнован. Попал я в своих жертв или нет — не могу сказать, так как в этот момент люди начали меня бить».

Через несколько дней, 3 июля, он несколько скорректировал свои показания:

«Когда вскоре раздались крики «живео», мне удалось протиснуться сквозь толпу у магазина Шиллера. Тут я заметил, что один автомобиль уже прошел. Когда же появился другой, в котором я увидел даму и зеленую генеральскую шапку, я узнал престолонаследника...

В первый момент я хотел бросить бомбу — она висела у меня слева, на поясе. Но... я не мог ее легко снять. А в такой большой толпе было бы тяжело ее вытащить и бросить. Поэтому я выхватил револьвер и наставил его на автомобиль, не целясь. Стреляя, я даже голову отвернул. Я выстрелил сразу два раза, но я не уверен, стрелял ли я только два раза или больше, так как я был очень взволнован. Поэтому и бомбу я не хотел бросать, так как мне не хватало для этого сил.

Затем люди меня начали линчевать. Кто-то выхватил у меня револьвер, а бомба выпала».

Сколько было выстрелов? Сам Принцип говорил, что стрелял четыре или пять раз. Показания свидетелей различались: Гаррах слышал два выстрела, Поттиорек — «два или три, или даже четыре», доктор Карл Бардлофф, ехавший в одной из машин кортежа, — «два выстрела, быстрых, один за другим», придворная дама

Вильма Ланиус — «два или три» и т. д. Скорее всего, в направлении автомобиля эрцгерцога он стрелял два раза, а третий выстрел был произведен в тот момент, когда на него набросились стоявшие рядом люди. Был ли он случайным или Принцип хотел покончить с собой, теперь уже вряд ли можно установить.

Даже если Принцип не кривил душой, утверждая, что не целился, всё равно его выстрелы оказались на удивление точны, особенно если учесть, что он раньше почти не имел дела с оружием. Ни ошибку в маршруте кортежа, в результате которой автомобиль эрцгерцога оказался прямо перед Принципом, ни эти необычайно меткие выстрелы никак нельзя отнести к последствиям профессиональной организации покушения. Нет, это было роковое стечение обстоятельств. Наверное, Франц Фердинанд обладал сильно развитой интуицией, которая подсказывала ему, насколько опасным может оказаться его визит в Сараево.

фон Гаррах, услышав выстрелы, сначала подумал, что всё обошлось, — в первые секунды после них эрцгерцог и его супруга неподвижно сидели на своих местах. Но тут же стало ясно, что они по крайней мере ранены.

«Тонкая струйка крови брызнула изо рта его императорского высочества, — рассказывал Гаррах. — Я достал платок, чтобы вытереть кровь на губах эрцгерцога, а ее высочество крикнула: «О боже! Что случилось?» Она согнулась на своем сиденье, а ее голова упала на колени эрцгерцога. Мне сначала не пришло в голову, что и она ранена, я подумал, что она потеряла сознание от потрясения. Его высочество сказал: «Софи, Софи, не умирай! Живи ради наших детей!» Я поддержал его голову и спросил: «Вам очень больно, ваше высочество?» Его лицо немного перекосило, и он шесть или семь раз повторил: «Ничего... Это ничего». Он всё больше терял сознание, и его голос становился всё тише. Затем наступила короткая пауза, потом послышались конвульсивные хрипы из его горла, обусловленные потерей крови. Но когда мы доехали до резиденции губернатора, прекратилось и это. Два тела в бессознательном состоянии внесли в здание, где быстро установили их смерть».

Первой умерла герцогиня фон Гогенберг — еще в машине. Через несколько минут, в резиденции Потioreка, и Франц Фердинанд. Военный хирург Эдвард Байер уже ничего не мог сделать — пуля Принципа пробила шейную артерию. «Мучения его высочества закончились», — сказал он.

Когда осматривали тела эрцгерцога и его жены, то обнаружили, что они оба носили по несколько золотых и платиновых амулетов, которые должны были защищать от болезней, несчастий и прочих бедствий.

В это время из зала приемов резиденции начали доноситься приглушенные голоса, звуки передвигаемой

мебели и звон посуды. Потюрк запланировал по случаю приезда эрцгерцога торжественный обед, который должен был сопровождаться музыкой. Среди прочих произведений музыканты собирались исполнить и вальс «Нет жизни без любви». Теперь музыканты потихоньку расходились, а уставленные фарфором, серебром и хрусталем столы разбирались.

День 28 июня 1914 года закончился почти по «сценарию» поэта Державина, написанному им за 135 лет до всех этих событий:

*Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.*

«Худой, невысокого роста и весь в крови»

Принципа взяли прямо на месте покушения. Хорошо известно, что на него сразу же бросились и полицейские, и агенты в штатском, и люди из свиты эрцгерцога, и обычная публика. Однако он сдался вовсе не добровольно. Были и такие, кто пытался его защитить. Имена некоторых известны.

Один из них — актер Михайло Пушара, активный участник «Молодой Боснии». Согласно показаниям агентов, когда Принцип поднял пистолет, один из них попытался схватить его за руку. Но в это время другой молодой человек (это и был Пушара) сильно ударил агента (по одним данным — ногой в колено, по другим — кулаком в живот), и тот потерял равновесие.

Агент Спахович в своих показаниях отмечал: «Я получил приказ не смотреть на автомобиль, а следить только за публикой. Я так и стоял, пока не услышал

первый выстрел. Поворачиваю голову налево — не вижу ничего. Направо — раздаётся второй выстрел... Подскакиваю и хватаю стрелявшего за руку, а кто-то меня встречает ударом руки в живот. Я также получил револьвером по голове и от Принципа».

Тот же Пушара пытался помешать поручику из свиты эрцгерцога барону фон Морей, который бросился на Принципа с саблей. И, как потом свидетельствовал поручик, за стрелявшего вступился не только Пушара.

«Я ударил его дважды [саблей], но тут два человека в штатских костюмах оказались слева и справа от меня, — рассказывал Морей. — Один из них крикнул по-немецки: «Не трогай его!» — а потом продолжил что-то говорить по-сербски, чего я не понял, так как не знаю этого языка. Я продолжал наносить сильные удары и при этом говорил: «Кто меня тронет — убью!» Но мой шлем был помят, так как кто-то неоднократно ударил меня по голове. Я обратился к третьему человеку, находившемуся поблизости, о котором я думал, что он полицейский офицер, и крикнул: «Арестуй его!»... Тот, который крикнул: «Не трогай его!», — был, как мне кажется, арестован на месте... И другой штатский тоже был молодой человек».

Имя второго молодого человека тоже известно — Фердинанд Бер. Он был чем-то внешне похож на Принципа. Его арестовали на улице, арест засняли фотографы, и много лет эту фотографию подписывали (да и сейчас еще иногда подписывают) как «Арест Гаврилы Принципа». На самом деле Бер был немецкий чиновник, служивший в Сараеве. К заговору он не имел никакого отношения, но, увидев, что полицейские и офицеры бросились на Принципа, подумал, что того сейчас убьют на месте, и попытался спасти убийцу эрцгерцога от немедленной расправы, за что и получил несколько ударов саблей по спине. Хорошо еще, что били плашмя.

Михайло Пушара был арестован позже — на репетиции церковного хора, который разучивал песни о «косовских героях»^[30].

Известно также, что человека, который сразу после выстрелов бросился к Принципу и выхватил у него из рук пистолет (так он по крайней мере утверждал), звали Анте Велич.

...Принцип, пока его били, пытался покончить жизнь самоубийством. Он принял яд, но его только стошнило — очевидно, препарат был невысокого качества. Один из свидетелей позже рассказывал, что видел, как Принцип поднял пистолет на уровень своей головы, но выстрелить не успел, так как он ударил его. На суде Принцип признал, что это правда — он действительно хотел застрелиться.

Досталось ему сильно — несмотря на попытки некоторых людей из публики защитить его, на него обрушился град ударов. Студент-теолог Пузич после выстрелов схватил террориста за шиворот. Принцип направил на него револьвер, но кто-то еще схватил его за руку. Потом его начали бить саблями набежавшие офицеры и полицейские. Вероятно, били они его всё же плашмя или не вынимая сабель из ножен. Пузич же считал, что сабли у них были не заточены, — один из ударов пришелся по его руке, но, кроме синяков, никаких следов не оставил.

Другие наносили удары кулаками, зонтиками, тростями и даже шляпами. Пузич в это время заметил лежавшую в нескольких шагах от тротуара бомбу. Он подозвал одного из офицеров. Теперь уже и все остальные обратили на нее внимание. «Неслыханная паника овладела мной и всеми, стоявшими вблизи... — рассказывал Пузич. — Наконец полиция набралась храбрости и начала разгонять народ... Какая-то

барышня упала на землю, и толпа растоптала ее ногами».

Около четверти двенадцатого Принципа привели в полицейский участок, где первый допрос с него снял следователь окружного суда Сараева Лео Пфеффер. Вообще-то тот сначала собирался заняться делом Чабриновича, которого доставили в полицию ранее. Но пока велись приготовления к допросу, пришло известие об убийстве эрцгерцога, а вскоре привели и самого Принципа.

В воспоминаниях, изданных 20 лет спустя, Пфеффер рассказывал о первом впечатлении, произведенном на него Принципом: «Худой, невысокого роста и весь в крови». За ним и сопровождавшими его в участок полицейскими еще бежали люди, которые норовили ударить или ткнуть его тростью или палкой. В полиции ему сначала перевязали раны, затем Пфеффер начал первый допрос.

Принцип говорил с трудом, и следователь сначала думал, что причина тому избиение, которому он подвергся после покушения. Но потом Пфеффер, по его словам, понял, что дело в другом. Вся комплекция Принципа говорила о слабости. «Трудно было представить, как он, такой мелкий, тихий и скромный, мог решиться на такое покушение», — недоумевал Пфеффер. Однако больше всего судью поразили его глаза: «Эти светло-голубые, ясные глаза ни в коем случае не были дикими глазами преступника. Это были живые, пронзительные и спокойные глаза, в которых сквозила как врожденная интеллигентность... так и бешеная энергия».

На первом допросе Принцип заявил, что уже два года думал о том, чтобы совершить покушение на какого-нибудь из высокопоставленных сановников Австро-Венгрии. Он сказал, что около месяца назад получил «пистолет-браунинг от одного комитаджа, имя

которого не знаю», чтобы выстрелить в престолонаследника, так как он «символизирует высшую власть, чье ужасное давление ощущаем мы, югославы». Принцип также утверждал, что никто его не подстрекал на «это дело».

В этот момент ни Принцип, ни Пфедфер еще не знали, что Франц Фердинанд и его жена умерли от ран. Когда об этом стало известно, судья предъявил Принципу официальное обвинение в убийстве. Тот ответил, что не раскаивается в содеянном, но признался: «Мне жаль, что я убил герцогиню фон Гогенберг, потому что у меня не было намерения ее убивать».

Чабринович на первом допросе заявил, что не признаёт себя виновным, а идею покушения тоже вынашивал в голове уже около двух лет. Он назвал себя выразителем «радикально-анархических идей», которые направлены на то, чтобы «уничтожить нынешнюю систему с помощью террора»: «...я ненавижу всех сторонников конституционной системы и не ту или иную личность как таковую, а как носителя власти, которая угнетает людей». Он добавил, что хотел убить эрцгерцога, потому что, как ему известно «из журналов», он «враг славян вообще, а сербов в особенности».

Чабринович пытался доказать, что о его намерении бросить бомбу никто не знал. С Принципом, по его словам, он был знаком, но при встречах они говорили о самых обычных вещах, а об анархизме или терроризме — никогда. «Не знаю, собирался ли Принцип сегодня что-нибудь предпринимать против эрцгерцога так же, как и я. Но если он это и сделал, то без моего согласия, а я из этого могу только заключить, что нас связывают общие идеи», — заявил он.

Другими словами, на первых допросах и Принцип, и Чабринович сказали далеко не всё, что знали. Вероятно,

они еще надеялись, что их товарищам удастся спастись.

Сразу же после допросов их перевели в военную тюрьму, где заковали в кандалы.

Тем временем тела Франца Фердинанда и его супруги готовили к погребению. В замке Артштетген и сегодня можно увидеть свидетельства о смерти, выписанные в Сараеве в день их гибели. Производить вскрытие и извлекать из тел пули не стали, чтобы не повредить лицо, «сохранившее гордое и величественное выражение». Франца Фердинанда обрядили в парадный мундир, а Софию — в белое платье. Затем гробы были опечатаны.

В понедельник 29 июня «Сараевски лист» вышел в траурном оформлении, с портретом эрцгерцога на первой полосе и набранной крупным шрифтом «шапкой»: «Черные дни». В передовой статье говорилось:

«Были дни веселья, дни воодушевления. Как их не помнить? Престолонаследник эрцгерцог Франц Фердинанд прибыл в сердце Боснии и Герцеговины... чтобы со своей супругой пробыть несколько дней в стране, которая пришлась им по сердцу. Народ их принял радостно, потому что это их посещение было настоящей наградой, и когда они неожиданно появились в Сараеве, приветствовал их, восторженно глядя в глаза своего будущего правителя...

О покушении в Сараеве газеты всего мира сообщали на первых полосах

Но в конце концов наступил последний день их пребывания в Сараеве — и в тот же миг чаша радости наполнилась до самого верха самой горькой печалью. И

радость, и веселье вдруг были внезапно раздавлены под тяжестью ужасного, богомерзкого поступка, чьей жертвой стала драгоценная жизнь эрцгерцога престолонаследника Франца Фердинанда и герцогини Софьи Гогенберг...

В дни самой искренней радости и веселья наша родина пережила самое черное несчастье из всех бед, которые только могла пережить за несколько веков».

Вечером 29 июня похоронная процессия прошла по Сараеву. Гробы погрузили на поезд и отправили в Вену тем же путем, которым прибыл в Боснию Франц Фердинанд: на поезде до Метковича, потом на яхте до устья Неретвы, на линкоре «Вирибус Юнитис» до Триеста, а оттуда на специальном траурном поезде в Вену.

Третьего июля с погибшими простились в столице Австро-Венгрии. Церемония носила весьма скромный характер. Обсуждался вариант отдельного отпевания: эрцгерцога — в фамильной капелле Габсбургов во дворце, а герцогини — в обычной церкви; но император всё-таки настоял на совместном отпевании. При этом министр иностранных дел Леопольд фон Берхтольд не рекомендовал дипломатам присутствовать на похоронах — «во избежание повторного покушения». Не было на церемонии и близких родственников погибших — только их дети. На гроб с телом Франца Фердинанда, поднятый на возвышение, положили его ордена и знаки отличия, а на гроб его жены, стоявший прямо на полу, — только веер и черные перчатки, атрибуты придворной дамы, а не жены престолонаследника. Официальные лица безмолвно стояли по обе стороны от гроба Франца Фердинанда. Император ушел сразу же после короткой заупокойной мессы. На похоронах он не присутствовал.

Официальная пресса тоже постаралась подчеркнуть, хотя и косвенно, различие в статусе

эрцгерцога и его жены. Это заметили и за границей. Русская газета «Раннее утро», например, писала:

«Тактичность» официальной газеты.

15 июня (по старому стилю. — *Е. М.*), поздно вечером, когда в Вене были получены телеграммы о сараевской кровавой трагедии, официальная «Wiener Zeitung» выпустила свое «экстренное издание». В «официальной части» этого издания крупным шрифтом сообщалось об ужасной гибели эрцгерцога-престолонаследника. А в «неофициальной» мелким шрифтом было добавлено, что «герцогиня фон Гогенберг также пала жертвою преступного покушения». Таким путем официальная газета сочла уместным напомнить своим читателям, что брак эрцгерцога с герцогиней был браком морганатическим...»

Еще одна интересная подробность: первый секретарь русского посольства в Белграде Василий Штрандман, тем летом отдыхавший и лечившийся на итальянском острове Лидо вблизи Венеции, вспоминал, как подошел в холле отеля к группе высокопоставленных австрийцев, чтобы выразить им соболезнования. Он также поинтересовался, кто из них поедет на похороны эрцгерцога и его жены, и получил ответ: «Никто». «Тут, — замечал Штрандман, — опять сказались отрицательное отношение высшей австрийской аристократии к несчастной герцогине Гогенберг».

«При дворе в Вене и в общественных кругах Будапешта, — замечал в своих мемуарах граф Оттокар фон Чернин, — было больше довольных, чем огорченных; многие из сановников вздохнули с облегчением, так как опасались, что при Франце Фердинанде произойдет основательная чистка среди придворных».

Как уже говорилось, еще при жизни эрцгерцог избрал местом своего упокоения замок Артштетген — он не хотел и после смерти разлучаться с женой, которая не могла быть похоронена в императорской усыпальнице в Вене.

Четвертого июля останки Франца Фердинанда и Софии поместили в склеп Артштетгена. Между их саркофагами высекли надпись: «Соединенные браком, они объединились и в судьбе».

В Историческом архиве Сараева можно увидеть крайне интересную брошюру столетней давности, изданную в Вене на сербскохорватском языке. В брошюре — чертежи и макеты будущего католического храма в память о Франце Фердинанде и Софии, который должен был быть возведен в Сараеве по проекту архитектора Евгения Бори. Судя по всему, центральной частью внутреннего убранства довольно вместительного храма предполагалось сделать фигуры молящихся эрцгерцога и его супруги. Но осуществить эту идею не успели. А вот памятник им всё-таки поставили.

Сегодня на набережной реки Миляцки, буквально в нескольких десятках метров от места покушения, можно увидеть остатки какого-то каменного сооружения. В теплые дни на нем любят греться на солнце сараевские бродячие собаки. Туристы из разных стран, которые всё чаще приходят посмотреть на тот самый угол, у которого стрелял в эрцгерцога Гаврило Принцип, как правило, не обращают на эти камни особого внимания — а зря. Это остатки огромного монумента Францу Фердинанду и Софии, который установили в Сараеве и который простоял всего два года.

Памятник на берегу Миляцки открыли в 1917 году. Он представлял собой две колонны, у подножия которых был установлен огромный барельеф с

изображением эрцгерцога и его жены. Сохранились фотографии этого памятника, на их основе потом большими тиражами выпускали открытки. Но сейчас от этого мемориального комплекса остались лишь фрагменты окружавших его каменных скамеек. Их-то сегодня и облюбовали сараевские собаки.

Монумент Францу Фердинанду и Софии разобрали в 1919 году — уже в новой стране. Тогда считалось, что в его истории поставлена точка. Но оказалось, что это было многоточие.

Пока проходили первые допросы Принципа и Чабриновича, а тела погибших эрцгерцога и его жены готовились везти в Вену, в Сараеве начались сербские погромы. Хорваты и мусульмане организовали демонстрацию, прошли по улицам, скандируя: «Долой сербов!» Кто-то бросил бомбу, ранив еще одного человека. Демонстранты разбили стекла в отеле «Европа», который принадлежал сербам, начали бить их в зданиях, где размещались сербские школы, общества и организации. Началось бегство сербов из города.

В этот день полиция то ли растерялась, то ли сознательно не захотела принимать меры для обеспечения безопасности сербского населения. Только во второй половине дня власти вызвали в город войска, участвовавшие в маневрах — тех самых, которые посещал Франц Фердинанд. Солдаты оцепили сербское консульство в Сараеве. Во время погромов из толпы раздавались также крики: «Долой русского консула!»

На следующий день погромы продолжились. Прибывший в Сараево из Вены для наблюдения за ситуацией второй секретарь русского посольства в Австро-Венгрии князь Гагарин докладывал: «С утра понедельника 29 июня были расставлены войска в центральной части города, но распорядительности полиции не замечалось. Как можно допустить погром

невинных людей, где на 50 000 жителей имеется гарнизон в 5000 человек? Уличные беспорядки не соответствовали печальным обстоятельствам, когда в конаке (то есть во дворце — резиденции Поттиорека. — *Е. М.*) стояли гробы убиенных накануне эрцгерцога и его супруги. Уважение к памяти погибших требовало тишины и спокойствия. Говорили, что власти не смогли препятствовать жителям выражать верноподданнические чувства. Военное положение еще не было введено и уследить за всем было трудно, толпа же действовала стремительно. Вот те довольно слабые аргументы, которые приводились в защиту растерянности или даже попустительства».

Погромы начали стихать лишь после того, как Поттиорек выпустил приказ о введении в городе осадного положения. За разбой, поджог, смертельные побои, насилия и прочие преступления полагалась смертная казнь. Прокламации с этим приказом не только расклеивались на стенах и тумбах для объявлений — как в старые времена; специальные чиновники в сопровождении трубачей зачитывали их на площадях. Эти меры возымели действие.

Погромы прокатились и по другим городам империи. В Агдаме (Загребе) заседание хорватского Сабора началось с криков: «Долой сербов! Долой короля Петра и его агентов! Вон их всех!» В Вене толпа попыталась прорваться к сербскому посольству, но полиция не допустила этого. Демонстранты устроили у посольства настоящий «кошачий концерт» с криками, свистом, улюлюканьем, забрасывали полицию и здание посольства камнями, а затем сожгли сербский флаг. Пытались они прорваться и к российскому посольству, но были рассеяны полицией.

Наводя порядок в Сараеве, полиция одновременно начала масштабные «зачистки» среди сербского населения. За двое суток было задержано около

двухсот сербов — общественных деятелей, священников, торговцев и студентов. Всех их поместили в военную тюрьму. Туда же привозили и арестованных на окраинах города крестьян.

Надо сказать, что очень многие сербы осудили убийство эрцгерцога, а во время службы в сербском православном соборе протоиерей даже назвал террористов «антихристами». После начала войны некоторые из арестованных во время «зачисток» сербов просили освободить их и послать на фронт, чтобы «отомстить за подлое убийство и доказать свою верность монархии».

В конце июня и начале июля 1914 года аресты «подозрительных сербов» шли по всей стране. В это время в руки полиции попало и большинство заговорщиков.

«Чтобы спасти невинных...»

На первых допросах ни Принцип, ни Чабринович не сдали никого из своих товарищей, брали всё на себя. Но власти сразу же заподозрили, что они действовали не в одиночку. Один из свидетелей, например, рассказывал, что слышал, как уже после покушения двое хорошо одетых мужчин говорили между собой по-сербски: «Значит, уже всё произошло. Нам здесь больше делать нечего». Нашли также еще одну бомбу, спрятанную в кустах рядом с дорогой, по которой должен был проезжать Франц Фердинанд.

Большинство участников покушения сразу же после него уехали из Сараева. Но спастись из них удалось только Мехмедбашичу, который, пожалуй, единственный из всех приложил для этого некоторые усилия. Возможно, ему помогло то обстоятельство, что уезжал он из столицы Боснии и Герцеговины с феской

на голове, означавшей его принадлежность к боснийским мусульманам, и «правильными» документами. Поскольку в то время хватали прежде всего сербов, ему удалось добраться до границы с Черногорией. Перейдя границу, он попросил убежища, рассказав о своем участии в покушении.

Всех остальных — и тех, кто непосредственно участвовал в покушении, и тех, кто помогал заговорщикам добраться из Сербии в Сараево и доставить оружие и бомбы, — переловили буквально за полторы недели. Они не делали особых попыток скрыться. Не совсем понятно, на что они рассчитывали.

Уже во второй половине дня 28 июня арестовали Илича как весьма подозрительную личность (как мы помним, Принцип зарегистрировался в полиции по его адресу).

Грабеж рассказывал, что первая мысль, которая пришла ему в голову сразу после покушения, — бежать. Он постарался уйти подальше от места теракта. Грабеж зашел в общественную уборную, там выбросил бомбу, а пистолет спрятал под крышу. Потом еще сходил на место, где Чабринович бросил бомбу, и в тот же день уехал к отцу в городок Пале. «Никто не мог подозревать, что я был в рядах заговорщиков», — считал он.

Из Пале он решил уехать еще дальше — в Вишеград, но был задержан как подозрительный человек без документов. После покушения жандармы хватали всех, у кого не было специальных пропусков для проезда по железной дороге. Его доставили обратно в Сараево.

Оказалось, что его документы нашли — он потерял их в той самой уборной, где спрятал пистолет и выбросил бомбу. В полиции и раньше знали, что Грабеж учился в Сербии, а при задержании он по глупости назвал своим настоящим именем. Далее ему устроили

очную ставку с Принципом. Как рассказывал сам Грабеж, «тут я, не знаю почему, взял да и признался, что тоже участвовал в покушении. Несомненно, я проявил слабость, надеясь помочь себе».

Таким образом, к 1 июля в руках властей оказались уже четверо участников покушения: Принцип, Чабринович, Грабеж и Илич — центральные фигуры убийства эрцгерцога. Первых двоих задержали на месте теракта, вину Илича и Грабежа нужно было еще доказать.

Но тут вдруг арестованные заговорили и начали называть имена других участников.

Второго июля в 11 часов утра Принцип заявил, что хотел бы «рассказать обо всём точно и назвать виновных», потому что сейчас «страдают невинные люди». «Мы, виновные, — утверждал Принцип, — так или иначе были готовы к тому, чтобы идти на смерть. Но прежде чем дать показания, я просил бы о встрече с Данилой Иличем и Трифко Грабежем, чтобы сказать им пару слов. После этого я всё расскажу. А в противном случае не скажу ничего, даже если меня убьют».

В два часа пополудни к Принципу привели Грабежа. Тот думал, что его арестовали только за то, что он был в Сербии. Он категорически отрицал свою связь с сараевским убийством и был уверен, что и его арестованные товарищи ведут себя так же. Как записано в протоколе очной ставки, Принцип сказал ему: «Расскажи о том, как мы получили бомбы, как мы пробирались [из Сербии в Боснию] и кто нам помогал, чтобы не навредить тем, кто невиновен».

Потом привели Илича, и Принцип почти то же самое сказал и ему: «Следствие уже многое узнало, и чтобы спасти невинных, нужно, чтобы ты рассказал, кому ты раздавал оружие и где сейчас это оружие находится».

И Грабеж, и Илич согласились рассказать всё.

Почему же они всё-таки вдруг решили заговорить? Наверное, обо всех их мотивах, сомнениях и переживаниях мы уже никогда не узнаем.

Есть версия, что их вынудили сделать это пытками или их угрозой. Принципа и Чабриновича действительно сильно избили при задержании, но потом ни тот ни другой не говорили, что их физически мучили в ходе следствия. А вот Грабеж и Илич об этом упоминали. Грабеж рассказывал, что полицейский следователь Виктор Ивасюк засовывал его головой в воду и держал там, а также мучил другими способами.

Есть еще и такой рассказ: Ивасюк якобы приносил на допросы череп Богдана Жераича, который хранился тогда в Музее криминалистики, на глазах у арестованных наливал в него чернила и говорил: «Вот, из ваших голов я сделаю такие же чернильницы».

О второй причине говорил сам Принцип: он не хотел, чтобы «пострадали невинные». «Чистки» среди сербов действительно приняли масштабный характер, и не исключено, что следователи попросту шантажировали задержанных «заложниками». Тот же самый следователь Ивасюк якобы угрожал Иличу расстрелять 200 человек, если тот не назовет имена заговорщиков.

Уже в конце следствия Илич на очной ставке с Иво Краньчевичем — одним из своих сараевских знакомых, который знал о подготовке покушения, — сообщил, что в полицейском участке его «мучили», но он бы ничего не сказал, если бы не «мучения тех арестованных, которые никого не могли выдать, поскольку ничего не знали. Слушая всю ночь жалобы и стоны невинных людей, он решил во всем признаться». «Он был уверен, что его повесят, и не боялся смерти, — вспоминал Краньчевич, — он мне объяснил, что умирать на виселице не больно и не долго. Он сказал, что хотел бы умереть, как боец в сражении, но конечный результат

всё равно один и тот же: прекращается жизнь, а смерть приходит с австрийской стороны».

Наконец, было и еще одно важное обстоятельство.

У русских революционеров (например, у эсеров) существовал своеобразный «моральный кодекс поведения» при совершении теракта, в момент ареста и на суде: террорист не скрывается с места покушения, дает себя арестовать, берет вину на себя, ни в коем случае не называет имен товарищей, но рассказывает о своих убеждениях и превращает суд в трибуну для обличения власти.

Участники «Молодой Боснии» во многом брали с них пример, но договориться о едином образе поведения в случае ареста не успели. Или не задумывались об этом? Ведь они хотели покончить жизнь самоубийством сразу после того, как убьют эрцгерцога, но вышло совсем по-другому. Хотя нет, вроде бы обсуждали. Владимир Дедиер приводит свидетельство студента-теолога Мирко Максимовича, что Илич как раз выступал за признание и публичный рассказ о мотивах заговорщиков.

Не в пользу Принципа, Илича и их друзей сыграло и еще одно обстоятельство: у них не было возможности договориться о том, кого именно называть. Только ту «семерку», которая непосредственно участвовала в покушении? Или более широкий круг помощников и тех, кто симпатизировал этому плану? В итоге были названы и проводники, переводившие Принципа, Чабриновича и Грабежа через границу и далее по Боснии, и все остальные, кто помогал заговорщикам переправить оружие в Сараево.

3—4 июля были арестованы Васо Чубрилович и Цветко Попович. Последний писал в мемуарах, что еще успел поучаствовать в проводах тел погибших эрцгерцога и его жены. Потом он уехал к родителям в пограничный с Сербией городок Земун (сейчас это

район Белграда) и там получил повестку явиться в полицейский участок. Удивительно, но Попович спокойно пошел в полицию — он был уверен, что его причастность к покушению не установлена. Полицейский чиновник, прочитав приказ о его задержании, недоуменно сказал, что, наверное, речь идет о каком-то другом Поповиче, на что сам Цветко возразил: нет, в приказе говорится именно о нем, и он не отрицает свою связь с тем, что произошло в Сараеве. Потрясенный чиновник некоторое время молчал.

Были арестованы также Мишко Йованович, Велько Чубрилович, отец и сыновья Керовичи. Все они тоже не думали скрываться, но, похоже, даже не удивились, когда за ними пришли жандармы. Наиболее стойким из них оказался Чубрилович-старший. Он долго отказывался называть имена крестьян, которые «работали» с ним в пограничной с Сербией зоне. Якова Миловича, который вел заговорщиков от границы до села Прибой, где передал их Чубриловичу, взяли только 11 августа.

Помимо сообщников Илич и Чабринович назвали имена Воислава Танкосича и Милана Цигановича — тех, кто помогал им в Сербии. Рассказали они и о том, как с помощью офицеров сербской пограничной стражи и таможни перешли границу Боснии. Наконец, выяснилось, что бомбы, найденные у заговорщиков, имели клеймо сербского государственного арсенала в городе Крагуевац — там находился крупный завод по производству оружия и боеприпасов.

Уже примерно через три недели после убийства эрцгерцога у следователей сформировалась более или менее отчетливая картина подготовки покушения: группа молодых боснийцев (в основном сербов) прибыла в Сараево из Сербии, получив бомбы и пистолеты в Белграде и тайно перейдя границу империи. При этом в получении оружия им содействовали сербский офицер

(Танкосич) и сербский чиновник (Циганович), а в переходе границы — офицеры пограничной стражи и таможни.

Позже не раз будут писать, что следователи и суд неоднократно получали приказы из Вены сделать всё, чтобы заговорщики признались, что выполняли роль сербских агентов и действовали по приказу Белграда. Вполне вероятно, что подобные указания действительно имели место, — когда начался суд, уже вовсю шла война, при этом для Австро-Венгрии она складывалась неудачно — сербы громили ее армию. Так что политически обосновать ее начало было крайне важно для Вены.

Но, объективно говоря, и без давления со стороны венских властей сербское участие в подготовке покушения вырисовывалось весьма недвусмысленно. Оставалось только определить, насколько в нем замешаны официальные власти и является ли оно поводом к резкому осложнению отношений с Сербией или даже к объявлению ей войны.

Принцип и «невинная нота»

Двадцать восьмого июня 1914 года отдохавший на острове Лидо вблизи Венеции первый секретарь русского посольства в Белграде Василий Штрандман сидел с семьей на террасе отеля и любовался видом на море. Дочь дипломата лакомилась сладкими пирожками.

Вскоре к столу подошел журналист и юрист Александр Пиленко и полушутливо сказал, что сообщит важную новость, если получит пирожок. Штрандман со смехом ответил, что готов отдать ему хоть все пирожки без всяких важных новостей. Тогда Пиленко уже серьезно сообщил ему о случившемся в Сараеве.

Узнав о подробностях покушения и о том, что в нем замешаны сербы, Штрандман решил прервать отпуск и срочно вернуться в Белград, потому что предчувствовал, что события чреватые серьезными последствиями. Во время пути через Австро-Венгрию он не заметил особых проявлений траура или особых волнений. В последующие дни Вена хранила молчание, которое дипломаты в Белграде называли «зловещим». Тем не менее многие были уверены, что всё обойдется.

Если судить по донесению русского посланника в Белграде Николая Гартвига в Санкт-Петербург, «решительно во всех слоях общества наблюдалось чувство самого искреннего возмущения». После получения известий о покушении в Белграде были прекращены «все церемонии, не только по распоряжению властей, но и по почину самих обывателей; театры были закрыты и народные увеселения были отменены». Король и королевич Александр направили Францу Иосифу телеграммы с выражением соболезнования. Такие же телеграммы были направлены в МИД Австро-Венгрии и рейхсрат (парламент). «Вся Сербия строго осудила преступные деяния обоих безумцев», — сообщал Гартвиг.

Отношение сербских газет к участникам покушения было сдержанным. Ведущая сербская газета «Политика» 29 (16) июня поместила на первой полосе под заголовком «Смерть Франца Фердинанда» подробное изложение событий, произошедших в день покушения, назвав убийство эрцгерцога «кровавым актом».

Уже в этом номере «Политики» да и в других сербских газетах за то же число сообщались данные о заговорщиках — «типографе Чабриновиче» и «гимназисте Принципе». Что касается последнего, то его биография изложена в газете так: «Заговорщику Гавриле Принципу 19 лет. Он родился в Грахове... Ранее

учился в университете в Белграде. На допросе в полиции он заявил, что уже давно по национальным причинам хотел убить какую-нибудь высокопоставленную персону... Принцип отрицает, что у него имеются соучастники».

Назавтра «Политика» сообщила новые детали об аресте Принципа: «После покушения подскочили офицеры и жандармы и сильно его избили. Он был весь в крови. Особенно пострадали его руки и голова. Когда его привели в полицию, то первым делом вынуждены были дать ему умыться, а потом перевязать его».

В последующие дни интерес сербских газет к личностям тех, кто готовил покушение в Сараеве, не то чтобы снизился, но отошел на второй план. Сербская пресса всё больше втягивалась в пропагандистскую войну с прессой австрийской, которая буквально сразу же обвинила Белград, что он имеет отношение к убийству эрцгерцога.

Первого июля (18 июня) «Политика» возмущенно отмечала: «...не прошло и полдня после выстрела из револьвера Принципа и испуганные следователи еще не успели провести первые допросы, а австрийская печать уже известила мир о «бомбах из Сербии». Сербия виновата в том, что произошло, а без Белграда ничего бы этого не случилось! Эту фразу в Вене повторяют в любой неудобной для себя ситуации, и это — ответ на те страшные вещи, которые творятся во всей Австро-Венгерской монархии».

Далее газета перечисляла те волнения, которые происходили в империи, и риторически спрашивала: «Неужели и в этом виновата Сербия?» «Откуда родом Принцип и Чабринович?!» — восклицала она, намекая, что мотивы покушения у них возникли во время жизни в Австро-Венгрии.

«Когда в Белград пришла весть о покушении, Сербия честно и искренне сказала свое слово, —

отмечала «Политика». — Всё наше общество выразило сожаление в связи с этим убийством и согласилось с тем, что путь, которым пошли заговорщики, не есть правильный и единственный путь, который может помочь своему народу. Но когда и после этого на всю Сербию обрушиваются с клеветой и когда ее пытаются посадить на скамью подсудимых, в этом случае право и обязанность Сербии состоит в том, чтобы указать, где находится зло».

Только 19 (6) июля на первой странице «Политики» была опубликована фотография Принципа с подписью, что это и есть тот самый человек, который совершил покушение в Сараеве.

Другими словами, никакой «героизации» заговорщиков в это время не наблюдалось. Это уже потом Принцип, Чабринович, Грабеж и другие участники заговора стали именоваться «видовданскими героями», а Принцип был признан первым из них. Но в июле 1914 года до этого было еще далеко.

Более того, вступив в пропагандистские битвы с австрийской прессой, сербские газеты весьма охотно смаковали версию, что Франц Фердинанд стал жертвой заговора некоторых членов императорской семьи, так как якобы замышлял изменение порядка престолонаследия в пользу своих детей. Об этом писали и «Политика», и «Трибуна», и «Балкан».

Но главное, что орудием тех сил, которые якобы «убрали» эрцгерцога, в контексте этой версии называли и некоторых будущих «видовданских героев», прежде всего Неделько Чабриновича.

В номере «Балкана» от 4 июля (21 июня) появились утверждения, что Чабринович, когда жил в Белграде, находился под «покровительством австрийских властей». Газета явно намекала, что он, возможно, был даже агентом австрийской полиции.

«Сербское правительство предприняло меры к выяснению личностей главных преступников — Принципа и Чабриновича, — вспоминал Василий Штрандман. — Было установлено, что они оба в 1914 году проживали в Белграде, что Принцип заканчивал свое образование и был настолько беден, что заложил свое пальто, чтобы выехать в Боснию, о чем имелась квитанция. Чабринович, служивший в государственной типографии, обратил на себя внимание властей, которые распорядились о его высылке за политическую неблагонадежность. Однако по его, Чабриновича, просьбе австро-венгерское консульство в Белграде обратилось к полиции с заявлением о том, что названное лицо является австро-венгерским подданным, не вызывающим сомнения, и вследствие сего настаивало на предоставлении ему права дальнейшего пребывания в Белграде».

Австрийская печать оперативно опровергла эти утверждения. По ее данным, австрийское консульство всего лишь сообщило, что Чабринович ни в чем предосудительном не замешан. Однако слухи о Чабриновиче — «австрийском агенте» всё равно продолжали ходить. 19 июля сербский «Мали журнал» сообщил, например, что Гаврило Принцип стал жертвой некоего «провокатора». «Принцип был побужден совершить преступление австро-венгерским агентом», — утверждало издание.

Сторонники версии, по которой сербские официальные круги имели отношение к покушению, полагают, что легенда о «провокаторе Чабриновиче» была запущена властями Сербии специально, чтобы отвести от себя подозрения в причастности к убийству. Полностью исключать такой вариант тоже нельзя. В газетах и журналах того времени циркулировали самые разные слухи о мотивах заговорщиков.

Одна из белградских газет поместила письмо, автор которого доказывал, что Принцип — сын эрцгерцогини Стефании, вдовы первого престолонаследника эрцгерцога Рудольфа, погибшего, как известно, при загадочных обстоятельствах.

Десятого июля (27 июня) Белград был потрясен известием о неожиданной смерти русского посланника Николая Гартвига. Он умер во время беседы с австрийским дипломатом бароном Гизлем в здании посольства Австро-Венгрии. Тут же распространились слухи, что австрийцы отравили русского посланника. Однако после вскрытия его тела не было обнаружено никаких признаков яда — Гартвиг скончался от остановки сердца.

Сербское правительство в знак особого уважения к его работе ходатайствовало о погребении Гартвига в Белграде. Российское правительство и семья посланника согласились, и 14 июля состоялись похороны, причем на траурную церемонию пришли десятки тысяч людей, от королевича-регента Александра ^[31], королевичей Георгия и Павла до обычных горожан, богомольцев и нищих.

Несмотря на некоторые тревожные симптомы (например, передвижение австро-венгерских войск), к двадцатым числам июля стало казаться, что последствия сараевского убийства не будут такими уж ужасными для Европы и мира. Многие европейские политики ушли в отпуска.

22 (9) июля первый секретарь русского посольства в Белграде Штрандман, фактически исполнявший теперь обязанности руководителя дипломатической миссии, встретился с австрийским посланником Артуром Гизлем фон Гизлингером и в ходе беседы заметил: тон австро-венгерской печати в

последнее время дает все основания полагать, что идет подготовка общественного мнения к войне. Барон Гизль успокоил его: не надо обращать внимание на то, что пишут газеты. Впрочем, добавил он, сербскому правительству будет вскоре вручена «невинная», как он выразился, нота, и на этом всё закончится. Штрандман поинтересовался содержанием этой ноты. «Ничего страшного», — заверил его австриец. Когда они уже прощались, русский дипломат сказал: «Вы, конечно, можете знать, где война начнется, но никто не может сказать, где она кончится». — «В настоящую минуту нет и речи о войне», — ответил Гизль.

Однако на следующий день Штрандмана попросил срочно приехать министр финансов сербского правительства Лазо Пачу. (В Белграде тогда не было премьер-министра Николы Пашича — он совершал предвыборную поездку — и некоторых других министров, поэтому Пачу оставался «на хозяйстве». Не было в столице и начальника штаба сербской армии воеводы Радомира Путника — он находился в отпуске в Ницце.) Он сказал, что австрийский посланник передал правительству Сербии ноту — точнее говоря, ультиматум, выполнить который потребовал за 48 часов; в противном случае австрийскому посольству предписано покинуть Белград.

Читая текст ноты, Штрандман, по его словам, «не верил своим глазам и некоторые места перечитывал снова», а по прочтении сказал сербскому министру, что документ произвел на него самое удручающее впечатление и что война кажется ему неизбежной.

Пачу заявил, что сербское правительство не сможет согласиться на выдвинутые требования. Российский дипломат, в свою очередь, посоветовал сербам «идти до самых крайних пределов уступчивости». Сербский министр с ним согласился.

В тот же день Шtrandман, первый иностранец, который ознакомился с австрийским ультиматумом, отправил его текст в Санкт-Петербург. О чем же шла речь в этой «невинной ноте»? Приводим почти полный ее текст:

«31 марта 1909 г. Сербский Посланник в Вене сделал по приказанию своего Правительства Императорскому и Королевскому Правительству следующее заявление:

Сербия признаёт, что права ее не были затронуты совершившимся фактом, созданным в Боснии и Герцеговине, и что, следовательно, она будет сообразоваться с теми решениями, которые будут приняты державами по отношению к статье 25 Берлинского трактата.

Подчиняясь советам великих держав, Сербия обязуется впредь отказаться от того положения протеста и оппозиции по вопросу об аннексии, которую она занимала с прошлой осени, и обязуется, кроме того, изменить курс своей настоящей политики по отношению к Австро-Венгрии, чтобы впредь поддерживать с названной державой добрососедские отношения.

Между тем история последних лет и, в частности, прискорбное событие 28 июня доказали существование в Сербии революционного движения, имеющего целью отторгнуть от Австро-Венгерской монархии некоторые части ее территории.

Движение это, зародившееся на глазах у сербского правительства, в конце концов дошло до того, что стало проявляться за пределами территории Королевства в актах терроризма, в серии покушений и в убийствах. Королевское сербское правительство не только не выполнило формальных обязательств, заключающихся в декларации 31 марта 1909 г., но даже не приняло никаких мер, чтобы подавить это движение.

Оно допускало преступную деятельность различных обществ и организаций, направленную против Монархии, распущенный тон в печати, прославление виновников покушения, участие офицеров и чиновников в революционных выступлениях, вредную пропаганду в учебных заведениях, наконец, оно допускает все манифестации, которые могли возбудить в сербском населении ненависть к монархии и презрение к ее установлениям.

Эта преступная терпимость королевского сербского правительства не прекратилась даже в момент, когда события прошлого 28 июня показали всему миру ее прискорбные последствия. Из показаний и признаний виновников преступного покушения 28 июня явствует, что сараевское убийство было подготовлено в Белграде, что оружие и взрывчатые вещества, которыми были снабжены убийцы, были доставлены им сербскими офицерами и чиновниками, входящими в состав «Народной обороны», и что, наконец, переезд преступников с оружием в Боснию был организован и осуществлен начальствующими лицами сербской пограничной службы.

Указанные результаты расследования не позволяют императорскому и королевскому правительству сохранять далее выжидательное и терпеливое положение, которое оно занимало в течение ряда лет по отношению к действиям, намечавшимся в Белграде и пропагандировавшимся оттуда в пределах территории Монархии.

Эти результаты, напротив, возлагают на него обязанность положить конец пропаганде, являющейся постоянной угрозой для спокойствия Монархии. Для достижения этой цели императорское и королевское правительство находится вынужденным просить сербское правительство официально заявить, что оно осуждает пропаганду, направленную против Австро-

Венгерской монархии, то есть всю совокупность тенденций, имеющих конечной целью отторжение от Монархии входящих в ее состав территорий, и что оно обязуется принять все меры для подавления этой преступной и террористической пропаганды.

Дабы придать особо торжественный характер этому обязательству, королевское сербское правительство опубликует на первой странице официального органа от 26/13 июля нижеследующее заявление:

«Королевское сербское правительство осуждает пропаганду, направленную против Австро-Венгрии, то есть совокупность тенденций, имеющих конечной целью отторжение от Австро-Венгерской монархии частей ее территории, и искренно сожалеет о прискорбных последствиях этих преступных действий.

Королевское правительство сожалеет, что сербские офицеры и чиновники участвовали в вышеупомянутой пропаганде и скомпрометировали таким образом те добрососедские отношения, поддерживать которые королевское правительство торжественно обязалось в своей декларации от 31 марта 1909 года.

Королевское правительство, порицая и отвергая всякую мысль или попытку вмешаться в судьбы населения какой-либо части Австро-Венгрии, считает своим долгом формально предупредить офицеров, чиновников и всё население Королевства, что отныне оно будет принимать самые суровые меры против лиц, виновных в подобных действиях, которые правительство всеми силами будет предупреждать и подавлять».

Это заявление будет немедленно объявлено войскам приказом Его Величества Короля по армии и будет опубликовано в официальном военном органе.

Королевское правительство, кроме того, обязуется:

1) Не допускать никакие публикации, возбуждающие ненависть и презрение к Монархии и

проникнутые общей тенденцией, направленной против ее территориальной неприкосновенности.

2) Немедленно закрыть общество, называемое «Народная оборона», конфисковать все средства пропаганды этого общества и принять те же меры против других обществ и учреждений в Сербии, занимающихся пропагандой против Австро-Венгерской монархии. Королевское правительство примет необходимые меры, чтобы воспрепятствовать образованию вновь таких обществ.

3) Незамедлительно исключить из действующих в Сербии программ учебных заведений, как в отношении личного состава учащихся, так и в отношении способов обучения, всё то, что служит или могло бы служить к распространению пропаганды против Австро-Венгрии.

4) Удалить с военной и административной службы вообще всех офицеров и должностных лиц, виновных в пропаганде против Австро-Венгрии, причем императорское и королевское правительство оставляет за собой право сообщить сербскому правительству фамилии и факты.

5) Согласиться на сотрудничество в Сербии органов императорского и королевского правительства в деле подавления вредоносных движений, например против территориальной целостности Монархии.

6) Произвести судебное расследование против участников заговора 28 июня, находящихся на сербской территории, причем лица, командированные императорским и королевским правительством, примут участие в розысках, вызываемых этим расследованием.

7) Срочно арестовать майора Вою Танкосича и некоего Милана Цигановича, чиновника Сербского государства, скопрометированного результатами сараевского расследования.

8) Принять действительные меры к воспрепятствованию оказанию содействия сербскими

властями в незаконной торговле оружием и взрывчатыми веществами через границу и уволить и подвергнуть суровому наказанию чинов пограничной службы в Шабаце и Лознице, виновных в том, что оказали содействие руководителям сараевского покушения, облегчив им переезд через границу.

9) Дать императорскому и королевскому правительству объяснение по поводу неоправданных заявлений высших сербских чинов как в Сербии, так и за границей, которые, несмотря на занимаемое ими официальное положение, позволили себе после покушения 28 июня высказываться в интервью неприязненным образом против Австро-Венгрии, и, наконец,

10) Немедленно уведомить императорское и королевское правительство об исполнении мер, указанных в вышеизложенных пунктах.

Императорское и королевское правительство ожидает ответ королевского правительства не позже чем в субботу 25-го сего месяца в 6 часов».

К ноте был приложен меморандум о ходе расследования по делу Принципа и других участников покушения на эрцгерцога. Он гласил:

«Уголовное следствие, начатое Сараевским судом против Гаврилы Принципа и единомышленников по обвинению в убийстве и соучастии в убийстве, пришло до настоящего момента к следующим выводам:

1) Заговор, ставивший своей целью убийство эрцгерцога Франца Фердинанда во время пребывания его в Сараеве, был составлен в Белграде Гаврилой Принципом, Неделько Чабриновичем, неким Миланом Цигановичем и Трифко Грабежем, при содействии майора Танкосича.

2) Шесть бомб и четыре пистолета системы «Браунинг» со снаряжением, пользуясь которыми злоумышленники совершили покушение, были получены

Принципом, Чабриновичем и Грабежем в Белграде от некоего Милана Цигановича и майора Вой Танкосича.

3) Бомбы представляют собой ручные гранаты из запасов арсенала сербской армии в Крагуеваце.

4) Чтобы обеспечить успех покушения, Циганович обучил Принципа, Чабриновича и Грабежа приемам обращения с гранатами и дал Принципу и Грабежу несколько уроков стрельбы из пистолетов системы «Браунинг» в лесу около полигона в Топчидере, в Белграде.

5) Чтобы обеспечить Принципу, Чабриновичу и Грабежу возможность перейти границу в Боснию и Герцеговину и перенести туда тайно их контрабандный груз оружия, Цигановичем была организована особая система секретной перевозки. Перевоз преступников с оружием был осуществлен при содействии начальников пограничных участков (пограничных капитанов) в Шабаце (Раде Попович) и Лознице и при сотрудничестве таможенного чиновника в Лознице Радивоя Грбича, при содействии ряда частных лиц, которые переправили в Боснию и Герцеговину как самих злоумышленников, так и их оружие».

Объективности ради следует сказать, что в ультиматуме австрийцы довольно точно изложили факты, основанные на показаниях заговорщиков, но обвинили сербское правительство как минимум в потворствовании и сочувствии Принципу и его товарищам. «Для меня не было сомнения в том, что Австро-Венгрия решила воспользоваться представлявшимся предлогом и взвалить на сербское правительство ответственность за сараевское убийство, основываясь на том, что преступники были сербами, — писал в мемуарах Василий Штрэндман. — Это — по их расчету — открывало дорогу к сведению счетов с Сербией, стоявшей преградой германизму на путях на юг».

«Господи, великий милостивый русский царь»

«Мы задали Сербии невыполнимую задачу», — заявил министр иностранных дел Австро-Венгрии фон Берхтольд после вручения ноты. Он был прав: у сербского правительства не было выхода. Принять ультиматум — значит согласиться с тем, что суверенитет государства ничего не стоит. Отклонить его — вступить с Австрией в войну. Да и времени у Белграда было в обрез.

Ночью в русское посольство пришел королевич Александр. По совету Штрандмана он обратился за помощью к Николаю II, а также попросил совета у своего дяди, итальянского короля Виктора Эммануила III. Из Петербурга пришел ответ: необходимо пойти на максимальные уступки, а если всё-таки Сербия подвергнется нападению, не противодействовать вторжению австрийских войск и заявить, что «Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав».

Одновременно в русских газетах 25 (12) июля было крупным шрифтом напечатано официальное сообщение: «Правительство весьма озабочено наступившими событиями и посылкой Австро-Венгрией ультиматума Сербии. Правительство зорко следит за развитием сербско-австрийского столкновения, к которому Россия не может оставаться равнодушной».

Ответ австрийцам сочинял почти весь сербский кабинет министров. К этому времени королевич Александр уже подписал приказ о всеобщей мобилизации, а Белград начали готовить к эвакуации. В Сербии были почти уверены в том, что война неминуема, и всё же постарались уступить австрийцам как можно больше. Правительство, чтобы выиграть время, распустило слухи, что конфликт близок к

мирному разрешению. Услышав об этом, австрийский посол Гизль, который уже начал паковать чемоданы, буквально впал в ступор. «Это же невозможно! — повторял он. — Я не могу в это поверить! Это неслыханно!»

Сербы торопились: если бы они не успели к сроку, это означало бы, что они отклонили ультиматум, и влекло бы за собой почти стопроцентную вероятность объявления Веной войны. Ответ перепечатывали на машинке (единственной в сербском МИДе), но она, как назло, сломалась в самый разгар работы. Окончание пришлось дописывать от руки. Примерно в 17.50 наконец-то готовый документ доставили премьер-министру Николе Пашичу. Он сел в экипаж и отправился в австрийское посольство, благо оно было рядом.

Что же содержалось в сербском ответе? Белград согласился выполнить почти все требования ультиматума, причем сделал это в весьма достойных выражениях. Оговорки касались лишь пятого и шестого пунктов.

По пятому пункту сербское правительство заявило, что не очень понимает смысл и цель требования допустить сотрудничество с австро-венгерскими органами в «деле подавления вредоносных движений», направленных «против территориальной целостности Монархии». Однако Белград соглашался допустить такое сотрудничество, поскольку оно не противоречит «принципам международного права, уголовного права и добрососедским отношениям».

Что же касается шестого пункта, то сербы заявили, что прежде всего считают своим долгом провести самостоятельное расследование против лиц, замешанных в заговоре. Но белградское правительство, говорилось в ответе на ультиматум, «не может принять предложение» об участии в нем австро-венгерских агентов или властей, поскольку это было бы

«нарушением конституции и кодекса уголовного судопроизводства». Однако сербы были готовы в конкретных случаях предоставлять информацию о расследовании австро-венгерской стороне.

Фамилии Принципа и других непосредственных участников сараевского убийства в ответе на ультиматум не упоминались. Что же касается Воислава Танкосича и Милана Цигановича, о которых шла речь в австрийской ноте, то сербы заявили: «Королевское правительство распорядилось в самый день вручения ему ноты принять меры для ареста майора Воислава Танкосича»; что же касается Милана Цигановича, подданного Австро-Венгерской монархии, служившего 28 июня в качестве кандидата на должность в Управлении железных дорог, то он еще не разыскан и против него издан приказ об аресте»^[32].

Ответ сербов по достоинству оценили даже их противники. Начальник канцелярии австрийского МИДа Александр Музулин охарактеризовал его как «самый блестящий образец дипломатического искусства, какой я только знал». А кайзер Вильгельм II сделал пометку на докладе о сербской ноте: «Блестящий результат для срока в 48 часов! Он превзошел все мои ожидания! Отпадают основания для войны!» Впрочем, сам германский император вовсе не был заинтересован в том, чтобы эти основания отпали...

Около шести часов вечера 25 (12) июля, то есть точно в срок, определенный австро-венгерским ультиматумом, сербский премьер Пашич, обменявшись приветствиями с австрийским посланником, вручил ему ответ на ультиматум. В архивах сохранилась записка Пашича, в которой он рассказал, как именно происходила эта церемония; ее впервые опубликовал советский историк Юрий Писарев.

«Посланник был сильно возбужден, — писал Пашич. — Вручив ему ноту, я сказал, что надеюсь, что Австро-Венгрия будет довольна нашим ответом. Всё, что можно, мы и дальше уступим, лишь бы дело не дошло до разрыва. Гизль ответил, что имеет от своего правительства инструкцию и что ноту он должен сверить с инструкцией. Я простился и ушел в министерство и только-только вошел в здание, как явился Гизль и сообщил, что нота не отвечает инструкции и что отношения с этого вечера прерваны, и вышел. Бумаги посольства были отосланы тем же вечером одновременно с отъездом Гизля, а некоторые и раньше».

Австрийский посланник, безусловно, заранее знал, что произойдет после получения ответа, — недаром он уже заказал специальный поезд на Вену, который должен был отойти в 18.30 25 (12) июля, и упаковал вещи. Сотрудники австрийского посольства на четырех экипажах выехали на вокзал и сели в поезд. Он отправился точно по расписанию, перекатил по пограничному мосту через Саву, и через 10–15 минут австрийские дипломаты были уже в Австро-Венгрии. Пошли последние часы мира.

Двадцать восьмого июля в Белград из Вены пришло телеграфное (!) сообщение: «Так как королевское сербское правительство не ответило удовлетворительным образом на ноту, переданную ему австро-венгерским посланником в Белграде 10 (23) июля 1914 г., императорское и королевское правительство вынуждено само выступить на защиту своих прав и интересов и обратиться с этой целью к силе оружия. Австро-Венгрия считает себя с настоящего момента на положении войны с Сербией».

В дипломатической практике это был, наверное, единственный случай, когда война объявлялась не

официально, с помощью соответствующей ноты, а просто по телеграфу. Выглядело это настолько необычно, что в сербском правительстве даже сомневались, действительно ли телеграмма пришла от австрийских властей. «28 июля (по григорианскому календарю. — *Е. М.*) неожиданно разнеслась весть о телеграмме, которую получил Пашич от графа Берхтольда, — записал в дневнике министр финансов правительства Сербии Лазо Пачу. — В ней Австро-Венгрия объявила Сербии войну... «Известно ли вам что-нибудь об этом?» — спросил меня Пашич... На мой отрицательный ответ Пашич сказал, что он такую форму объявления войны при помощи телеграммы считает делом необычным и даже готов поверить в мистификацию».

Но это была отнюдь не мистификация.

В тот же день в город Ниш, куда сразу после разрыва отношений с Австро-Венгрией эвакуировались правительство Сербии, Народная скупщина (парламент) и дипломатический корпус, пришла телеграмма с ответом Николая II на обращение королевича Александра. «Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, — говорилось в ней, — все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же, вопреки самым искренним нашим желанием, мы в этом не успеем, Ваше королевское высочество может быть уверенным в том, что ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии».

Когда Василий Штрэндман вручил эту телеграмму Пашичу, тот сначала внимательно прочитал ее, а потом, по словам Штрэндмана, «сперва оцепенел, а затем его охватило чрезвычайное волнение». Пашич перекрестился и сказал: «Господи, великий милостивый русский царь». «Встав с кресла, — продолжал Штрэндман, — он подошел ко мне, обнял меня, и мы расцеловались. Из глаз его текли слезы».

Газета «Русское слово» еще 26 (13) июля отмечала в передовице: «Вина за такой исход печальных событий всецело падает на австрийское правительство, пожелавшее воспользоваться сараевским преступлением для превращения Сербии в свою провинцию... Целый народ должен быть принесен на алтарь Молоха войны в качестве искупительной жертвы за смерть двух человек, павших от руки своих же соотечественников. За гробом эрцгерцог Франц Фердинанд оказался более опасным врагом европейского мира, чем при жизни, и в могилу за ним теперь должны преждевременно сойти сотни тысяч людей. Сердце содрогается при мысли о том неисчерпаемом потоке крови и слез, который чрез несколько дней может затопить наш Старый свет... Мы стоим перед великим решением, от которого зависят судьбы Европы. В этот грозный час сохраним хладнокровие и будем едины».

В эти дни в Москве, Санкт-Петербурге и других городах проходили манифестации в поддержку сербов. «Петербургский листок» описывал их:

«На углу Невского проспекта и Садовой улицы собралась большая толпа, преимущественно из интеллигенции, причем в толпе преобладали офицеры и студенты различных высших учебных заведений. Толпа с пением народного гимна направилась через Невский пр[оспект] на Литейный пр[оспект], а затем прошла на Фурштатскую улицу, где остановилась у дома сербского посольства.

Раздались крики: «Да здравствует Сербия!» К открытому окну подошел посланник Сербии г. Сполайкович и обратился с приветственным словом к манифестантам. Последние спокойно разошлись.

Поздно вечером отдельные группы интеллигенции собирались на Невском пр[оспекте]... В час ночи на 14 июля (на 27-е по новому стилю. — *Е. М.*) у Гостиного

двора собралась тысячная толпа молодежи, которая с пением гимна направилась по Невскому проспекту по направлению к Морской улице.

Впереди шел студент с русским национальным флагом. Толпа пыталась пройти к зданию германского посольства на Исаакиевскую площадь, но была встречена сильным нарядом пеших городских и рассеяна. Несколько человек были задержаны.

Около двух часов ночи толпа манифестантов подошла к зданию австрийского посольства на Сергиевской улице, но была встречена отрядом жандармов и ротой городских и рассеяна».

«Известие о начале войны Австрии с Сербией заставляет переживать всю Москву небывалый нервный подъем... — отмечала газета «Новое время». — Сегодня в Москве с 8 час. вечера начались патриотические манифестации. По улицам столицы шли тысячные толпы народа. Процессия несла национальные флаги; крики «ура», «да здравствует Россия, Сербия и Франция» оглашали воздух. Встречаемые на пути офицеры с криками «ура» поднимались на руки. У ресторанов толпа останавливалась, вызывала оркестр и требовала исполнения народного гимна. Особенно величественная вышла манифестация на Тверской площади против дома генерал-губернатора и на Страстной площади у дома губернатора. Манифестации были у сербского и французского консульств».

Двадцать девятого июля начались обстрелы Белграда австрийской артиллерией. Сербы взорвали пограничный мост через Саву между Белградом и австрийским Землином, по которому совсем недавно покидал Сербию австрийский посланник барон Гизль фон Гизлинггер.

К вечеру того же дня вблизи развалин моста произошла перестрелка сербских солдат с

австрийскими, пытавшимися переправиться через границу.

Далее события развивались с катастрофической скоростью.

Россия объявила общую мобилизацию с 31 (18) июля. В ответ на это Германия предъявила ей ультиматум — если в течение двенадцати часов всеобщая мобилизация не будет прекращена, Германия также объявит ее. (Австро-Венгрия начала всеобщую мобилизацию в тот же день.) Срок ультиматума истек в полдень 1 августа (19 июля). Не получив ответа на него, германский посол граф Фридрих фон Пурталес вручил русскому министру иностранных дел Сергею Сазонову ноту о том, что Германия считает себя в состоянии войны с Россией. В тот же день Николай II подписал манифест об объявлении войны Германии.

Третьего августа (21 июля) Германия объявила войну Франции, обвинив ее в «организованных нападениях и воздушных бомбардировках Германии» и в «нарушении бельгийского нейтралитета». Германские войска вторглись в нейтральные Люксембург и Бельгию. Бельгийский король Альберт обратился за помощью к странам — гарантам нейтралитета его страны. Великобритания потребовала от Германии прекратить вторжение в Бельгию. Когда это требование не было выполнено, она 4 августа объявила о вступлении в войну.

На следующий день Черногория объявила войну Австро-Венгрии, а еще через день Австро-Венгрия — России, а Сербия — Германии. 9 августа (27 июля) Черногория объявила войну Германии, 10-го (28 июля) — Австро-Венгрия — Франции. 11 августа (29 июля) — Франция — Австро-Венгрии. На следующий день Лондон заявил, что тоже считает себя находящимся в состоянии войны с Веной. И т. д. и т. д.

Последние объявления войны произошли уже в самом ее конце. 19 июля 1918 года Гондурас вступил в войну против Германии, а 10 ноября то же сделала Румыния.

В войне в конце концов участвовали 38 государств, которые направили на поля сражений примерно 74 миллиона человек. За четыре с лишним года погибли десять миллионов солдат и офицеров и около двенадцати миллионов мирных жителей.

Если бы Гаврило Принцип заранее знал, к чему приведут его выстрелы в Сараеве, стрелял бы он?

«Для нашего зверинца». Австрийский и немецкий солдаты ведут укрощенного «русского медведя». Немецкая карикатура 1914 г.

«Привет из военной школы!» Германские и австрийские учителя секут розгами нерадивых учеников из Сербии, России, Франции и Англии. Немецкая карикатура 1914 г.

«ЗА СПИНОЙ ПРИНЦИПА»

«Тайна века»

Почти все политические убийства в истории окружены загадками, легендами и домыслами, даже если сами их исполнители рассказывают о своих мотивах. Другое дело, что к одним из них интерес постепенно угасает и эти трагедии остаются уделом специалистов-историков. разве вызывает сейчас яростные споры, например, гибель французского президента Сади Карно, которого 24 июня 1894 года заколол ножом итальянский анархист Санте Казерио, или упоминавшееся выше убийство австро-венгерской императрицы Елизаветы 10 сентября 1898 года? Или даже такое громкое событие, как убийство российского императора Александра II бомбой народовольца 1 марта 1881 года, которое может быть названо «покушением века»? Да мало ли их было...

Но трагедия в Сараеве в июне 1914 года, безусловно, занимает особое место. Она и сейчас еще остается в числе тех событий, которые принято называть «тайнами истории» или «загадками века». Конечно, убийство президента США Джона Кеннеди тоже породило множество спекуляций и версий. Но по их количеству сараевское покушение можно назвать если не чемпионом, то уж точно одним из лидеров.

Парадокс в том, что и на следствии, и на суде Принцип, Илич, Чабринович и другие заговорщики говорили достаточно откровенно, но всё равно до конца им не поверили. Почему? Это довольно сложный вопрос, при ответе на который нужно учесть ряд факторов.

Во-первых, следователи и судьи, вероятно, имели политический заказ из Вены — установить явную и несомненную связь подготовки покушения с сербскими властями. Как же иначе? Против Сербии уже велась война, да и к тому же далеко не такая удачная, как рассчитывали в Вене, и нужно было показать подданным империи, что ее начали не зря.

Во-вторых, вполне возможно, что следователи и сами не верили, что группа молодых людей самостоятельно убила престолонаследника (хотя при такой слабой организации охраны Франца Фердинанда в Сараеве это как раз могло произойти). Если бы они признали эту версию, то пришлось бы искать виновных среди тех, кто отвечал за безопасность эрцгерцога, и кто знает, куда бы привело следствие...

В-третьих, следы заговорщиков, как ни крути, всё равно вели в Сербию. Отработать версию о возможной причастности сербских властей было не только политическим заказом, но и профессиональной обязанностью следователей.

В-четвертых, Принцип и его товарищи, несмотря на откровенность, сказали не всё. По крайней мере старались сначала не говорить всего, что знали, и их часто вынуждали делать это с помощью перекрестных допросов, очных ставок и т. д. Таким образом, всегда оставалось естественное недоверие к их показаниям.

Тема «кто на самом деле стоял за Принципом» безбрежна, как океан. К настоящему времени накоплен уже огромный массив литературы — от строго научной до популярной и откровенно «желтой» — о версиях, «разоблачениях» и расследованиях, связанных с «истинными организаторами покушения». При всех различиях этих версий их объединяет одно — утверждение, что Принцип и его товарищи выполняли чью-то волю. Как уже говорилось, они фактически представляют заговорщиков в роли орудия неких сил,

стоявших за ними, — не в том смысле, что эти силы использовали сараевское покушение в своих целях, а в том, что именно они «направили руку» Принципа и его друзей.

В этой книге нет возможности подробно и глубоко анализировать все эти версии, но и не сказать о них тоже нельзя. Поэтому изложим основные версии с небольшими пояснениями и вопросами, которые они вызывают, а в остальном предоставим право разбираться самому читателю.

Полковник Апис и «русский след»

В австрийском ультиматуме «Черная рука» не упоминалась. Основная вина за содействие террористам возлагалась на «Народную оборону». К тому времени австрийцы еще не очень хорошо представляли себе масштабы действия «Черной руки». Между тем люди полковника Аписа состояли и в «Народной обороне», в том числе и на руководящих должностях. После того как в 1913 году Апис был назначен начальником осведомительного отдела Генерального штаба, у него появилось гораздо больше возможностей расставлять своих людей на важных местах. Так что «Черная рука» и «Народная оборона» имели немало точек соприкосновения. В операции по переправке Принципа, Чабриновича и Грабежа из Белграда в Боснию они действовали совместно. Оружие и бомбы для заговорщиков нашли и доставили члены «Черной руки» Танкосич и Циганович, а переправляли террористов через границу по каналам «Народной обороны». Доверенными лицами этой организации были и проводники Принципа и его друзей в Боснии. Но собранные ими сведения использовали и сербская разведка, и «Черная рука».

Вот такой получался коктейль. Так что австрийцы совершенно закономерно подозревали, что к организации покушения могли каким-то образом быть причастны и государственные чиновники Сербии.

О возможном отношении сербских государственных структур к покушению мы еще поговорим. Пока же попытаемся понять, действительно ли Принцип, Чабринович и Грабеж пользовались поддержкой «Черной руки» как организации, а не отдельных ее членов.

Бывший сербский дипломат, перебежчик в Германию Милош Богичевич утверждал, что Гаврило Принцип и Данило Илич тоже были членами «Черной руки», однако доказательств этого нет. Имена Принципа и Илича не упоминаются среди известных на сегодняшний день списков участников этой организации.

Да и странно было бы видеть Принципа, Илича или Чабриновича в рядах «Черной руки». Идеологически это были разные люди, можно даже сказать, возможные политические противники. Апис и его окружение выступали за «Великую Сербию», члены «Молодой Боснии» — за создание Югославии, хотя и при ведущей роли Сербии.

«Младобосанцы» балансировали на грани национализма и социализма. Чабринович, как уже говорилось, вообще считал себя анархистом. В среде боснийской радикальной молодежи запоем читали Кропоткина, Герцена и Степняка-Кравчинского, чьими идеями, мягко говоря, не особенно восхищались руководители «Черной руки» и большинство ее участников.

Наконец, для Принципа и его соратников террор против австро-венгерских вельмож рассматривался как тираноубийство, отчаянный шаг в борьбе за свободу своего народа и акт высшего самопожертвования во

имя ее. В «Черной руке» же теракты расценивались как одно из средств политической борьбы, позволявшее расправляться с ними и за границей.

Факт, что некоторые активисты «Черной руки», в частности Танкосич и Циганович, оказывали помощь заговорщикам. «Участие Танкосича в заговоре, — говорил на суде Принцип, — было его личным делом и не имело никакой связи с Сербией».

Действительно, вопрос в том, поддерживали ли Танкосич и Циганович заговорщиков только по собственной инициативе или же по указанию руководства тайного общества. Другими словами, знали ли о подготовке покушения начальник осведомительного отдела сербского Генерального штаба и одновременно фактический лидер «Черной руки» полковник Драгутин Димитриевич — Апис.

Чтобы попытаться разобраться в этом, нужно сначала сделать небольшой экскурс в историю отношений между «Черной рукой» и сербскими властями.

Эти отношения были запутанными и крайне противоречивыми. Характерный пример — министр иностранных дел, а в 1911-1912 годах премьер-министр Сербии Милован Милованович. Среди радикально настроенных сербских офицеров его имя было не в чести — именно Милованович был вынужден формально признать аннексию Боснии и Герцеговины в 1908 году.

Газета «Пьемонт», орган «Черной руки», не резко критиковала Миловановича, награждая его такими эпитетами, как «идеальный представитель слабости», «человек без веры и идеалов», «человек, которому никто не верит». Одна из статей в «Пьемонте», опубликованная 16 (3) октября 1911 года, называлась «Или Милованович, или Сербия».

Милованович даже подавал на «Пьемонт» в суд. Но, как рассказывал потом сам Апис, в конце 1911 года он смог найти общий язык с премьером, и в частности рассказал ему о существовании тайного общества «Объединение или смерть». На это, по словам Аписа, Милованович ответил: «Дорогой мой молодой друг! Предоставьте в мое распоряжение эту вашу «Черную руку», и вы вскоре увидите, что Милованович сделает вместе с «Черной рукой». Только, прошу вас, будьте осторожны и не предпринимайте ничего такого, что не отвечало бы общим интересам».

Однако в июне 1912 года Милованович умер, а в сентябре правительство возглавил многоопытный политик Никола Пашич (премьер-министром он стал уже в четвертый раз), один из основателей Народной радикальной партии, старейшей в Сербии.

Отношения между офицерами из тайного общества и Пашичем были хуже некуда. Они обвиняли друг друга в нанесении «вреда сербскому делу». В глазах Пашича и его окружения Апис и его друзья были представителями «воинствующего милитаризма», которые постоянно вмешивались во внешнюю политику сербского правительства. Такое вмешательство, утверждали Пашич и его соратники-радикалы, не доведет до добра. В свою очередь, «Черная рука» обвиняла правительство Пашича в трусости, коррумпированности, соглашательстве и некомпетентности.

Был и еще один фактор, вокруг которого развивалась эта борьба, — влияние на короля и его наследника.

У короля Петра было два сына — старший, Георгий, и младший, Александр. Георгий отличался буйным нравом и несдержанностью. Одно время он дружил с Воиславом Танкосичем, который по этим качествам не уступал королевичу. Однажды они поссорились и

подрались, причем Танкосич буквально отодрал сына короля за уши.

Во время аннексии Боснии Георгий участвовал в анти-австрийских демонстрациях и обругал на улице австрийского военного атташе, что вызвало дипломатический демарш Вены. Роковым для будущего Георгия стал случай с его слугой Стефаном Колаковичем. Слуга умер, как утверждали, от последствий удара, который королевич нанес ему ногой в живот. Из-за чего так рассвирепел Георгий, сказать сложно, но, по некоторым сведениям, он увидел, как слуга вскрывает и читает адресованные ему письма. Скандал вышел слишком громким, и это вынудило Георгия в марте 1909 года отказаться от прав на престол. Наследником стал Александр.

Новый русский посланник в Сербии князь Григорий Трубецкой, прибывший в Ниш в декабре 1914 года, оставил описание старшего сына короля: «Принц Георгий был безумно храбр, он был дважды тяжело ранен и находился на излечении в г. Ниш... Это был человек без всякого воспитания. Он бил свою прислугу и адъютантов, с которыми не мог ужиться... В Нише он часто заходил ко мне. К сожалению, он совершенно не умел уходить, сидел часами, так что мне приходилось извиняться и уходить будто бы по неотложному делу. Беда, если ему под руку попадался перочинный нож. Он начинал им царапать стол или резать скатерть. Он тушил папиросы о ножик и в забывчивости клал иногда ноги на стул. Со всем тем, он был застенчив, но в общем крайне неуравновешенный человек. Своего брата, королевича Александра, он терпеть не мог»^[33].

Александр отвечал Георгию тем же. По некоторым данным, Апис и другие военные были инициаторами замены Георгия Александром «на должности» престолонаследника. Они очень рассчитывали на 22-

летнего королевича, и сначала тот всячески старался не разочаровывать их. Он, судя по всему, знал о подготовке к созданию общества «Объединение или смерть». Александр выделил на издание «Пьемонта» 20 тысяч (по другим сведениям — 26 тысяч) золотых динаров. Апис и его сторонники явно связывали осуществление своих планов с будущим королем Александром.

Однако они явно просчитались. Несмотря на молодость, Александр оказался не менее искушен в политических интригах. Вскоре отношения между ним и Аписом начали охлаждаться. Существует версия, что это началось после того, как Апис якобы отказался отравить по просьбе Александра его брата Георгия. Так или иначе, но уже в мае 1912 года была основана еще одна тайная организация — «Белая рука». Ее главой стал ближайший советник престолонаследника полковник Петар Живкович (будущий генерал и премьер-министр Югославии в 1929–1932 годах). Среди главных задач «Белой руки» были борьба против «Черной руки» Аписа и поддержка Александра.

Но в это время отношения между Александром и «Черной рукой» еще не были прерваны окончательно. После Первой Балканской войны, когда речь шла о присоединении освобожденных от турок районов Македонии, радикально настроенные военные требовали немедленно включить их в состав Сербии, не дожидаясь, пока на это даст согласие русский царь. «Пьемонт» резко критиковал правительство Пашича за то, что оно ждет этой «отмашки» и верит в Россию, «как в Бога», и открыто угрожал самому Пашичу — мол, тот не избежит справедливой кары.

В этом споре Александр принял сторону военных, но пока они обменивались уколами и обвинениями, началась Вторая Балканская война — с Болгарией. А после ее окончания «война» между «Черной рукой» и

правительством вспыхнула с новой силой, и опять из-за положения в тех районах Македонии, которые были по международным соглашениям переданы Сербии.

Начальниками в новых районах часто становились люди с весьма сомнительным прошлым, которых ранее уже подозревали в получении взяток и других нехороших делах. Соответствующим образом они вели себя и в Македонии. К тому же сербское правительство приняло весьма странное решение: конституционный порядок, действующий в самой Сербии, пока не распространялся на присоединенные территории.

«Пьемонт» обрушился на эти порядки, провозглашая, что они наносят ущерб «сербскому делу» и осложняют отношения с македонским населением.

Военные явно рассчитывали на большее участие в управлении новыми территориями. Однако правительство обвиняло их в том, что они просто не хотят подчиняться гражданской власти. В феврале 1914 года разразился скандал в Скупщине: министр внутренних дел Стоян Протич заявил, что в армии существует «преторианская шайка офицеров», которая «издает свою газету». Еще один депутат от радикальной партии заявил, что офицеры готовят государственный переворот. В здании Офицерского собрания произвели обыск.

Конфликт продолжался несколько месяцев. В начале июня он обострился до предела. Военных поддержала и оппозиция. В итоге 2 июня (20 мая) 1914 года правительство Пашича подало в отставку. Однако триумф его противников был недолгим — уже 11 июня (29 мая) король снова доверил формирование кабинета Пашичу, а тот взял в него всех старых министров. 23 (10) июня была распущена Скупщина и новые выборы назначены на 1 августа (19 июля).

Таким образом, в этом «сражении» сторонники «Черной руки» проиграли.

Всё это происходило буквально накануне сараевского покушения и начала войны.

Война с Сербией началась для австрийцев неудачно. Австро-венгерская группа войск под командованием Оскара фон Потioreка (того самого) топталась на месте, а сербы в августе даже провели наступление в районе горного хребта Цера, в ходе которого имперская армия потеряла около тридцати тысяч человек. Впрочем, получив подкрепление, австрийцы перешли в контрнаступление и 2 декабря взяли Белград.

Момент для страны был критический. Король Петр приехал на фронт и сказал солдатам, что все, кто хочет, могут идти по домам, а он останется здесь и «умрет за Сербию». Никто, конечно, не ушел. В декабре сербы нанесли новый удар по австрийцам и после двенадцатидневной битвы на реке Колубара полностью освободили территорию страны, в том числе и ее столицу Белград. На Балканском фронте наступила передышка — почти на год.

Второе наступление против Сербии началось 6 октября 1915 года. Его вели австро-венгерские и германские войска под командованием немецкого генерал-фельдмаршала Августа фон Макензена, оказавшегося гораздо способнее своего предшественника. 9 октября его части уже взяли Белград. 14-16 октября по сербам ударила и болгарская армия — Болгария вступила в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии.

Сербская армия вынуждена была отступить. Вместе с ней уходило и гражданское население. У них оставался единственный путь — через горы Черногории и Албании на греческий остров Корфу.

Это отступление получило название «сербская Голгофа». С солдатами шли и король Петр, которого иногда приходилось нести на руках, и профессора

Белградского университета, и политики, и священники, и простые крестьяне, и русский посол князь Трубецкой. В отступлении участвовали более 250 тысяч человек, и только половина из них добралась до Корфу.

Чтобы поддержать сербов, союзники высадились в Греции, но помощь оказалась запоздалой и недостаточной. Войска Антанты закрепились в районе города Салоники.

После реорганизации сербской армии на Корфу она тоже была переброшена на Салоникский (Солунский) фронт. Весной 1917 года силы союзников под Салониками включали семь британских, шесть французских, шесть сербских, три греческие, одну итальянскую дивизии и две русские бригады. Сербских войск на Солунском фронте насчитывалось 147 тысяч человек, в том числе в боевых частях 124 тысячи. Именно здесь был сыгран следующий акт трагедии, связанной с выстрелами Принципа в июне 1914 года.

Это может показаться невероятным, но в тяжелейшее для Сербии время довоенного руководителя ее разведки Драгутина Димитриевича (Аписа) обвинили в организации убийства в Сараеве, причем сделали это не австрийцы, а... сербские власти. Помимо этого обвинения на него навесили еще много чего.

Поражение Сербии обострило разногласия между «Черной рукой», королевичем Александром и Пашичем. Военные обвиняли правительство, что именно его политика привела к плачевному итогу. На войне погибли многие сторонники Аписа, например Воислав Танкосич — он был ранен в октябре 1915 года и через несколько дней умер^[34].

Королевич Александр относился к Апису всё более подозрительно. Тот казался ему прирожденным

цареубийцей. В самом деле: устроил переворот в мае 1903 года, имел какое-то отношение к убийству Франца Фердинанда, а теперь со своими друзьями собирался организовать покушения на симпатизировавшего Германии греческого короля Константина^[35] и кайзера Вильгельма. Что же могло помешать ему устроить покушение и на самого Александра?

В декабре 1916 года, во время поездки на Солунский фронт, Александр обвинил Аписа, что тот со своими соратниками пытался организовать на него покушение — королевича якобы должны были убить во время его поездки на автомобиле по Салоникам. Но это было не единственное обвинение. Апису также вменялось в вину то, что он якобы собирался устроить военный переворот и заключить сепаратный мир с Германией и Австро-Венгрией.

Апис тогда служил помощником начальника штаба 3-й сербской армии. Там, в штабе, его и арестовали — 10 января 1917 года (28 декабря 1916-го). Вместе с ним были арестованы его сторонники — Раде Малобабиц и участник сараевского покушения Мухамед Мехмедбашич. Под следствием оказались 124 офицера, имевшие отношение к «Черной руке».

Забегая вперед скажем, что обвинения Аписа в подготовке покушения и государственного переворота носили исключительно политический характер; маловероятно, чтобы они имели под собой какие-то реальные основания. Но их подробный разбор и не входит в задачу этой книги. Для нас интересно другое — в ходе следствия Аписа подробно расспрашивали и о его отношении к убийству Франца Фердинанда.

На допросах у Аписа спрашивали, откуда у него появились обнаруженные во время обыска фотография Принципа, Цигановича и Чабриновича и визитная карточка Чабриновича и в какой связи он состоял с

этими людьми. Апис ответил: «И фотографию этих лиц, и визитку Чабриновича я получил от покойного майора Войн Танкосича... Никаких связей ни с Принципом, ни с Цигановичем, ни с Чабриновичем у меня не было. Фотографию и визитку Танкосич мне дал после сараевского покушения».

Суд над Аписом и другими «заговорщиками» начался 2 апреля (20 марта) 1917 года. Малобабича удалось сломать, и он дал нужные показания, подтвердив, что Апис был инициатором покушения на королевича. А вот от Мемхедбашича не удалось добиться ничего. Был арестован также еще один член «Молодой Боснии» Мустафа Голубич, но и он не сказал ничего интересного для следователей.

Однако вскоре Апис неожиданно написал рапорт на имя председателя военного трибунала полковника Петра Мишича с признанием, что именно он организовал убийство Франца Фердинанда, что Принцип и другие заговорщики состояли у него на службе и что в заговоре косвенно участвовал русский военный атташе в Белграде полковник Виктор Артамонов.

Апис писал, что поскольку Малобабич и Мехмедбашич обвиняются в подготовке покушения на королевича Александра, то он обязан объяснить суду свои отношения с ними:

«Раде Малобабича^[36] я как шеф разведывательного отдела Гл[авного] Генерального] штаба привлек для того, чтобы он мне организовал разведывательную сеть в Австро-Венгрии, и он взялся за это. Это я сделал по согласованию с русским военным атташе г. Артамоновым, который лично встретился с Раде в моем присутствии. После того как Раде начал работу, я, понимая, что Австрия готовит войну с нами, стал думать, что с устранением австрийского

престолонаследника Фердинанда военная партия и направление, которые он возглавлял, потеряют свою силу, и тем самым военная опасность для Сербии перестанет существовать или, по крайней мере, будет отсрочена на некоторое время; поэтому я поручил Малобабичу устроить во время ожидавшегося приезда Фердинанда в Сараево покушение на него.

На это я окончательно решился после того, когда меня Артамонов уверил в том, что Россия нас не оставит без своей защиты, если Австрия нападет на нас. Г. Артамонову я ничего не сообщил о моих намерениях относительно покушения, а повод для того, чтобы узнать его мнение о поведении России, я нашел в том, что наша разведывательная работа может стать слишком ощутимой и дать предлог к нападению на нас Австрии.

Малобабич выполнил мой приказ — организовал и совершил покушение. Главные его участники состояли у меня на службе и получали небольшой гонорар, который я получал от г. Артамонова, ибо Гл[авный] Генеральный] штаб еще не имел средств для такой широкой деятельности...»

Далее Апис утверждал, что Малобабич с помощью офицеров-пограничников доставлял в Боснию бомбы, револьверы и боеприпасы, в том числе и для участников сараевского покушения^[37].

«Так как во всём этом имеются не очень удобные моменты для интересов государства, а я вынужден использовать это для своей личной защиты и защиты главных обвиняемых по делу о покушении на Е[го] В[ысочество] Престолонаследника, считаю, что мой долг как серба сообщить об этом сначала суду», — отметил Апис в рапорте.

Еще через два дня он написал длинное льстивое письмо королевичу Александру, в котором попытался

объяснить наследнику «ценность» двух своих товарищей по несчастью — Малобабича и Мехмедбашича, которых, по его словам, он «сберегал, о них заботился и защищал»: «Первый, Ваше Высочество, по моему приказанию осуществил организацию покушения в Сараеве, а второй, единственный серб-мусульманин, который участвовал в покушении, избежал суда австрийского, перебежав к нам».

Далее на нескольких страницах шли уверения в любви и преданности, утверждения, что они найдут в себе силы вновь служить королю и его сыну, просьбы о прощении, снисхождении и «королевской милости», хотя Апис и заявлял, что является «полностью невинным», а в организацию «Черная рука», которая была создана «с чистыми намерениями», вступил с верой, что, «сотрудничая с ней, буду слугой Вашей персоны».

«Ваше Высочество! — писал Апис. — Умоляю Вас прекратить это дело. Не допустите, чтобы сербский военный суд для офицеров довел до конца приговор австрийского военного суда. Не допустите, чтобы суд для офицеров поставил клеймо предательства на челе тех офицеров, которые мечтали об освобождении всего сербского племени и во славу Вашего имени».

Такое же письмо Апис отправил и королю Петру, но ответа ни от него, ни от наследника не получил.

Пятого июня (23 мая) 1917 года Апис и его соратники были приговорены судом к смертной казни (Мехмедбашич получил 15 лет тюрьмы). Они подали прошения о помиловании. Британское и русское правительства советовали Александру помиловать Аписа. Несколько осужденных действительно получили помилование. Но Апис, Раде Малобабич и Любо Вулович были расстреляны на рассвете 27 (14) июня в одном из оврагов вблизи Салоников. Больше двух часов, у открытых могил, им читали приговор, и они до последней

минуты надеялись, что в самом конце будет сказано о помиловании. Но этого не произошло. Говорят, Апис умер со словами: «Да здравствует Сербия! Да здравствует Югославия!»

Апис унес с собой много тайн. И одна из них — его отношения с Принципом и другими «сараевскими заговорщиками». Было ли всё так, как он описал? И какую роль в действительности сыграл во всей этой истории упомянутый им в рапорте российский военный атташе полковник Виктор Артамонов?

Апис утверждал, что Артамонов давал деньги на создание сербской разведывательной сети в Боснии, а он использовал эти средства для организации покушения, не поставив в известность русского атташе. То есть формально Артамонов в заговоре не участвовал.

Однако за отработку «русского следа» австрийская и германская пропаганда вплотную взялась сразу же после покушения. Василий Шtrandман отмечал в мемуарах: «Всё упорнее и громче раздавались из Вены и Будапешта голоса... о непочтительном отношении русского посланника Гартвига к памяти убитого эрцгерцога, которое якобы выразилось в том, что он не приспустил русский национальный флаг на императорской миссии в день похорон эрцгерцога, и еще ранее, в самый Видовдан, т. е. в день сараевского убийства, будто бы устроил у себя вечерний прием, причем веселье и шум ясно слышались на улице». Австрийские газеты особенно напирала на то, что из окон посольства якобы слышался «звон бокалов». Все эти «разговоры и сплетни» Шtrandман называл не только лживыми, но и клеветническими.

Но после начала войны версия о «русском следе» повторялась неоднократно, что легко объяснимо: врага нужно было выставить в невыгодном свете. Например, 25 января 1916 года в австрийской газете «Нойе фрайе

прессе» утверждалось, что Россия не только знала о готовившемся покушении, но и подталкивала Белград к его осуществлению. Якобы после захвата Белграда в руки австрийцам попала личная переписка российского императора Николая II и сербского короля Петра I.

Советские историки Михаил Покровский и Николай Полетика в 1920—1930-х годах тоже обосновывали тезис о виновности русского Генерального штаба и в целом «царизма» в сараевском убийстве. Что-то подобное писало и издание «Балканская Федерация» («Federation Balkanique»), выходившее в Вене после войны под покровительством Коминтерна^[38].

А австрийский (впоследствии немецкий) писатель Бруно Брем (псевдоним Бруно Клеменс) выпустил в 1931 году роман «Апис и Эсте», в одном из эпизодов которого Апис лично вручал Принципу пистолеты, а из соседней комнаты за этим наблюдал Артамонов, который затем подошел к Принципу и «благословил» его на покушение.

Официальное отношение русского правительства к убийству было, разумеется, негативным. Николай II послал от своего имени венок на гроб Франца Фердинанда. А второй секретарь российского посольства в Вене князь Гагарин, которого посол Николай Шебеко послал в Сараево для получения информации «из первых рук», докладывал: «Здесь, в Сараеве, на месте, еще более проникаешься отвращением к ужасному преступлению. Гнусным злодеем оказался боснийский серб, 20-летний ученик 8-класса сараевской гимназии Принцип. Другой анархист — Чабринович, тоже серб и боснийский уроженец».

Но, конечно, такая реакция ничего не доказывает. Дипломаты для того и нужны, чтобы прикрывать словами дела других служб, зачастую не очень благовидные с точки зрения общечеловеческой морали.

Подозрение в причастности к заговору действительно падало прежде всего на полковника Артамонова, о котором упоминал в рапорте Апис. Шлейф причастности к выстрелам Принципа тянется за ним до сих пор.

Виктор Артамонов (1873–1942) занимал должность военного агента в Сербии с мая 1909 года и пользовался большим авторитетом и уважением в сербских военных и политических кругах (характерно, что уже в 1920-х годах он по указу короля Александра был принят на службу в Генеральный штаб армии Королевства сербов, хорватов и словенцев). Так что к августу 1914-го он знал в Белграде всё и всех. Знал, разумеется, и о «Черной руке» и рассказал об этом обществе прибывшему в сербскую столицу Василию Шtrandману. «Он, — вспоминал Шtrandман, — посвятил меня в работу так называемой «Черной руки», т. е. группы офицеров, частью бывших причастными к свержению династии Обреновичей и считавших свой авторитет первенствующим и неоспоримым в государственных делах».

Сам Артамонов потом не раз опровергал свою причастность к покушению. Делал это и его сын Михаил, в октябре 1988 года отправивший из США соответствующее письмо советскому академику Юрию Писареву.

В 1938 году германский журнал «Берлинер монатсхефте» попросил Артамонова написать небольшой мемуарный очерк о своем пребывании в Белграде, на что тот откликнулся «с большой охотой». «Генерал Артамонов, — отмечала редакция в предисловии к нему, — в ходе борьбы по вопросу ответственности за войну упоминался в непосредственной связи с заговорщиками в Сараеве».

По словам Артамонова, в мае 1914 года он уехал в отпуск в Швейцарию, затем — на адриатический курорт Ловран, где и узнал о покушении, которое «грянуло как

гром с ясного неба и побудило много дурных предчувствий». Далее Артамонов подробно описал свой обратный путь в Сербию, причем через пограничную Саву он перебрался в Белград из австрийского Землина (Земуна) только 28 июля, когда Австро-Венгрия и Сербия уже находились в состоянии войны. Перевез его на своем катере немецкий генеральный консул в Белграде граф Шпее.

Что касается причастности России к развязыванию войны, то Артамонов писал (перевод с немецкого историка Игоря Макарова): «Мне досталась роль ее поджигателя и роль в подготовке покушения в Сараеве. В этой легенде меня связывают с полковником Драгутином Димитриеви-чем, звавшимся «Апис», руководителем «Черной руки»...»

Упомянув, что «Черная рука» находилась в оппозиции к правительству и иногда противопоставляла себя династии, Артамонов утверждал:

«Как русскому военному [мне] было бы некорректно поддерживать с Д. Димитриевичем-Аписом иные отношения, кроме официальных... Я встречался с господином Димитриевичем исключительно в его канцелярии в Большом Генеральном штабе... Имена и поступки людей, замешанных в покушении в Сараево, мне стали известны лишь позднее из прессы и литературы...

Еще раз я спрашиваю внепартийный мир, какую выгоду сулили России смерть Франца Фердинанда и его устранение от престолонаследия? Я отвечаю: никакой! И если его смерть явилась причиной или предлогом для мировой войны — войны, которой Россия не желала, будучи не готова к оборонительной, не говоря уже о наступательной войне, то я могу только сказать, что убийство Франца Фердинанда означало для России

большое несчастье, от роковых последствий которого она страдает еще и по сей день».

Честно говоря, звучит не очень убедительно, особенно в той части, которая касается его отношений с Аписом. Они, несомненно, не ограничивались официальным статусом. По-другому просто и быть не могло, и вполне можно верить Апису, когда он говорит, что Артамонов давал ему деньги на создание сербской разведывательной сети в Австро-Венгрии, ведь ее информация была крайне важна и для России, главной союзницы Сербии.

Но все эти недоговорки и уловки Артамонова в данном случае имеют не очень большое значение. Зато последний абзац его воспоминаний бьет наповал — России, как и Сербии, не нужна была война, а следовательно, и убийство эрцгерцога. Вряд ли стоит считать, что в Петербурге не понимали, что покушение приведет к военному конфликту.

Не только Артамонова, но и российского посланника в Белграде Николая Гартвига и офицера российского Генерального штаба капитана Александра Верховского (будущего военного министра Временного правительства и комбрига Красной армии), который официально находился в Сербии для изучения опыта участия сербской армии в Балканских войнах и жил в июне 1914 года в белградской квартире уехавшего военного атташе, подозревали, а некоторые до сих пор подозревают в причастности к организации покушения. И снова все эти подозрения упираются в вопрос, на который нет внятного ответа: зачем Петербургу нужно было убийство Франца Фердинанда? Конечно, кто-то из них мог играть в какую-то свою игру, но это уже другая история.

Наконец, в российском правительстве, особенно «в кругах, близких к императору», с большим подозрением относились к радикалам-националистам вроде Аписа, от

которых за версту разило бунтом и, возможно, даже свержением монархии. Тем более что газета «Пьемонт», орган «Черной руки», не раз ругала царя и всю династию Романовых. Правда, после Балканских войн она смягчила тон, но всё же такое вряд ли быстро забывается.

После Октябрьской революции большевики опубликовали многие секретные документы из дипломатических архивов царского правительства. Но в них не было никаких намеков на причастность Петербурга к выстрелам Принципа. А если бы они были, то уж большевики-то, надо полагать, расстарались бы и устроили с их помощью настоящую пропагандистскую кампанию. Развязывание мировой войны — это был бы убойный аргумент, оправдывающий ликвидацию старого режима.

Однако вышесказанное не означает, что российские дипломаты или военные в Белграде ни в коем случае не были осведомлены, что в Сараеве что-то могло произойти. Но вряд ли их информация сильно отличалась от того, что знали Апис или сербский премьер Никола Пашич.

Но что же на самом деле знали они?

Сразу скажем: сенсационные признания Аписа вызывают очень много вопросов. Прежде всего о деталях. Если заговорщики получали от него «небольшой гонорар», то почему перед своей экспедицией в Боснию Принцип заложил в ломбарде последнее пальто и задолжал за квартиру, а Грабеж просил родственников прислать ему денег?

В рапорте Апис писал, что для заговорщиков в Боснию были переправлены «револьверы «наган» и бомбы» и сделал это Малобабиц. Но, во-первых, на суде и следствии заговорщики и их помощники утверждали, что оружие они переносили сами. А во-вторых, Апис

допустил странную для профессионального военного неточность.

В показаниях и воспоминаниях участников и очевидцев покушения оружие, которое использовали Принцип и его товарищи, часто называют «револьверами». Это в какой-то степени оправданно для гимназистов, крестьян, учителей и т. д. Словом «револьвер» тогда часто называли все модели короткоствольного огнестрельного оружия. На самом же деле Принцип использовал не револьвер, а самозарядный пистолет системы «браунинг», выпущенный в Бельгии (официальное название этой модели — FN Browning M1910).

Сейчас пистолет Принципа № 19074 хранится в Венском военно-историческом музее. В 1914 году это было очень современное оружие. Если бы Апис действительно был в курсе передачи оружия заговорщикам, то должен был правильно указать его тип — уж он-то точно знал, чем отличается наган от браунинга.

Наконец, сами заговорщики даже перед смертью, уже, казалось бы, признавшись во всём, ни разу не упомянули об Аписе.

Но зачем же тогда Апис оговорил себя? На этот счет существует версия, которую разрабатывали, например, такие видные югославские историки, как Милан Живанович или Владимир Дедиер. Согласно ей, с Аписом в тюремной камере встретился начальник личной гвардии Александра и один из руководителей «Белой руки» Петар Живкович. Он якобы пообещал помилование Апису и другим обвиняемым, если тот признается, что он и его организация принимали участие в сараевском покушении. Это нужно было, чтобы прозондировать почву для заключения перемирия с Австро-Венгрией.

Александр и Никола Пашич таким образом хотели убить сразу нескольких зайцев: окончательно отвести от себя обвинения в подготовке покушения, показать Австро-Венгрии (в случае начала переговоров о перемирии), что они наказали виновных, а заодно скомпрометировать популярного в военных кругах конкурента.

Если всё это соответствует действительности, то своих целей они не добились, хотя и ликвидировали Аписа, обманув его надежды. Но перемирие заключить не удалось, в виновность Аписа и его соратников поверили далеко не все^[39], а вопрос, кто стоял за Принципом и другими участниками покушения, был запутан еще больше.

Но мог ли знать Апис о подготовке покушения в Сараеве? Роль Аписа в сараевских событиях до сих пор окончательно не ясна. По этому поводу существует множество догадок и версий. Он, конечно же, не был принципиальным противником покушения — недаром в документах «Черной руки» было записано, что она готова бороться с врагами «идеи объединения сербства» и за пределами Сербии. А «Пьемонт» на своих страницах иногда прямо угрожал Францу Фердинанду.

Вроде бы сам Апис еще весной 1914 года предлагал направить кого-нибудь в Австро-Венгрию, чтобы убить эрцгерцога, поскольку, по данным сербской разведки, тот якобы планировал нападение на Сербию. По другим данным, Апис даже послал пятерку комитаджей в Боснию для устранения то ли Франца Фердинанда, то ли Потioreка, и якобы именно для них Малобабиц доставлял в Боснию оружие. Но сами они в Боснию не проникли — их задержали сербские пограничники, которые не были в курсе планов Аписа.

Что касается Принципа и его друзей, то вряд ли Танкосич не рассказал своему другу, что некая группа

молодых боснийцев готова совершить покушение на эрцгерцога. Апис, уже давно живший в обстановке шпионажа, заговоров и покушений, мог сначала не обратить внимания на эту информацию.

Такую версию подтверждал и один из основателей общества «Объединение или смерть» Чедомир Попович, также сначала осужденный в Салониках на смертную казнь, которая была заменена ему двадцатью годами каторги (он был помилован в 1918 году и умер в Белграде в 1938-м). В 1927 году он опубликовал в загребском журнале «Нова Европа» статью ««Объединение или смерть» («Черная рука»)», где рассказал о своем разговоре с Аписом, состоявшемся в 1915 году. Апис якобы сообщил ему: «Ко мне в канцелярию однажды пришел Танкосич и сказал: имеется несколько оmlадинцев-боснийцев, которые просят меня разрешить им отправиться в Боснию, пустить ли их? Я, недостаточно подумав в тот момент, ответил: да пусти их! Танкосич мне тогда сказал, что оmlадинцы по договоренности с друзьями из Боснии хотят [организовать] покушение на Франца Фердинанда. Скажу тебе правду: в тот момент я подумал, что трудно предположить, что такое покушение будет осуществлено. Я был уверен, что австрийского престолонаследника будут так охранять, что ничего не может произойти. И уж тем более я никак не мог предположить, что этот заговор станет поводом для войны против Сербии. Но когда я некоторое время спустя проанализировал это более или менее серьезно, то решил вернуть отправленных молодых людей и помешать покушению, однако было уже поздно...»

Есть версия, что Апис отправил Малобабича в Боснию как раз для того, чтобы остановить Принципа и его друзей. Вроде бы его даже видели в Сараеве вместе с Грабежем, и вроде бы именно поэтому Грабеж так и

не бросил бомбу. Однако убедительных подтверждений этому нет.

Но если всё было так, как сам Апис рассказывал Чедомиру Поповичу, то руководитель сербской разведки всё равно несет ответственность за произошедшее. Он как минимум действовал непрофессионально — не просчитал все возможные последствия покушения, либо был соучастником теракта против иностранного государственного деятеля.

Впрочем, за все свои ошибки Апис расплатился сполна. И самым страшным образом — он погиб от рук своих же соплеменников, ради которых во многом плел эти интриги и устраивал авантюры.

Покушение и правительство Сербии

Резюмируем. Знал ли Апис о подготовке покушения в Сараеве? Скорее всего, знал. Готовил ли он его? Скорее всего, нет. Во всяком случае, к «переброске» Принципа, Чабриновича и Грабежа в Боснию он вряд ли имел отношение. Хотя было немало людей, которые очень хотели бы, чтобы он взял ответственность на себя.

Но было ли известно о Принципе и его друзьях сербскому правительству? Знали ли о них премьер Пашич и королевич Александр?

Австрийский ультиматум обвинял Сербию в «покровительстве» и «соучастии» в действиях заговорщиков. Однако позже появлялось немало гипотез о том, что королевское правительство активно участвовало в подготовке покушения. В июле 1926 года власти Королевства сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии) даже заявили протест Германии в

связи с появлением в тамошней прессе подобных публикаций.

А 28 июня 1941 года в загребской газете «Хрватски народ» с такой же версией выступил бывший следователь окружного суда Сараева Лео Пфеффер. Югославия к тому времени была разгромлена гитлеровской Германией, Загреб превратился в «столицу» «Независимого государства Хорватия», во главе которого стояли усташи — местные фашисты, чьи зверства по отношению к сербам время от времени возмущали даже их союзников — немцев и итальянцев.

Прямых доказательств этой гипотезы нет, а принять на веру, что сербское правительство участвовало в подготовке покушения, практически невозможно. По одной простой причине: в Сербии прекрасно понимали, что убийство Франца Фердинанда вызовет, мягко говоря, осложнение отношений между Веной и Белградом. В столице Австро-Венгрии большое влияние имели те, кто спал и видел, как бы расправиться со славянскими соседями военным способом, а покушение на эрцгерцога стало прекрасным поводом для начала войны.

И Александр, и Пашич понимали, что летом 1914 года воевать Сербии было крайне нежелательно. Две Балканские войны и восстание албанцев в 1913 году, на подавление которого была брошена армия, обошлись стране очень дорого, поэтому программа перевооружения была принята только в январе 1916 года.

Предположение, что сербское правительство в такой тяжелый момент занималось подготовкой покушения на престолонаследника Австро-Венгрии, равноценно признанию, что оно состояло из тайных или явных агентов соседней империи.

Но отрицание этой гипотезы вовсе не значит, что и правительство, и премьер Пашич не могли знать, что

покушение готовится. Вопрос лишь в том, что именно было им известно и как они распорядились этой информацией.

Во время оккупации Белграда в 1915–1918 годах австрийцы сумели захватить часть сербских архивов. Некоторые документы они потом использовали в пропагандистской кампании против Сербии, доказывая, что следы организации покушения ведут именно в «белградские верхи». Среди захваченных ими бумаг были и донесения в МВД Сербии о случаях переброски оружия и бомб в Боснию. В одном из документов речь шла о том, что в Боснию перешли три гимназиста, тамошние уроженцы. Их имена в донесении не называются, но указывается, что у них с собой было «6 бомб и 4 револьвера» и что перейти границу им помог сербский пограничный офицер Раде Попович.

Это донесение составлено, скорее всего, по информации Якова Миловича — одного из проводников Принципа и Грабежа. Как пишет Владимир Дедиер в книге «Сараево. 1914», Милович был доверенным лицом «Народной обороны» и по ее линии отправлял информацию о переброске оружия через границу.

Дедиер отмечает, что югославские эксперты, анализировавшие документ, признали его подлинным. Более того, были обнаружены краткие пометки Пашича, в которых речь идет об этом случае. «Факт, что он сделал выписки из документа, доказывает, что всё это дело он считал серьезным, — отмечает югославский историк. — Хотя имя эрцгерцога в документе не упоминалось, Пашич, несомненно, сделал вывод, что переход границы молодых людей со смертоносным оружием накануне посещения Боснии эрцгерцогом должен стать поводом для начала срочного расследования».

А что после этого сделали Пашич и его правительство? Споры на эту тему продолжаются по

сей день.

По одной версии, Пашич сразу же распорядился закрыть границы для переброски оружия (другой вопрос — можно ли было сделать это, ведь у людей из «Черной руки» были собственные каналы для переправки оружия в Боснию, которые никак не зависели от решения премьера) и даже попытался поставить в известность власти Австро-Венгрии, что в Сараеве зреет какой-то заговор против эрцгерцога.

Уже через день после убийства Франца Фердинанда сербский посланник в России Мирослав Спалайкович заявил в интервью газете «Новое время», что Сербия предупредила Австро-Венгрию об опасности покушения. Об этом же в июне — июле 1914 года писали американские, французские и сербские газеты. Проходила подобная информация и по дипломатическим каналам. Однако в Вене дважды официально опровергали ее.

Уже после войны бывший сербский посол в Австро-Венгрии Йован Йованович несколько раз заявлял, что 5 июня 1914 года «по собственной инициативе» встретился с министром финансов Леоном фон Билинским и предупредил его, что маневры у границы с Сербией вызовут огромное недовольство ее граждан, «которые должны рассматривать это как провокацию». «Я сказал министру фон Билинскому, — отмечал Йованович в письме в австрийскую газету «Нойес виенер тагеблатт», опубликованном 28 июня 1924 года, — что... при таком условии среди сербской молодежи могут найтись люди, которые зарядят ружье или револьвер боевым патроном вместо холостого, и тогда пуля может задеть того, кто является виновником провокации. Поэтому благоразумие требует, чтобы эрцгерцог не ездил в Сараево, и чтобы эти маневры не устраивались в Видовдан, и чтобы они вообще не

проходили в Боснии». Билинский, утверждал бывший посол, пообещал передать его опасения самому Францу Фердинанду. «Эрцгерцог, несомненно, был поставлен в известность, но не обратил на это внимания», — заключил Йованович^[40].

Йованович, если верить его словам, опасался также, что покушение может быть совершено не группой специально посланных в Боснию заговорщиков, а кем-нибудь из солдат сербского происхождения во время маневров, и высказал это опасение (вряд ли по собственной инициативе) в самых общих выражениях.

Сербское предупреждение не носило официального характера. По-другому Белград поступить не мог — нельзя же было сдать австрийцам своих доверенных лиц в Боснии, чтобы через них искать тех гимназистов, которые отправились убивать эрцгерцога. Но и Вена не могла после слишком общих предупреждений Йовановича отменить поездку Франца Фердинанда в Боснию — это выглядело бы как политическое отступление империи. Если сербское правительство действительно опасалось покушения и таким образом предупреждало австрийских коллег, то обеим сторонам оставалось надеяться только на счастливый случай — на то, что покушение сорвется или что заговорщики будут обезврежены. Но, к несчастью для всего мира, этого не произошло.

Когда бывший посол в Вене Йованович рассказывал, как он предупреждал австрийцев о возможности покушения, в Сербии да и во всем мире разразился очень громкий скандал, связанный с сенсационными «разоблачениями» другого видного сербского государственного деятеля — однофамильца сербского посла в Вене, бывшего министра просвещения, а потом и министра внутренних дел Любомира Йовановича-

Патака. Бывший министр утверждал, что сербское правительство знало о подготовке покушения, но не приняло никаких мер, чтобы его предотвратить.

В 1924 году к десятилетию начала Первой мировой войны русский журналист-эмигрант Алексей Ксюнин решил выпустить книгу. Это был небольшой сборник воспоминаний с достаточно пафосным названием «Кровь славянства». Таких сборников тогда выходило множество, и вряд ли кто-нибудь заметил бы этот, если бы не очерк Любомира Йовановича «После Видовдана 1914». Сам Йованович потом отмечал, что согласился передать свои записи Ксюнину из чувства солидарности и сострадания — тот был, во-первых, русский, а во-вторых, бедный эмигрант.

Что же необычного было в этом очерке? Йованович рассказал о заседании правительства — в конце мая или начале июня 1914 года, — на котором премьер Пашич сообщил всем министрам, что готовится покушение на Франца Фердинанда и «некоторые люди собираются поехать в Сараево». Тогда же правительство приняло решение, что пограничники не должны пропускать заговорщиков в Боснию. Но пограничные власти не исполнили этой инструкции, так как сами принадлежали к «Черной руке». Равным образом не удалась и попытка посла Йовановича по своей инициативе предупредить австрийцев.

Бывший посол рассказал также, что хорошо знал Гаврилу Принципа: «Я виделся с ним дважды или трижды в моем министерстве, когда он приходил ко мне с просьбой, чтобы я разрешил ему сдавать экзамены сначала в пятый, а затем в шестой класс частным образом... Он остался у меня в памяти как маленький широкоплечий юноша с немного осунувшимся, но широким лицом. Говорил он просто, без робости. Я дал ему несколько советов... окончить примерно гимназию, чтобы он мог с лучшей подготовкой служить с большой

пользой народу и, главное, своим идеалам. На экзамены я оба раза дал согласие, и он оба экзамена держал при Первой гимназии».

Йованович писал, что при последней встрече он даже накричал на Принципа, поскольку к нему тогда приходило много молодых эмигрантов, «беспокоя» его по мелочам. «Бедный Принцип сначала посмотрел на меня удивленно и сразу же направился к выходу: «Извините меня, я не знал, я не знал». Я обратился к нему и принялся его дружески успокаивать, но он поспешил уйти. Кто тогда мог предчувствовать, что сделает этот беспокойный молодой человек несколько недель спустя».

Таким образом, если верить Йовановичу, сербские министры знали о заговоре, и когда прозвучали выстрелы Принципа, им самим овладело «тяжелое беспокойство». Он боялся, что «все дворы Европы... покинут нас». Но потом он успокоился — один из его друзей, некий майор, сказал, что пусть, мол, Австро-Венгрия нападает на Сербию, «может быть, для нас всё кончится плохо, но, кто знает, может быть и по-другому».

А после покушения, утверждал Йованович, сербское правительство бросилось «заметать следы»: нужно было выгладеть стороной, непричастной к заговору, тогда за Белград могли бы вступить Россия, Франция и другие союзники.

Русский посол Николай Гартвиг описывал в депеше министру иностранных дел Сергею Сазонову происходившее в Белграде сразу после получения известий о покушении: «Решительно во всех слоях общества наблюдается чувство самого искреннего возмущения... около 5 часов дня пришло известие о трагической сараевской катастрофе. В Белграде немедленно были прекращены все церемонии, не только по распоряжению властей, но и по почину самих

обывателей; театры были закрыты, и народные увеселения были отменены. В тот же вечер король и регент отправили телеграммы Францу Иосифу с выражением глубокого сочувствия... На другой день во всех газетах появились трогательные некрологи и статьи по поводу тяжкого горя, постигшего императорский дом дружественной монархии. Вся Сербия строго осудила деяние обоих безумцев».

Однако, в интерпретации Йовановича, сербское правительство «сделало всё возможное, чтобы показать нашим друзьям и всему остальному миру, как мы были далеки от сараевских преступников», то есть постаралось всячески демонстрировать это. И якобы именно поэтому в Белграде были срочно запрещены всякие увеселительные мероприятия и «началось нечто вроде официального траура». Несколько сербских министров посетили траурную мессу в католической церкви австро-венгерского посольства. В их числе был и сам Йованович, который, впрочем, не скрывал, что это мероприятие было ему неприятно и он чувствовал себя «среди врагов, которые не захотят примириться с нами».

Откровения Йовановича вызвали бурную реакцию за границей. Раздавались даже предложения пересмотреть решения Парижской мирной конференции 1919 года, в которых говорилось об ответственности Германии и Австро-Венгрии за развязывание войны.

«Новейшие разоблачения», как стали называть в 1920-1930-х годах утверждения Йовановича, взяли на вооружение весьма известные исследователи причин возникновения Первой мировой войны, например англичанин Сидней Фей и уже упомянутые советские историки Михаил Покровский или Николай Полетика^[41].

Впрочем, ценность «разоблачений» несколько снижалась из-за их явной политической подоплеки. Как раз в то время Йованович вел борьбу за пост председателя старейшей в Сербии Радикальной партии, которую возглавлял уже больной Пашич (он умер в декабре 1926 года).

Полемика между Йовановичем и сторонниками Пашича началась в газетах в 1925 году и продолжалась аж до 1930-х, когда Пашич уже умер. Пока он был жив, он лично опровергал слова Йовановича. На съезде Радикальной партии в апреле 1926 года Пашич заявил: «Я ничего не знал и ничего не говорил о покушении Йовановичу. Я рекомендовал «Народной обороне» ничего не предпринимать против Австрии, так как это было опасно». Потом, описывая этот эпизод газета «Политика», Пашич повернулся к своим министрам и друзьям и спросил: «Люди, ведь я не забыл, что я говорил?» И все подтвердили, что он не говорил того, что приписывал ему Йованович.

Разногласия с Пашичем (вопрос о сараевском покушении был лишь одним из многих в спорах между этими политиками) привели к тому, что Йовановича исключили из Радикальной партии. Однако он не отказался от своих высказываний и отстаивал их до своей смерти в феврале 1928 года. Что двигало им — политические соображения, желание скомпрометировать своего недруга Пашича, стремление рассказать правду или же всё вышеперечисленное? Узнать об этом уже практически невозможно.

Но еще раз можно определенно сказать, что Никола Пашич как никто другой понимал, что война для Сербии в 1914 году — катастрофа. Поэтому он вряд ли сознательно способствовал бы действиям, которые неизбежно приближали ее. Вряд ли стал бы затягивать информирование австрийцев, если бы имел точные сведения о том, что именно готовится в Сараеве. Но

таких сведений у него, скорее всего, не было, и единственное, в чем его можно обвинить, — что правительство не слишком жестко контролировало государственную границу, на которой проявляли самостоятельность люди, связанные с «Черной рукой».

Другое дело — и в этом Йованович мог быть прав, — что когда всё уже произошло, премьер действительно мог произвести определенные «демонстрации» (объявление траура, отмена увеселительных мероприятий и пр.) в Белграде и услать куда-нибудь подальше Цигановича. Пашич и правительство в целом до последнего момента старались как-то выкрутиться из почти безнадежного положения, в котором они оказались из-за заговорщиков и активистов «Черной руки», став заложниками обстоятельств.

Но этого ни правительству, ни всей Сербии сделать уже не удалось.

Монархисты, революционеры и масоны

Даже если предположить, что за спинами Принципа и его товарищей стоял кто-то еще, создается впечатление, что для осуществления плана покушения в Сараеве была создана «обстановка наибольшего благоприятствования». Выше уже говорилось, что убить Франца Фердинанда спокойно могли и раньше, в том числе и сам Принцип, который, как нарочно, в тот раз оставил пистолет дома.

Действительно, в обеспечении безопасности эрцгерцога было сделано множество ошибок, несмотря на то что слухи о покушении ходили по городу, а полиция и австро-венгерская контрразведка имели о нем более конкретные сведения. Наконец, даже после первой попытки Чабриновича, бросившего в кортеж бомбу, программу визита эрцгерцога даже не

скорректировали, хотя должны были отменить совсем. И требования самого Франца Фердинанда продолжить поездку не должны были приниматься во внимание.

На следствии полицейские начальники сваливали всю вину на Оскара фон Потioreка: мол, он хотел придать визиту характер настоящего триумфа, поэтому предписал вывести на улицы как можно больше людей и опубликовать в газетах точный маршрут поездки эрцгерцога. Полиция просила прислать подкрепление, и его действительно прислали, но... многие агенты из Будапешта, Триеста или Вены, которые находились среди «ликующего населения», не знали сербскохорватского языка.

Полиция по собственной инициативе издала распоряжение об окончании учебного года в школах 15 июня, на две недели раньше обычного. Предполагалось, что ученики из других городов Боснии ко времени приезда престолонаследника уже разъедутся из Сараева по домам на каникулы и что это несколько снизит риск покушения — старшеклассники и гимназисты не без оснований считались одной из главных «групп риска».

Потиорек всячески защищался, сетовал на роковую случайность, которая действительно имела место, и распоряжения самого эрцгерцога, но недоработки в области мер безопасности, бесспорно, были. Причем настолько явные, что появилась даже конспирологическая гипотеза: уж не связаны ли они с заговором против Франца Фердинанда, который возник вовсе не в Белграде, а в Вене или Будапеште? И не специально ли его престолонаследника настолько плохо охраняли в Сараеве?

За прошедшие сто с лишним лет выдвигалось немало подобных версий. Мол, Франц Фердинанд собирался поставить во главе одной из частей обновленной Австро-Венгрии (Чехии, Хорватии, Венгрии

и, возможно, Сербии) своего сына Макса фон Гогенберга и уже договорился с кайзером Вильгельмом, но об этом прознали его враги в Вене...

Или, например, что эрцгерцогом пожертвовали специально, чтобы начать войну с Сербией. Для этого сербских заговорщиков провоцировали на покушение.

Или что «Черная рука» была связана с определенными кругами в Вене и Будапеште, в которые входили враги эрцгерцога, и фактически по их заказу взялась устранить Франца Фердинанда. Любопытно, что в контексте последних двух версий Чабриновича часто называют австро-венгерским агентом. А Раде Малобабича, как мы помним, в этом подозревала даже сербская полиция.

Есть и другие предположения, еще более экзотические.

Старший сын эрцгерцога Макс незадолго до начала Второй мировой войны выдвинул версию, что следы заговора против его отца ведут в Берлин. Якобы кайзер Вильгельм опасался, что, став императором, Франц Фердинанд превратит Австро-Венгрию из младшего союзника Германии в сильного конкурента. Ныне живущие потомки эрцгерцога, с которыми мы встречались, княгиня Анита фон Гогенберг и герцог Георг фон Гогенберг подтвердили, что такие слухи действительно ходили в их семье.

Некоторые сербские историки, которые оправдывали решение суда в Салониках по делу Аписа и его соратников, предполагали, что и убийство Франца Фердинанда «Черная рука» могла совершить по заказу Берлина. Они ссылались на то, что Апис никогда не был против сотрудничества с Германией и считал, что с ее помощью, равно как и с помощью России, можно решить вопрос южных славян. Апис трижды ездил в Германию, где, в частности, проходил стажировку при германском Генеральном штабе и лечился в санатории. Одним из

его хороших приятелей был сербский дипломат, а позже перебежчик и автор книг о сараевском убийстве Милош Богичевич, который остался в Германии. Он якобы являлся связующим звеном между Аписом и теми людьми в Германии, которые заказали убийство эрцгерцога. А потом, тоже якобы с его помощью, Апис налаживал контакты для заключения сепаратного мира с Германией.

Все эти предположения в той или иной степени касаются ситуации на Балканах, отношений между Сербией, Австро-Венгрией и их соседями. Но есть и другие гипотезы. Гораздо более «космополитичные».

Согласно одной из них, решение убить Франца Фердинанда члены «Молодой Боснии» приняли под влиянием, а может быть, и по совету русских революционеров-эмигрантов.

Главный идеолог «младобосанцев» Владимир Гачинович действительно тесно общался с русскими революционерами в Швейцарии, прежде всего с Марком Натансоном — бывшим народником, эсером, будущим основателем Партии революционного коммунизма.

Влияние русского революционного движения на «Молодую Боснию» очевидно. Сами ее участники не раз говорили об этом, а Чабринович вообще пошел кидать бомбу в кортеж эрцгерцога с книгой Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия». Не исключено, что фигуру Франца Фердинанда в качестве объекта для покушения могли подсказать Гачиновичу русские эсеры-эмигранты в Швейцарии.

В 1918 году левые эсеры, в число которых войдет и вернувшийся в Россию Натансон, будут рассматривать возможность проведения «центрального террора» — устранения «ведущих представителей мирового империализма», в том числе кайзера Вильгельма, британского премьера Ллойд Джорджа, французского

премьера Клемансо и фигур калибром поменьше — посла Германии в Советской России фон Мирбаха или командующего германскими оккупационными войсками на Украине генерал-фельдмаршала фон Эйхгорна (убьют в результате только двух последних). Так что нет ничего необычного, если идею покушения на эрцгерцога четырьмя годами ранее тоже подсказали русские социал-революционеры.

Но, во-первых, они не могли сыграть в сараевском покушении другую роль, кроме роли вдохновителей, да и это вряд ли: если кто-то из них и указал Гачиновичу на Франца Фердинанда как на объект покушения, то Принцип и Грабеж сами пришли к этой мысли.

Вокруг версии о «русском революционном следе» за прошедшее время возникло немало мифов. Толи Натансон, якобы подтолкнувший Гачиновича к организации покушения, был австро-венгерским агентом, то ли за покушением стоял вовсе не Натансон, а Троцкий и его люди. А может быть, и не Троцкий, а Ленин и большевики, которые, как известно, стремились «превратить империалистическую войну в гражданскую» и, кстати, в итоге превратили.

Масла в огонь этих слухов добавило и последнее слово Карла Радека на процессе по делу «антисоветского троцкистского центра» в Москве в январе 1937 года. Во многих публикациях приходится читать, что Радек (получивший десять лет заключения) заговорил о некоей тайне, которой обладал Гаврило Принцип, но тут его прервали. «Радеку тогда не дали договорить... — пишет, к примеру, директор исследовательского фонда «Национальный разведывательный центр» Евгений Павлов. — Но, похоже, Троцкий, Зиновьев и Радек знали о готовящемся покушении, знали, какие последствия оно может вызвать, но предпочли молчание, возможно, считая, что война породит ту самую перманентную

революцию — эту *idee fixe*, о которой не уставали говорить Троцкий со товарищи. Во всяком случае, друг Троцкого — Гачинович — не только находился в постоянном контакте с Иlichem и Принципом, но и непосредственно руководил ими».

Но на самом деле никто Радека не прерывал, и он без помех договорил свое последнее слово до конца (его стенографическая запись опубликована в сборнике «Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года)», выпущенном тогда же, в 1937 году.

Радек каялся и весьма путано излагал свою точку зрения на виновность троцкизма во всем, в чем только можно, в том числе и в разжигании войны:

«Процесс этот показал два крупных факта: сплетение контрреволюционных организаций со всеми контрреволюционными силами страны. Это один факт... Но процесс — двуцентрический, он имеет другое громадное значение. Он показал кузницу войны, и он показал, что троцкистская организация стала агентурой тех сил, которые готовят новую мировую войну.

Для этого факта какие есть доказательства? Для этого факта есть показания двух людей — мои показания, который получал директивы и письма от Троцкого (которые, к сожалению, сжег), и показания Пятакова, который говорил с Троцким. Все прочие показания других обвиняемых, они покоятся на наших показаниях...

Мы здесь говорим, потрясенные до глубины, и говорим правду и только правду. И надо еще показать всему миру то, что Ленин — я с дрожью повторяю его имя с этой скамьи — в письме, в директивах для делегации, направляющейся в Гаагу, писал о тайне войны. Кусок этой тайны нашелся в руках сербского молодого националиста Гаврилы Принципа, который мог умереть в крепости, не раскрыв ее. Он был сербский националист и чувствовал свою правоту, борясь за эту

тайну, которая охраняла сербское национальное движение. Я не могу скрыть эту тайну и взять ее с собой в гроб по той причине, что если я ввиду того, в чем признался, не имею права выступить как раскаявшийся коммунист, то всё-таки 35 лет моего участия в рабочем движении, при всех ошибках и преступлениях, которыми оно кончилось, дает мне право требовать от вас доверия в одном — что всё-таки эти народные массы, с которыми я шел, для меня что-то представляют. И если бы я эту правду спрятал и с ней сошел со сцены, как это сделал Каменев, как это сделал Зиновьев, как это сделал Мрачковский, то я, когда передумывал эти все вещи, в предсмертный час слышал бы еще проклятие тех людей, которые будут убиты в будущей войне и которым я мог моими показаниями дать средства борьбы против готовящейся войны».

Вот и всё, что говорил Радек о сараевском покушении. Что он хотел этим сказать и зачем вообще вспомнил о Принципе, осталось непонятным. Его речь вообще похожа на словесный поток с вкраплениями слов «изменники», «предатели», «троцкисты», в котором с трудом можно найти смысл.

Возможно, он действительно пытался намекнуть, что Троцкий несет ответственность и за начало Первой мировой войны, поэтому не случайно «троцкистская организация стала агентурой тех сил, которые готовят новую мировую войну». Или даже имел в виду, что, возможно, Троцкий уже тогда стал орудием «контрреволюционных сил», так что и сейчас его союз с контрреволюционерами не вызывает удивления.

Но мало ли о чем говорили Радек и другие подсудимые на этом процессе и мало ли в чем признавались.

Есть, конечно, и версия, что покушение на Франца Фердинанда организовали масоны — как же без них? Но об этом чуть позже.

СЛЕДСТВИЕ И СУД

«Мечь — дело сладостное и кровавое»

Итак, все участники покушения были арестованы в течение нескольких дней. Во многом это произошло из-за того, что 2 июля 1914 года Принцип, Чабринович и Грабеж начали говорить.

Австрийцы допустили оплошность, разместив их в соседних тюремных камерах рядом. Уже через неделю заключения заговорщики смогли установить связь с помощью перестукивания через стены — «русской азбуки». Этот способ они почерпнули из книги «Подпольная Россия», которую, как мы помним, Чабринович принес даже на покушение на Франца Фердинанда.

Васо Чубрилович позже вспоминал, как Чабринович однажды ночью долго пытался достучаться к Иличу, но тот не отвечал (как потом выяснилось, он спал). Чабринович подумал, что Илич покончил с собой, и сообщил об этом с помощью той же «русской азбуки» Принципу и остальным. Принцип ответил: «Илич был хорошим другом». Однако через несколько часов Илич проснулся и сам начал обстукивать стены своей камеры. Обрадованный Принцип послал ему «телеграмму»: «Хорошо. Если ты сам не повесился, то не волнуйся, швабы тебя всё равно повесят». Надо сказать, что этот «черный юмор» Принципа оказался пророческим.

Чабринович придумал еще один способ «коммуникации»: нацарапал несколько слов на металлической миске, в которой ему принесли еду. Вскоре его примеру последовали и другие —

надзиратели на эти царапины внимания не обращали, и миски попадали то в одну, то в другую камеру.

Следствие шло достаточно быстро — заговорщики рассказывали обо всём достаточно откровенно. Читая протоколы их допросов, можно только удивляться — с одной стороны, убежденности и твердости этих молодых людей (прежде всего Принципа), а с другой — наивности и путаности их взглядов.

Принцип на допросах не раз говорил следователям о своих политических и национальных идеалах. На допросе 15 августа он заявил:

«Политическое объединение югославян всегда стояло у меня перед глазами и было моей основной мыслью. Для этого необходимо, чтобы югославы прежде всего освободились от швабов и австрийцев, так как всякое несчастье, которое случалось с южными славянами, шло от Австрии.

Эти идеи особенно распространились среди молодежи в югославянских странах, и они были следствием народного огорчения. Это и всё остальное побудило меня совершить покушение на престолонаследника, так как по его деятельности я считал его очень опасным для югославян».

Семнадцатого августа следователь поинтересовался у него, какими средствами они собирались осуществить политическое объединение югославских народов. Принцип ответил, что они стремились «поднять национальный дух», чтобы в подходящий момент провести объединение. Он заявил: «Таким моментом мы считали европейскую войну, в которой Сербия и Югославия^[42] настолько укрепились бы, что могли бы отпасть от Австрии», — впрочем, оговорившись, что это только «его мысли», но есть среди молодежи и те, кто думает иначе.

Следователь спросил, руководствовался ли он этими идеалами при совершении покушения. «Да, — ответил Принцип, — когда человек забывает о себе, но любит свой народ, он может сделать всё... Мы ждали, что Австрия будет уничтожена, как чума, и исчезнет среди нас, югославов... Моя мысль состояла в том, что всякий, у кого есть душа и кто сочувствует страдающему народу, должен протестовать и что-то совершить...» Мечь, добавил Принцип, — дело «сладостное и кровавое».

Грабеж тоже говорил следователю, что они с Принципом не раз обсуждали тяжелое положение народа и «абсолютистский режим» в Боснии, а также вели разговоры о политическом объединении всех южных славян с Сербией «всё равно в каком виде — в виде республики или федеративного государства, в которое нужно было бы включить и болгар».

Перед следователями стояла задача добиться от заговорщиков признания, что их действиями руководила Сербия. Однако те категорически настаивали, что покушение было делом их рук и никакой помощи от официальных или полуофициальных лиц из Белграда они не получали. Принцип и Грабеж ответили на эти обвинения практически одной и той же чеканной фразой, которая могла бы появиться на их надгробиях: «Мною руководила не Сербия, а только Босния». Принцип указал следователям на тот факт, что в заговоре не участвовал ни один серб из Сербии — все его участники были подданными Австро-Венгрии из Боснии и Герцеговины. Когда же ему возразили, что они перешли через границу при помощи сербских пограничников, Принцип ответил: «Я сам столько раз переходил в Сербию и из нее, что мог бы и тогда обойтись без их помощи, но мне хотелось, чтобы всё было сделано наверняка».

В другой раз Принцип категорично заявил: он уверен, что «в правительственных кругах Сербии» ничего не знали о подготовке покушения. В подтверждение он привел сказанное ему Цигановичем: «Если на их след нападут гражданские власти, то мы будем наверняка арестованы». Другие члены «белградской тройки» говорили примерно то же.

Следователи работали оперативно, и расследование закончилось уже 18 сентября. А 28-го числа обвиняемым зачитали обвинительное заключение, по этому случаю собрав их в одном помещении.

Обвиняемых было 25 человек. Шестеро непосредственных участников покушения: Принцип, Чабринович, Грабеж, Илич, Васо Чубрилович и Попович (Мехмедбашичу удалось скрыться). Десять человек из тех, кто помогал заговорщикам перейти границу и попасть в Сараево: Мишко Йованович, Велько Чубрилович, Мико Мичич, Яков Милович, Обрен Милошевич, Недо Керович, Митар Керович, Ново Керович, Благойя Керович и Цвиян Степанович. Трое из тех, кто хранил у себя оружие: Иван Момчилович, Франьо и Ангел Садило. И шестеро из тех, кто знал о подготовке покушения, но не сообщил о нем: Лазарь Джукич, Иво Краньчевич, Бранко Загорац, Марко Перин, Никола Форкапич и Драган Калембер.

«Главные герои 28 июня» впервые встретились после покушения и очень обрадовались при виде друг друга. Судебный следователь Лео Пфеффер читал обвинительное заключение, но вынужден был прерываться: обвиняемые почти не обращали на него внимания, громко переговаривались и шутили.

В конце концов Пфеффер не выдержал и сказал, что они ведут себя, как дети, как будто не представляют, что их может ждать в будущем. Принцип на это ответил, что они просто долго не виделись, а всё то, что

он читает, они и сами знают хорошо. И что их ожидает — тоже.

Двадцати двум арестованным предъявили обвинение в государственной измене — в «совершении действий, которые имели своей целью оскорбить или поставить в опасность Его Величество Апостолического императора и короля, Его тело, Его здоровье или Его свободу, и воспрепятствование Ему осуществлять свои права управления». В качестве высшей меры наказания по этим обвинениям предусматривалась смертная казнь.

Троих (Момчиловича, Франьо и Ангела Садило) обвинили в соучастии заговорщикам и недонесении на них.

Текст обвинительного заключения занимал 33 страницы.

Австро-Венгрия — по крайней мере формально — была правовым государством с соответствующими атрибутами. Соответственно, следствие и суд должны были соблюдать определенные юридические процедуры, предусмотренные законодательством. Пфеффер сообщил Принципу и его друзьям, что они имеют законное право не согласиться с обвинительным заключением, и тогда процесс над ними будет отложен. Чабринович заявил, что он так и поступит. «Идет война, и никто не знает, что будет даже завтра», — сказал он. На это Пфеффер ответил: Чабринович зря надеется, что Босния перестанет быть частью империи, но если даже этот день придет, то до него «повесят еще четырнадцать Чабриновичей».

Однако другие решили не возражать против обвинения, и Чабринович в конце концов тоже согласился не делать этого, чтобы не откладывать начало суда.

Некоторые из заговорщиков потом вспоминали, что в тот день они попытались договориться, как вести себя

на суде. Многие хотели сделать всё, чтобы выгородить крестьян-проводников, сами же собирались быть «тише воды, ниже травы», чтобы не злить судей и не осложнять свое и без того тяжелое положение. Ведь если несовершеннолетние (совершеннолетним по австрийским законам считался человек с двадцати лет) еще могли на что-то надеяться, то остальным участникам заговора явно грозила смертная казнь. Только Принцип не согласился с этой тактикой. Он решил идти до конца.

Несмотря на то что шла война, которую двуединая монархия начала далеко не успешно, судебный процесс по делу о сараевском покушении имел для австрийских властей огромное значение. Для них было очень важно, чтобы именно суд доказал всему миру, что Белград был замешан в покушении, а заговорщики являлись его орудием. И сделать это нужно было с соблюдением (во всяком случае, видимым) правовых норм и преданием гласности показаний подсудимых.

Судебный процесс начался 12 октября 1914 года в зале дивизионного суда военной тюрьмы Сараева. Председателем суда был назначен Луиджи фон Куринальди, а судьями — украинец Богдан Наумович и немец Майер Хофман. Судебные заседания не были открытыми — на них пускали только по специальным пропускам. Однако на процессе присутствовало более сотни газетных корреспондентов, в том числе из нейтральных стран, к которым австрийцы относились очень предупредительно. Было вызвано также более ста свидетелей.

Накануне суда подсудимых побрили и подстригли, с них сняли кандалы. «Без них я чувствовал себя сначала весьма необычно, — вспоминал Цветко Попович. — Они больше не били и не звенели при каждом движении, к

чему я уже привык. Сейчас, без цепей, я не мог ходить... Моя походка была очень неуклюжей и смешной».

Однажды, вспоминал Попович, когда их вели из зала суда в тюрьму, один из мобилизованных солдат, которые рассматривали заговорщиков с большим любопытством, неожиданно ударил Принципа, но тут же сам получил сильный удар от одного из охранников подсудимых: «Зачем бьешь связанного человека?» Поповича очень удивил этот поступок.

Подсудимые явно делились на три группы и соответственно вели себя на процессе. К первой принадлежали непосредственные участники покушения и их сообщники. Они были готовы защищать свои идеи на суде до конца. В той или иной степени это были убежденные и идейные люди, которые понимали, на что они идут. Другую группу составляли крестьяне-сербы, выступавшие в роли проводников Принципа и Грабежа. Назвать их «радикалами» и тем более «революционерами» невозможно, тем более что, например, Керовичи считались весьма зажиточными хозяевами — в саду у самого старшего из них, Митара (Петара), росло около трех тысяч сливовых деревьев. Ему, в общем, было что терять, и психология сербского крестьянина отличалась от психологии гимназистов-радикалов. А вот Яков Милович был, наоборот, очень беден, но зато имел пятерых детей.

Нельзя сказать, что они не сочувствовали гимназистам, но революционные идеи их интересовали мало — они сотрудничали с «Народной обороной», потому что считали себя «хорошими, правильными сербами». На суде они вели себя довольно скромно, в надежде получить более мягкое наказание, что в итоге и произошло.

Такую тактику поддерживал и Принцип. Еще до процесса, когда им зачитывали обвинительное заключение, он просил проводников сказать на суде,

что он якобы силой заставил их вести заговорщиков. «Или говорите обо мне вообще всё, что хотите, если посчитаете, что вам это может помочь».

Еще на следствии его спрашивали, понял ли он, что теракт ни к чему не привел и вообще был бесполезной затеей. Принцип ответил, что думал об этом, ему жаль пострадавших, и особенно тяжело видеть, «как страдают из-за нас бедные крестьяне Керовичи».

Подсудимых защищали пять адвокатов. Адвокатом Принципа, Благойи Керовича, Якова Миловича и Николы Форкапича назначили доктора Макса Фельдбауэра. Принцип, однако, заявил, что основную защиту он берет на себя, и попросил, чтобы адвокат уделил большее внимание защите троих крестьян: «Если вы будете защищать меня, это только принесет вред тем троим, которым вы не сможете помочь. Они не виноваты, а я в любом случае готов на всё».

Впрочем, Фельдбауэр и адвокат братьев Чубриловичей, Краньчевича и Недо Керовича Рудольф Цистлер были единственными, кто действительно пытался выстроить юридическую защиту своих подзащитных. Цистлер, например, доказывал, что государственной измены подсудимые не совершали. Остальные защитники были больше похожи на прокуроров.

Особняком стояли Мишко Йованович и Велько Чубрилович — уже состоявшиеся люди «из интеллигенции» (Йованович вообще был богатым человеком). Они не просто участвовали в покушении, но и сотрудничали с сербской разведкой, передавая ей по каналам «Народной обороны» информацию военного характера. Однако они не были сторонниками террора и разрушения империи. На суде Йованович и Чубрилович-старший говорили, что выступают за автономию Боснии и Герцеговины.

Йовановичу было уже 36 лет, а Чубриловичу-старшему — 28, так что рассчитывать на снисхождение

по возрасту они не могли. Оба знали, что им грозит смертная казнь. И оба могли скрыться после покушения, однако не сделали этого. Чубрилович говорил, что не мог бросить друзей в тяжелое время.

Первым в суде допрашивали Чабриновича, вторым — Принципа, потом — всех остальных. Все так или иначе заявили, что в качестве главного мотива покушения видели свое право на протест, в том числе и на убийство тирана. Трифко Грабеж назвал сараевское покушение «величайшим революционным актом в истории».

Они не скрывали, что собирались убить не только Франца Фердинанда, но и других высокопоставленных персон империи. Принцип заявил, что еще два года назад он «из националистических побуждений решил совершить покушение на какую-нибудь высокопоставленную личность, которая в Австрии олицетворяет власть».

Все говорили, что покушение — это месть за страдания народа в Боснии. «Главные» подсудимые не скрывали, что их целью были «революционное уничтожение» Австро-Венгрии и освобождение южных славян. Принцип несколько раз повторил, что ненавидит Австро-Венгрию и считает, что империя должна быть разрушена.

Чабринович сказал, что «анархист не признает никаких законов» и что его «оскорбляет, когда во главе монархии находится человек, которому платят 60 тысяч каждый день». Он, впрочем, заметил, что вряд ли стрелял бы во Франца Иосифа, который «когда-то был хорошим другом сербского народа», но был готов убить Франца Фердинанда как главу «военной партии», стремящейся захватить Сербию. Он также заявил, что его идеалом является «югославская республика». «А что думают Принцип и Грабеж?» — спросил судья. «Они

любят короля Петра и хотят быть под его скипетром», — ответил Чабринович.

Данило Илич на суде утверждал, что был против покушения на Франца Фердинанда, но всегда одобрял идею теракта против тирана. Грабеж добавил, что, беря бомбу у Илича, пообещал ему, что не будет участвовать в покушении и «сохранит себя для будущей революционной работы», но для себя решил, что бомбу всё-таки бросит. Таким образом, получается, что Грабеж сначала обманул Илича, а потом... всё же получилось так, как он ему обещал!

Судьи и обвинители всё время указывали Иличу, что он противоречит сам себе: вроде бы он не хотел покушения, но накануне раздавал заговорщикам бомбы, пистолеты и яд. Как это понять? Илич ответил, что ему казалось, что они не доведут дело до конца. И во многом он был прав. Если бы Принципу не «повезло»...

Время от времени судьи вступали с подсудимыми в дискуссии. Когда, например, Грабеж сказал, что о тяжёлом положении южных славян в Австро-Венгрии он знает на основе своего жизненного опыта, судья спросил его: «Какой может быть жизненный опыт у гимназиста пятого класса?» Когда же Грабеж заявил, что они добивались для славян политической свободы, председатель суда просил пояснить: «А что значит «политическая свобода»?» Грабеж ответил, что точно не знает. Далее состоялся такой диалог:

— А почему же тогда говорите об этом?

— Культурное и свободное развитие, школы, университеты, гимназии.

— Разве их нет здесь?

— Есть такие, какие вы разрешаете. Почему вы не разрешаете автономных школ?

— Есть и они.

— На каждое культурное движение смотрите с огромным подозрением...

— У вас (у православных сербов. — *Е. М.*) есть церковные общины, которые полностью самостоятельны. В чем заключается унижение, о котором вы говорите?

— Зачем вы отрицаете то, о чем знает каждый честный человек?..

— Вы атеист или верующий?

— Верующий.

— Как же сочетается вера с убийством Божьего творения?

— Вера не заходит настолько далеко».

Принцип рассказал любопытную подробность: 28 июня, когда Чабринович уже бросил свою бомбу, а потом его схватили и повели в полицию, сам он хотел сначала подойти к Чабриновичу поближе и застрелить его, а затем застрелиться самому, чтобы тайна покушения осталась нераскрытой. Однако собравшаяся толпа помешала ему это сделать. Тогда он отправился на угол набережной и улицы Франца Иосифа, чтобы дожидаться проезда кортежа эрцгерцога с приема в городском совете. И, как выяснилось, позицию он выбрал правильно.

«Мы все более или менее придерживались правила без особой надобности не наговаривать ни на себя, ни на других, — вспоминал Попович. — Только Принцип очень остро выражал свою ненависть по отношению к Австрии и не скрывал своего согласия с действиями, которые шли во вред Австрии. Часто он наговаривал на себя, особенно тогда, когда речь шла о крестьянах. Он брал на себя то, чего не делал, чтобы облегчить вину других».

Когда в суде зачитывали листовки и брошюры, в которых говорилось о необходимости вооруженной борьбы против Австро-Венгрии, судья поинтересовался, совпадает ли это с мнением подсудимых. Принцип

ответил: «Не только совпадает. Если бы я мог, я бы и всю Австро-Венгрию уничтожил!»

Когда же цитировали брошюру Владимира Гачиновича «Смерть одного героя» о Богдане Жераиче, Принцип крикнул: «Да здравствует Жераич! Да здравствует Жераич!» Судья пригрозил вывести его из зала.

Несмотря на старания обвинителей и судей, подсудимые твердо держались прежней позиции: никто не подталкивал их к совершению покушения. Идея убийства эрцгерцога родилась в их рядах, а Танкосич и Циганович оказывали им лишь «техническую помощь». Но несколько эпизодов процесса заслуживают того, чтобы остановиться на них подробнее, поскольку речь шла о до сих пор волнующей многих теме масонов.

Принцип, Чабринович и «вольные каменщики»

Первым на суде о масонах заговорил адвокат Чабриновича Константин Премужич. Выше уже упоминалось, что большинство адвокатов подсудимых вели себя, будто обвинители. Премужич не был исключением. Когда, например, суд предоставил ему слово, он начал с того, что, показав на подсудимых пальцем, сказал, что ему очень тяжело защищать тех, кто «убил его хорватского короля». В ответ Принцип выкрикнул: «Молчи, шпион!»

Заявление странное — Франц Фердинанд еще не был «хорватским королем». Возможно, Премужич хотел сказать «будущего короля»?

Двенадцатого октября 1914 года во время допроса Чабриновича он вдруг начал такой разговор: «Ты веришь в Бога или атеист?» — «Атеист», — ответил Чабринович. «Ты считаешь, что Бога нет? Ты «вольный каменщик»?» — «Почему вы это спрашиваете? —

видимо, был сбит с толку Чабринович. — Я не могу вам сказать». — «Если не говорите, значит, так и есть», — вмешался председатель суда.

Премужич далее поинтересовался: «Вы ненавидели Франца Фердинанда, потому что он был католиком и вообще набожным человеком?» Чабринович ответил, что эрцгерцог не был ему симпатичен, потому что он был «шовинистом с головы до пят», но это «не главная причина» покушения.

Но Премужич не унимается: «А Войо Танкосич — масон?» — «Почему вы спрашиваете о масонах?» — недоумевают Чабринович. «Потому что христианин не занимается покушениями», — отвечает адвокат. «Да, он был», — наконец говорит подсудимый. «Откуда вы знаете?» — вмешивается судья. «Знаю из рассказа Циги (Цигановича. — *Е. М.*). Он тоже был масон». — «А как вы можете подтвердить, что Цига и Танкосич были масонами?» — снова вступает Премужич. «Танкосич написал статью против сербского правительства, в которой говорилось о покушении», — сказал Чабринович, тут же, впрочем, признав, что статья была не подписана и что об авторстве Танкосича он узнал опять-таки со слов Цигановича. «И из этого вытекает, что и вы — масон?» — «Этого я не подтвердил. Я прошу, давайте это оставим, я не могу ответить», — взмолился Чабринович.

Однако судья снова вернулся к этой теме. «Поясните нам: вы от «вольных каменщиков» получили приказ совершить покушение?» — «Я не получал никакого приказа», — ответил Чабринович. «Почему же тогда масонство Танкосича и Цигановича играло роль в покушении?» — «Я не связывал масонство с покушением, но подтверждаю, что они масоны». — «Я спрашиваю: связано ли то, что они масоны, с покушением?» — «Постольку, поскольку мы придерживались масонских идей». — «И эта идея,

насколько вам известно, тоже рекомендует совершать покушения на представителей власти?» — «Рекомендует. Мне сам Циганович говорил, что покойный Фердинанд уже осужден масонами на смерть.

Это он сказал уже после моего решения (совершить покушение. — *Е. М.*)».

На следующий день, 13 октября, в суде спрашивали уже Принципа: «Известно ли вам, что Танкосич и Циганович — масоны?» — «Однажды в кафане «Моруна», когда шла речь о покушении, Циганович сказал, что масоны в те годы осудили Франца Фердинанда на смерть», — ответил обвиняемый. Судья просил уточнить, было ли это уже после того, как они сами решили организовать покушение, и повлияло ли это обстоятельство на их решение. Принцип: «Сам Циганович говорил, что он масон, и я удивляюсь, что Чабриновичу об этом ничего не известно. Я на это не обращал внимания...»

Дальше между председателем суда и Принципом произошел следующий диалог:

— Вы не масон или масон?

— Я не масон.

— Знаете ли вы, что Чабринович масон?

— Он говорил, что вступит в ложу, но не знаю, вступил или нет.

— Как эта ложа называется?

— Масонская ложа.

— Точного названия у нее нет?

— Не знаю.

— Очень важно, что обстоятельство, связанное с масонами, не повлияло на ваше решение, — заметил судья.

Семнадцатого октября тема масонов возникла снова. На этот раз Чабринович упомянул, что есть некий приятель Танкосича, «таинственная личность», бывавший за границей, но имени его он не знает.

Принцип добавил, что этот человек вроде бы окончил Духовную академию в Киеве. Какую роль он сыграл в их планах, понять из невнятных показаний Чабриновича и Принципа сначала было сложно. Принцип, впрочем, заявил, что был против посвящения посторонних в их планы, но Циганович его успокоил. «Я сказал, что не буду участвовать, если кто-то еще будет знать, а он сказал, что тот человек надежный и хороший друг и зовут его Казимирович».

Но 19 октября Чабринович вдруг «всё вспомнил» и на вопросы адвоката Премужича отвечал: «...когда мы говорили, что нужны средства, он (Циганович. — *Е. М.*) сказал, что есть какие-то люди, которые бы дали средства, и он договорится с ними. После он также сказал мне, что говорил с Танкосичем и тем другим, который тоже масон и вроде бы даже какой-то у них начальник, и тот сразу после этого выехал за границу и объехал весь континент. Был в Пеште, во Франции, в России... Когда я спрашивал Цигановича, что с этим делом, он говорил: когда он приедет. Циганович тогда рассказывал, что масоны уже два года назад приговорили к смерти покойного престолонаследника, но у них нет людей. Потом, когда он дал мне браунинг и патроны, то сказал, что этот человек приехал из Пешта. Я знал, что он путешествовал в связи с этим и что ездил за границу и проводил какие-то конференции».

Но суд весьма скептически отнесся к рассказам Чабриновича. «А ты не сказки нам тут рассказываешь?» — спросил его председательствующий, а чуть позже поинтересовался, почему он только сейчас заговорил о Казимировиче. «Вы сами сказали, что просили оружие у «Народной обороны», а сейчас выходите [с заявлениями] о масонах».

«Я, — ответил Чабринович, — думал, что вы знаете больше о масонах. Меня спрашивали, и они там говорили, что я хвалился, что я сам стал масоном. Я

ничего об этом не говорил. И у меня не было намерения об этом говорить».

Затем о Казимировиче снова спросили у Принципа. «Я не знаю, тот ли это Радован Казимирович, — ответил он, — только знаю, что имя того человека было Казимирович и что он окончил четыре года назад Духовную академию в России... Знаю, что он близкий приятель Танкосича. Знаю, что мне Циганович говорил о масонах. Я сказал, что у меня нет желания знакомиться с ними и что смешно, когда приходят другие люди со стороны».

Больше к этой теме суд не возвращался, фактически не приняв во внимание «масонский след». Хотя соблазн, наверное, был большим. Если бы можно было связать сербское правительство, «Черную руку», Россию и масонов, то получилась бы внушительная картина глобального славяно-масонского заговора против престолонаследника и добропорядочного католика.

Однако показания подсудимых были слишком уж невнятными. Это понимали и прокурор, и судьи. Сформулировать обвинение на основе таких маловразумительных утверждений было сложно даже для, безусловно, пристрастного австрийского суда, который всё-таки хотел казаться объективным.

Есть, правда, и другая версия. Судебный следователь Пфеффер, к примеру, утверждал в мемуарах, что был дан приказ «не обсуждать больше масонов». Не исключено, что это так. Перед судьями стояла задача как можно быстрее закончить процесс, обвинить Сербию и оправдать начало войны против нее. Расследование же мутного и довольно призрачного «масонского следа» наверняка затянуло бы дело. Да и неизвестно, получилось бы что-нибудь из него.

За судей это неоднократно позже делали другие люди.

Пересуды о том, что Франца Фердинанда давно собирались убить и даже уже приговорили к смерти масоны, после окончания войны расцвели пышным цветом. Например, бывший министр иностранных дел Австро-Венгрии Оттокар фон Чернин писал в мемуарах: «Он мне рассказывал, что ему предсказывала одна прорицательница, что он будет причиной войны... За год до начала войны он сообщил мне, что масоны решили его убить. Он сообщил мне также название города, где это решение было принято, — я его сейчас забыл, — и называл имена разных австрийских и венгерских деятелей, которые должны быть осведомлены на этот счет».

Вполне возможно, что и говорил. Эрцгерцог был суеверным и крайне набожным, «добрым католиком» и на дух не переносил всяких там либералов, революционеров и масонов. Он наверняка придавал таким рассказам и пророчествам особое значение. А после его гибели их использовали для обоснования «масонской версии» покушения.

Впервые ее озвучил в развернутом виде иезуит Антон Пунтигам (он выступал под псевдонимом «профессор Фарос») в книге «Процесс террористов в Сараеве», вышедшей в 1917 году с предисловием профессора Берлинского университета Йозефа Колера. Пунтигам долго общался с Францем Фердинандом, сопровождал его в поездке в Сараево и участвовал в совершении последнего обряда над эрцгерцогом и его женой. Ему же передали отобранный у Принципа браунинг.

Священник собирался создать музей, посвященный убийству и его последствиям, и первыми его экспонатами должны были стать пистолет, гильзы и окровавленный мундир наследника. Одежда и гильзы затем перешли в собственность австрийского правительства, а пистолет остался у Пунтигама. После

его смерти в 1926 году оружие стало принадлежать ордену иезуитов, и только в начале 2000-х годов его обнаружили в одном из монастырей и передали в Музей военной истории в Вене.

Пунтигам посещал судебные заседания и общался с подсудимыми. В своей книге он утверждал, что французские масоны из ложи «Великий Восток» передали деньги и оружие Танкосичу для убийства эрцгерцога.

Эта или похожая версия потом неоднократно встречалась в работах исследователей масонства. Немалый след в этой области оставил, к примеру, известный немецкий генерал, бывший начальник германского Генерального штаба, герой Первой мировой войны и соратник Гитлера в первые годы его деятельности Эрих Людендорф. В 1920—1930-х годах он выпустил две книги, в которых утверждал, что Принципа на самом деле звали Габриэль и он был еврей и что французские, немецкие и австрийские масоны находились в сговоре с полковником Аписом. Интересно, что настоящие масоны подали на Людендорфа в суд за клевету и отсудили у него 500 марок.

В тридцатых годах прошлого века обвинение в связях с масонами членов «Молодой Боснии», которые в Югославии уже были канонизированы, вызвало возмущение прессы. В газетах появлялись опровержения, в том числе несколько раз выступил тот самый «таинственный» Радован Казимирович (1882–1950), о котором говорили Чабринович и Принцип и которого представляли в качестве связующего звена между масонами и непосредственными участниками заговора.

Казимирович — известный сербский и югославский теолог, публицист и преподаватель. Он действительно учился в Киевской духовной академии, писал статьи для

газеты «Пьемонт», преподавал в 1-й мужской гимназии в Белграде, где сдавал экзамены Принцип. Казимирович признал, что знал убийцу эрцгерцога, но не более того. Он также отрицал, что совершал поездки в Париж, Москву или Пешт за деньгами для организации покушения. Казимирович писал, что ездил в Прагу по частным делам.

Почему же тогда его фамилию называли заговорщики на суде? Сам Казимирович объяснял это происками австрийцев, которые отслеживали его антиавстрийские статьи в «Пьемонте» и других газетах и следили за ним самим, когда он бывал в Вене или Праге. «Коварной Австрии было сверхнеобходимо вовлечь меня (вследствие моих статей в «Пьемонте») в покушение», — отмечал он.

Говорил ли Казимирович всю правду или что-то скрывал, но факт остается фактом: «масонская версия» покушения была построена на рассказах Принципа и Чабриновича на следствии и суде. Ее сторонники всегда подчеркивали, что они говорили путано и нерешительно, будто боялись чего-то, опасались выдать «главную тайну» даже под угрозой сурового приговора.

Но, может быть, путаными и нелепыми рассказы о масонах были потому, что их только что придумали, да и то крайне неудачно? Недаром председатель суда спросил Чабриновича, не рассказывает ли он сказки. Интересен и тот факт, что вопрос о масонах поднял адвокат Премужич, а вовсе не обвинитель или кто-то из свидетелей, как логично было бы предположить.

Васо Чубрилович уже после войны и выхода из тюрьмы объяснял появление «масонской темы» на суде следующим образом:

«Через несколько дней после ареста обвиняемые начали устанавливать между собой связь с помощью перестукивания в стены, чему они научились из

«Подпольной России» Степняка. Так они информировали друг друга о том, как идет следствие. Однажды Чабринович сообщил:

«Адвокат Премужич... сказал мне, что масоны могут быть вовлечены в заговор и было бы полезнее для Сербии и для меня, чтобы я признался в том, что и я сам масон и что меня масонство готовило к покушению. Что делать?»

Совет ему дали быстро: «Пусть в это верит, нам это не нанесет вреда, но уменьшит внимание по отношению к Сербии».

Еще более подробно изложил в мемуарах свою версию рождения «масонской темы» Иво Краньчевич. Он сослался на рассказ самого Чабриновича о том, как работает его адвокат Премужич. Вроде бы он часто вел беседы не только со своим подзащитным, но и с Недо Керовичем, которого официально защищал Рудольф Цистлер. Премужич убеждал, что Сербия находится на краю пропасти, она почти разгромлена, и когда почти заставил Керовича в это поверить, предложил «помочь спасти Сербию». «Недо должен был сказать, что покушение совершил как масон, по решению масонской ложи, а Премужич на основе этого заявления выстроит защиту, и — Сербия спасена. Недо согласился с этим предложением, а Премужич, чтобы уж все было наверняка, взял с него честное слово, что он сдержит обещание».

Недо Керович был простой крестьянин, так что провести его было не так уж и сложно. О масонах он, разумеется, ничего до этого не слышал.

То же самое Премужич потребовал и от Чабриновича. Краньчевич попытался отговорить своих друзей от этой затеи, но не смог. Неожиданно на «масонскую тему» заговорил и Принцип. Краньчевич так описывает заседание суда, на котором Принцип вдруг тоже упомянул о масонах и Казимировиче: суд начал

расспрашивать Недо Керовича, а он знал о «вольных каменщиках» только то, что успел рассказать ему адвокат Премужич. «Ответ повлек бы за собой новые вопросы, на которые он вынужден был бы тоже отвечать, и тогда стало бы ясно, что о масонстве он ничего не знает... Тогда встает Принцип и говорит, что Недо встречался с каким-то Казимировичем, то ли богословом, то ли попом и масоном. Недо это подтвердил, и так закончился разговор о «вольных каменщиках».

«При первой возможности, — продолжал Краньчевич, — я спросил Тавро и Недо, правда ли, что Недо встречался с Казимировичем, а они ответили, что его никогда в жизни не видели (Принцип, наверное, всё-таки видел, когда сдавал экзамены в гимназии, да и фамилию он откуда-то помнил. — *Е. М.*). Когда я спросил Тавро, почему он на суде упомянул невинного человека, он ответил, что в Белграде всё равно все знают, что это неправда, а Австрия ему ничего сделать не может. Я спросил, почему он назвал именно эту фамилию, а Тавро сказал, что она просто пришла ему в голову и он назвал ее, чтобы прекратить допрос».

Краньчевич был уверен, что за странным предложением адвоката Премужича упомянуть на суде о масонах стоял кто-то еще и этим человеком был, по его мнению, иезуит Антон Пунтигам, который всегда присутствовал в зале суда и время от времени навещал подсудимых. Приходил он к ним и после вынесения приговора. О том, что Премужич «находился под влиянием брата Пунтигама, духовника Франца Фердинанда», писал и Васо Чубрилович.

Вот так объясняли происхождение «масонского следа» сами участники покушения на Франца Фердинанда. Но их объяснения мало кто заметил.

В последующие годы «масонский след» в сараевском убийстве был очень популярен у нацистов, которые утверждали, что Танкосич и Чабринович, сами масоны, получили задание от французских масонов убить престолонаследника Австро-Венгрии. Говорилось также, что «масон и еврей» Принцип убил эрцгерцога по указанию английских масонов. Гитлер в выступлении по случаю вторжения в Югославию 6 апреля 1941 года заявил, что теракт в Сараеве спланировала британская разведка Интеллидженс сервис.

А Константин Родзаевский, лидер Всероссийской фашистской партии, созданной в Маньчжурии в тридцатых годах, так изображал картину «масонского заговора» в Сараеве:

«Юный сербский патриот Принцип был использован масонской организацией для убийства австрийского наследного принца. Стенограмма допроса Принципа свидетельствует, что оружие и задание убить Франца Фердинанда он получил от масонской ложи Белграда. Другая ложа в Вене приказала своим членам в руководстве австрийской полиции так охранять принца, чтобы покушение удалось. Покушение удалось».

Разновидностей «масонских версий» сегодня насчитывается немало. Известный русский теолог и публицист Лев Лебедев, служивший сначала священником Русской православной церкви, но потом перешедший в Русскую православную церковь за границей, считал, например, что конечной целью «масонов-заговорщиков» было «низвержение России». В вышедшей в 1999 году книге «Великороссия. Жизненный путь» он объяснял их цели и механизм действия:

«Провокация замышлялась довольно простая: наследник австрийского престола должен был быть убит сербами-патриотами, что дало бы повод Австрии выступить против Сербии, а дальше «цепочка»

взаимных связей противостоящих государств сама собою пошла бы действовать (за Сербию вступилась бы Россия и Франция, за Австрию — Германия и т. д.)... Патриоты имели несколько «кружков», в том числе «кружок» Д. Илича, где участвовали и будущие убийцы Фердинанда. Молодежь, входившая в эти кружки, не знала, что ею руководит *масонская* сербская организация «Объединение или смерть» (иное название — «Черная рука»). А этой «Черной рукой» руководит «Великий Восток Франции»... Связным между масонскими центрами и «Черной рукой» был масон Р. Казимирович, опиравшийся на «братьев» Танкосича и Цигановича. Накануне сараевского убийства Казимирович объездил Париж, Будапешт и Санкт-Петербург, в последний раз согласовывая детали плана и испрашивая последнего приказа «свыше». По некоторым данным, этот последний приказ Казимировичу *был передан через масона Льва Троцкого (Бронштейна)*. Он, как и российские «товарищи» Луначарский, Натансон, Радек, были *лично знакомы* с организаторами убийства [Франца] Фердинанда и *связаны с ними* через масонские клубы «Великого Востока», куда входили эти (и многие другие) «россияне», участвовавшие не только в российских, но и в мировых делах.

Но почему жертвой был избран именно Франц Фердинанд?.. На свою беду эрцгерцог [Франц] Фердинанд не раз говорил: «...Я никогда не поведу войны против России». А когда начальник Генштаба Австрии фон Гетцендорф однажды стал доказывать необходимость такой войны, [Франц] Фердинанд ответил: «Войны с Россией нужно избежать, потому что Франция к ней подстрекает, особенно *французские масоны...* которые стремятся *вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов*»...

Так в период *1911-1913 гг.* была задумана и спланирована 1-я мировая война, главной целью которой было *низвержение России*».

Как видим, «масонская версия» по-прежнему жива и споры об участии масонов в сараевском покушении продолжаются до сих пор, равно как и споры о том, имели ли отношение к «вольным каменщикам» полковник Апис, Танкосич и Циганович или другие прямые и косвенные участники тех событий. Вероятно, будут продолжаться они и в будущем. Дело, однако, в другом. Еще в шестидесятых годах прошлого века, когда имевший почти неограниченные возможности югославский историк и официальный биограф маршала Тито Владимир Дедиер писал книгу о покушении в Сараеве, он отмечал, что вопрос об участии в нем масонов станет предметом для исследования историков будущего, а он «не нашел никаких доказательств того, что они выдвинули инициативу покушения или, по крайней мере, участвовали в нем». С тех пор прошло уже больше полувека, но, похоже, воз и ныне там. Можно только заметить, что и на сегодняшний день реальных доказательств того, что масоны «управляли» Принципом и его друзьями, всё еще нет.

«В свою защиту я не скажу ничего»

Особое место на суде заняло уточнение возраста Принципа. От ответа на этот вопрос зависело, жить главному подсудимому или вскоре умереть. К лицам до двадцати лет смертная казнь в Австро-Венгрии не применялась, а Принцип находился в «пограничном возрасте». С документами о его рождении было не всё ясно. Короче говоря, перспектива смертной казни оставалась для него вполне реальной, и всё зависело от решения суда.

В приходском «домовнике» (книге для записи рождений и смертей, имевшейся в каждой приходской церкви) датой его рождения значилось 25 (13) июня 1894 года. Таким образом, получалось, что покушение он совершил, уже будучи совершеннолетним. Однако в его свидетельстве о рождении стояла другая дата — 25 (13) июля. По этому документу выходило, что когда Принцип стрелял в эрцгерцога и его жену, ему еще не исполнилось двадцати лет.

Прокурор настаивал, что Принцип в момент покушения уже был совершеннолетним. Однако адвокат Фельдбауэр оспорил это утверждение и потребовал выслушать в суде свидетелей. Суд согласился. В качестве своих свидетелей защита вызвала мать Принципа и священника Билбию, который делал запись в «домовнике».

Мать подтвердила, что Принцип родился 25 (13) июля, хотя даты рождения других своих сыновей вспомнить не могла. Священник же сказал, что часто делал в «домовнике» сразу по нескольку записей о рождениях и нередко спустя время. Так что, возможно, он и Принципа записал таким же образом, сделав ошибку.

Нельзя сказать, что эти показания были очень надежными, но суд все-таки решил признать Принципа несовершеннолетним. Зачем? Наверное, чтобы доказать свою беспристрастность. Это решение спасло Принципа от смертной казни.

Двадцать третьего октября начались прения сторон. Генеральный прокурор Свара в своем выступлении старался выставить подсудимых в качестве агентов и исполнителей воли «сербских министров и самого наследника трона»: «Сербское правительство снабжает их деньгами и оружием. Как кукол-автоматов оно переправляет их с оружием по назначению... Ужасное убийство в Сараеве — только еще одно в длинной цепи

преступлений, которым сербское правительство либо способствовало, либо непосредственно готовило против монархии для осуществления своих милитаристских целей». Обвинитель потребовал «примерного наказания» виновных.

Защитники же призывали суд к милосердию, указывая на молодость подсудимых. Адвокат Фельдбауэр согласился, что Принцип был орудием и жертвой «великосербской пропаганды», но все-таки не организатором покушения. Адвокат Струппл сказал в защиту Грабежа всего 56 слов. Только Рудольф Цистлер дал на процессе настоящий бой обвинению. Он попытался доказать, что подсудимые не совершали главного преступления, в котором их обвиняют, — государственной измены.

Через 23 года, выступая в Народном театре имени короля Петра II в Сараеве с рассказом о процессе, Цистлер признавал, что его тактика не принесла успеха. Во-первых, из-за отношения суда. Председатель, к примеру, всё время прерывал его и так и не дал закончить выступление, а прокурор потребовал начать против адвоката специальное расследование. Во-вторых, помешало поведение самих обвиняемых. «Они, — говорил Цистлер, — и слышать не хотели о том, чтобы отвечать на вопросы суда так, чтобы смягчить свою вину... Я, защищая этих обвиняемых, понял, что это дело устроили идеалисты в самом лучшем смысле этого слова. Люди, чистые, как кристалл, и светлые, как солнце. Из самых чистых побуждений. Революционеры самой чистой воды».

Из главных заговорщиков, пожалуй, только Чабринович в самом конце процесса дал небольшую слабину. Когда ему предоставили последнее слово, он начал так: «Перед тем, как мы расстанемся, господа, перед тем, как вы вынесете нам приговор, я не хотел бы, чтобы у вас осталось о нас ложное впечатление. Я

хотел бы вам четко изложить те обстоятельства, которые повлияли на нас перед покушением. Прошу вас выслушать меня внимательно». Далее Чабринович сказал:

«Мы не ненавидели Австрию, но Австрия, которая оккупировала Боснию, за 33 года не решила аграрный вопрос. Это мотивы, которые привели нас к покушению...

Я хочу, чтобы вы не считали нас преступниками. Мы любили свой народ... Мы чувствовали боль нашего народа, а не ненавидели династию Габсбургов. Хотя я исповедую анархические идеи, хотя я ненавидел всё, я ни в одной мысли не был против его величества Франца Иосифа... Мы не хотели этого покушения на Франца Фердинанда. Мы признали, что не среди нас возникла эта идея... Но люди, которые были среди нас, говорили о Франце Фердинанде, смотрели на него как на врага славян. Мы о нем слышали, что он враг славян. Нам никто прямо не говорил «убей его!», но мы в этой среде пришли к такой идее.

Я хотел бы сказать еще кое-что. Хотя Принцип делает из себя героя, хотя мы все делаем из себя героев, мы все-таки очень сожалеем, так как мы не знали, что покойный Франц Фердинанд прежде всего отец семьи. Нас очень тронули слова, которые он сказал покойной супруге: «Софи, живи ради наших детей». Считайте нас кем угодно, но мы не злодеи. И я обращаюсь с просьбой от себя и от имени своих товарищей к детям благопокойного престолонаследника — простите нас, а вы нас накажите, как хотите. Мы не злодеи, мы честные люди, гордые, мы идеалисты, мы хотели сделать доброе дело, мы любили свой народ, мы умерли за свои идеалы».

После этого произошел эпизод, который не был зафиксирован в протоколах процесса. Как вспоминал адвокат Цистлер, после речи Чабриновича «сразу же

встал Принцип и кратко и решительно заявил, что Чабринович не имел полномочий говорить от его имени и он не разделяет того, что он сказал».

Судья прервал заседание. После перерыва адвокат Принципа спросил его, что он думает о последних словах эрцгерцога. Принцип снова ответил коротко: «Не считайте меня животным».

Последнее слово Принципа тоже заняло немного времени. «То, что нам хотят инкриминировать, что кто-то был инициатором, это неправда, — сказал он. — Идея возникла среди нас, и мы осуществили покушение. Мы любили свой народ. В свою защиту я не скажу ничего».

Твердость и решительность Принципа производили сильное впечатление. Они повлияли и на немного «поплывшего» Чабриновича. Следователь Пфедфер, который присутствовал на заседаниях, вспоминал, что уже после завершения слушаний председатель суда обратился к подсудимым: пусть встанут те, кто раскаивается в содеянном. Встали все, кроме Принципа. Когда председатель спросил его, почему он не встал, Принцип ответил: ему жаль, что он убил герцогиню Софию, которая к тому же была чешкой по национальности, так как он не собирался ее убивать — этот выстрел был предназначен Потioreку. Но он не сожалеет, что убил Франца Фердинанда, потому что хотел его убить.

Потом подсудимые сели, но тут встал Чабринович и начал взволнованно говорить, что и он не раскаивается в том, что сделал.

Судебные прения закончились 23 октября, а через пять дней был зачитан приговор. Подсудимых привели в зал, прикованных друг к другу цепями. Появившиеся судьи были одеты во всё черное — признак того, что предстоит зачитывать смертные приговоры.

Приговоры были расписаны с немецкой обстоятельностью и пунктуальностью.

Принципа приговорили к двадцати годам заключения, «усугубляемого ежемесячно днем поста, и 28 июня каждого года переводом в темный карцер с кроватью из досок (без тюфяка)».

Чабринович получил точно такое же наказание.

Грабежа тоже приговорили к двадцати годам заключения с ежегодным темным карцером 28 июня, но день поста назначили раз в три месяца.

Васо Чубрилович получил 16 лет с ежегодным карцером и днем поста раз в шесть месяцев.

Митар (Петар) Керович получил пожизненный срок, Цветко Попович — 13 лет заключения, а Лазарь Джукич и Иво Краньчевич — по 10 лет с ежегодным однодневным карцером. Цвиян Степанович — семь лет тюрьмы с постом раз в три месяца и ежегодным карцером. Бранко Загорац — три года заключения.

Данило Илич, Велько Чубрилович, Недо Керович, Миш-ко Иованович и Яков Милович были приговорены к смертной казни через повешение. В приговоре указывалась очередность исполнения приговора: Милович, Керович, Чубрилович, Йованович, Илич — по принципу «от меньшей вины к большей». Таким образом, Илич, прежде чем взойти на эшафот, должен был увидеть смерть всех своих товарищей.

Девять человек — Никола Форкапич, Драган Калембер, Иван Момчилович, Франьо и Ангел Садило, Мичо Мичич, Обрен Милошевич, Йово и Благойя Керовичи были признаны невиновными.

Обвинение осталось недовольно приговором. Оно потребовало, чтобы Принцип тоже был осужден на смерть, равно как и оправданные Милошевич и Мичич. Но приговор пересмотрен не был.

«ЖИВУ И НИКАК НЕ МОГУ УМЕРЕТЬ»

От Сараева до Терезина

Приговоренные к смерти написали прошения о помиловании на имя императора. 26 января 1915 года Франц Иосиф окончательно решил их судьбы. Недо Керович и Яков Милович были помилованы — первому смертную казнь заменили двадцатью годами тюрьмы, а второму — пожизненным заключением. Смертные же приговоры Даниле Иличу, Мишко Йовановичу и Велько Чубриловичу остались в силе. Судя по всему, они тоже до последнего дня ждали помилования. Илич 17 января написал матери: «Надеюсь, что мое дело завершится хорошо» — и попросил ее передать для него в канцелярию 40 крон.

В последние часы перед казнью они написали письма семьям. Велько Чубрилович читал Евангелие от Иоанна.

Экзекуция состоялась 3 февраля 1915 года между девятью и десятью часами утра. Сначала повесили Чубриловича, потом Йовановича и последним Илича. В городском историческом архиве Сараева сохранились фотографии казни. Судя по ним, а также по свидетельствам очевидцев, ее ритуал больше напоминал казни XIX века. По периметру тюремного двора, в середине которого стояли виселицы, выстроили солдат под командованием офицера в белых перчатках. Присутствовал военный священник Милан Мратинкович. Непосредственно исполнить приговор должен был «государственный палач» Алоиз Зайфрид.

Сохранились его воспоминания: «С осужденными, с которых еще в камерах сняли кандалы, вышел и священник, который читал последнюю молитву. Они были очень сосредоточенны и спокойны. Когда им снова прочитали приговор, который они очень спокойно выслушали, настала очередь того, кто был пониже. Это был Велько Чубрилович. Когда он встал под столб, то начал снимать воротничок и галстук. Я хотел ему помочь, потому что он слишком трудно отстегивался, но он спокойно сказал: «Не надо, я сам». Другой был худым (Мишко Йованович). И он был спокоен. Третий (Данило Илич) как самый виноватый шел последним, тоже выглядел спокойным и сосредоточенным. Кто-то из троих — не помню кто — сказал мне: «Только прошу вас, не дайте мне долго мучиться». — «Не волнуйтесь, я хорошо знаю свое дело, всё не продлится даже одной секунды», — ответил я». (Вероятно, Алоиз Зайфрид действительно был мастером своего дела; по сведениям югославского историка Воислава Богичевича, он и после распада Австро-Венгрии в 1918 году остался на должности «государственного палача» и выполнял свои обязанности уже в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.)

Как только палач приступал к работе, офицер в белых перчатках подавал команду и солдаты начинали бить в барабаны. Священник Мратинкович вспоминал, что приговоренные что-то кричали перед смертью, но из-за барабанного боя их слов нельзя было разобрать. А вот «государственный палач» их слышал. «Они кричали против Австрии... — рассказывал он. — Другого и быть не могло — ведь они убили нашего царя (точнее — будущего императора. — *Е. М.*) и ненавидели Австро-Венгрию. Я вам здесь как австриец, который любит своего правителя, говорю, что более храбрых и спокойных осужденных я за свою практику не видел».

Тела казненных сначала хотели выдать родственникам для похорон, как предусматривали законы Австро-Венгрии. Но потом власти испугались, что вдруг их могилы станут такими же символами героизма для нового поколения молодых радикалов, как когда-то могила Богдана Жераича. Решение о выдаче отменили, и Илич, Чубрилович и Йованович были похоронены тайно. Но эту тайну сохранить не удалось.

Совершенно случайно о месте погребения казненных узнал сараевский учитель рисования и черчения Мане Крнич. Он любил прогуливаться по окраинам города в поисках красивых видов. Во время одной из таких прогулок он услышал разговор местных жителей, видевших, как полицейские в ночь на 4 февраля копали какие-то ямы. Они даже показали учителю место. Крнич, сопоставив факты, сделал вывод, что это могли быть могилы для Илича, Чубриловича и Йовановича. Свои умозаключения он, правда, держал при себе и рассказал о них только после окончания войны.

В 1920 году в месте, которое он указал, действительно обнаружили останки трех человек. Экспертиза подтвердила, что это были тела казненных участников покушения на Франца Фердинанда.

Тринадцать участников покушения и их сообщников, которые получили тюремные сроки, разделили на две группы. Десять человек должны были отбывать их в городе Зениц, в самой большой тюрьме Боснии. А Принципа, Чабриновича и Грабежа решили отправить в Чехию, в военную тюрьму в крепости Терезиенштадт^[43] (по-чешски — Терезин).

Крепость была построена в конце XVIII века. Ее узником был греческий национальный герой Александр Ипсиланти. Во время Первой мировой войны в ней

находился лагерь для военнопленных, а во время Второй мировой — немецкий концлагерь и особая тюрьма.

Второго декабря 1914 года Принципа, Чабриновича и Грабежа повезли из Сараева в Терезиенштадт. Охраняли осужденных четверо жандармов. Среди них оказался один серб, Йово Драгич. Его брата в начале войны казнили по обвинению в соотрудничестве с сербской разведкой. Когда Драгичу сказали, что он будет конвоировать осужденных по делу об убийстве эрцгерцога и среди них будет и Гаврило Принцип, он очень разволновался и «с трудом справлялся со своими чувствами и радостью от того, что его увидит». Так, по крайней мере, рассказывал сам Драгич уже после войны. По его словам, Принцип выглядел спокойным и улыбался охранникам.

Сначала их обыскали, затем надели кандалы и в закрытой машине кружным путем повезли на вокзал. Там посадили в специальный вагон с наглухо занавешенными окнами и приковали наручниками к сиденьям.

По дороге жандармы пытались поговорить с осужденными. Командовавший конвоем немец по имени Хуберт рассказал новости с фронта — австрийцы как раз вошли в Белград. На это Принцип ответил: «Сербию можно оккупировать, но нельзя победить. Она превратится в Великую Сербию и в один день создаст Югославию, государство и мать всех южных славян».

Хуберт еще спросил Принципа, не жалеет ли он, что теперь почти всю оставшуюся жизнь ему предстоит провести в тюрьме. Принцип только усмехнулся и заметил, что уже свыкся с этой мыслью.

Позже и Драгич поинтересовался у Принципа, зачем тот застрелил жену эрцгерцога, мать троих детей, и услышал в ответ: «Кто из детей смог бы убить мать? Я тоже знаю, что такое мать, и у меня она есть. Так

распорядился случай.... Я попал в нее первую. Всё наложилось одно на другое. Он (Франц Фердинанд. — *E. M.*) виноват, потому что хотел взять в рабство и уничтожить весь наш народ, всех славян».

Четвертого декабря поезд прибыл в Вену, где нужно было совершить пересадку на другой поезд, который шел уже до самого Терезиенштадта. Перрон окружили войска и полиция. Однако толпа довольно агрессивно настроенных горожан ждала заговорщиков. Как только их вывели из вагона, в их адрес раздались крики и ругательства. Публика требовала тут же «прибить» «чертовых сербов». С трудом охрана увела Принципа, Чабриновича и Грабежа в здание вокзала, где они переночевали. А на следующее утро конвой двинулся дальше.

Для Гаврилы Принципа начался последний отрезок его жизни.

Из тринадцати осужденных вышли из тюрем, уже после войны, только пятеро — Васо Чубрилович, Иво Краньчевич, Цветко Попович, Цвиян Степанович и Бранко Загорац.

Первым, в конце 1914 года, умер Марко Перин. Неделько Чабринович — 20 января 1916-го, Недо Керович — 25 марта, Яков Милович — 25 апреля, Трифко Грабеж — 21 августа, Петар Керович — 1 октября. Причины смерти были одни и те же — голод, холод, туберкулез. 19 марта 1917 года в пражской психиатрической больнице скончался Лазарь Джукич — под конец жизни он лишился рассудка.

«Маленький гимназист» Гаврило Принцип продержался дольше всех.

Мало кто сегодня знает, что дети убитых в Сараеве эрцгерцога и его супруги Эрнст, Макс и София написали в тюрьму Принципу письмо. Они написали, что прощают его. То, что такое письмо действительно

существовало, подтвердил в интервью автору этой книги внук Франца Фердинанда, отставной дипломат герцог Георг фон Гогенберг. Он, впрочем, оговорился, что не знает, получил ли письмо Принцип и как отреагировал на него. Действительно, сведений, что он упоминал о письме детей Франца Фердинанда, нигде не встречается.

Зато Иво Краньчевич вспоминал, что уже после оглашения приговора, когда он некоторое время сидел в одной камере с Неделько Чабриновичем, того однажды куда-то вызвали и он вернулся обратно явно взволнованным. Чабринович рассказал, что с ним встречался иезуит Антон Пунтигам, который принес с собой полученное им письмо детей Франца Фердинанда, в котором они просили передать Недо Керовичу, что прощают его, поскольку он раскаялся и выразил сожаление в связи с гибелью их родителей.

Если даже поверить Чабриновичу, то этот рассказ вызывает вопросы. Почему дети эрцгерцога простили только Керовича? Передавали ли они свое прощение другим участникам покушения, большинство которых, кстати, практически не сделали их родителям ничего плохого? Простили ли они Чабриновича или Илича, который не раз говорил, что выступал против теракта? И наконец, почему они простили Принципа, никогда не выражавшего сомнений в необходимости убийства эрцгерцога, более того, всячески подчеркивавшего, что не жалеет, что застрелил его? Вероятно, эта загадка так и останется неразгаданной.

Во время интервью я спросил герцога Георга, прощает ли Принципа он сам, внук убитого Франца Фердинанда. «Как христианин и католик я, конечно, прощаю его, — ответил он. — Как внуку мне это куда сложнее. Надо подумать... Наверное, я бы тоже все-таки простил его. Но не сразу».

...Казалось бы, австро-венгерские власти сделали всё возможное, чтобы участники сараевского покушения, помещенные в Терезиенштадт, сгинули там без следа, всеми забытые, и никто даже не узнал о последних месяцах их жизни. Но кое-какие подробности об угасании Принципа все-таки со временем просочились через толстые крепостные стены. Во всяком случае, теперь можно представить себе условия, в которых он содержался.

О том, каково быть узником Терезиенштадта, после войны написали два человека, которые сами прошли через крепостные казематы. Первый — осужденный за соучастие в покушении на эрцгерцога Иво Краньчевич, переведенный в Терезиенштадт в марте 1915 года. Он, единственный из всех заговорщиков, отбывавших заключение в этой крепости, пережил войну и увидел распад Австро-Венгерской империи. Второй — австрийский офицер сербского происхождения Чедо Яндрич, осужденный на два года заключения в крепости по обвинению в государственной измене. В марте 1926-го Яндрич опубликовал в сербской газете «Политика» небольшие воспоминания о пребывании в Терезиенштадте.

Условия заключения они описывали так: над узниками физически не издевались, но этого и не требовалось. Сама обстановка, в которую они попадали, была рассчитана на то, чтобы быстро сломить заключенных. Все они заковывались в кандалы весом около десяти килограммов. Правда, Военное министерство распорядилось на время войны снять кандалы с узников — питание заключенных ухудшилось, и носить на себе столько железа они часто не могли уже физически. Однако Принцип и другие осужденные по делу о покушении по-прежнему оставались в кандалах.

В казематах-одиночках, в которых они находились, было темно, сыро и холодно. Ночью в посуде иногда даже замерзала вода. Раз в сутки полагалась прогулка по двору. Осужденные по другим делам имели право на часовую общую прогулку, но Принципа и других заговорщиков выводили на улицу всего на полчаса и поодиночке.

Иво Краньчевич вспоминал, что буквально с каждым днем еды становилось всё меньше. Белье заключенным меняли в лучшем случае раз в месяц, а выдавать мыло вообще перестали. «Из-за цепей я заработал ревматизм, — писал он, — поскольку был неопытным и не знал, что нужно делать. В первую зиму я вешал цепи за кровать. Они вытягивали тепло из тела, и утром я просыпался, настолько замерзнув, что у меня едва получалось подняться на ноги. Тогда я попробовал класть цепи под одеяло и перед сном согревать их руками. Ночью железо согревалось... и я больше не вставал утром замерзшим. Но это я, к сожалению, понял поздно».

О первых месяцах пребывания Принципа в крепости известно довольно мало. 27 февраля 1916 года газета «Хрватски дневник» со слов некоего австрийского чиновника сообщила, что он болен туберкулезом костей. Известия о военном поражении Сербии его глубоко потрясли, а смерть Чабриновича раздавила окончательно.

Откуда он знал об этих событиях? Не исключено, что о них сообщала ему тюремная администрация. Понятно, что это не облегчало и без того тяжелое существование.

«Последняя исповедь»

Был, впрочем, еще один человек, который несколько месяцев подряд встречался с Принципом с разрешения тюремной администрации. Более того, он конспектировал свои разговоры с заключенным и оценивал его состояние — как физическое, так и духовное. Естественно, эти записи являются ценнейшим историческим документом.

Впервые их опубликовал хорошо знавший Принципа Ратко Парежанин в 1926 году, а спустя почти 50 лет он же написал к ним предисловие, где рассказал, как, собственно, ему удалось выйти на этого ценного свидетеля последних лет жизни Принципа.

В 1926 году Парежанин служил в Вене атташе по вопросам печати посольства Королевства сербов, хорватов и словенцев. Знакомый журналист, зная, что Парежанин интересуется историей сараевского покушения, познакомил его с психиатром Мартином Паппенгеймом, про которого слышал, что он общался с Принципом в Терезиенштадте.

На встрече Паппенгейм рассказал, что ему как психиатру разрешалось «изучать» различных преступников и для этого иногда беседовать с ними. С февраля по июнь 1916 года он периодически общался с Принципом в Терезиенштадте, несмотря на строгий режим содержания заключенного.

Паппенгейм передал Парежанину свои заметки об этих разговорах и два письма, написанные его собеседником. Парежанин бросил все дела, за одну ночь скопировал бумаги и на следующий день вернул оригиналы владельцу. Вскоре они были опубликованы и стали настоящей сенсацией^[44].

Два письма — точнее, записки, — написанные Принципом на сербском языке для доктора Паппенгейма 12 мая и 5 июня 1916 года, не содержат особо важной информации. В первой Принцип сообщает

об отношении заговорщиков к идеям социализма и анархизма: «Мы как националисты хотя и читали социалистические и анархистские работы, не так много интересовались этим делом, так как считали, что каждый из нас имеет другую обязанность, национальную обязанность». Во второй записке он поясняет, чем занимались комитаджи.

Принцип, по словам Паппенгейма, сначала отказывался что-нибудь писать для него и согласился только после уговоров. Доктор хотел проанализировать его психотип по почерку. Когда Парезжанин спросил Паппенгейма о его выводах, тот ответил: «Чистая абстракция. Идея. У Принципа не было никаких материальных мыслей».

Первая запись доктора Паппенгейма датирована 19 февраля 1916 года. Тремя днями ранее с Принципа сняли цепи. Он сначала рассказывал о своем детстве, семье и книгах, затем о жизни в тюрьме:

«В одиночке очень плохо, без книг, нет ничего, чтобы читать, он ни с кем не общается. Больше всего страдает оттого, что не может читать. Ночью спит не более четырех часов. Всё время что-то снится. Красивые сны. О жизни, о любви, ничего такого страшного. Думает обо всём, особенно о событиях на родине.

Немного слышал о войне. Слышал трагическую весть о том, что Сербии больше не существует. Его жизнь тяжела, Сербии больше нет, «моему народу будет плохо». Мировой войны нельзя было избежать, от этого [покушения] она не зависела... Он хотел отомстить за свой народ. Мотивы: месть и любовь. Вся молодость прошла в таком революционном настроении. Говорит об анархических трудах, которые его побуждали к покушению.

Сейчас думает по-другому. Думает, что во всей Европе возможна социальная революция, потому что ситуация меняется...

С ним плохо не обращаются. Все с ним ведут себя корректно. Признаёт, что месяц назад хотел покончить жизнь самоубийством, повеситься на полотенце. Жизнь тяжелая. Нет надежды. Было бы глупо надеяться. У него раны на груди и на руке (каверны вследствие развития туберкулезного процесса. — *Е. М.*)... «Такая жизнь, как моя, невозможна».

Тогда около двенадцати часов не мог есть, у него было скверное настроение, вдруг появилась идея повеситься. Если бы была возможность, он бы это сделал...»

Двенадцатого мая они увиделись во второй раз. Принцип сразу узнал Паппенгейма и очень ему обрадовался. Их встреча, скорее всего, проходила в тюремной больнице — доктор пометил, что Принцип находится в ней с 7 апреля.

«Он голоден, еды не хватает. Одиночество. Не выходит здесь на воздух и на солнце. В крепости ходил на прогулки... Больше не существует ничего, на что можно было бы надеяться. Жизнь пропала. Когда он учился, у него были идеалы. Всё, что связано с его идеалами, всё разрушено. «Мой сербский народ». Надеется, что что-то еще может стать лучше, но настроен очень скептически.

Идеал молодости: единство югославянских народов, сербов, хорватов и словенцев, но не под Австрией. В какой-нибудь государственной форме, в форме республики или чего-нибудь похожего. Думал, что возникнет революция, если Австрия окажется в тяжелом положении. Но для такой революции нужно готовить почву, готовить настроение. Раньше тоже были покушения. И их исполнители были героями для молодежи.

Он не хотел быть героем. Хотел только умереть за свою идею. Перед покушением читал какую-то статью Кропоткина: что будем делать в случае мировой

социальной революции... Был уверен, что это возможно...

Уже два месяца ничего не знает о событиях (вероятно, имеется в виду происходившее в мире, в том числе на фронтах. — *Е. М.*). Ему всё равно. Из-за его болезни и несчастий его народа...

По просьбе пишет о социальной революции, пишет на листочке следующее (говорит, что два года не брал в руки перо)...

«Не могу поверить, что мировая война стала следствием покушения». Не может признать себя виновным за это несчастье...

Жалуется, что ему плохо».

После встречи 18 мая Паппенгейм записал: «Раны хуже. Сильно гноятся. Плохо выглядит. Нет надежного средства для самоубийства. «Ждать до конца, а потом...» «О чем думаете?» Иногда в философском настроении, иногда в поэтическом, а иногда в совершенно прозаическом. — «О человеческой душе. Что важно в человеческой жизни — инстинкт, воля или дух? Что движет человеком?»

Многие, кто с ним говорил, думали, что он ребенок, что другие его толкнули [на покушение], просто он не может хорошо выражаться, вообще не имеет дара оратора. Всегда читал и всегда в одиночестве, а в дебатах участвовал мало...

«Книги для меня — это жизнь, поэтому мне сейчас так тяжело без книг»... Если бы он мог хотя бы два-три дня читать, то мог бы думать более ясно и выражаться лучше. Ни с кем не говорил уже целый месяц...»

Запись от 5 июня, последняя: «Как только поступит разрешение, рука будет ампутирована. Обычное для него настроение покорности».

Больше они не виделись.

Если судить по записям Мартина Паппенгейма, Принцип уже не был настроен так решительно и

твердо, как на следствии и суде. Объяснить это легко: тяжелые, почти средневековые условия заключения, голод и одиночество могут сломать кого угодно. Однако другие свидетели утверждали: несмотря на все эти понятные колебания, Принцип остался верен своим идеалам до конца.

Чедо Яндрич смог установить с Принципом связь с помощью тюремного парикмахера — заключенного-чеха. Он передавал им записки. Как утверждал Яндрич в воспоминаниях, напечатанных в газете «Политика» в марте 1926 года, Принцип «никогда не терял присутствия духа, не показывал даже самой небольшой слабости, не каялся».

«Кошмар, без еды и без воздуха»

Последние два года жизни Принципа в Терезиенштадте до сих пор во многом покрыты туманом. Известно, что у него быстро развивался костный туберкулез. Из-за этого летом 1916 года ему ампутировали левую руку. Несколько раз Принципа помещали в тюремную больницу, а потом возвращали в камеру. Иво Краньчевич благодаря надзирателям-чехам смог однажды увидеть его и даже немного поговорить.

«Гавро был болен и всё больше слабел, — вспоминал он, — но духовно он всегда оставался свежим... Когда его донимали боли, он сказал мне: «Когда я был на свободе, то болел и даже плевался кровью. А сейчас, в этом кошмаре, без еды и без воздуха, живу и никак не могу умереть, чтобы освободиться от рабства». Он не надеялся дожить до конца войны, но не отчаивался, будучи убежден в том, что конец Австрии неминуем и что он открыл ей эту дорогу в пропасть. Так что ему всё равно, доживет ли он до конца войны».

Виделись они, судя по всему, в августе 1916 года, так как Краньчевич упоминает, что Принципа очень обрадовало известие о вступлении Румынии в войну на стороне Антанты, произошедшем как раз в то время. Принцип из окна своей камеры окликнул Краньчевича, выведенного на прогулку. Они обменялись новостями. Потом Принцип показал кусок хлеба, который заключенные получали на целый день, и сказал: «Ты знаешь, я такой же голодный, как и ты, но от радости даже не могу есть. Сейчас уже точно будет конец войне...»

Вскоре Принципа опять отправили в больницу, а в его камеру поместили Трифко Грабежа. Краньчевичу удалось увидеть и его — за день до его смерти, 20 августа.

Грабеж, вспоминал Краньчевич, жаловался, что уже не может есть и даже стоит с трудом. Они попрощались в надежде увидеться позже, когда на дежурстве будут благосклонно расположенные к ним надзиратели. Однако на следующий день Грабеж умер в камере.

...Кончина императора Франца Иосифа 21 ноября 1916 года привела к некоторым изменениям в положении заключенных. Новый император Карл понимал, что страна находится в трудном положении, и искал контактов с союзниками для зондирования вопроса о перемирии.

В марте 1917 года Военное министерство распорядилось провести инспекцию тюрьмы в Терезиенштадте. Как пишет Дедиер со ссылкой на документы Военного архива в Вене, в тюрьме на тот момент находилось 866 узников, а только в 1916 году умерло 37 человек. По результатам этой инспекции было принято решение покончить с содержанием заключенных в одиночных камерах. Вскоре тех, кто еще был жив, вернули из Терезиенштадта и Мелерсдорфа в

Боснию, в тюрьму города Зеница. Всех, кроме Принципа.

Почему Принцип остался в Терезиенштадте, точно неизвестно. Возможно, потому, что он был уже слишком болен и слаб, чтобы перенести поездку в Боснию.

Мартин Паппенгейм упомянул в своей книге о четырех врачах, которые лечили Принципа. Это были доктора Левит, Мозел, Шпатни и Марш. Последний оставил о нем воспоминания, опубликованные через 20 лет после событий.

«Когда летом 1916 года я начал лечить Принципа в хирургическом отделении гарнизонной больницы в Терезине, он уже был кандидатом в мертвецы, живым трупом: его ссохшееся до костей тело покрывали многочисленные туберкулезные раны величиной с блюдце», — писал врач. По его словам, охрана Принципа и в больнице оставалась строгой — солдат с винтовкой с примкнутым штыком стоял в его палате, двое — у входа, а еще двое — под окном. Хотя бежать Принцип никак не мог — он и сотни метров уже не прошел бы из-за слабости. Разговаривать с заключенным запрещалось, но доктор Марш всё-таки нашел такую возможность. «В разговорах со мной он никогда не жалел о том, что сделал... он уже попрощался со всеми земными делами и ожидал свой конец со стоическим спокойствием». Только когда он начинал говорить об освобождении народа, отмечал Марш, его глаза на минуту вспыхивали.

«На хорошем немецком языке, — вспоминал доктор, — он много мне рассказывал о своей семье, о своей короткой жизни, но никогда не упоминал людей из «Черной руки», которые, по мнению австро-венгерской тайной полиции, подтолкнули его к этому делу».

Узник выглядел лет на десять старше своего возраста, тем более что зарос длинной густой бородой.

«Принцип, — вспоминал доктор, — через день приходил в операционную на перевязку. Поскольку мы должны были перевязывать верхнюю часть его тела, я на перевязку был вынужден тратить больше материала, чем на пять раненых солдат. Туберкулезный процесс быстро прогрессировал. Дни Принципа были сочтены».

Был и еще один свидетель — Светислав Гаврилович. Он тоже сидел в Терезиенштадте и лежал в тюремной больнице в одно время с Принципом. Гаврилович рассказывал журналистам «Политики», что к Принципу приходил австрийский генерал фон Рупрехт. Он заявил, что Сербия и Россия разгромлены и что Принцип как «великий грешник» должен покаяться. Гаврилович утверждал: Принцип ответил, что Сербия не покорена, потому что для этого «нужно сломать самый последний сербский штык», и добавил, что и Рупрехт еще «положит перед сербским солдатом свою саблю».

Было это, по словам Гавриловича, всего лишь за несколько дней до смерти «маленького гимназиста».

По официальным данным, Гаврило Принцип умер от туберкулеза костей 28 апреля 1918 года в 18.30 в палате № 33 тюремной больницы.

Krankenabteilung: 4:4134

Zimmer-Nr. ~~33~~ 33

Fusszettel (Leichenschein).

Truppenkörper: *H.-K. Militär-Strafanstalt*

Unterabteilung: *Theresienstadt*

Charge: *Kerker Pfriest. II. Stab*

Name: *Princip Gavrilo*

Alter: *24 Jahre*

Gebürtig: *Okrag Bosnien*

Zugewachsen: *4. April 1916*

Gestorben am: *27. April 1918 - 6³⁰ Ab.*

Todesursache: *Knochenmarkerkritose*

Theresienstadt den 28. April 1918

Anmerkung: Die Leiche wurde in der

Zipfammlung mit dem Pfriest. Stab

Abteilungs-Chefarzt

Bezeichnet:

St. J. S. S.

am *28. April 1918* um *6 Uhr 30*

a. a.

J. J. Au
Inspektionsarzt. *Bosnia*

Свидетельство о смерти Гаврилы Принципа. 28 апреля 1918 г.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

«Триумф мертвых героев»

Принципа похоронили тайно в ночь на 29 апреля. О том, где находится его могила, возможно, никогда не узнали бы, если бы не австрийский капрал, чех по национальности Франтишек Лебел, который вместе с другими солдатами закапывал его. Он запомнил место, нарисовал схему расположения могилы и послал ее своему отцу. Лебел хотел, чтобы тайна похорон Принципа была когда-нибудь раскрыта, даже если его самого к тому времени убьют на войне. Но он выжил. После возвращения с фронта Лебел отправился в Терезин (так Терезиенштадт стал официально называться с распадом Австро-Венгерской империи) и установил на могиле Принципа чешский национальный флаг.

В это время участники сараевского покушения уже не считались изменниками и преступниками. Война закончилась, Германия и Австро-Венгрия были повержены, а их императоры Вильгельм II и Карл I свергнуты и отправлены в изгнание.

Писатель Стефан Цвейг стал свидетелем того, как в марте 1919 года император Австро-Венгрии пересек границу со Швейцарией в шикарном салон-вагоне: «В зеркальной вагонной раме я увидел почти во весь рост императора Карла, последнего императора Австрии, его одетую в черное супругу королеву Зиту. Я вздрогнул: последний император Австрии, наследник габсбургской династии... покидает свою империю!.. Все вокруг ощущали в этот момент ход истории, мировой истории... Паровоз тронулся резким толчком, словно и он

совершал над собою насилие, поезд медленно удалялся... Только теперь, в это мгновение, почти тысячелетней монархии действительно пришел конец».

А 1 декабря 1918 года на Балканах возникло новое государство южных славян — Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года — Королевство Югославия), в 1921 году его королем стал Александр Карагеоргиевич. В этой стране Принцип и его товарищи считались уже героями и борцами за освобождение славян. Разумеется, вскоре встал вопрос о торжественном перезахоронении казненных и умерших участников «Молодой Боснии» в Сараеве.

Девятого июня 1920 года вскрыли могилы Принципа, Грабежа и Чабриновича в Терезине, место расположения которых указал Франтишек Лебел. В одной из них обнаружили скелет человека без руки. Сомневаться не приходилось — это были останки Принципа.

Через десять лет после этих событий в Белграде вышла книжка одного из основателей спортивно-гимнастического общества «Сербские соколы» в Боснии и Герцеговине Стевана Жакулы. Жакула дружил с Велько Чубриловичем и Мишко Йовановичем, сам участвовал в молодежном движении и в 1916 году тоже был осужден «за государственную измену» на десять лет тюрьмы. В 1920-м он входил в состав боснийской делегации, которая отправилась в Терезин за останками «видовданских героев».

Тем временем кости Принципа, Грабежа и Чабриновича были уже извлечены из могил. Это сделали местные власти Терезина и члены чешского общества «соколов». На месте погребения они установили памятник и украсили его цветами. В Терезин были также доставлены эксгумированные останки Якова Миловича, Недо Керовича и Петара Керовича. Все они находились в металлических гробах,

которые до приезда делегации из Боснии хранились в семейном склепе председателя общины Терезина.

Передача останков происходила в торжественной обстановке. Гробы установили на высоком подиуме, у которого стоял почетный караул из шести чешских «соколов» с обнаженными саблями в руках.

Гробы погрузили в специальный вагон, а «соколы» из Боснии и Герцеговины и Далмации несли у них круглосуточное дежурство. Как вспоминал Жакула, больше всего они опасались нападений во время проезда по австрийской территории. Но всё обошлось. Путь по Словении и Хорватии проходил медленнее — из-за митингов. Особенно запомнил Жакула последний отрезок пути: «Эта поездка по Боснии и от Брода до Сараева была настоящим триумфальным походом мертвых героев по своей земле... На всех крупных станциях, где поезд задерживался хотя бы на минуту, устраивались торжественные и благочестивые встречи и прощания, произносились патриотические речи, а певческие дружины пели патриотические или траурные церковные песни. Даже на маленьких станциях, которые поезд проскакивал без задержки, стояли люди с шапками в руках и набожно крестились при прохождении поезда...»

К этому времени в Сараеве уже вскрыли могилы Данилы Илича, Велько Чубриловича, Мишко Йовановича, Марка Перина и Богдана Жераича. Их останки тоже поместили в металлические гробы. Вместе с огромной толпой они ждали в Сараеве прибытия поезда из Терезина. Когда состав остановился, все закричали: «Слава видовданским героям!»

Затем гробы по одному начали выносить из поезда, называя имена тех, чьи останки в них находились, и каждый раз собравшиеся кричали: «Слава видовданским героям!» Катафалки с одиннадцатью гробами двинулись через всё Сараево. Стеван Жакула

отмечал, что более трогательного и грандиозного прощания Сараево раньше никогда не видело и, «думаю, уже не увидит».

Братская могила для «видовданских героев» была готова на православном кладбище в районе Кошево. Любопытно, что вплотную к нему примыкает католическое кладбище, на котором хоронили в том числе солдат австро-венгерской армии, погибших на фронте или умерших в госпиталях. Многообразие боснийской жизни проявилось даже здесь.

В 1939 году над местом погребения «видовданских героев» возвели небольшую капеллу. Проектировал ее сербский архитектор, во время Первой мировой войны бывший военным летчиком, Александр Дероко. Удивительно, но капелла уцелела и во Вторую мировую войну, во время немецкой оккупации Сараева, и в кровопролитную югославскую гражданскую войну в 1990-х годах. Если подойти к ней совсем близко, то на камнях, из которых она построена, можно увидеть кресты и фамилии, написанные на кириллице. Смотритель кладбища обязательно расскажет вам: часовня сооружена из могильных плит со старинного сараевского православного кладбища, которое насчитывало несколько сотен лет. К тридцатым годам прошлого века это кладбище было уже заброшено, его памятники разрушались, так что было решено сохранить хотя бы часть из них таким необычным образом.

Теперь на капелле золотыми буквами выбиты имена Гаврилы Принципа и других «видовданских героев», а со всех сторон их окружают полустертые фамилии уже никому не известных людей. «Принцип и его друзья, — говорил нам смотритель кладбища, — наверное, были бы не против такого соседства. Они ведь родились и выросли среди таких же обычных людей, боролись за них и теперь вот навечно остаются с ними».

**«Могила Принципа — живой родник идеалов
молодежи»**

Сохранилась фотография, сделанная в день перезахоронения останков «видовданских героев» в Сараеве: толпа нарядно одетых жителей города как раз на том самом месте, где был убит Франц Фердинанд. На стене дома укреплены ковер с двуглавыми сербскими орлами и венки, а на ковре — портрет Гаврилы Принципа. Его культ «национального героя» начинался уже тогда.

Почитание Принципа и других членов «Молодой Боснии» отличается одной любопытной чертой — оно пережило несколько государств с различной общественно-политической системой. Принцип и его товарищи считались героями и в королевской Югославии, и среди югославских партизан-коммунистов и сербских четников-монархистов во время Второй мировой войны, и в социалистической Югославии маршала Тито, и в полусоциалистической «третьей Югославии» и Сербии Слободана Милошевича, и, наконец, в сегодняшней Сербии. А на родине, в Боснии и Герцеговине, споры о них продолжаются и сегодня.

Главные участники покушения на Франца Фердинанда не дожили до того момента, как ненавистная им Австро-Венгерская империя ушла в историю. В августе 1917 года, в возрасте двадцати семи лет, в Швейцарии неожиданно умер идеолог «Молодой Боснии» Владимир Гачинович. Обстоятельства его смерти часто называют таинственными — врачи говорили то о воспалении слепой кишки, то о воспалении желудка, сделали Гачиновичу операцию, через несколько дней после которой он скончался. Любители конспирологии с тех пор пишут, что Гачиновича, возможно, отравили. Кто и почему? Версии

разнятся — говорят то о масонах, якобы не хотевших, чтобы он проговорился об «истинных организаторах покушения», то о сербах, которые решили «принести его в жертву», чтобы начать мирные переговоры с Австро-Венгрией, и т. д.

Королевская Югославия, как и мечтали участники покушения, действительно объединила в себе большинство южных славян. Но вряд ли Принципа и его друзей привели бы в восторг форма этого объединения и политический режим на их новой «большой» родине. Они всё-таки были людьми леворадикальных взглядов и, вероятно, вскоре испытали бы чувство разочарования от происходившего в стране, где в 1929 году дело дошло практически до личной диктатуры короля Александра. Не случайно многие из бывших участников молодежного движения в Боснии и Герцеговине потом симпатизировали коммунистам, а некоторые, как уже говорилось, сотрудничали с Коминтерном и советской разведкой.

Югославские власти тоже чувствовали этот диссонанс. На «младобосанцев» падала тень ненавистной для Александра «Черной руки»; кроме того, стране нужны были деньги, и многое зависело от австрийских и германских инвестиций. Поэтому король и правительственные круги старались особо не участвовать в раскручивании культа Принципа и «Молодой Боснии». Но и сдерживать «народную инициативу» они не собирались, так что очень быстро «омерзительное преступление в Сараеве» начали называть «героическим актом борьбы за свободу», «убийц и террористов» — «народными героями и мучениками за югославянское и сербское дело» и даже «творцами Югославии», а «роковые выстрелы Принципа» — «ударами колокола в борьбе против австрийского ига».

Дожившие до конца войны и распада Австро-Венгрии «младобосанцы», особенно те, кто имел отношение к покушению в Сараеве, получали государственные пенсии и земельные наделы, учились в университетах и писали воспоминания. Именем самбй «Молодой Боснии» и ее участников называли улицы, спортивные общества, школы. Но конечно, львиная доля посмертной славы досталась Гавриле Принципу.

Сразу же после окончания войны и исчезновения Австро-Венгрии одну из главных достопримечательностей Сараева — Латинский мост через Миляцку, который буквально упирается в место убийства эрцгерцога, переименовали, назвав его Принципов мост. С учетом того, что как раз рядом с этим мостом стоял памятник Францу Фердинанду и герцогине Софии (впрочем, его вскоре разобрали), это переименование было вдвойне символично.

В апреле 1928 года, по случаю десятилетия смерти Принципа в тюрьме, в Сараеве на могиле «видовданских героев» состоялась торжественная панихида. Это было, пожалуй, первое крупное массовое мероприятие в честь участников «Молодой Боснии» после перезахоронения их останков. Белградская газета «Време» дала репортажное описание этой панихиды:

«Около 10 часов утра у могилы национальных героев начала собираться толпа. В 10 И часов появляется сгорбленная старая женщина в черном и в платке на голове. Это — мать Данило Илича. В глубокой тишине слышен ее негромкий плач.

— Мой милый сын, мое золотое дитячко! — всхлипывает она. Она вытаскивает из газетного свертка четыре маленькие свечки, прикрепляет их к могильной плите и зажигает их. В толпе слышится плач. У всех глаза полны слез. Затем мать достает маленькую

кадильницу, высыпает из другого свертка ладан, разжигает его на свечке и с плачем опускается на маленькую скамейку.

Священник Милан Божич... начинает панихиду. Собравшиеся отвечают хором. В заключение несколько сотен собравшихся мужчин и женщин поют «вечную память»...

Божич обращается к молодежи и требует, чтобы она почаще посещала эти могилы и черпала здесь свои идеалы, как из живого родника.

— Я низко кланяюсь теням Принципа и его товарищей! — заканчивает Божич и провозглашает в их честь:

— Слава!

Молодой солдат в черногорском головном уборе с букетом цветов в руках появляется на могиле. Это господин Милорад Рачич. Он — воспитанник школы офицеров запаса. Его сопровождает солдат.

— От имени 800 юношей, окончивших вчера школу офицеров запаса, я прибыл сюда, чтобы почтить память великих героев и возложить этот маленький букет на могилу героев, которые не хотели допустить, чтобы Габсбург принимал участие в маневрах в Боснии в Видовдан. Мы, юноши, прибывшие в Сараево — город Принципа — со всех сторон нашей страны, были возмущены, увидев его могилу. Эта могила — позор для государства, позор для Белграда, позор для нашего народа. Мы, поклявшись в верности нашему Отечеству, клянемся, что эта могила не останется больше в таком состоянии...

Господин Рачич в резких выражениях клеймит безжалостное отношение нынешних властей к памяти героя. Его слова сопровождаются аплодисментами.

— Целую этот букет от имени моих 800 товарищей и возлагаю его с глубоким благоговением на могилу героя.

Затем Рачич подходит к матери Данилы Илича и целует ее лицо. К нему же подходит госпожа Иока Силяк, известная народная рукодельница, и целует его в лоб:

— Прими, сын мой, благодарность от Общества сербских женщин.

Молодые люди, которые до вчерашнего дня являлись воспитанниками школы офицеров запаса, провожают мать Данилы Илича до ее дома. Толпа расходится с панихиды, полная горестных переживаний».

Следы на асфальте

Еще через два года в Сараеве состоялось первое «материальное увековечение» памяти «героического выстрела Гаврилы Принципа». На доме, где находился магазин «Деликатесы Морица Шиллера», куда перед покушением заходил Принцип, решили установить мемориальную доску. Мероприятие запланировали на 2 февраля 1930 года — пятнадцатую годовщину казни троих участников покушения.

Газеты отмечали, что оно прошло «скромно и без особой торжественности». Официальные лица в нем не участвовали. Корреспондент английской газеты «Таймс» подчеркивал, что югославские власти всячески давали понять иностранным дипломатам, что это исключительно общественная инициатива, с которой выступили родственники и друзья участников покушения. Осложнять отношения с теми странами, которые были совсем не в восторге от подобной идеи, они явно не хотели. Немецкая газета «Дойче альгемайне цайтунг», например, назвала установку доски «чудовищной провокацией, с которой мы не должны мириться».

Тем не менее всем было понятно, что без ведома и одобрения властей памятная доска не могла оказаться на доме. Описание торжественной церемонии появилось практически во всех ведущих югославских газетах. Белградская «Политика» 3 февраля 1930 года под заголовком «Открытие мемориальной доски Гавриле Принципу» писала:

«На трибуне, которая была украшена зеленью и пальмовыми листьями как символом мира, стояла мать покойного участника покушения Илича. Рядом с ней стояла Йованка Чубрилович, супруга покойного участника покушения Чубриловича, а рядом с ней — сестра Трифко, Милена Грабеж, и сестра Мишко Йовановича Мара. В 11 часов на трибуну поднялись господа Василь Грджич, Милан Божич, Саво Любибратич, Хамдия Никшич и Боривое Леонтич. Как только на трибуну поднялся Василь Грджич, он повернулся к собравшемуся народу и необычно твердым голосом сказал:

— Народ, мы собрались, чтобы отдать дань уважения самым великим из нас. Сегодня самым достойным отдаем дань уважения молчанием.

Василь Грджич наклонил голову и остался в таком положении две минуты, а затем снова высоко поднял ее и воскликнул: «Слава герою Гавриле Принципу!» Народ на этом историческом месте подхватил: «Слава, слава, слава!»

В это время молодой националист Хамдия Никшич, который во время войны сидел в тюрьме как государственный изменник, сдернул белую ткань с мемориальной доски. Затем господин Боривое Леонтич, делегат от молодежи Далмации, сказал такие слова: «Возлагаю свой венок к памятнику герою в качестве скромного знака признания от молодежи Далмации великому герою». После его слов снова послышались крики: «Слава ему!» «...На этом торжества завершились».

На доске из черного мрамора золотыми буквами была сделана надпись: «На этом месте Гаврило Принцип возвестил о свободе на Видовдан 15/28 июня 1914 года».

Между прочим, после развала Австро-Венгрии улицы в Сараеве переименовали. Так что историческое место выстрелов Принципа на углу набережной Аппеля и улицы Франца Иосифа тоже поменяло «прописку» — теперь оно находилось на углу набережной воеводы Степы Степановича — сербского героя времен Первой мировой войны — и улицы короля Петра.

В приведенных выше газетных репортажах легко можно увидеть одну особенность складывавшегося тогда героического культа Принципа. Героем он был не только для сербов, но и для черногорцев, далматинцев, боснийских мусульман (Хамдия Никшич, судя по всему, был из их числа) и др. Но так было далеко не всегда.

Первая мемориальная доска в честь выстрелов Принципа провисела почти 11 лет. 17 апреля 1941 года немецкие войска, вторгнувшись в Югославию, заняли Сараево. Одним из первых актов, который совершили в этом городе оккупанты, стал демонтаж доски на месте убийства австрийского эрцгерцога.

На сохранившихся кадрах кинохроники видно, как доску снимают люди в белых рубашках, черных брюках и черных галстуках, которые приветствуют нацистов, вскидывая вверх правые руки, — очевидно, местные коллаборационисты. Босния и Герцеговина вошла в состав так называемого Независимого государства Хорватия, в котором православные сербы, евреи и цыгане официально приравнивались к собакам и подлежали в лучшем случае обращению в католичество, а в худшем — уничтожению, что и происходило. Массовые убийства сербов вскоре приняли в новом «государстве» планомерный и масштабный характер. Конечно, такой режим не мог оставить в

целости мемориальную доску в честь «возвестивших о свободе» выстрелов серба Принципа.

Теперь набережная воеводы Степы Степановича именовалась набережной Адольфа Гитлера, а бывшая улица Франца Иосифа, а потом короля Петра приобрела при оккупантах совсем уж странное и безликое название — «улица № 1». Так что церемония ликвидации доски проходила по адресу: «угол набережной Адольфа Гитлера и улицы № 1». Немцы и коллаборационисты придавали ей большое пропагандистское значение, поэтому обставили очень торжественно. Играл военный оркестр, был выстроен почетный караул с развернутыми знаменами. Вся процедура от начала до конца снималась на киноплёнку — потом сюжет крутили в выпусках кинохроники в германских кинотеатрах. На кадрах видно, как снятую доску грузят в автомобиль и куда-то увозят.

...Двадцатого апреля 1941 года Гитлеру исполнилось 52 года. День рождения он отмечал в своем специальном поезде, из которого руководил нападением на Югославию и Грецию, — состав стоял в нескольких десятках километров от югославской границы. В день рождения фюреру вручили и необычный подарок — мемориальную доску в честь Гаврилы Принципа из Сараева.

Гитлер, ветеран Первой мировой войны, Принципа ненавидел. Не только потому, что его выстрелы дали повод к началу европейской бойни и будущему фюреру пришлось гнить в окопах и вдыхать отравляющие газы. Он называл Принципа «сербским фанатиком» и вслед за генералом Людендорфом подозревал его в «тайном еврействе» и масонстве. Так что, вероятно, для фюрера это был отличный подарок. Сохранилась фотография: Гитлер, скрестив руки на груди, презрительно разглядывает доску с золотыми буквами.

Потом эта «черная доска» была передана в Военный музей Берлина. Там ее выставили рядом с железнодорожным вагоном из Компьена, в котором в 1918 году Германия подписала унизительное для себя перемирие со странами Антанты, а в 1940-м уже представители Франции поставили свои подписи под актом о фактической капитуляции перед гитлеровской Германией.

А доска бесследно исчезла. Сотрудники музея предполагают, что она могла быть уничтожена во время боев за Берлин в 1945 году.

Родственники Принципа пострадали во время Второй мировой войны. И из-за того, что были сербами, и из-за того, что имели отношение к одному из самых известных политических террористов XX века.

Правда, отец Принципа умер еще в 1940 году. Матери же пришлось бежать из родных мест, когда формирования хорватских националистов — усташей, вошедшие в Обляй, сожгли село, а первым делом родной дом Принципа, и убили его брата Николу. Мать Принципа пережила сына более чем на 30 лет. Она еще увидела освобождение Югославии от гитлеровцев и скончалась в июле 1945 года в возрасте восьмидесяти семи лет.

А в апреле 1945-го, всего за месяц до окончательного крушения Германии, Сараево освободила Народно-освободительная армия Югославии. Недавние партизаны, провоевавшие четыре года в горах с красными звездами на пилотках и шапках, не хуже немцев понимали пропагандистское значение фигуры Принципа и мемориальной доски в честь его выстрелов. Так что новую доску открыли уже 7 мая, когда война еще формально не закончилась.

По этому случаю на историческом сараевском углу (вскоре набережную снова назовут именем воеводы

Степы, а бывшая улица Франца Иосифа, потом короля Петра и «№ 1» получит название «улица Югославской народной армии») состоялся большой митинг. В отличие от прошлых лет, когда власти давали понять, что инициатива увековечения памяти «героических выстрелов» исходит от общественности, теперь главную роль в мероприятиях играли новые, коммунистические власти Боснии и Герцеговины и Сараева. Их представители чуть ли не в полном составе участвовали в митинге 7 мая. Присутствовали делегаты от молодежи из других частей Югославии, а также из Греции и Болгарии.

После речей под овации с доски торжественно сдернули покрывало. И снова на солнце засверкали золотые буквы. Правда, текст уже был другим: «В знак вечной благодарности Гавриле Принципу и его товарищам, борцам против германских захватчиков, посвящает эту доску молодежь Боснии и Герцеговины. Сараево, 7 мая 1945 года».

Эта доска напоминала о Принципе и его выстрелах не так уж и долго — всего восемь лет.

В 1953 году в том самом доме, где когда-то находился магазин «Деликатесы Морица Шиллера», открыли музей «Молодой Боснии». Экспозиция разместилась в помещениях музея, расположенных буквой «Г», а над входом находилась мозаика известного художника Раденко Мишевича: белый голубь за тюремной решеткой, а над ней — открытая книга с надписью: «Самый понятный язык в мире — это язык свободы».

Тогда же на стене дома появилась новая доска с новым текстом: «С этого места 28 июня 1914 года Гаврило Принцип своим выстрелом выразил народный протест против тирании и вековое стремление наших народов к свободе». А под доской, на тротуаре, появился, пожалуй, один из самых оригинальных

памятников в мире — следы ботинок Принципа на асфальте.

В музей «Молодой Боснии» обычно привозили различные югославские и иностранные делегации. Вдова американского президента Франклина Рузвельта Элеонора, например, написала в музейной книге отзывов, что «эти молодые люди своей жертвенностью и храбростью заслужили, чтобы весь мир поклонился теням Гаврилы Принципа и его товарищей».

Так, конечно, считали не все. К пятидесятилетней годовщине выстрелов Принципа корреспондент «Нью-Йорк таймс» Джозеф Берри опубликовал репортаж из Сараева, в котором назвал Принципа «молодым сумасшедшим, которого выставляют героем». Однако факт остается фактом — «следы, отлитые в асфальте», быстро превратились в одну из туристических достопримечательностей столицы Боснии и Герцеговины.

Когда в 1987 году я впервые оказался в этом необычном городе, то, естественно, не мог не обратить на них внимания. Что тогда бросилось в глаза? Во-первых, судя по следам, нога у Принципа была очень маленькой для двадцатилетнего (то есть уже достаточно взрослого) мужчины. Наверное, он носил обувь 38-го или 39-го размера. Во-вторых, конфигурация следов неестественная — получается, что Принцип стоял на внешних сторонах стоп, враскоряку. Впрочем, гораздо позже мне объяснили, что авторы памятника, скорее всего, не стремились точь-в-точь зафиксировать его реальную позу. Отпечатки следов должны были служить прежде всего символом.

Гаврило Принцип, без сомнения, был в социалистической Югославии одной из фигур-символов. Эту страну представляли в качестве воплощения идей, за которые он боролся и за которые отдал свою жизнь: равноправие народов и языков, народовластие,

самоуправление и т. д. Правда, многие из этих идей оказались реализованы только на бумаге, но это уже другой вопрос.

...В семидесятые годы в Сараеве снимали югославский художественный фильм о Принципе и покушении. Чтобы показать «праздничную обстановку» в городе во время встречи Франца Фердинанда, на улицах развесили австрийские флаги. Хотели повесить флаг и на одной из православных церквей, но возмутились священники. Они говорили, что такого не могло быть даже во время Австро-Венгрии. Киношники почему-то настаивали. Дело закончилось тем, что сараевский митрополит вообще запретил им снимать в православных церквях. Так что сцены, где действие происходит в храмах, пришлось доснимать уже в других городах.

Но это, конечно, лишь казус. Именем Принципа и «Молодой Боснии» называли школы, улицы и спортивные клубы. Популярны в Сараеве да и во всей Югославии команды по баскетболу и гандболу назывались «Млада Бос-на» (потом их переименовали в «Железничар»).

А известный боснийский исполнитель народных песен Сафет Исович пел:

*Слышны звуки барабанов,
Сараево встречает царя,
Фердинанд едет на Бембашу^[45].
Гаврило, Гаврило, молодой герой из Босны!
Твоими делами гордятся твои земляки!*

В шестидесятые, семидесятые и даже восьмидесятые годы прошлого века по «местам Гаврилы Принципа» возили пионеров, передовиков производства и просто туристов. Главным объектом

посещения кроме музея «Молодой Боснии» в Сараеве был также дом-музей Принципов в Обляе.

От того, как сегодня кажется многим людям старшего поколения, спокойного и счастливого времени, осталось немало документальных кадров, запечатлевших сербов, хорватов, македонцев, черногорцев и других югославов, внимательно осматривающих дом и экспозицию небольшого музея, а также пионеров, говорящих, что хотели бы стать такими же, как «родившийся здесь герой». «В этом доме, — сообщает диктор одного из югославских документальных фильмов об Обляе, — тщательно сохраняется память о молодом человеке, который своими выстрелами в Сараеве бросил вызов оккупантам и поработителям южных славян».

Но всё это — в прошлом.

Зеркало истории

А что сегодня помнят о главных участниках сараевской трагедии — не историки, а самые обычные люди?

Что касается Франца Фердинанда, то простые австрийцы о нем знают мало. Анита фон Гогенберг, которая сама часто встречает посетителей принадлежавшего ее прадеду замка Артштетген, нас тоже водила по всему замку и окружающему его саду, для обустройства которого Франц Фердинанд потратил много сил и средств. Он выращивал розы, его правнучка — огромные пионы, которые показывала нам с нескрываемой гордостью, называя их «княжескими».

Княгиня Анита откровенно признавалась — со временем люди всё меньше помнят о том, кем был Франц Фердинанд и что с ним произошло. Даже те, кто приезжает в замок. «Нет, они, конечно, слышали о

сараевских событиях, но очень удивляются, что этот замок самым непосредственным образом связан именно с тем человеком, которого там убили. Они даже не помнят, как его звали». По ее словам, только около 20 процентов посетителей музея более или менее знакомы с событиями в Сараеве.

Она показала нам все 25 залов музея и рассказала, как сложилась жизнь детей эрцгерцога после гибели родителей. Их называли «сараевскими сиротами». Макс, Эрнст и София, лишившись сразу матери и отца, жили в Чехии. В 1919 году восемнадцатилетняя София вышла замуж. Тогда же у них конфисковали в пользу государства всё имущество и выслали в Австрию, разрешив взять с собой только по пять килограммов вещей на человека. В Австрии же их лишили титулов — они в Австрийской республике были упразднены.

Макс Гогенберг поселился в замке Артштетген. Он изучал право. Эрнст — растениеводство и лесоводство. Оба брата были убежденными «легитимистами» (монархистами), терпеть не могли нацистов и лично Гитлера и выступали против аншлюса — присоединения Австрии к Германии.

Когда же в 1938 году аншлюс всё-таки произошел, нацисты арестовали братьев и отправили в концлагерь Дахау. Макс сидел там полтора года, а Эрнста перевели в концлагерь Заксенхаузен, где он находился до 1943 года. Он умер в 1954 году в возрасте сорока девяти лет.

Когда Австрию освободила Красная армия, советская военная администрация назначила Макса Гогенберга бургомистром Артштеттена. В музее и сейчас можно увидеть любопытные экспонаты: нарукавную повязку с надписью «бургомистр» на русском и немецком языках, а также соответствующее удостоверение, тоже на двух языках. «Интересно, что советский офицер, который сообщил ему об этом назначении, очень хорошо, буквально в деталях, знал

его биографию и вообще историю нашей семьи, — рассказывала Анита фон Гогенберг. — Советские офицеры были тоже расквартированы в замке Артштетген. Они знали, кому он принадлежал раньше, и вообще вели себя очень предупредительно».

Через пять лет Макс получил должность бургомистра уже путем выборов. Он умер в 1962 году. София намного пережила братьев, скончавшись в 1990-м в возрасте восьмидесяти девяти лет.

У Макса было шестеро детей (в том числе Георг фон Гогенберг), у Эрнста — двое, у Софии — четверо. Так что сейчас по всему миру «рассыпано» немало потомков эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги Софии Хотек, герцогини фон Гогенберг.

Сегодня княгиня Анита фон Гогенберг старается, чтобы музей в Артштетгене не только мог объективно рассказать о Франце Фердинанде, но и превратился в один из известных туристических брендов Австрии.

В магазине при замке продаются не только книги, буклеты, альбомы и открытки с портретами эрцгерцога и его жены, но и многочисленные сувениры, которые в России наверняка вызвали бы яростные споры. Например, бутылочки со шнапсом «Франц Фердинанд» или джем, варенье и мед «от Франца Фердинанда». Хорошо продаются наборы шоколадных конфет «Франц и Софи» с портретами супругов на этикетках. И конечно, всякие магнитики и значки. Продаются еще различные обереги из камней, подобные тем, которые вроде бы носили эрцгерцог и его жена. Странно, что их покупают, ведь такие амулеты не уберегли эрцгерцога и его супругу.

Но, несмотря на то, что «популяризация» образа Франца Фердинанда идет довольно быстрыми темпами, эрцгерцог, престолонаследник, потенциальный реформатор империи и жертва выстрелов Принципа, похоже, всё больше уходит в тень исторической науки.

Трудно, например, представить себе, что на улицах Вены собравшиеся в кучку австрийцы яростно спорят о нем.

Что же касается его убийцы — совсем другое дело. Похоже, даже среди потомков эрцгерцога к нему относятся по-разному.

«В нашей семье, — говорила княгиня Анита, — не было ненависти к Принципу. Он был молодой и несчастный человек, которого просто использовали. Потом он долго сидел в каменном мешке. Но, конечно, для многих и сейчас это сложный вопрос, кем он был — убийцей, террористом или героем».

Ну а для Георга фон Гогенберга он, как уже говорилось, «обыкновенный убийца».

Если, оказавшись в городе Сараево, столице нынешнего государства Босния и Герцеговина, вы вдруг захотите побывать в местах, где родился и вырос Гаврило Принцип, то и сегодня сделать это будет не слишком просто. Дорога на его малую родину займет шесть-семь часов на автомобиле. Придется пересечь почти всю Боснию.

Сегодня Босния — достаточно необычное государство, конфедерация, состоящая из Федерации Боснии и Герцеговины (большинство ее жителей составляют боснийские славяне-мусульмане, или бошняки, и хорваты-католики) и Республики Сербской, где преобладают сербы. Но и в Сараево (столице Федерации) существует крупный сербский район — Восточное Сараево.

Такое государственное устройство — результат гражданской войны 1992–1995 годов, когда сербы, хорваты и мусульмане, недавние граждане единой Югославии, с упоением истребляли друг друга, и соглашения о прекращении огня, подписанного 21 ноября 1995 года на американской военной базе Дейтон

в штате Техас президентами Сербии, Хорватии и лидером боснийских мусульман. Именно по Дейтонскому соглашению была определена «конфигурация» нынешнего боснийского государства.

Хотя границ в буквальном смысле слова между Федерацией и Республикой, как и между «федеративным» и сербским районами Сараева, сейчас нет, в разных частях Боснии и по сей день чувствуется разное отношение и к современным событиям, и к истории, и к некогда общим для всей Югославии национальным героям. И к Принципу в том числе.

...В этой стране перемешано всё: имена, национальности, память о прошлом. Во время путешествия в родное село Принципа за окном машины сменяют друг друга сербские, мусульманские и хорватские села. Потрясающие по красоте пейзажи — то горы, то равнины. Даже погода за время поездки может измениться несколько раз. Но неизменно одно — следы многочисленных войн, которые прокатились по этой земле в XX веке.

Еще от социалистической Югославии остался, например, мемориал на реке Неретва в память о развернувшейся здесь в марте 1943 года ожесточенной битве партизан маршала Тито с немцами, итальянцами и их местными союзниками. Тогда партизаны с боями прорвали кольцо окружения и под огнем смогли переправиться через Неретву, эвакуировав всех своих раненых. В центре мемориала и сейчас стоит каменная стела со словами Тито: «Мы не имеем права оставлять раненых».

А дальше уже встречаешь следы последней югославской войны: разрушенные дома, сгоревшие села, многочисленные желтые ленты на заросших полях, означающие, что в этих местах до сих пор остались мины. Минные поля и пробоины от пуль и снарядов в стенах домов встречаются на всём пути до

села, в котором родился Гаврило Принцип, да и в нем тоже. Во время гражданской войны досталось и историческим символам, которыми раньше гордилась вся страна.

От дома в Обляе, в котором родился Принцип, остались одни развалины. Летом 1995 года его заняла хорватская армия, в ходе операции «Буря» начавшая наступление на непризнанную Республику Сербскую Краину. Тогда в селе сожгли и разрушили многие дома, а дом-музей Принципов — одним из первых как олицетворение «сербского национализма». Все музейные экспонаты из него пропали, и никто точно не знает, где они сейчас.

Жители, кто мог и успел, бежали из села. В 1991 году, перед началом войны в бывшей Югославии, в Обляе, по официальным данным, проживало 193 человека. В 2014-м, когда автор этой книги побывал там, село выглядело почти безжизненным, удалось поговорить лишь с несколькими его жителями. Некоторые дома до сих пор не восстановлены.

В документальной хронике 1972 года, о которой говорилось выше, есть такой эпизод: жители города Босанско-Грахово, центра «района», к которому относится Обляй, осматривают выставленный прямо на улице макет культурно-развлекательного центра имени Гаврилы Принципа. «Под крышей этого самого большого в Югославии центра разместятся музей, библиотека, кинозал и другие помещения, предназначенные для культурной жизни жителей города», — говорит диктор.

Этот центр действительно построили. Строительство обошлось в три миллиона тогдашних немецких марок. Он стал самым большим во всей Югославии. Но в 1995 году его тоже полностью разрушили хорватские военные. Мы походили по его «внутренностям», заваленным осколками кирпича,

арматуры, битым стеклом и различным мусором. Кое-где они уже заросли травой и даже кустами. Представитель местной администрации рассказывал, что здесь по вечерам собирается местная молодежь. Судя по эмблемам футбольных клубов и названиям различных поп-групп, написанным на стенах, так оно и есть. Впрочем, встречаются и другие надписи: «Да здравствует Сербия!», «Да здравствует Принцип!», «Гаврило Принцип — наш герой!»

Прямо напротив разрушенного центра, в сотне метров от него, на центральной площади города стоит католический крест — памятник погибшим здесь в 1995 году хорватским «освободителям» города. Показывая этот крест приезжим, местные сербы (здесь их большинство) недовольно морщатся и говорят, что не раз поднимали вопрос о его переносе в другое место.

О том, как сербы в этих местах относятся к Принципу, говорит такая деталь: сотрудник местной администрации, показывавший развалины дома семьи Принципов, первым делом встал на колени и начал целовать тот самый камень во дворе дома Принципов в Обляе, на котором, по легенде, Принцип нацарапал свои инициалы. Делал он это явно искренне, а не просто рисуясь перед нами.

Он же рассказывал, что уже несколько месяцев собирают деньги на восстановление дома Принципа в Обляе и установку если не полноценного памятника, то хотя бы бюста. Они собирались это сделать к 28 июня 2014 года — столетию выстрелов Принципа в Сараеве — и действительно сделали. Сербские телеканалы Боснии и Герцеговины и белградское телевидение подробно освещали эти торжества. Дом отстроили заново, по возможности восстановили экспозицию, а во дворе открыли бюст Принципа.

А в сербской части Сараева 28 июня 2014 года открыли памятник Принципу. Двухметровая бронзовая

фигура «маленького гимназиста» стоит в центре будущего парка, который тоже носит его имя. На открытии памятника кроваво-красное покрывало с него снял президент Республики Сербской Милорад Додик. «Наша борьба за свободу, — сказал он, — была справедливой и законной. И все борцы за свободу сербского народа заслуживают светлой памяти». Играл оркестр, исполнялись сербские народные мелодии. Кто-то вставил в руку скульптуры красную розу. Бронзовый Принцип задумчиво смотрел куда-то вдаль, а рядом местные жители целовали рекламные стенды с его портретом.

Тем временем в другой, «федеральной» части Сараева бурно спорили, восстанавливать ли снесенный памятник Францу Фердинанду и герцогине Софии. Мнения высказывались разные, публикации в газетах еще подливали масла в огонь. В дискуссию вмешался даже знаменитый режиссер Эмир Кустурица, родившийся в Сараеве, но в последнее время живущий в Сербии или Париже. Он ехидно предложил открыть восстановленный памятник к дню рождения Гитлера, поскольку в 1941 году доску в память о выстрелах Принципа уже отправляли в подарок фюреру. И вообще, добавил Кустурица, многие забывают, что Принцип застрелил эрцгерцога не в Вене, а в Сараеве, где, мягко говоря, далеко не все были ему рады.

Потомки Франца Фердинанда, кстати, тоже не были уверены, что памятник нужно восстанавливать. Они сомневались, что это укрепит взаимопонимание между народами Боснии. Когда в Сараеве готовились отметить столетие выстрелов Принципа, им пришло приглашение посетить эти мероприятия. Как рассказывала княгиня Анита фон Гоген-берг, в связи с этим потомки эрцгерцога провели специальное совещание, на котором решили, что в Сараево из них никто не поедет.

«Чтобы нас не смогли использовать в политических целях», — пояснила она.

До восстановления памятника ее прадеду дело так и не дошло. Но и к Принципу и бывшим общенациональным героям из «Молодой Боснии» отношение в Сараеве поменялось. Во многом на это повлияли события гражданской войны, особенно после осады, которой город подвергли войска боснийских сербов.

«На Принципа и других членов «Молодой Боснии» как бы проецировались события последней гражданской войны, — рассказывал директор Института истории Боснии и Герцеговины Хусния Камберович. — Это происходит довольно просто: сербы тогда обстреливали Сараево, и Принцип был сербом. Сербы, обстреливающие город, были врагами, «великосербскими националистами». Ну и серб Принцип, которого многие представляли в виде борца за «великосербскую идею», следовательно, тоже является врагом».

В независимой Боснии в начале 1990-х тоже происходило переименование улиц. Набережная воеводы Степы, бывшая набережная Аппеля и Адольфа Гитлера, стала называться набережной Кулина — в честь боснийского бана, правившего страной с 1180 по 1204 год. А улица Югославской народной армии, бывшая улица короля Петра, Франца Иосифа или «№ 1», теперь носит название «улица Зеленых беретов» в честь одного из первых военных формирований независимой Боснии и Герцеговины.

Тогда же, во время войны, была снова демонтирована доска в память о выстрелах Принципа. Плиту с отпечатками его ног разбили, а ее обломки выбросили в Миляцку. Казалось, с памятью о Принципе в Сараеве покончено уже навсегда...

Через несколько лет, когда военные страсти чуть-чуть улеглись, в Сараеве снова появились упоминания о нем. В здании бывшего Музея «Молодой Боснии» теперь разместились одна из экспозиций Музея Сараева, которая рассказывает об истории города с 1878 по 1918 год. Здесь можно увидеть фигуры Франца Фердинанда и Софии в полный рост, различные документы и фотографии, их личные вещи, а также вещи Принципа, в том числе его брюки и сумку, которая была с ним в день покушения.

Восстановили, кстати, и плиту со следами Принципа. «Когда мы открывали музей, — рассказывал автор экспозиции Мирсад Авдич, — мы решили сделать и копию той, погибшей плиты со следами Принципа. Мы взяли его сохранившиеся ботинки и поставили на сырой бетон. Вот так и получились его следы». Надо признать, что сегодняшняя версия «следов Принципа» выглядит реалистичнее предыдущей. Правда, теперь плиту решили на улице не выставлять, а оставили в музее, у самого входа.

А на месте покушения установили новую, уже четвертую по счету мемориальную доску. С новым текстом, гораздо более нейтральным. Надпись на сербскохорватском и английском языках гласит: «На этом месте 28 июня 1914 года Гаврило Принцип совершил покушение на австро-венгерского престолонаследника Франца Фердинанда и его супругу Софию».

Сараевские власти теперь понимают, что выстрелы Принципа — трагическое и неоднозначное событие — всё-таки невозможно вычеркнуть из истории города и страны в целом. Да и туристы, которые толпами приходят посмотреть на исторический угол, Боснии и Герцеговине тоже очень нужны. Но в Сараеве Гаврило Принцип уже не герой.

Зато его по-прежнему считают героем в Белграде, в восточной, сербской части Сараева, в Босанско-Грахове и в Обляе.

«Наши тени будут бродить по Вене»

В 2014 году, когда мир готовился отмечать столетие со дня сараевских выстрелов и начала Первой мировой войны, я оказался в Белграде и удивился обилию изображений Гаврилы Принципа, глядевших со стен, плакатов, витрин магазинов, обложек книг, страниц газет и журналов. Тогда я привез в Москву небольшой сувенир — красную футболку с его портретом, копией знаменитой фотографии, сделанной сразу после ареста, на которой «маленький гимназист» с явными следами недавних побоев на лице затравленно смотрит в объектив. На майке Принципу еще пририсовали что-то вроде берета «а-ля Че Гевара» со звездой и поместили надпись на сербском и английском языках: «Все дело в принципе». Получилось весьма символично.

Как сейчас принято, я выложил фотографию этой футболки в одной из социальных сетей. В ответ, как водится, начали появляться комментарии. Было очень интересно читать, что думают о Принципе современные люди, которые, конечно, слышали о нем, но не так чтобы очень много. Спектр этих комментариев был широк: «герой, борец за свободу», «несчастный человек, которого использовали», «мерзавец-убийца» и даже «явный дегенерат, что видно по безумным глазам и скошенному подбородку».

Любопытно, что мнения обычных людей, различаясь по формулировкам, по смыслу очень похожи на оценки различных историков и публицистов, дававшиеся Принципу за последние 100 лет. Здесь почти такой же

разброс — от героя и борца за национальное освобождение до сравнения с Усамой бен Ладеном.

Есть такие голографические изображения, которые в зависимости от того, под каким углом на них смотришь, окрашиваются в различные цвета.

Образ Принципа, пожалуй, похож именно на такую голографическую картинку. Люди смотрели и смотрят на него через призму своих взглядов и убеждений, в зависимости от которых он и приобретает всю гамму оттенков — от снежно-белого цвета борца за свободу, пожертвовавшего своей молодой жизнью ради благородной идеи, до угольно-черной краски убийцы и террориста.

Так, наверное, будет всегда. Единого мнения о Гавриле Принципе, скорее всего, никогда не появится.

...После смерти Принципа на стене его тюремной камеры в Терезиенштадте обнаружили нацарапанные им строчки неоконченного стихотворения:

*Наши тени будут бродить по Вене,
Ходить по дворам, нести страх господам.*

В этом «маленький гимназист» оказался прав. Их тени до сих пор мало кого оставляют равнодушным.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГАВРИЛЫ ПРИНЦИПА

1894, 25 (13) июля — родился в селе Обляй в крестьянской семье Петара и Марии Принцип.

1903 — пошел в начальную школу в городе Босанско-Грахове. *1907* — окончил четыре класса начальной школы.

Август — поступил в торговое училище в Сараеве.

1910, август — сдал вступительные экзамены в четвертый класс гимназии города Тузла.

1911, лето — перевелся в гимназию в Сараеве. Начал участвовать в работе молодежных литературных и политических кружков.

1911-1912 — создание молодежных кружков в Боснии и Герцеговине, на основе которых возникло движение «Молодая Босния».

1912, февраль — «боснийская весна».

21-22 февраля — участвовал в демонстрациях студентов и гимназистов в Сараеве.

Май — уехал в Белград, чтобы избежать преследования австро-венгерских властей за участие в сараевских демонстрациях и продолжить учебу в гимназии.

Июнь — поступил на заочное обучение в 1-ю белградскую мужскую гимназию.

8 октября (25 сентября) — начало Первой Балканской войны. Попытка записаться добровольцем в отряд комитаджей Воислава Танкосича, но не принят из-за слабого здоровья. *Ноябрь* — возвратился в Боснию и Герцеговину, поселился в семье старшего брата Йово в Хаджичах, недалеко от Сараева.

1913, март — уехал в Белград.

Август — сдал экзамены за пятый и шестой классы гимназии в Белграде.

Осень — вернулся к брату в Хаджичи.

Декабрь — подрался с полицейским на одной из вечеринок.

1914, январь — в последний раз посетил родной дом; через восемь дней, чтобы избежать ареста, уехал из Боснии по чужим документам.

27 (14) февраля — прибыл в Белград.

Весна — возможно, вступил в тайное общество «Смерть или жизнь».

Март — получил из Боснии письмо с вырезанным из газеты сообщением, что эрцгерцог Франц Фердинанд примет участие в военных маневрах в Боснии в июне 1914 года. Привлек к заговору Трифко Грабежа. Попросил Милана Цигановича достать оружие и бомбы.

25(12), 27(14) мая — учился с друзьями стрелять в одном из белградских парков.

27(14) мая — получил с друзьями от Цигановича бомбы, пистолеты и ампулы с ядом.

28 (15) мая — отправился вместе с Грабежем и Чабринови-чем в Боснию с бомбами и оружием.

31 мая — 1 июня (18-19 мая) — перешел границу Сербии и Австро-Венгрии в сопровождении проводников — сербов-крестьян.

3 июня — вместе с Грабежем и Чабриновичем отправился поездом в Сараево.

4 июня — по прибытии в Сараево снял комнату в доме Данилы Илича.

15 июня — бомбы и оружие, доставленные Иличем из Тузлы, спрятали под кроватью Принципа.

25 июня — приезд эрцгерцога Франца Фердинанда в Боснию.

26 июня — случайно встретил Франца Фердинанда с супругой в Сараеве, где они совершали покупки.

27-28 июня — получил от Илича оружие и яд.

28 июня — выстрелами из пистолета убил эрцгерцога и его жену и был схвачен на месте покушения.

28-29 июня — антисербские погромы в Сараеве, антисербские выступления в других городах Австро-Венгрии.

28 июня — подвергся первому допросу судебным следователем Лео Пфедфером.

2 июля — заявил о желании назвать виновных, чтобы не пострадали невинные.

3-4 июля — арест всех непосредственных участников покушения и их сообщников.

4 июля — похороны Франца Фердинанда и герцогини Софии в склепе замка Артштеттен под Веной.

23(10) июля — предъявление Австро-Венгрией ультиматума Сербии.

25 (12) июля — ответ Сербии на ультиматум.

28 (13) июля — объявление Австро-Венгрией войны Сербии.

1-4 августа (19-22 июля) — вступление в войну Германии, России, Франции и Англии.

28 сентября — арестованным зачитано обвинительное заключение.

12-23 октября — судебный процесс по делу о сараевском покушении.

28 октября — объявление приговора.

2 декабря — вместе с Грабежем и Чабриновичем увезен из Сараева в Чехию.

5 декабря — помещены в казематы крепости Терезиенштадт.

1915, 3 февраля — казнь в Сараеве Данилы Илича, Велько Чубриловича и Мишко Йовановича.

1916, 19 февраля — первая встреча в тюрьме с психиатром Мартином Паппенгеймом.

12 мая, 5 июня — составил записки для доктора Паппенгейма.

Лето — перенес операцию по ампутации левой руки.

1918, 28 апреля — умер в 18.30 в тюремной палате № 33 крепости Терезиенштадт.

29 апреля — тайно похоронен в крепости.

1920, 9 июня — эксгумация останков Принципа, Чабриновича и Грабежа в Терезиенштадте.

7 июля — перезахоронение останков «видовданских героев» в Сараеве.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Георгий
Трунов

Родители Гаврилы Принципа Петар и Мария. 1930-е гг.

Малая родина Гаврилы Принципа

Обляй, родное село Принципа

Дом Принципов в Обляе после реконструкции 2014 года

Среди друзей и родственников.

Сидят слева направо: братья Йово, Гаврило, Никола Принципы

Инициалы, вырезанные Гаврилой на камне во дворе родительского дома в Обляе в 1909 году

Панорама Сараева. Начало XX в.

Улица Франца Иосифа в Сараеве. Фото начала XX в.

Король Сербии Александр Обренович и королева Драга

Убийство Александра и его жены. Рисунок 1903 г.

Коронация Петра Карагеоргиевича. Белград, 21 сентября 1904 г.

Король Сербии Александр Карагеоргиевич и королева Мария

Драгутин Димитриевич (Апис) и Воислав Танкосич — одни из основателей тайного общества «Объединение или смерть» («Черная рука»)

**Печат организације «Обједињење или смрт» с потписима членова
Врховне централне управе**

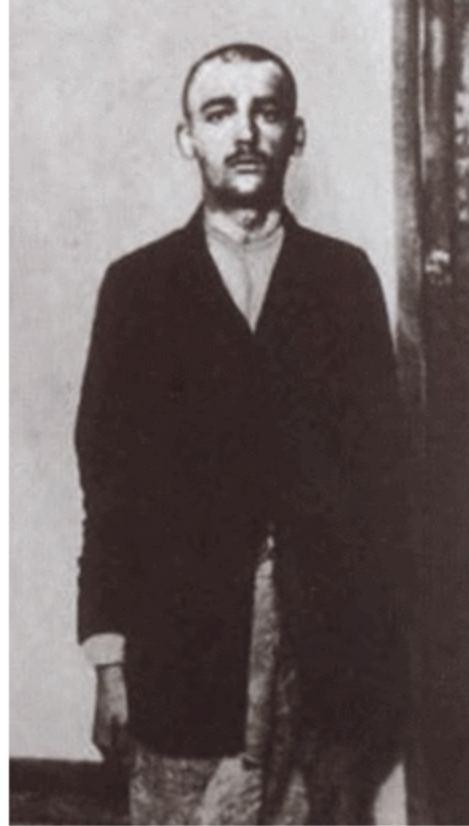
Сербские партизаны-комитаджи. 1912 г.

Перед отъездом в Сараево.

Слева направо: Трифко Грабеж, Джуро Шарац, Гаврило Принцип.

Белград, май 1914 г.

Соратники Принципа Трифко Грабеж, Неделько Чабринович

Торговая площадь в Сараеве. Начало XX в.

Соратники Принципа Данило Илич, Васо Чубрилович

Набережная Апеля в Сараеве. Почтовая открытка, 1914 г.

Император Австро-Венгрии Франц Иосиф. Л. Оско

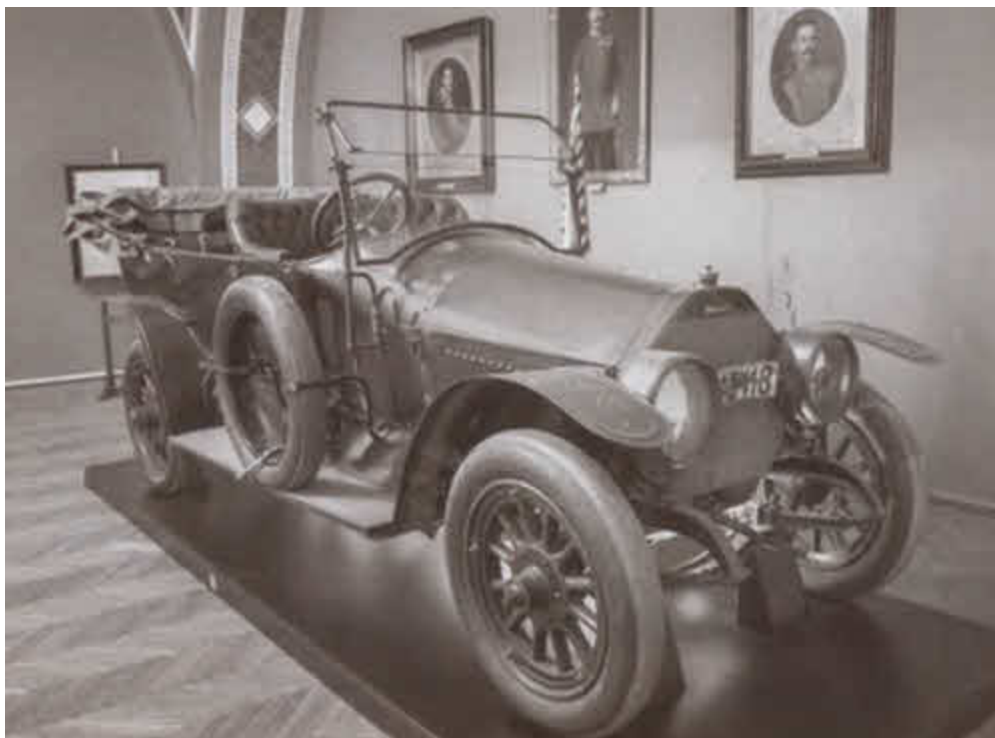

***Наследник престола Франц Фердинанд с женой Софией и детьми.
1910 г.***

Прибытие эрцгерцога Франца Фердинанда с супругой в Сараево.

25 июня 1914 г.

Автомобиль «Греф унд штифт», на котором 28 июня 1914 года эрцгерцог Франц Фердинанд и герцогиня София совершали поездку по Сараеву

Полиция на улицах Сараева

***Выход Франца Фердинанда с женой из здания городского совета
Сараева***

***Автомобиль эрцгерцога на набережной Аппеля за несколько минут
до покушения***

***Магазин «Деликатесы Морица Шиллера» на углу набережной
Аппеля и улицы Франца Иосифа, куда перед покушением заходил
Гаврило Принцип***

Гаврило Принцип сразу после ареста. 28 июня 1914 г.

Место покушения. Фото 1910-х гг.

***Традиционно считается, что фото сделано в момент ареста
Принципа. Но, скорее всего, запечатлен арест Фердинанда Бера,
пытавшегося защитить Принципа***

Окровавленный мундир Франца Фердинанда

Оружие и бомбы участников покушения

Траурный кортеж в Сараеве. 29 июня 1914 г.

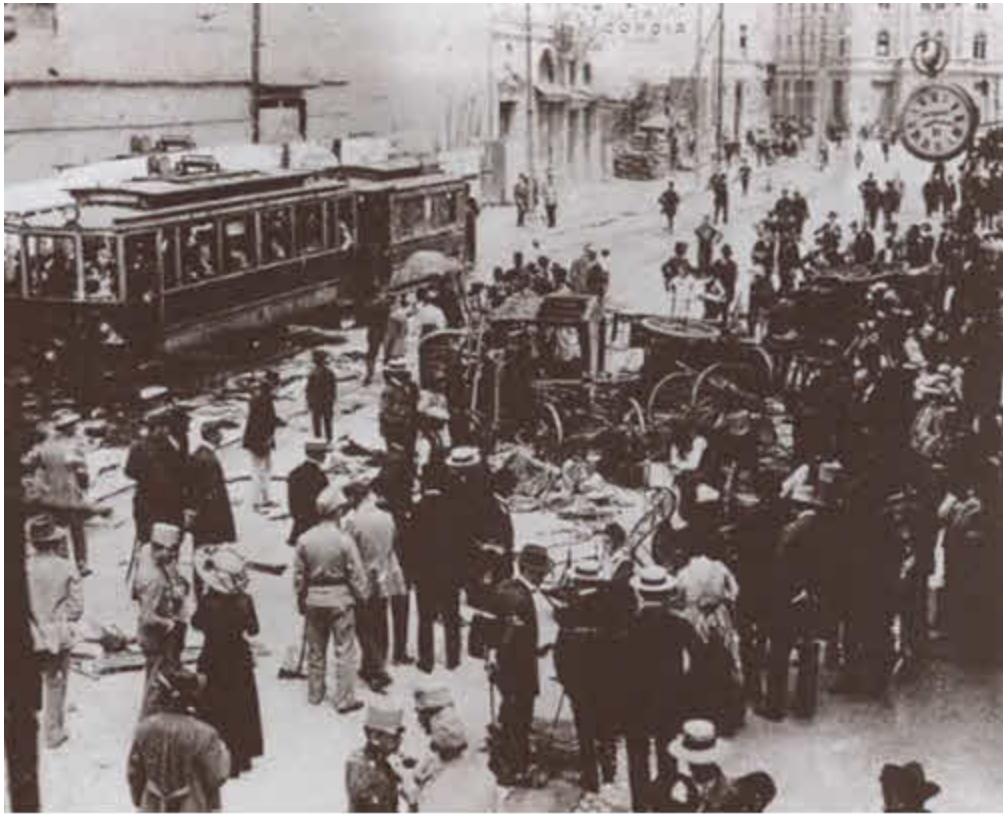
Прощание с эрцгерцогом и его женой в Вене

Замок Артштеттен в Австрии

Гробница Франца Фердинанда и Софии в Артштеттене

Последствия сербских погромов в Сараеве. 29-30 июня 1914 г.

Заседание суда над участниками покушения на Франца Фердинанда. В овале — Гаврило Принцип

Принципа (в овале), Илича, Грабежа и Чабриновича ведут с заседания суда

«Война России с немцами. День объявления войны».

Русская почтовая открытка. 1914 г.

«Согласие. Франция, Россия, Англия».

Русский плакат времен Первой мировой войны

«Сербы должны умереть!» Австрийская карикатура 1914 г.

***Россия, Англия и Франция расправляются с Германией и Австрией.
Русская карикатура. Сентябрь 1914 г.***

«Видовданские герои!»

Мишко Йованович, Данило Илич, Велько Чубрилович

Казнь участников покушения. Сараево, 3 февраля 1915 г.

Памятник Францу Фердинанду и Софии, установленный в Сараеве в 1917 году.

Почтовая открытка

Тюрьма в Терезиенштадте, где в 1914-1918 годах находился в заключении Гаврило Принцип

Кровать в тюремном госпитале, на которой умер Таврило Принцип

Могилы участников покушения в Сараеве. 1930-е гг.

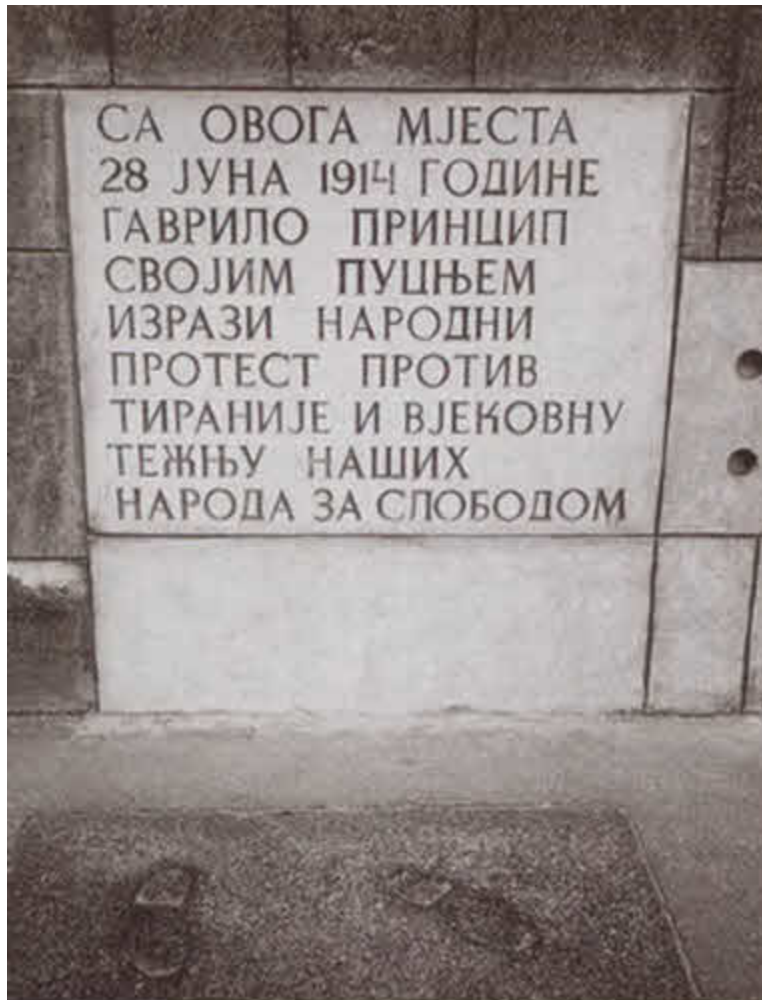
***Православная часовня над могилами «видовданских героев»,
построенная в 1939 году по проекту архитектора Александра
Дероко***

***Немецкие солдаты с демонтированной доской в память о выстрелах
Гаврилы Принципа. Сараево, апрель 1941 г.***

Гитлер рассматривает привезенную ему из Сараева в подарок ко дню рождения мемориальную доску. 20 апреля 1941 г.

Доска в память о выстрелах Гаврилы Принципа и памятник в виде отпечатков его ног находились на месте покушения в 1953-1992 годах

Так сейчас отмечено место выстрелов Гаврилы Принципа

Памятник Гавриле Принципу, открытый в сербской части Сараева в 2014 году

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги и статьи

Амфитеатров А. В. В моих скитаниях: Балканские впечатления. СПб., 1903.

Извольский А. П. Воспоминания. Минск, 2003.

Лебедев Л., прот. Великороссия: Жизненный путь. СПб., 1999. *Макаров И. О.* Выстрелы в Сараево. Кто начал большую войну? М., 2014.

Маккензи Д. Апис. Гениальный конспиратор. М., 2005.

Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.

Писарев Ю. «Наши дети будут ходить по Вене...»: Сараевское убийство 28 июня 1914 года и «Млада Босна» // Родина. 1993. № 8/9.

Писарев Ю. А. Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916. М., 1993.

Писарев Ю. А. Тайны Первой мировой войны: Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990.

Покровский М. Н. Империалистическая война: Сборник статей. 1915–1930. М., 1930.

Полетика Н. П. Виденное и пережитое. Иерусалим, 1982.

Полетика Н. П. Возникновение мировой войны. М., 1935.

Полетика Н. Сараевское убийство: Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. Л., 1930.

Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937.

Романенко С. А. Югославия, Россия и «славянская идея»: Вторая половина XIX — начало XXI в. М., 2002.

Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск, 2002.

Сафронов Ю. Дневник Верховского. М., 2014.

Сергеев Е. Ю., Улунян А. А. Военные агенты Российской империи в Европе (1900–1914). М., 1999.

Теплое В. Белградское царевубийство. СПб., 1903.

Теплое В. Сербская неурядица. СПб., 1903.

Фей С. Происхождение мировой войны: В 2 т. М., 1934.

Чернин О. В дни мировой войны: Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005.

Шарый А., Шимов Я. Австро-Венгрия: судьба империи. М., 2015.

Шемякин А. Как в Белграде убивали Георгиевского кавалера // Токови историје: Часопис за Института за новују историју Србији. 2007. № 3.

Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003.

Штрандман В. Балканские воспоминания. М., 2014.

БледЖ. П. Франц Фердинанд. Београд, 2014.

БогutowићД. Судбина Јездимира Дангића: Гестапо га ухапсио наши стрелјали // Вечерње новости. 2014. 17. април.

Божовић Г. Родни праг Гаврила Принципа // Политика. 1939. 21.јул.

Гаџиновић Р. Млада Босна. Београд, 2014.

Дангић Ј. «С Гаврилом Принципом од Сарајева до Терезина» // Нова Европа. 1940. 26. март.

Дедијер В. Сарајево. 1914. Београд, 2014.

Документа о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Београд, 1991.

Жакула С. Од Терезина до Сарајева: Успомене поводом десетогодишњице преноса костију видовданских хероја. Београд, 1930.

Ђирић С. И на јачег од себе. Какав је био Таврило пре него што је постао Принцип // Политикин Забавник. 2015. 31. јул.

Живановић М. Пуковник Апис. Београд, 1955.

Иванм А. Где је Хитлер послао Принципову плочу? // Време. 2013. 7. новембар.

Јевтић Б. Сарајевски атентат. Сарајево, 1923.

Јовановић Ј. Одговорност за светски рат — централни проблем одговорности // Политика. 1931. Јун.

Јовановић Ј. Пред сарајевски атентат // Српски књижевни гласник. 1926. Јун—јул.

Јовановић Л. После Видовдана 1914 // Крв словенства: Спомене- нице десетогодишњице светског рата 1914–1924. Београд, 1924.

Кљакић С. Тајна једне фотографије старе скоро 80 година // Политика. 2014. 3. август.

Крањчевичћ И. Успомене једног учесника у Сарајевском атен- тату. Сарајево, 1954.

Кршић Ј. Лектира сарајевских атентатора. Сарајево, 1935.

Лебедев В. Рођење Гаврила Принципа // Политика. 1939. 28. септембар.

Љубибратић Д. Владимир Гађиновић. Београд, 1961.

Љубибратић Д. Таврило Принцип. Београд, 1959.

Љубибратић Д. Млада Босна и сарајевски атентат. Сарајево, 1964.

Павловић Ж. Билане совјетског термидора: Приказ и открића оделатности и организацији Стаљинског терора. Београд, 2003.

Паћул. Судбоносни дани у Нишу//Политика. 1930. 7. новем- бар.

Палавестра Ј. Принцип и Гађиновић // Политика. 1954. 27.јун.

Парежанин Р. Таврило Принцип у Београду. Веоџгас1, 2014.

Поповић Ј. Срби у Првом светском рату 1914-1918. Нови Сад, 2000.

Попович Ц. Апис и сарајевски атентат// Преглед. 1953. Новембар — децембар.

Попович Ц. Прилог историје сарајевског атентата // Политика. 1928. 3. април.

Поповик Ц. Сарајевски Видовдан 1914: Сведочења једног од атентатора на Франца Фердинанда. Београд, 2014.

Попович Ч. Организација «Уједињење или смрт» («Црна рука») Ц Нова Европа. 1927. 11. јун.

Попович Ч. Рад организације «Уједињење или смрт» // Нова Европа. 1928. 26. новембар.

Стојановић П. Пуцњи који су потресли свет // Борба. 1964.20. јул. Столик А. Краљица Драга. Београд, 2000.

Томик Б. Порекло и детињство Гаврила Принципа // Нова Европа. 1939. 26. октобар.

Чубриловик В. Сарајевски атентат. 1914-1954 // Политика. 1954. 27. јун.

Albertini L. The Origins of the War of 1914. London, 1952-1957.

Butcher T. The Trigger: Hunting the Assassin Who Brought the World to War. New York, 2014.

Edwards T. The Blue Danube: The Vienna of Franz Jozef and Its Aftermath. London, 1973.

King G., Woolmans S. The Assassination of the Archduke. Sarajevo 1914 and the Murder that Changed the World. London, 2013.

MacKenzie D. Apis, the Congenial Conspirator: The Life of Colonel Dragutin T. Dimitrijevic // East European Monographs. Vol. 265. New York, 1989.

Palić S. Najbliži rođak Gavrila Principa: Vest o atentatu bila je šok za porodicu // Blic. 2014. 9. фебруар.

Petrović N. Kontroverzni život, publicističko i političko delovanje pravника i diplomate Miloša Bogićevića // Republika. 2014. Br. 574-575.

Pfeffer L. Istraga u sarajevskom atentatu. Zagreb, 1938.

Princip o sebi. Jedan prilog sarajevskog atentana. Zagreb, 1926.

Rehr H. Terrorist: Gavrilo Princip, the Assassin Who Ignited World War I.

Tartaglia O. Veleizdajnik: Moje uspomene iz borbe protiv cmo-žutogorla. Split, 1928.

Vojinović M. Političke ideje Mlade Bosne. Beograd, 2012.

Vujošević U. Prilozi za biografiju Mustafe Golubića (nepoznati dokumenti iz arhiva Kominteme) // Istorija 20 veka. 1993. Новембар. № 1-2.

Zistle R. Kako sam branio Principa i drugove 1914 godine. Ljubljana, 1937.

Електронне ресурсе

Павлов Е. Выстрелы в Сараево (масонский след?) // [http://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43856812330/Vyistrelyi-v-Saraevo-\(Masonskiy-sled\)](http://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43856812330/Vyistrelyi-v-Saraevo-(Masonskiy-sled)).

Родзаевский К. Иуда на ущербе // <http://www.rulit.me/books/iuda-na-ushcherbe-read-242664-1.html>.

Бјелица С. «Црна рука». Организација «Уједињење или смрт!» // http://www.akademiasrbija.com/index.php?option=com_content&view=article&id=5743:2012-06-13-14-27-42&catid=42:xfiles&Itemid=61.

Казимировић М. Млада Босна није Ал Каида // <http://www.politika.rs/scc/clanak/269832/Mlada-Bosna-nije-Al-Kaida>.

Коцмановић Ј. Сан о уједињеном Српству: Млада Босна // <http://akademskiknig.rs/san-o-ujedinjenom-srpstvu-mlada-bosna>.

Kožul D. Mali mi je ovaj grob: «Metak koji je ispalio Gavrilo Princip i dalje luta Balkanom i uvijek pogađa pogrešne mete» // <http://www.lupiga.com/vijesti/mali-mi-je-ovaj-grob-metak-koji-je-gavrilo-princip-ispalio-na-prestolonasljednika-i-dalje-luta-balkanom-i-uvijek-pogadja-pogresne-mete>.

Masleša V. Mlada Bosna — mrtvaci na odsustvu // <http://www.abrasmedia.info/content/veselin-masleš-mlada-bosna—mrtvaci-na-odsustvu>.

INFO

Матонин Е. В.

М 34 Гаврило Принцип: человек-детонатор / Евгений Матонин. — М.: Молодая гвардия, 2017. — 332[4] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1626).

ISBN 978-5-235-03962-9

УДК 94(100)»654»(092)
ББК 63.3(0)53

Матонин Евгений Витальевич
ГАВРИЛО ПРИНЦИП: ЧЕЛОВЕК-ДЕТОНАТОР

Редактор *Е. А. Никулина*
Художественный редактор *И. И. Суслов*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Г. В. Платова*

Сдано в набор 16.11.2016. Подписано в печать 18.01.2017. Формат 84х 108/зг. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 17,64+1,68 вкл. Тираж 2000 экз. Заказ № 1701570.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

ARVATO BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с
качеством предоставленного электронного
оригинал-макета в «Ярославский
полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. Я. Ливергант ГРЭМ ГРИН

Долгая жизнь крупнейшего английского писателя XX века Грэма Грина, культового автора «Сути дела», «Тихого американца», «Нашего человека в Гаване», «Комедиантов», напоминает увлекательный приключенческий роман, в котором есть всё. И странствия по «горячим точкам» планеты: в роли военного корреспондента неутомимый и бесстрашный Цжн исколесил Африку, Юго-Восточную Азию, Южную и Центральную Америку. И встречи с сильными мира сего: Кастро и Альенде, Горбачевым и Хо Ши Мином. И работа в английской разведке, знаменитой Ми-6, под началом двойного агента Кима Филби. И борьба не на жизнь, а на смерть с мафиозными структурами на Лазурном Берегу. И — многочисленные любовные связи. Писатель, переводчик и критик Александр Ливергант ведет читателя по прихотливым лабиринтам жизненного пути этого яркого, хотя и неоднозначного человека.

В. А. Никонов МОЛОТОВ

Биографическое исследование известного советского политика, политолога и историка, доктора исторических наук В. А. Никонова посвящено судьбе видного советского политического и государственного деятеля В. М. Молотова. В своей работе автор опирается на многочисленные архивные материалы, в том числе на личный архив Молотова, труды отечественных и зарубежных исследователей, позволяющие по-новому взглянуть не только на важнейшие этапы биографии героя книги, но и на узловые моменты истории

дореволюционной России и советского периода. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

notes

Примечания

1

Набережная, протянувшаяся вдоль реки Миляцка, была названа в честь австрийского барона Йохана фон Аппеля, губернатора Боснии и Герцеговины в 1882-1903 годах.

Юлианский календарь был введен Юлием Цезарем в 45 году до н. э. Привычный нам григорианский календарь в 1582 году был введен папой римским Григорием XIII в католических странах. К тому моменту разница между календарями составляла десять дней. К началу XX века на григорианский календарь перешло большинство стран Европы. Однако в России и Сербии жили еще по юлианскому календарю, который в конце XIX века «отставал» от григорианского на 12 дней, а с 1900 года — на 13. Православные сербы в Австро-Венгрии тоже использовали его. Россия перешла на григорианский календарь в 1918 году, а Сербия (тогда уже часть Королевства сербов, хорватов и словенцев) — в 1919-м. Чтобы читатель не запутался в датах, о которых идет речь в данной книге, оговоримся, они указываются по григорианскому календарю. Когда же речь идет о событиях, происходивших в Сербии или России, в скобках приводятся даты по «старому», юлианскому календарю.

З

Герцеговина — область на юге современной Боснии и Герцеговины. По одной из версий, ее название произошло оттого, что правивший в этих местах феодал Стефан Вукшич в январе 1448 года провозгласил себя герцогом.

Иво Андрич (1892-1975) — югославский писатель, в молодости — член революционной организации «Молодая Босния». В июле 1914 года был арестован как «югославский националист» и несколько месяцев провел в тюрьмах, а потом, до лета 1917 года, под домашним арестом. В Югославии был дипломатом — работал в Ватикане, Бухаресте, Марселе, Париже, Женеве, Берлине. Во время Второй мировой войны писал в Белграде свои наиболее известные романы «Мост на Дрине», «Травницкая хроника» и «Барышня». В 1954 году вступил в Союз коммунистов Югославии. В 1961 году стал лауреатом Нобелевской премии по литературе «за силу эпического дарования, позволившую во всей полноте раскрыть человеческие судьбы и проблемы, связанные с историей его страны».

Договоренность о создании двуединой Австро-Венгерской империи была достигнута 15 марта 1867 года в результате соглашения между австрийским императором Францем Иосифом I и представителями венгерского национального движения. Империя была разделена на две части — австрийскую и венгерскую, каждая из которых имела собственный парламент, избираемое независимое правительство, собственную систему государственной администрации, суда и юстиции. Общими у них оставались внешняя политика, военные вопросы, финансовая и таможенная система. Австрийский император провозглашался и королем Венгрии.

6

Бег (бек, бей) (*тюрк*, властитель, господин) — на Востоке титул землевладельца.

Драгослав Любibrатич (1894-1974) — член организации «Молодая Босния», юрист, в социалистической Югославии был членом Верховного суда Боснии и Герцеговины, председателем окружного суда в Мостаре.

Позже Йово Принцип заботился и о брате Николе, который был младше Гаврилы на два года. Тот окончил медицинский факультет, работал врачом, а в 1941 году, когда Югославию оккупировали гитлеровцы, погиб в концлагере Ясеновац, который устроили союзники немцев усташи — хорватские националисты.

Династия Карагеоргиевичей правила Сербией в 1842–1859 и 1903–1941 годах, а Обреновичей — в 1815–1842 и 1859–1903 годах.

Сербы, прочитавшие интервью Амфитеатрова с Александром, даже не поверили, что их король всё это говорил на самом деле. Они уверяли, что тот вообще с трудом связывает слова и изъясняться так складно, к тому же по-французски, более сорока минут просто не мог: «Ей-богу, это вы сами за него написали в его духе». Не очень поверили описанию встречи и некоторые дипломаты: «Помилуйте! Он среди разговора на пол плюет». Но Амфитеатров утверждал, что всё так и было, как он написал.

11

В знак протеста против женитьбы сына Милан подал в отставку с поста главнокомандующего сербской армией и снова покинул страну.

Конституция Сербии 1901 года считалась по тем временам весьма прогрессивной и либеральной. Тот же Амфитеатров отмечал в записках: «Я застал Белград в медовом месяце упоения новой конституцией и надежд, на нее возлагаемых».

Пьемонт — итальянская провинция, с 1720 года — часть Сардинского королевства, вокруг которого в первой половине XIX века происходило объединение Италии, завершившееся в 1861 году принятием конституции страны.

Справедливости ради следует отметить, что сам Теплов (в 1879 году он был вторым секретарем посольства в Константинополе, в 1900-м — генеральным консулом в Нью-Йорке) не являлся очевидцем переворота и в его работах на эту тему содержится немало неточностей.

После того как в 1915 году австрийцы заняли Белград, на могиле Александра и Драги был установлен памятник, но его демонтировали сразу после окончания Первой мировой войны и оставления австрийцами города.

Доброслав Евджевич (1895–1962) — почетный пожизненный председатель Общества сербских четников. Выпустил в эмиграции несколько художественных и исторических книг, в том числе работу «Сараевские заговорщики», в которой рассказал о Принципе и других членах «Молодой Боснии». Умер и похоронен в Риме.

Четники (от *южнослав.* чета — отряд, группа) — сербское национальное движение, с конца XIX века борющееся за независимость исторических земель Сербии от турецкого владычества. Во время Второй мировой войны четниками (официальное название — «Югославская армия на Родине») называли отряды под командованием полковника (позже генерала) Драголюбa Михайловича, которые заявили о верности королевскому правительству Югославии в изгнании и воевали как против оккупантов, так и против Народно-освободительной армии Югославии маршала Тито.

Пер. К. А. Свасьян.

Такой версии, в частности, придерживался известный югославский историк Владимир Дедиер — личный биограф многолетнего руководителя социалистической Югославии Иосипа Броз Тито.

Позже террористы всё-таки добрались до императорской семьи. 10 сентября 1898 года итальянский анархист Луиджи Луккени на берегу Женевского озера убил супругу Франца Иосифа (впрочем, фактически они уже давно не жили вместе) императрицу Елизавету, более известную как Сисси, нанеся ей удар в грудь заточенным напильником. Он ничего не имел против лично Елизаветы, но совершил нападение на нее как на представительницу высших классов. Луккени приговорили к пожизненному заключению. В 1910 году, согласно официальной версии, он повесился в камере. Потом его отрезанную и заспиртованную голову показывали богатым туристам.

Боривоје Евтич (1894–1959) — участник организации «Молодая Босния», друг Гаврилы Принципa. В покушении на Франца Фердинанда непосредственно участия не принимал, хотя после него был арестован и как участник молодежного революционного движения приговорен к трем годам заключения. Известный сербский и югославский писатель. В 1924 году выпустил книгу воспоминаний «Сараевское покушение».

По легенде, Сталин после церемонии подписания договора, пожимая руку Симичу, произнес: «Да, черная рука», — намекая на его принадлежность к этой организации. В социалистической Югославии Симич занимал высокие посты, в частности был послом во Франции и Турции.

Югославский историк Владимир Дедиер отмечал: «Насколько осторожно нужно относиться к мемуарной литературе, показывает свидетельство Крешемира Ковачича, другого очевидца этих событий, который делил [в Белграде] одну комнату с Юкичем. В отличие от Тартальи Ковачич утверждает, что полковник Апис... Люба Йованович-Чупа, редактор «Пьемонта», решительно выступали против покушения. Только Танкосич был за то, чтобы дать оружие Юкичу, а полковник Апис сказал ему: «Берегитесь его, он сумасшедший. Он думает, что Австрия — это Турция, а она только и ждет, чтобы объявить нам войну, прежде чем мы разделаемся с Турцией». Ковачич далее утверждает, что Божович, один из редакторов «Пьемонта», запретил Юкичу приходить в газету».

После смерти В. И. Лебедева его семья передала оставшиеся после него бумаги в библиотеку Колумбийского университета в Нью-Йорке, где они находятся и поныне.

Павле Бастаич (1890–1941) — член «Молодой Боснии», во время Первой мировой войны сражался в сербской армии, затем находился в эмиграции в Австрии и Швейцарии. Вступил в компартию Югославии и, по некоторым данным, стал агентом Коминтерна. Как утверждали некоторые югославские историки, Бастаич выполнял роль «ликвидатора» людей, неугодных руководству Коминтерна и Москве. В 1940 году он сам якобы был вынужден скрываться от советской разведки, решившей его убрать. Он обратился к югославскому правительству с просьбой разрешить ему вернуться в страну. Получив разрешение, вернулся в родное село Пркос. После фашистской оккупации Югославии начал помогать партизанам. Был арестован и погиб в концлагере Ясеновац.

Оттокар фон Чернин (1872–1932) — австро-венгерский дипломат. В конце 1916 года новый император Австро-Венгрии Карл I назначил его министром иностранных дел. В 1917–1918 годах возглавлял австро-венгерские делегации на переговорах в Бресте о заключении сепаратных мирных договоров с Советской Россией и Украиной.

По курсу 1912 года за крону давали 39 российских копеек.

Слободан Принцип (Селе) стал активным участником коммунистического движения в Югославии, членом Союза коммунистической молодежи, а потом и нелегальной компартии. Во время нападения Германии на Югославию в апреле 1941 года он служил в армии. После разгрома Югославии ему удалось избежать плена. Он вернулся в Сараево, где готовил антифашистское восстание. С июля 1941 года — командующий партизанскими силами в округе Сараево. В феврале 1942 года назначен начальником Оперативного штаба Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии в Восточной Боснии. В мае 1942 года умер от тифа. 7 ноября 1942 года ему было посмертно присвоено звание Народного героя Югославии.

Цветко Попович (1896–1980) пережил заключение, Первую и Вторую мировые войны, стал профессором философии и куратором Сараевского этнографического музея. На склоне лет он давал интервью и выступал с лекциями о подготовке покушения, но не участвовал в юбилейных мероприятиях, посвященных «Молодой Боснии» и «выстрелам в Сараеве». Он говорил, что если бы знал, что покушение приведет к началу мировой войны, то никогда не участвовал бы в нем. Из всех участников покушения Поповича пережил только Васо Чубрилович, умерший в 1990 году в возрасте девяноста трех лет.

Его судьба тоже трагична. На процессе по делу о сараевском убийстве Принцип и другие участники заговора его всячески выгораживали, заявляя даже, что считали его агентом полиции. Суд не нашел в действиях Пушары криминала и оправдал его. Однако его тут же арестовали снова и отправили в концлагерь Арат, куда после начала Первой мировой войны депортировали многих «неблагонадежных» сербов. Там Михайло Пушара и умер весной 1915 года.

Тринадцатого июля (30 июня) король Петр издал манифест, которым объявил, что пока «болезненное состояние будет мне... препятствовать вершить мою королевскую власть... именем моим будет властвовать наследник престола Александр». Семидесятилетний король страдал от ревматизма и был почти полностью глух.

Танкосич действительно был арестован и сидел на гауптвахте 1-й Дунайской дивизии, но после начала войны получил назначение командиром Добровольческого отряда — фактически тех же комитаджей, которыми командовал во время Балканских войн. Циганович же исчез из Белграда сразу после покушения в Сараеве. Не без оснований можно предположить, что здесь не обошлось без участия официальных лиц. После начала войны он некоторое время воевал в отряде Танкосича, а затем (вероятно, тоже не без помощи сербских высокопоставленных чиновников) уехал в США. Вернувшись на родину (уже в Королевство сербов, хорватов и словенцев) в 1919 году, он получил от правительства пенсию и небольшой участок земли. Умер он в октябре 1927 года. Американский журнал «Тайм» писал 10 октября: «На прошлой неделе, как это случается со всеми людьми, пришла смерть и за Миланом Цигановичем, 40 лет, последним из убийц. Он был протеже премьера Николы Пашича, который на год послал его в Америку сразу после убийства в Сараеве».

Георгий участвовал в Первой мировой войне и был тяжело ранен осенью 1914 года. После войны, когда королем уже нового, югославянского государства стал Александр, его отношения с братом складывались крайне напряженно. В 1925 году Георгий был арестован и четыре года содержался под охраной в одном из охотничьих замков, затем его поместили в психиатрическую лечебницу. Гитлеровцы, оккупировавшие Югославию в 1941 году, отнеслись к нему лучше, чем родственники, — они выпустили Георгия из психбольницы. Он пережил войну и освобождение страны. Когда к власти пришли коммунисты во главе с Иосипом Броз Тито, всех членов династии Карагеоргиевичей объявили «врагами народа», запретили им въезд в Югославию и конфисковали имущество, а Георгия не тронули и даже назначили ему пенсию. Он мирно жил в Белграде. Умер несостоявшийся король в 1972 году, прожив 85 лет.

Танкосич был тайно похоронен. Но австрийцы нашли его могилу, вскрыли ее и поместили в газетах фотографии трупа с подписями: «Демон войны мертв» и «Пришел конец Воиславу Танкосичу». В 1922 году останки Танкосича были перенесены на Новое кладбище в Белграде, где похоронены многие из видных сербских политиков и государственных деятелей. Там же покоится и российский посол Николай Гартвиг.

Греция в то время сохраняла нейтралитет, вступила в войну на стороне Антанты только 2 июля 1917 года, после того как Константин под давлением союзников отрекся от престола.

Раде Малобабич родился в 1884 году в городке Вргинмост в Хорватии, являлся подданным Австро-Венгрии. В 1909 году был осужден в Аграме за антигосударственную деятельность, но в следующем году выпущен из тюрьмы. В качестве страхового агента разъезжая по стране, собирал информацию для сербской разведки, при этом наотрез отказывался получать от нее деньги даже на оплату поездок. Осенью 1913 года он прибыл в Белград, где и познакомился с полковником Аписом. Его не раз использовали и в операциях по переброске оружия в Боснию. Он якобы первым доставил Апису сведения о намечавшихся в Боснии маневрах, на которые прибудет Франц Фердинанд.

Сведения о том, что Малобаби́ч доставлял оружие для Принципа и его друзей, не подтверждаются. Однако сразу после покушения он нелегально переправился в Сербию и 26 июля, буквально накануне начала войны с Австро-Венгрией, по указанию министра внутренних дел Стояна Протича, ярого противника Аписа и «Черной руки», был арестован в Белграде по обвинению в работе на австрийскую разведку. Его перевезли в тюрьму в Нише, заковали в кандалы, ноги привязали к рукам. Его удалось освободить только в октябре 1915 года. Во время отступления Апис с соратниками помог ему добраться до Корфу, а потом и до Салоников.

Против такой позиции выступил известный революционер, советский деятель и публицист Карл Радек (кстати, он родился в Лемберге (Львове), входившем тогда в состав Австро-Венгрии). 28 июня 1934 года он писал в газете «Известия»: «...молодые сербские националисты, жертвуя своими жизнями, хотели освободить свой народ от австрийской эксплуатации». Радек также упоминал, что австрийцы захватили в Белграде документы, из которых следовало, что сербское правительство пыталось предотвратить переход заговорщиков в Боснию.

В 1953 году на повторном судебном процессе в Белграде с Аписа и его соратников были сняты обвинения в антигосударственной деятельности и подготовке покушения на королевича Александра.

В своих мемуарах, вышедших уже после войны, Билинский не рассказал об этом эпизоде — по мнению многих историков, потому, что очень не хотел вспоминать о нем.

Полетика в своих воспоминаниях рассказал захватывающую историю. Вскоре после выхода его книги «Сараевское убийство», которая «то умирала, то воскресала для рядового читателя, кочуя с книжных полок общего фонда в закрытый для читателя «спецфонд» и обратно, в зависимости от хода политических событий 30–60 годов», с ним связался некий югославский коммунист, живущий в СССР, сказавший, что является одним из «участников сараевского убийства». Посетитель, «невысокого роста, с густой копной черных курчавых волос», категорически отказавшись назвать свое настоящее имя, сказал Полетике, что сербские эмигранты-революционеры недовольны его книгой, где о них написано «слишком сурово и критично». Полетика показал гостю сербские и иностранные источники, которыми он пользовался. «Незнакомец, — писал он, — был взволнован и нервно оспаривал мое утверждение, что Гаврило Принцип и его друзья были членами организации «Черная рука» («Уеднение или смрт»), созданной полковником Димитриевичем. У меня создалось впечатление, что незнакомец чего-то боится и смотрит на меня с тревогой и беспокойством». Наконец они попрощались, и посетитель попросил хозяина дать ему на несколько дней упомянутые источники. Тот согласился. «Незнакомец встал, — рассказывал Полетика, — и я, согласно правилам вежливости, проводил его в переднюю. В передней, надевая пальто, он вынул из кармана пиджака маленький черный браунинг и переложил его в карман пальто». Через несколько дней он пришел снова, вернул книги и сказал, что «после первого разговора со мной и после прочтения этих книг

он убедился в том, что события сараевского убийства изложены в моей книге совершенно правильно, о чем он сообщит своим сербским друзьям в Москве. Он выражал радость по поводу знакомства со мной и благодарил за книги, которые я дал ему. Я проводил его, как и первый раз, в переднюю, но теперь револьвера из пиджака в пальто он не перекладывал». Полетика не исключал, что таинственный незнакомец захватил с собой оружие, чтобы в случае чего пригрозить ему, потому что «боялся каких-то разоблачений». «Разговор со мной и просмотр документов показали ему, что никаких разоблачений, касающихся его лично, он может не бояться. Этим и объясняется его любезность при второй встрече, когда браунинг уже не демонстрировался». «Незнакомец, несомненно, был видным деятелем югославского национального движения и, возможно, сараевского убийства, но одновременно и австрийским шпионом», — делал вывод Полетика.

В данном случае Принцип, скорее всего, имел в виду югославянские народы (хорватов, боснийцев и др.), которые могли бы «отпасть от Австрии».

В марте 1915 года Краньчевича, Джукича и Степановича тоже перевели в Терезиенштадт, а Васо Чубриловича, Миловича, Поповича и Керовичей — в военную тюрьму Мелерсдорф близ Вены.

Много лет спустя, уже в 1970-х годах, Парезанин попытался узнать о дальнейшей судьбе доктора Паппенгейма, с которым больше не виделся. Ему удалось выяснить, что тот стал профессором Венского университета, а в 1938 году, после аншлюса Австрии гитлеровской Германией, покинул страну. Что произошло с ним потом, неизвестно.

45

Один из самых известных исторических районов Сараева.